

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КАМЕНСКИЙ Евгений Георгиевич

**ТРАНСЛЯЦИЯ СОЦИОКОДОВ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНАЛЬНЫМИ
ВУЗАМИ В МОДЕЛИ «ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ»
(КОРРУПЦИОГЕННАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ)**

Диссертация
на соискание ученой степени доктора философских наук

24.00.01 – история и теория культуры

Научные консультанты:
доктор философских наук,
профессор ЧЕРЁМУШНИКОВА И.К.,
доктор социологических наук,
профессор ЛЕСКОВА И.В.

Волгоград – 2022

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-методологический анализ воспроизводства и трансляции социокодов культуры региональными вузами в контексте модернизации по модели «тройной спирали»	26
1.1 Особенности социокультурного статуса регионального вуза в условиях современных научно-образовательных реформ	26
1.2 Воспроизводство и трансляция культурных социокодов в ценностно-нормативном пространстве вузов	47
1.3 Институциональные деформации ценностно-нормативного пространства регионального вуза как субъекта инновационного развития	72
Глава 2 Коррупциогенность культуры как форма патерналистски-бюрократической традиции в ценностно-нормативном пространстве инновационного развития регионального вуза	93
2.1 Понятие и традиционно-ритуальная сущность коррупциогенности российской культуры	94
2.2 Коррупциогенность культуры как фактор воспроизводства деструктивной нормативности в ценностно-прескриптивном пространстве вуза	116
2.3 Семиотико-топологические формы коррупциогенно-деструктивной регуляции ценностно-нормативного пространства регионального вуза в модели тройной спирали	135
Глава 3 Репрезентация коррупциогенной нормативности «тройной спирали» в правосознании субъектов образовательного пространства регионального вуза	156
3.1 Коррупционное сознание в структуре образовательной субкультуры вузов в модели тройной спирали	156
3.2 Ценностно-нормативные основания формирования коррупционного сознания субъектов образовательного пространства вуза	178
3.3 Коррупциогенные формы рефлексии модернизации	

образовательного пространства вуза	197
Глава 4 Механизмы воспроизводства и трансляции коррупциогенных социокодов в условиях аномии ценностно-нормативного пространства региональных вузов	218
4.1 Формирование механизмов воспроизводства коррупциогенных социокодов в условиях аномии ценностно-нормативного пространства вузов	218
4.2 Культурные механизмы репликации коррупциогенных социокодов в образовательном пространстве вузов	238
4.3 Информационно-коммуникационные механизмы трансляции паттернов коррупционного сознания в ценностно-нормативном пространстве вузов	259
Заключение	277
Список использованных источников	289

Введение

Актуальность темы исследования.

Современная культура переживает фазу глобальной реконструкции в границах экспансии технократической парадигмы Четвертой промышленной революции. Формирование геополитической модели «инновационного общества» обостряет вопросы сохранения культурной самобытности, национального менталитета и самосознания, традиционного уклада жизни. Они актуализируются в новом аспекте, а именно - объективной необходимости их интеграции в транскультурную среду. Это задача онтологического уровня, поскольку ее решение нацелено на сохранение аксиологического ядра культуры и ее социокодов, от которых зависит национальная безопасность любого государства. Эти обстоятельства востребуют весь культурно-институциональный потенциал российского общества, его традиции как способа трансляции фундаментальной системы социальных смыслов. В результате особо актуализируются роль и функции общественных структур, обеспечивающих не только политический вектор развития и экономическую стабильность государства, но и культуросообразность социализации поколений, трансляцию культурно-исторического опыта.

Наряду с институтами власти и бизнеса, важнейшим здесь является образование. Трансинституциональная интеграция данных институтов как базис инновационной политики описывается моделью «тройной спирали», которая представлена как взаимодействие власти, бизнеса и науки / образования. В этой модели учреждения высшего образования имеют особый статус, так как являются агентами профессиональной и культурной социализации одновременно.

Сформировавшееся состояние ценностно-нормативной аномии модернизации дискредитирует в массовом сознании эталоны укрепления демократических основ жизни, развития гражданского общества и правового государства, реализации приоритетов социальной и культурной политики в

России в контексте национальной парадигмы инновационного Прорыва. Катализируемая аномией, российская традиция бюрократии и патернализма, их имитационные практики, включая коррупцию, стимулирующие смену базовой культурной модели «человека образованного» на сугубо капиталистическую модель Индустрии 4.0 «человека экономического», актуализируют проблему деформаций остро востребованных страной ценностей.

Высокий научный интерес к проблемам коррупциогенных деструкций функционала университетской системы объясняется особым статусом и значением социокультурной роли высшей школы, разрушение которой способно существенно деформировать всю институциональную систему общества. Осуществление задач модернизации требует формирования определенного типа профессиональных кадров, способных выстраивать работу на принципах соблюдения приоритетов ценности человеческой личности, ее прав и законных интересов вне зависимости от сферы профессиональной реализации. Накопление кадрового потенциала высшей квалификации страны происходит именно в системе высшего образования, где формирование определенных компетенций инноватизации напрямую сопряжено с требованием культуросообразности социализации поколений. Любое искажение ценностно-нормативной матрицы культуры в образовательном процессе может привести к непредсказуемым результатам его влияния на общество.

Патерналистски-бюрократические коррупциогенные модели солидарности в процессе университетского обучения наиболее деструктивны для развития личности профессионала. Они дискредитируют основные культурные цели высшего образования, разрушают конструктивные установки правосознания, формируют навыки криминогенной деятельности и в результате дестабилизируют всю ценностно-нормативную систему. Проблема особо значима не только для граждан юношеского возраста, социально-психологические особенности которых являются фундаментом для стойкого закрепления в их сознании делинквентных установок и мотивов, но и

профессорско-преподавательского состава, административного корпуса системы высшего образования, являющихся общественным стандартом, нормативным образцом человека «культурного», «образованного».

Следовательно, необходимо изучение прогнозируемых последствий деформаций образовательного процесса, разрушающих ценности в пространстве университетской субкультуры и определяющих институциональную устойчивость патерналистски-бюрократической традиции как модели солидарности национальной культуры. Однако, в условиях нестабильности реформ по модели «тройной спирали», выполняемые вузами задачи воспроизводства и трансляции социокодов культуры (ценностных матриц социальных практик, традиционных моделей стратификации, структуры профессий и т.д.) все еще недостаточно отрефлексированы в науке, что подтверждает актуальность диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования.

Теоретической основой диссертационной работы выступают разработки исследователей, объединенные по актуальным для изучения проблемы критериям.

Анализ современного состояния системы высшего образования и проблем ее реформирования на современном этапе представлен, в частности, в работах Н.И. Архиповой, Е.И. Боева, А.Д. Московченко, И.Н. Емельяновой, Э.Д. Днепров, Г.Е. Зборовского, Н.М. Калининой, Д.А. Калугиной, С.Г. Кирдиной, А.Я. Кируты, Г.Б. Кораблевой, С.С. Королевой, С.Г. Кордонского, П.Ф. Кравчук, Н.Л. Лепе, И.Г. Малинского, Л.А. Миндибековой, П.Н. Новикова, Э.И. Скоблевой, Н.В. Путилиной, К.В. Судакова, О.Л. Сытых, К.А. Руденко, С.З. Семерник, Т.А. Хагурова¹. Отдельные аспекты

¹ Архипова Н.И., Лепе Н.Л. О проблемах стратегического управления системой высшего образования // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2007. №12. С.12-25; Боев, Е. И. Проблемы и перспективы интеграции науки и образования в еврорегионах // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2014. № 2. С. 200–233; Емельянова И.Н. Приоритетные функции университетского образования на различных этапах становления высшей школы // Образование и наука. 2005. № 5 (35). С. 120-130; Днепров Э.Д. Проблемы образования в контексте общего процесса модернизации России // Педагогика. - 1996. - № 5. С.39-46; Зборовский, Г. Е. Уроки неудавшейся модернизации образования // Социальная стратегия российской системы образования: материалы Междунар. научн. конф. «Третьи Санкт-Петербургские социологические чтения», г. Санкт-Петербург, 14–15 апреля 2011 г. СПб., 2011. – С. 39-44; Калинина Н.М. Функционально-ролевое

функционирования университетской системы в модели «тройной спирали» исследуются в работах Т.И. Суловой, В.В. Орловой, М.Ю. Раитиной, Е.М. Покровской, Д.В. Озеркина².

Проблемы трансляции культурных кодов в современной культуре и системе высшего образования представлены в работах И.В. Лесковой, О.Т. Лойко, Т.Л. Михайловой, С.И. Мозжилина, О.С. Петровой, Е.М. Мчедловой, А.Н. Уткиной, О.В. Ромах, Е.С. Ощепковой, Т.А. Рубанцовой, В.Б. Устьянцева, И.К. Черемушниковой³. Социальная репрезентация функции высшего

значение информационных технологий в системе высшего профессионального образования // Сибирский торгово-экономический журнал. 2009. №9. С.109-112; Калугина Д.А. Трансформация функций высшего профессионального образования [Электронный ресурс] // Вопросы политологии и социологии. 2011. №1. URL: <http://politsocio.uara.ru/gu-ru/issue/2011/01/10/>; Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация [Электронный ресурс] // Персональный сайт С.Г. Кирдиной. URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=215; Кирута А.Я. Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России // Вестник Института социологии. 2011. № 3. С.67-87; Кораблева Г.Б. Профессия и образование: социологический аспект связи. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф. пед. ун-та, 1999. 284 с.; Королева С.С. Профессиональная социализация личности в процессе вузовского образования [Текст] / С.С. Королева // Вестн. Университета Российской академии образования. 2010. №2 (50); Кравчук П. Ф., Бев Е. И., Шуклина О. С. Научно-образовательная среда в контексте инновационного развития: теоретико-методологические основания исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2(45). С. 91–97; Малинский, И.Г. Болонский процесс и проблема интеграции систем высшего образования [Текст] / И.Г. Малинский // Изв. Саратов. ун-та. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология. Вып. 3. С.10-12; Миндибекова, Л.А. Социальные функции высшего образования и проблемы реализации [Электронный ресурс]. URL: <http://id.atiso.ru/node/77>; Новиков П.Н. Болонский процесс и проблемы формирования содержания высшего образования // Образование и наука. 2004. № 6. С. 3–16; Скоблева Э.И. Высшее профессиональное образование как институциональная система // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. Серия: Экономика. 2010. № 2. С.28-35; Путилина, Н.В. Модернизация высшей школы в стратегическом единстве ее профессиональной и культуровоспроизводящей функций // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2012. № 2. С.85-94; Судаков К.В. Теория функциональных систем как основа модульного образования в высшей школе // Высшее образование для XXI века: докл. и материалы III Междунар. науч. конф. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006; Сытых О.Л. Многозначность изменений в системе высшего образования России (социально-философский анализ проблемы) // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2010. № 1,2. С.162-165; Руденко К.А. Образовательные учреждения и трансляция культурного художественного наследия // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. №1. С.61-63; Семерник С.З. Экономоцентризм как кризисогенный фактор современного общества // Вестник БрГУ. Сер. 1. Философия. Политология. 2011. № 1. С. 69–82; Хагуров Т.А. Кризис модерна и образование // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / отв. ред. акад. РАН М.К. Горшков. Вып. 10. М.: СПб.: Ин-т социологии РАН: Нестор-История, 2011. С. 221–242.

² Сулова Т.И. Концепция «тройной спирали» в образовании как условие развития потенциала личности // Успехи современного естествознания. 2014. № 3. С. 187-189; Орлова В.В. и др. Модель взаимодействия вуза с предприятиями на основе нейросети // Природные и интеллектуальные ресурсы сибиря (сибресурс-26-2020). 26-я международная научно-практическая конференция. Томск, 2020. С. 81-86; Pokrovskaya E.M., Raitina M.U., Gorskih O.V. Integration of scientific, educational and production clusters: the problem of interaction // International Research Journal. 2017. № 3-1 (57). С. 156-159.

³ Рубанцова, Т.А. Образование как способ трансляции ценностей в русской культуре [Электронный ресурс] / Т.А. Рубанцова. Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115146>; Михайлова Т.Л., Петрова, О. С. INCRUSTATIO: консервативные технологии в модернизации системы современного // Фундаментальные исследования. 2013. № 10, ч. 2. С. 455–459; Лойко О.Т., Уткина А. Н. Ритуал как способ трансляции ценностно-смыслового мира социальной памяти // Вест. Томск. гос. ун-та. 2011. № 3(15). С. 181–184; Ромах О.В. Национальные традиции: механизмы сохранения и трансляции // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 4. С. 63–64; Мозжилин С.И., Устьянцев В.Б. Идеалы культуры и цивилизационный код России // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 198-202; Мчедлова Е.М., Лескова И.В. Духовное в социокультурном пространстве // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. №3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK321.pdf>; Ощепкова, Е.С. Механизмы трансляции смыслов от общественного сознания к

образования по воспроизводству социальной структуры представлена в работах Ф.Э. Шереги⁴, его ценностный статус отражен в исследованиях Е.Г. Галицкой, И.М. Лоскутовой, И.А. Мерлиной, Е.С. Петренко⁵.

Общая логика структурно-функционального подхода в рассмотрении коррупции как социокультурного феномена почерпнута нами в работах К. Мангейма, Р. Мертона, Т. Парсонса⁶. Проблемам коррупции как социально-правового явления посвящены работы Н.Ф. Гольцова, А.Л. Журавлева, Д.Г. Ивайловского, П.Л. Крупкина, Ю.В. Латова, М.Ю. Попова, А.В. Юревич, В.Ю. Якутина⁷.

Особенности институционализации коррупции в России, ее идентификации как коррупционной культуры отражены в работах М.В. Аверьянова, Е.А. Белоцерковец, И.И. Глебовой, Н.Н. Лукина, Т.А. Нестик, М.В. Шедий⁸. Факторный анализ различных аспектов проблемы коррупциогенных

обыденному [Текст] / Е.С. Ощепкова // Вестн. МГОУ. Серия «Общественно-политические и гуманитарные науки». 2011. №2. С.12-17. Черемушников И.К., Авходеева И.К. Культурная память и культурная идентичность в суловиях открытого культурного пространства // Культурная память и культурная идентичность. XI Колосницынские чтения. 2016. С.288-293.

⁴ Шереги, Ф. Э. Профессиональное образование и воспроизводство социальной структуры [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН: офиц. сайт. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1891> (дата обращения: 11.12.2014).

⁵ Петренко Е. С., Галицкая Е. Г., Мерлина И. А. Ценность высшего образования // Вопросы образования. 2010. № 2. С. 187–238.; Лоскутова, И. М. Социальные проблемы современного российского образовательного пространства // Власть. 2013. № 4. С. 144–146.

⁶ Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.; Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313; Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 462–525.

⁷ Гольцов Н. Ф. Власть и коррупция: психологический аспект // Академический вестник № 1: сб. науч. тр. Тюмень: Тюм. гос. ун-т мировой экономики, управления и права, 2008. С. 98–102; Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–21; Ивайловский Д. Г. Коррупция как фактор риска коммерческой организации // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2008. Т. 8, Вып. 3. С. 89–90; Крупкин, П. Л. Архаизация – доминирующий тренд социальных изменений в России // Научный эксперт. 2009. № 7–8. С. 86–88; Латов Ю. В. «Глас народа» о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6, № 2. С. 123–138; Попов М. Ю. Институты гражданского общества против коррупции // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 2 (4). С. 24–31; Якутин Ю. В. «Вечнозеленые» проблемы коррупции // Финансовая жизнь. 2010. № 1. С. 88–92.

⁸ Аверьянов М. В. Методологические подходы в исследовании феномена коррупции: социокультурный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 249–256; Глебова И. И. «Дворцовое государство» в современной России // Политическая концептология. 2001. № 2. С. 80–116; Белоцерковец (Номаненко) Е. А. Коррупция как часть общественной культуры // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. № 3. С. 14–16; Лукин Н. Н. Проблема коррупции: вопросы методологии Лукин // Философия права. 2010. № 4. С. 50–53; Нестик Т. А. Коррупция и культура [Электронный ресурс] // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2002. № 4, ч. 2. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html> (дата обращения: 11.12.2014).

деформаций и рисков развития образования представлен М.В. Абрамовым, В.Х. Акаевым, Е.В. Будько, С.Ю. Барсуковой, Г.Г. Горшенковым, Г.Н. Горшенковым, Е.А. Евстифеевой, С.А. Емельяновым, Д.Г. Ивайловским, Г.Л. Ильиной, О.В. Казаченковой, С.А. И.Н. Пустоваловой, К.М. Ташиной⁹. Особо необходимо отметить дескриптивный подход к моделированию коррупции в иерархических социальных системах, предложенный А.В. Антоненко, М.Д. Розиным, С.Я. Сущим, Г.А. Угольницким¹⁰.

Проблема формирования коррупционного сознания как субъектно-групповой репрезентации коррупциогенной традиции в контексте образовательной субкультуры вузов отражена в исследованиях, посвященных трем ее базовым аспектам: понятие, специфика и особенности субкультуры как социального феномена описаны в работах А.В. Абдрехимовой, В.П. Бабинцева, А.Н. Ильина, С.И. Левиковой, А.В. Пирайчук, В.П. Римского, О.Н. Римской¹¹; правовая культура и правосознание как родовые понятия криминального сознания анализировались Е.В. Аграновской, Н.Л. Гранат, И.А., Иванниковым,

13.12.2014); Шедий М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04. М., 2015.393 с.

⁹ Абрамов М. В. К вопросу о сущности понятия «коррупционные риски» // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 4. С. 69–73; Нанаева Б.Б., Акаев В.Х. Гуманистический потенциал общественных наук как фактор противодействия девиантному поведению молодежи // Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму. 2019. С. 272–279; Будько Е. В., Евстифеева Е. А. Риски современной социальной ситуации в России // Вестник ТГУ. 2012. Вып. 2 (106). С. 264–269; Барсукова С. Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 36–47; Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Коррупциогенная должность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 2 (1). С. 247–252; Емельянов С. А. Социальная модернизация России в контексте взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 46. С. 178–189; Ивайловский, Д. Г. Коррупция как фактор риска коммерческой организации // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2008. Т. 8, Вып. 3. С. 89–90; Ильин Г. Л. О бюрократизации и коррупции в отечественном образовании // Школьные технологии. – 2012. № 6. С. 9–17; Казаченкова О. В. Конфликтный потенциал государственной службы как фактор возникновения коррупционных рисков // Административное и муниципальное право. 2010. № 2. С. 36–42; Ташина К. М., Пустовалова И. Н. К вопросу о понятии коррупционных рисков // Успехи современного естествознания. 2012. № 4. С. 212–214.

¹⁰ Дескриптивный подход к моделированию коррупции как фактора социальной конфликтности / М. Д. Розин, С. Я. Сущий, Г. А. Угольницкий [и др.] // Инженерный вестник Дона. 2011. № 3. С. 412–423.

¹¹ Абдрехимова А. В. Клубная субкультура: проблема адекватности категории [Электронный ресурс] // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН: Российское общество социологов, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210158001.pdf (дата обращения: 24.12.2014); Бабинцев В. П. Субкультура бюрократии: приговор модернизации России? // Власть. 2013. № 1. С. 20–25; Ильин А. Н. Массовая культура и субкультура: общее и особенное // СОЦИС. 2010. № 2. С. 69–75; Пирайчук А. В. Молодежная субкультура как игра // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). Философия. Социология. Культурология. Вып. 28. С. 113–118; Левикова С.И. Феномен молодежной субкультуры: социально-философский аспект: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. М., 2002. 420 с.; Римский В. П., Римская О. Н. Феномен субкультурных религий: монография. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2012. 160 с.

В.И. Каминской, Е.В. Клейменовой, К.А. Моралевой, И.Д. Невважай, Д.В. Сочневым¹²; сущностные черты коррупционного сознания исследовались А.П. Абрамовым, Е.И. Боевым, О.В. Ванновской, Е.О. Ефимовой, А.В. Николаевым, С.А. Тарарухиным¹³.

Современное понимание контекстуальных для коррупции проблем аномии и распространения идеологии общества потребления представлено в трудах В. Афанасьева, В.П. Бабинцева, Е.А. Коваль, В.Н. Кочьян, В.В. Кривошеева, С.С. Кутафьевой, Н.Н. Мещеряковой, В.А. Пилягиной, Н.Н. Равочкина, В. П. Римского, К.Т. Пазюк, Б.В. Смирнова, М.С. Николаева, Е.М. Николаевой¹⁴.

¹² Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М.: Наука, 1988. 145 с.; Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 1/2. С. 3–7; Иванников И. А. Концепция правовой культуры // Теория и история государства и права. 1998. № 3. С. 12–16; Каминская В. И. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. С. 39–67; Клейменова Е. В., Моралева К. А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. 2003. № 1. С. 50–56; Невважай И. Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 23–31; Сочнев, Д. В. Правосознание современной российской молодежи, его структура и функции // История государства и права. 2003. № 3. С. 41–43.

¹³ Коррупционное сознание как компонент современного мировоззрения: подходы к социальной диагностике и противодействию на региональном уровне: монография / А. П. Абрамов, Е. Г. Каменский, Е. И. Боев [и др.]. Курск: Изд-во «Гиром», 2012. 166 с.; «Коррупционное сознание»: от теоретической категоризации к эмпирической верификации / А. П. Абрамов, Е. И. Боев, Е. Г. Каменский [и др.] // Ученые записки РГСУ. 2012. № 2 (102). – С. 186–193; Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328; Николаев, А. В. Социально-философский анализ субъективного конструирования коррупционной реальности в процессе социального взаимодействия акторов правоохранительной сферы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 21–23; Тарарухин С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М.: Юрид. лит., 1974. 244 с.

¹⁴ Афанасьев В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал ЭСМ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/601/542/1216/007x20aFANASXEW.pdf> (дата обращения: 20.12.2014); Бабинцев В. П., Римский В. П. Социология смутного времени: проблема методологической парадигмы исследования // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 4 (44). С. 30–39; Коваль Е. А. Нормативное измерение молодежной аномии как фактора дезадаптации молодежи // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2 (22). С. 95–100; Кочьян В. Н. Аномия в системе вертикальных социальных перемещений подрастающего поколения // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 11. С. 96–100; Кривошеев В. В. Аномия современного социума: господство коротких жизненных проектов // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2 (18). С. 79–84; Кутафьева, С. С., Пазюк К. Т., Смирнов Б. В. Социальная аномия деревни: девиантное поведение и устойчивость развития (институциональный подход к исследованию локальных социумов) // Проблемы инновационно-инвестиционного развития Дальнего Востока России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2013. С. 98–101; Мещерякова Н. Н. Рефлексивная аномия в сложном социуме Мещерякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44), ч. 1. С. 122–125; Пилягина, В. А. Социальная аномия и политическое поведение // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2014. № 1. С. 152–158; Равочкин Н. Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. № 2. С. 115–117. Николаев М. С. Метаморфозы социализации в обществе потребления // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 17–21; Николаева Е. М. Николаев М. С. Потребительская культура и кризис социализации // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 48–50; Николаева Е. М.,

Исследования процессов трансляции и репликации коррупциогенных социокодов в образовательной среде представлены в источниках, раскрывающих проблемы социокультурного воспроизводства, а также информационно-коммуникативных механизмов трансляции паттернов культуры. К первой группе источников относятся работы А.С. Ахиезера, Ю.А. Зубок, В.В. Кирпичева, Е.В. Макарихина, А.В. Николаева, В.А. Останина, В.И. Чупрова, Н.Ц. Шойдоковой, И.Г. Яковенко¹⁵. Ко второй группе отнесены исследования М.Б. Бергельсона, О.А. Гримова, Н.Н. Киселева, О.В. Красновой, А.А. Краснова, В.Н. Маризиной, В.В. Ратиева, Д.А. Шопенко¹⁶. Теоретические основы рассмотрения данных аспектов почерпнуты нами в работах по осмыслению положений меметики В.М. Березина, Е.М. Полякова, В.Н. Пугач¹⁷.

Особо отметим, что результаты исследований по проблеме диссертационной работы, представленные в научной литературе и иных

Николаев М. С. Социальное становление личности в условиях коммодификации: инфляция социальной реальности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 1. С. 78–83.

¹⁵ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 2-х т. Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 806 с.; Кирпичев В. В. Воспроизводство трудовых ресурсов как важнейший компонент общественного воспроизводства [Электронный ресурс] // ПОРТАЛУС: науч. онлайн-библиотека. 2012. 3 янв. URL: http://portalus.ru/modules/ruseconomics/print.php?subaction=showfull&id=1451658492&archive=&start_from=&ucat=&s (дата обращения: 06.12.2014); Макарихин Е. В. Когнитивные детерминанты жизненного существования общностей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2004. № 1. С. 466–470; Николаев А. В. О человеческом факторе в современном воспроизводстве // Вестник РГГУ. 2009. № 3. С. 123–131; Останин В. А. Коррупционные инвестиции в системе отношений собственности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 3(52). С. 40–46; Шойдокова Н. Ц. Молодежь в социокультурном воспроизводстве: к вопросу о типологии социокультурного воспроизводства // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 1 (46). С. 117–121; Чупров В. И., Ю. А. Зубок, К. Уильямс Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. 161 с.; Яковенко И. Г. Свежий взгляд на историю // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 106–114.

¹⁶ Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет) // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55–67; Гримов О. А. Самопрезентация личности в социальных сетях // Социология. 2013. № 2. С. 59–66; Киселев, Н. Н. Информационная потребность как фактор социализации личности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Кемерово, 1998. 20 с.; Краснова О. В., Краснов А. А. Информационно-кибернетические теории как пример продуктивного применения информационного подхода в исследовании процесса развития личности // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2013. № 3 (7). С. 244–251; Маризина В. М. Средства самореализации личности в информационном обществе // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5/2 (64). С. 237–244; Ратиев В. В. Проблемы информатизации культуры в советском и российском обществе // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1. С. 77–84; Шопенко Д. А. Концептуальные основы социальной рискологии транзитивного общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 307–314.

¹⁷ Березин В. М. Новость и мем: научные заметки о рождении и сопряжении смыслов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2014. № 1. С. 157–161; Поляков Е. М. Меметика: наука или парадигма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2010. № 2. С. 160–165; Пугач, В. Н. Качество образования: от классических представлений к современным понятиям // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. Вып. 3 (16). URL: naukovedenie.ru/PDF/76evn313.pdf (дата обращения: 20.12.2014).

источниках, не содержат однозначного, целостного объяснения феномена коррупциогенности как элемента культуры и затрагивают ряд самостоятельных аспектов, интегрируемых в диссертационной работе в единый когнитивный конструкт.

В частности, такими аспектами выступают общие проблемы современной реформы системы высшего образования, образовательной субкультуры, коррупции как социально-правового явления, коррупциогенной культуры как ценностно-регулятивного институционального феномена, коррупционного сознания как деструктивной формы правосознания, а также динамико-процессуальных особенностей данных процессов, отраженных в механизмах трансляции коррупциогенных социокодов в социокультурной среде общества и институциональном пространстве высшего образования.

Актуальность, дискуссионность и фрагментарная разработанность заявленной проблематики определяет проблему, объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования.

Проблема исследования определена противоречием между императивами эффективности курса модернизации университетской системы по модели «тройной спирали» в приоритетах инновационного развития и ее дисфункциональным состоянием, проявляющимся в ценностно-нормативной аномии образовательной субкультуры региональных вузов, компенсируемой в механизмах трансляции и воспроизводства социокодов и паттернов национальной коррупциогенной традиции солидарности.

Объект исследования – региональные вузы как транслятор социокодов культуры в модели «тройной спирали».

Предмет исследования – коррупциогенная деконструкция ценностно-нормативного содержания приоритетов инновационного развития в институциональном пространстве региональных вузов.

Цель исследования – выявление и концептуализация нормативной матрицы коррупциогенной традиции России как системного фактора

деконструкции воспроизводства и трансляции социокодов культуры в спиральной модели модернизации региональных вузов.

Задачи исследования:

1. Определить особенности статуса регионального вуза как транслятора социокодов культуры в контексте модернизации по модели «тройной спирали»;
2. Выявить институциональные деформации ценностно-нормативного пространства регионального вуза как субъекта инновационного развития;
3. Концептуализировать феномен коррупциогенности российской культуры как фактора воспроизводства деструктивной нормативности в ценностно-прескриптивном пространстве вуза;
4. Описать семиотико-топологические формы коррупциогенно-деструктивной регуляции ценностно-нормативного пространства регионального вуза в модели «тройной спирали»;
5. Определить сущность и выявить ценностно-нормативные основания формирования коррупционного сознания субъектов образовательного пространства вуза;
6. Выявить коррупциогенные формы рефлексии модернизации образовательного пространства вуза;
7. Концептуализировать процессы формирования механизмов воспроизводства коррупционных социокодов в условиях аномии ценностно-нормативного пространства вузов;
8. Представить культурные и информационно-коммуникационные механизмы репликации коррупциогенных социокодов в образовательном пространстве вузов.

Гипотезы исследования:

Первое предположение заключается в том, что модернизация системы высшего образования по модели тройной спирали формирует риски ее дисфункционального состояния, распространения в региональных вузах сущностно коррупциогенных патерналистских и имитационно-

бюрократических практик, опосредующих деструкции воспроизводства и трансляции культурных социокодов в конфликте «традиции и инновации».

Второе предположение состоит в том, что в российском обществе существует эмпирически устойчивая институциональная матрица коррупциогенно-нормативной регуляции социальных практик, научно эксплицируемая в концепте коррупциогенности культуры, выступающая системным фактором деформации транслируемых вузами ценностей стратегии инновационного Прорыва России. На личностно-групповом уровне коррупциогенная культура «тройной спирали» репрезентируется в процессах формирования и распространения паттернов коррупционного сознания субъектов университетской субкультуры, нивелируя возможности реализации задач формирования инновационного сознания.

Третье предположение состоит в том, что эффекты воспроизводства и трансляции коррупциогенных социокодов являются результатом компенсаторной потребности вузов в адаптации к состоянию ценностно-нормативной аномии, что рефлексивно стабилизирует и реплицирует в правосознании субъектов образовательной субкультуры деструктивные паттерны патернализма-бюрократии в виде культурных мемов.

Теоретико-методологические основы исследования.

Методологическая основа исследования обусловлена его сложно-системным характером. В связи с этим особо актуальна методология междисциплинарных подходов, позволяющих преодолеть ограниченность классической позитивистской парадигмы. К ним, в первую очередь, относятся постнеклассические теория сложности, социогенетика, меметика. В данных подходах заложены принципы и концепты, способствующие пониманию современных особенностей параметрической организации коррупциогенной культуры, ее адаптивного статуса в социальной системе, процессов трансляции и репликации коррупциогенных социокодов и паттернов в российской системе высшего образования, их информационно-коммуникативных особенностей. Также в числе базовых использованы положения классических в социальной

теории системного и структурно-функционального подходов в их современных интерпретациях.

Частные методологические подходы к анализу отдельных проблем диссертационного исследования представлены в следующих теориях.

Выступающая фундаментом рассмотрения рискологических аспектов проблемы, общая теория рисков социального развития была почерпнута в концепциях футурошока и третьей волны Э. Тоффлера и общества риска У. Бека.

В основание изучения контекстуальных аспектов формирования коррупциогенных деформаций ценностно-нормативного пространства системы высшего образования положены теории аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертон, а также социокультурного эволюционизма Т. Парсонса. В рамках общей теории феноменологии нами были почерпнуты подходы к анализу трансформаций ценностных пространств культуры, представленные в теории общества потребления (Ж. Бодрийяр) и в концепции биографического подхода (П. Л. Бергер, Б. Л. Бергер).

Коррупциогенная традиция как символически-топологический феномен культуры изучена в границах семиотической модели знака Ч. Пирса и концептуальной модели семиотического шва М. Терлоу.

Поведенчески-рефлексивные особенности механизмов формирования и репрезентации коррупционного сознания конструировались нами на методологической базе теории социального действия «понимающей социологии» М. Вебера.

Концептуальные обобщения системно-динамических, нелинейных эффектов коррупциогенных деформаций ценностно-нормативного пространства «тройной спирали» в региональных вузах основаны на положениях синергетики и параметрического анализа теории сложности (В.Г. Буданов, А.В. Аршинов)

Для объяснения коррупциогенной культуры как системы языковых номинаций и их ментально-поведенческих репрезентаций институциональными

агентами системы высшего образования использованы лингвокультурологические модели коррупции.

Представленные парадигмальные подходы дополнены частными теориями социокультурного воспроизводства, догоняющей модернизации, имитационного консенсуса, управленческих иллюзий, короткого жизненного проекта и другими.

Для дополнительной верификации теоретических конструктов были привлечены частные первичные и вторичные количественные и качественные социологические данные, а также нормативно-правовые (международные акты, федеральные законы и подзаконные акты РФ) и иные документы. Первичная социологическая информация получена методами анкетирования, свободных ассоциаций, социосемиотического и меметического анализа.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что:

- заключается в определены современные особенности статуса регионального вуза как транслятора социокодов культуры, описана его функциональная специфика и ее сопутствующие деформации в реформистской концепции инноватизации по модели тройной спирали;
- введен в научный оборот, теоретически описан и верифицирован концепт коррупциогенности культуры как системного паттерна мировоззрения и социальных практик в национальной социокультурной традиции;
- выявлен интегративный экзогенно-эндогенный характер и особенности семиотико-топологической регуляции коррупциогенной традиции культуры как фактора воспроизводства деструктивной нормативности в ценностно-прескриптивном пространстве регионального вуза;
- теоретически обоснован концепт коррупционного сознания как деструктивной формы правосознания, выявлена его конфликтогенная природа, ценностно-нормативная и потребностно-мотивационная обусловленность, основания формирования в субъект-объектных связях образовательной субкультуры региональных вузов;

- сформулирована социокультурная мета-модель коррупциогенной рефлексии модернизации образовательного пространства вуза, представляющая собой компенсаторно-адаптивную форму редукции дисфункциональных эффектов научно-образовательной реформы на уровнях субъектности институциональных агентов высшей школы в контексте конфликта «традиции и инновации»;

- описаны механизмы репликации коррупциогенных социокодов в образовательном пространстве региональных вузов в виде культурных мемов, отражающие способность патерналистски-бюрократической традиции стимулировать ценностно-нормативные среды институциональных пространств к самокопированию коррупциогенных паттернов в отношениях замкнутой детерминации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Российская система высшего образования находится в состоянии перманентной структурной модернизации в соответствии с приоритетами политики инновационного «Прорыва». В наиболее уязвимом положении в условиях становления клиентроориентированной модели предпринимательского Университета 3.0 в парадигме *тройной спирали* «власть – бизнес – наука» оказались региональные вузы, обретая в университетской иерархии статус «пятого эшелона». В условиях ресурсного дефицита вузы данной категории номинально формируют в своей структуре бизнес-ориентированные подструктуры (инкубаторы, технопарки и др.) и позиционируются не просто элементом системы высшего образования, но и единицей предпринимательской инфраструктуры субъектов РФ. Логика научно-образовательной реформы фактически представляет его не агентом трансляции культуры, а *экономическим субъектом* развития территорий в идеологемах модернизации. В результате сформированная научно-образовательная среда вузов активно дополняется образцами предпринимательской культуры, что существенно изменяет не только институциональный статус и цели, но и ценностно-нормативное пространство

университета. Социокоды, как многообразные формы ценностно-смысловых паттернов культуры, массово содержат и транслируют сегодня символические образцы «ушлого», «дельца», заменяющие семиотику номинаций человека «образованного», «разумного», «честного». Культуросообразность деятельности вуза императивно определяется ценностно-редуцированными идеологемами парадигмы тройной спирали в паттернах «человека экономического» и «человека компетентного». В итоге формируется *редуцированно-деструктивный* тип воспроизводства социокодов традиционной культуры, результирующий к типу личности *«неквалифицированного потребителя»*.

2. Антагонизм гумбольтовской традиции и бизнес-модели предпринимательского университета проявляется *в конфликте* ценностно-нормативного содержания институциональных субкультур тройной спирали. Он, как *несогласованность целе- и ценностно-образующих структур* разных типов профессиональной культуры, составляет суть институциональных деформаций ценностно-нормативного пространства вуза. Основные противоречия спирализации заключаются в дихотомии трех основных паттернов. Во-первых, культурной сути образования как блага, то есть ценности. Во-вторых, его традиционной императивности и обязательности, то есть нормы в границах этой ценности. В-третьих, современного состояния высшего образования как объекта потребления и услуги со всеми атрибутами клиентоориентированности. «Труд» как культурная модель достижения статуса выпускника вуза замещается потребительской моделью получения услуги. Такие отношения зачастую основаны на патерналистски-бюрократической коррупциогенной схеме редукции биографических затрат на образование по формуле «клиент всегда прав». В последние годы в понятийном аппарате науки и экспертном дискурсе такое явление стало определяться как коррупциогенная / коррупционная культура.

3. Интеграция ценностно-нормативного содержания институтов тройной спирали обуславливает появление новых регулятивных систем,

эксплицируемых в концепте *ценностно-прескриптивного* пространства вуза. Оно понимается как система императивов научно-образовательной среды, где норматив достижения целей калькулируемости имеет статус базовой ценности. Бюрократический стандарт «эффективности» приобретает ценностно-императивный (прескриптивный) характер. Происходит рокировка объектов воспроизводства в ценностно-нормативном пространстве вуза. Она характеризуется замещением традиционных паттернов и социкодов университетской субкультуры нормативными ценностями клиентоориентированности и патернализма политической и бизнес- субкультур в коннотациях и смыслах «русской матрицы». В спиральной модели формируется имитационно-конформистская, неформально-альтернативная нормативная матрица коррупциогенных отношений. Архаично-традиционные российские механизмы коммуникаций и поддержания солидарности, а не правовые начала западноевропейской модели предпринимательства и власти, обеспечивают сохранение, трансляцию и воспроизводство деструктивной нормативности классической триады паттернов «патернализм – бюрократия – коррупция» в ценностно-нормативном пространстве вузов.

4. Аккумулируемая «спирализацией» коррупциогенная культура вузов формирует устойчивую семиотико-топологическую форму регуляции университетских отношений. Наблюдается эффект отражения ценностно-нормативных ориентиров-регуляторов институтов бизнеса и власти в социосемиотическом пространстве образовательной субкультуры. Паттерны успеха, престижа, достатка символически наполняются деструктивным содержанием и выступают в антагонизме к ценностям образованности и труда. Сетевая, культурно-диффузная топология коррупциогенной нормативности приобретает в вузах регулятивный статус *семиотического шива*. Регулятивно-ориентирующая ценностно-нормативная морфология коррупциогенной традиции в современной модели Университета 3.0 способна удовлетворять институционально различные, но топологически резонансные социальные ожидания ППС, студентов и администрации, выступая как *матрица нормы*.

5. В контексте модернизации одним из деструктивных элементов образовательной субкультуры вузов выступает феномен *коррупционного сознания*. Оно определяется как форма мировоззрения, характеризующуюся наличием у его субъекта альтернативных правовому порядку коррупциогенных взглядов, установок, ценностей. *Ценностно-нормативные* компоненты являются ключевыми в структуре коррупционного сознания субъектов образовательного процесса и с позиции принципа параметрически-иерархической организации сложных систем понимаются через: 1) ценностно-нормативный ландшафт ориентирующе-регулятивного блока культуры общества как иерархическую, ранговую структуру ценностно-нормативных императивов и диспозиций; 2) морфологию ценностей и норм как компонентов общественного мировоззрения в институциональных контекстах тройной спирали; 3) оценочное состояние ценностно-нормативных диспозиций и императивов, ценностную ориентацию индивидуального или группового мировоззрения в границах образовательной субкультуры вузов. На этой основе формируется и идентифицируется типология и субъектные особенности *коррупциогенного действия* и *рефлексии* в вузах по модели М. Вебера, включающая все его типы, кроме аффективного.

6. Процессы *коррупциогенной рефлексии* модернизации образовательного пространства вуза можно описать общей мета-моделью. Она понимается как экспликация процессов и механизмов восприятия, осознания, интерпретации и интериоризации внешних (социокультурных) и внутренних (духовных) условий жизни социального субъекта, опосредующих формирование его коррупционного сознания и выбор деструктивного поведения. Являясь теоретически-типичной для всех категорий субъектов образовательной субкультуры, данная мета-модель определяется конвенциональной.

7. В условиях аномии ценностно-нормативного пространства вузов *рефлексируются* типичные модели формирования механизмов воспроизводства коррупциогенных социокодов: 1) *патерналистски-бюрократическая*, являющаяся контекстуальной и основанная на традиции пирования-дарования

русской культуры; 2) *имитационно-редукционистская*, где правовая нормативность замещается коррупциогенной, имитационный консенсус выступает практической моделью воспроизводства социокода коррупции, а управленческие иллюзии обеспечивают ее ценностно-нормативное сопровождение; 3) *диалектико-институциональная*, когда в условиях востребованности семиотического шва коррупциогенной традиции культуры наблюдается диалектический переход экспоненциального роста количества коррупциогенных практик в качестве их культурно-нормативного паттерна во всей институциональной модели тройной спирали; 4) *компенсаторно-адаптивная*, когда компенсируется нормативный дефицит аномии по принципу стремления любой системы к гомеостазу в условиях диффузно-зонтичного характера русской патерналистски-бюрократической традиции; 5) *конвенциональная*, отражающая рекурсивность и взаимную детерминированность всех иных моделей формирования механизмов воспроизводства коррупциогенной традиции культуры, и отражающая ее социокультурный масштаб.

8. Предложена *мета-модель культурно-синхроничного механизма репликации деструктивно-коррупциогенных социокодов*. В образовательном пространстве вузов данный механизм включает: 1) *катализаторы* (модернизация как цель-стимул: от принципа культуросообразности высшего образования к принципу экономической целесообразности, модель тройной спирали); 2) *диффузию* императивных нормативных ценностей институциональных субкультур тройной спирали (общество потребления и редукция гуманитарной функции высшего образования); 3) *компенсаторную перцепцию* («человек экономический» вместо «человека образованного», формирование коррупционного сознания и мемплекса коррупциогенной культуры); 4) *нормативную синхронизацию* (когерентность тройной спирали, интеграция и устойчивость коррупциогенной традиции пирования-дарования как семиотического шва в условиях аномии); 5) *репликацию* (воспроизводство

синхронизированных контекстов спирали - трансляция традиции пирования-дарования).

Информационно-коммуникационный механизм является ключевым в процессе формирования и воспроизводства деструктивных социокодов в ценностно-нормативном пространстве вузов. В иерархии коммуникативного обмена вузовского менеджмента, преподавателей и студентов возникают риски формирования коррупциогенного *мемплекса* (совокупности мемов) как определенного информационного паттерна. Усвоение информации, декодирование и интериоризация ее содержания определяются *селективностью восприятия* реципиента. Эта особенность восприятия информации определяет выживаемость коррупциогенного мема. В каждом новом цикле воспроизводства кросс-факторных связей информационно-коммуникативного обмена он все более стабилизируется, поддерживая в отношении ценностей инноватизации деструктивный социокультурный контекст российских университетов.

Теоретическая и практическая значимость работы. Макро-модели институциональной, поведенческой, динамической, функциональной структуры коррупциогенной традиции культуры могут быть положены в основу общей теории коррупции, имеющей для социальной теории концептуально-методологический характер.

Разработанные и верифицированные модели коррупциогенности культуры в системе высшего образования позволяют описывать динамику факторного комплекса коррупциогенных деструкций в их институциональном аспекте, вырабатывать направления антикоррупционной политики вуза с учетом состояния и критических значений культуросообразности образовательной среды и показателей субъективных установок, качественного состояния правосознания сознания субъектов образовательного процесса.

Практическая значимость работы определяется возможностями использования разработанных теоретико-методологических системных моделей, отражающих культурно-институциональные, социально-

архетипические черты коррупциогенной традиции культуры в российском обществе, в разработке практико-ориентированных инструментов изучения и противодействия данному криминальному явлению. Результаты исследования могут быть применены в нормативах и методиках антикоррупционной политики на различных уровнях государственного и муниципального управления, административной политике экономических субъектов и личностно-ориентированных системах правового воспитания населения, а также коррекции курса реформ с целью снижения их коррупциогенности в широких масштабах локализаций общественной жизни.

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертационной работы и ее результаты были представлены в 65 публикациях автора: 6 монографиях (1 – индивидуальной, 5 – коллективных), в 6 статьях в научных рецензируемых журналах, индексируемых в наукометрических базах данных SCOPUS и / или Web of Science, 21 статье, опубликованной в научных изданиях из перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в 32 публикациях в журналах, сборниках научных трудов, материалах научных конференций.

Теоретические положения работы представлены также на научных семинарах, конференциях, конгрессах и форумах в России и за рубежом, в том числе, на: Международная молодежная конференции «Молодёжь и 21 век» (Россия, Курск, 2001-2009); «Совершенствование законодательства: вчера, сегодня, завтра» (Россия, Курск, 2004); «Региональная преступность: состояние, проблемы, перспективы борьбы» (Россия, Курск, 2007); «Ломоносов» (Россия, Москва, 2007, 2008, 2011); «Российская правовая система: Пути повышения эффективности» (Россия, Омск, 2007); «Адлеровские социологические чтения» (Россия, Альметьевск, 2007, 2008); «Теоретические аспекты и правоприменительная практика российского законодательства» (Россия, Курск, 2007); «Сорокинские чтения» (Россия, Москва, 2007, 2008, 2010); Третий Российский культурологический конгресс «Креативность в пространстве

традиции и инновации» (Россия, Санкт-Петербург, 2010); «Актуальные проблемы социологии молодёжи, культуры и образования» (Россия, Екатеринбург, 2010); «Развитие интеллектуального и инновационного потенциала поколений «Дридзеvские чтения» (Россия, Москва, 2010); «Одесские чтения по социальным наукам» (Украина, Одесса, 2011); «Ковалевские чтения» (Россия, Санкт-Петербург, 2012); «Студентська молодь в умовах глобалізації» (Украина, Донецк, 2013); «Интеллектуальная маргинализация молодежи как феномен общества потребления XXI века» (Россия, Белгород, 2014); «Теоретические и прикладные проблемы современной науки и образования» (Россия, Курск, 2015); International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM) (Болгария, Албена, 2016, 2017); Первые Степинские чтения (Россия, Москва, 2019); VI Всероссийский социологический конгресс (Россия, Москва, 2020); International Business Information Management Association Conference (IBIMA) (Испания, Мадрид, 2019, 2020, 2021) и др.

Отдельные аспекты диссертационного исследования выполнялись в рамках НИР по грантам Минобразования РФ (№А03-1.3-28, №А04-1.3-377), КурскГТУ (№1.77.09П/86), ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (госконтракт №П2409, госконтракт №П437, госконтракт №14.740.12.1352, соглашение №14.А18.21.0090, соглашение №14.А18.21.2124, соглашение №14.В37.21.1997), РГНФ (№11-33-00243а, №12-33-01417, №13-33-01023, №13-33-01265), РФФИ (№19-011-33020), РНФ (№14-38-00047, №15-18-10013, №19-18-00504, №22-28-00662).

Внедрение результатов диссертационного исследования в образовательную практику подтверждено 5 актами (№б/н от 15.10.2013 г.) об использовании научно-технического результата НИР по госконтракту №14.В37.21.1997, тема: «Проблема системности и согласованности знания в образовательном процессе в эпоху объективации транснаучной парадигмы» в деятельности кафедры философии и социологии ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет».

Теоретическая параметрическая модель структурной организации института высшего образования в контексте развития технологических инноваций (информатизации) отражена в программах для ЭВМ «Программный модуль структурно-параметрической идентификации аппроксимирующих кривых Гартнера функций» (соавторство) (свидетельство о регистрации 2021613130 от 02.03.2021 Бюл. №3) и «Программный модуль оценки качества функционирования экспертных систем» (соавторство) (свидетельство о регистрации 2021681242 от 20.12.2021 Бюл. №12).

Структура работы обусловлена логикой изложения материала, состоит из введения, четырех глав (12 параграфов), заключения, списка источников и использованной литературы.

Глава 1. Теоретико-методологический анализ воспроизводства и трансляции социокодов культуры региональными вузами в контексте модернизации по модели «тройной спирали»

1.1. Особенности социокультурного статуса регионального вуза в условиях современных научно-образовательных реформ

Определяя статус современного вуза в системе высшего образования, в первую очередь необходимо описание самой этой системы с институциональных позиций, что позволит учитывать как социокультурные, системные, так и организационные, формально-управленческие аспекты функционирования высшей школы. Это особо актуально именно в условиях перманентной модернизации высшего образования, в контексте которой уже 20 лет Европа и наиболее активно с 2003 года Россия меняют принципы и механизмы научно-образовательной политики в границах Болонского процесса и общей государственной политики РФ.

Подтверждает данное утверждение значительное число публикаций по проблеме образовательной реформы, не только констатирующих факт модернизации, но и акцентирующих существующие сложности. Типичным примером является, в частности, работа О.Л. Сытых, где говорится о том, что подобная реформа, затрагивая все уровни и процессы системы образования, проводится «не всегда последовательно и эффективно. ... И во всем этом просматриваются приметы нашего времени: стремление уйти от того, что было, к новому, вписаться в мировой, прежде всего европейский, цивилизационный процесс»¹⁸. Такая позиция, высказанная более 10-ти лет назад и активно

¹⁸ Сытых О.Л. Многозначность изменений в системе высшего образования России (социально-философский анализ проблемы) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1,2. С.162.

поддерживаемая исследователями середины и конца 2000-х годов¹⁹, остается актуальной в научном сообществе и сегодня.

Тем не менее с начала 2010-х годов и до настоящего момента вектор исследовательского интереса перенаправляется преимущественно на вопросы интеграции российского высшего образования в процессы национальной политики «инноватизации». Примером такого рода может служить работа Н.В. Путилиной, которая в 2012 году отмечает: «Концепция модернизации российского образования, действовавшая на период до 2010 г., а также и Национальная доктрина образования Российской Федерации, ориентированная на период до 2025 г., определяют образование в качестве генерального направления экономического и социокультурного развития страны путем существенных изменений всей системы образования на основе его опережающего развития и инновационных технологий»²⁰.

Однако в реальности модернизация организационных основ высшей школы по указанному вектору начиналась уже в середине 2000-х гг. Данная тенденция описана, например, в рамках Аналитического доклада по высшему образованию в РФ, подготовленному ВШЭ в 2007 году: «В ходе модернизации системы высшего образования и включения России в Болонский процесс модель управления вузами претерпела некоторые изменения. На смену Министерству образования РФ пришло Министерство образования и науки РФ. Этот шаг направлен на реализацию намерения государства более последовательно придерживаться курса на сближение сфер науки и образования, который был провозглашен еще в 1996 г.»²¹.

¹⁹ См. напр.: Аналитический доклад по высшему образованию в Российской Федерации / Под ред. М.В. Ларионовой, Т.А. Мешковой. – М.: Изд-во ГУ ВШК, 2007. – С.68; Новиков П.Н. Болонский процесс и проблемы формирования содержания высшего образования // Образование и наука. 2004. № 6. С.3-16; Малинский И.Г. Болонский процесс и проблема интеграции систем высшего образования // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология, вып. 3. С.11; Архипова Н.И., Лепе Н.Л. О проблемах стратегического управления системой высшего образования // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2007. - №12. - С.17.

²⁰ Путилина Н.В. Модернизация высшей школы в стратегическом единстве ее профессиональной и культуровоспроизводящей функций // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2012. №2. С.89.

²¹ Аналитический доклад по высшему образованию в Российской Федерации / Под ред. М.В. Ларионовой, Т.А. Мешковой. – М.: Изд-во ГУ ВШК, 2007. – С.68.

В результате активных модернизационных мер в 2000-х годах начало существенно, а в некоторых аспектах кардинально, изменяться институциональное пространство высшего образования России, под которым, например, Э.И. Скоблева предлагала понимать «... совокупность, иерархию, механизмы взаимосвязи норм и организаций, что в целом обеспечивает реализацию образовательных услуг»²². В приведенной цитате наглядно отражается активно развернувшаяся в тот период дискуссия о социокультурном статусе высшей школы в границах политики масштабного реформирования базовых институтов общества сообразно целям государственного строительства. Все чаще собственно образование начинает позиционироваться как услуга, а в функциональный набор институционального пространства высшей школы в равной степени включается научная деятельность.

Данная тенденция модернизации высшего образования сообразно политике инноватизации привела к изменению структуры российской университетской системы. Ожидаемо, особый статус по-прежнему остался за МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ²³. Также сформированная еще в 2006 году в процессе разработки нацпроекта «Образование» идея создания федеральных университетов (ФУ), и ее последующая реализация, привела к возникновению в 2008-м году национальных исследовательских университетов (НИУ)²⁴.

Особенностью вузов, имеющих такой статус, и является тесная интеграция науки и образования, а также коммерциализация, в том числе международная, результатов фундаментальных и прикладных НИОКР. При этом ориентированность на нужды региона наибольшим образом проявляется именно в целях создания НИУ, где отмечается необходимость трансфера технологий и прикладных разработок в реальный сектор экономики, в то время как федеральные университеты, наряду с указанными, выполняют функции

²² Скоблева Э.И. Высшее профессиональное образование как институциональная система // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2010. № 2. С.30.

²³ Федеральный закон «О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 46. Ст. 5418.

²⁴ Указ Президента РФ «О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов» от 07.10.2008 г. № 1448 // Сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/28121>

координатора научно-образовательных процессов также и на федеральном уровне по сетевому принципу. Например, Г. Р. Ислакаева и И. У. Зулькарнай на основании государственных концептуальных нормативов²⁵ определяют специфику федеральных университетов двумя базовыми признаками: во-первых, это количество студентов и ППС, во-вторых – кадровое обеспечение региональных потребностей социально-экономического развития²⁶. Специфика НИУ описывается указанными авторами аналогично представленной нами выше.

Также в 2010 году была создана Ассоциация ведущих университетов «для консолидации усилий ведущих российских образовательных и научно-исследовательских организаций по развитию и повышению конкурентоспособности российской системы высшего образования и науки и координации их образовательной и научной деятельности»²⁷. Развитие этой идеи можно усмотреть в дополнении университетской иерархии таким уровнем как организации высшего образования – участники программы повышения конкурентоспособности российских вузов. Данные образовательные организации в настоящее время имеют второй по значимости статус, уступая лишь МГУ и СПбГУ, и призваны были в результате реализации такой программы обеспечить вхождение к 2020 году 5-ти российских университетов в топ-100 мирового рейтинга²⁸. Кроме того, в стране действует Совет по повышению конкурентоспособности ведущих университетов России, утвержденный Правительством РФ.

Тем не менее, некоторые формальные различия в статусе указанных типов университетов не столь существенны с социокультурной точки зрения.

²⁵ Концепция создания и государственной поддержки развития федеральных университетов // Приложение к протоколу заседания межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Образование» при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике от 29.09.2009 АФ-33/03пр.; О Концепции создания сети национальных исследовательских университетов // Справка заседания коллегии Минобрнауки России по вопросам создания национальных исследовательских университетов 4.03.2009г.

²⁶ См.: Ислакаева Г. Р., Зулькарнай И. У. Федеральные университеты и национальные исследовательские университеты в мировых рейтингах // Вестник Башкирского университета. 2015. Т.20. №.2. С.502 (502-506)

²⁷ Ассоциация ведущих университетов [Электронный ресурс] // URL: <http://alu.spbu.ru/ob-assotsiatsii/about> (дата обращения: 29.07.2019).

²⁸ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // СПС Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70170946/>

Важно здесь то, что в этом статусе такое понятие как, например, «региональный вуз» теряет свой изначальный семантический смысл. Такого рода «региональность» более не определяется исключительно территориальным признаком. То есть место географической локации в границах федеративного устройства государства не всегда определяет формальный статус высшего учебного заведения. Примером и могут служить федеральные университеты, сформированные из нескольких вузов, находящихся иногда в разных городах, где первый подобный опыт был реализован в Южном федеральном университете и далее распространился шире. Последний из 10-ти образованных в России «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского объединил большинство вузов, расположенных в разных городах Крымского полуострова»²⁹. Также тенденцию к интеграции региональных вузов в различных формах, осуществляющуюся до настоящего времени, отмечают М.А. Корытцев, Ипатова А.В. и И.О. Николаенко. Они подчеркивают, что такой процесс обусловлен как внутрироссийскими причинами, например, общим сокращением числа студентов в связи с демографической «ямой» 1990-х годов, так и общеевропейскими тенденциями, в том числе на постсоветском пространстве. В качестве примеров приводятся РАНХиГС и МИФИ³⁰.

В такой ситуации актуализируется вопрос о существовании или сохранении какой-либо «образовательной периферии», состав которой, предположительно, формируют вузы, не вошедшие в число федеральных или национальных исследовательских. Косвенным подтверждением такой ситуации может служить, согласно информации на официальном сайте Ассоциации, факт включения в ее состав всего 5 вузов, не имеющих на 2020 год статуса ФУ или

²⁹ Ящук Т.Ф. Формирование системы учреждений системы высшего образования в Российской Федерации // Вестник омского университета. Серия «Право». 2017. №2 (51). С. 47.

³⁰ Корытцев М.А., Ипатова А.В., Николаенко И.О. Интеграция вузов в контексте реформ высшего образования: европейский опыт и российская практика // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 2. С.1174-1183.

НИУ: МГИМО, РАНХиГС, РУДН, ЛЭТИ, Финансовый университет при Правительстве РФ³¹.

Отчасти попытка решить указанный пробел в определении статуса региональных вузов была предпринята в мероприятии 1.1 ФЦП развития образования на 2016-2020 годы³². В документе предполагалась реализация проекта по формированию сети так называемых опорных региональных университетов за счет программ поддержки вузов, имеющих ключевое значение для развития промышленности, экономики и социального сектора субъектов РФ. Такая организационная инновация вызвала обострение конкуренции крупных вузов в регионах, так как предполагала партнерское присоединение одного какого-либо к другому. Именно претензии на статус базового, а не партнерского университета, стимулировала конкурентную активность руководства региональных вузов, так как в случае «победы», по сути, обеспечивала образовательные организации большим финансированием и иными преференциями. Например, размер трехлетней субсидии такому региональному вузу мог достигать 200 млн. руб. в год. При этом федеральные университеты программы «Топ-100», а также вузы, территориально локализованные в городах Москва и Санкт-Петербург, не допускались к такому конкурсу. Кроме того, сама ФЦП на 2016-2020 годы была досрочно прекращена 1 января 2018 года на основании административно-политического решения³³ и интегрирована, наряду с некоторыми другими ФЦП в области образовательной политики, в государственную программу «Развитие образования» на 2018-2025 годы³⁴. Сама госпрограмма переведена на проектное управление также с 2018 года и включает, в числе прочих, приоритетный проект «Вузы как центры

³¹ Ассоциация ведущих университетов [Электронный ресурс] // URL: <http://alu.spbu.ru/ob-assotsiatsii/about> (дата обращения: 29.07.2019).

³² «О Федеральной целевой программе развития образования на 2016-2020 годы» (с изменениями на 22 ноября 2017 года). Постановление Правительства РФ от 23.05. 2015 №497 // URK: <http://docs.cntd.ru/document/420276588> (дата обращения 29.07.2019).

³³ «О внесении изменений в Федеральную целевую программу развития образования на 2016-2020 годы и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2017 года №1406 // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71717586/>

³⁴ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 года №1642 // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71748426/>

пространства создания инноваций». Тем не менее, ФЦП 2016-2020 имела одной из своих целей сокращение числа региональных вузов на 25% от количества 2016 года, в первую очередь именно за счет создания многопрофильных опорных университетов. «По сути дела речь идет об объединении образовательной базы всего региона в рамках одного вуза»³⁵.

Краткий обзор формального нормативного поля развития системы высшего образования вообще и университетов, в частности, позволяет четко идентифицировать ориентацию образовательных реформ на создание в вузовском пространстве наукоемкой среды кадрового обеспечения региональной экономики, и, в результате, повышения экономической конкурентоспособности всего государства. В итоге можно констатировать, что политически инициированную тенденцию интеграции науки и образования и ориентированность на коммерциализацию результатов научно-образовательной деятельности сегодня развивают далеко не только федеральные и научно-исследовательские университеты, а все так называемые «рядовые»³⁶ региональные вузы, независимо от статуса.

При этом подавляющее большинство вузов в субъектах РФ не имеют какого-либо формального статуса в приведенной классификации. Сам вопрос методологии, например критериев, такой классификации остается дискуссионным и зачастую определяется по формально-правовым основаниям, в первую очередь на основании ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³⁷, а также действующих в части, соответствующей конкретным вопросам вузовской деятельности, иных нормативно-правовых актов. На основании такого подхода региональные вузы могут быть классифицированы по критерию формы собственности на государственные и частные. По критерию организационно-правовой формы возможна классификация

³⁵ Ерохин А.К., Власенко А.А., Царева Н.А. Организационная структура современной российской системы высшего образования: проблемы и тенденции развития. Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22). С.244.

³⁶ См. напр.: Ислакаева Г. Р., Зулькарнай И. У. Федеральные университеты и национальные исследовательские университеты в мировых рейтингах // Вестник Башкирского университета. 2015. Т.20. №.2. С.502-506.

³⁷ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.

государственных вузов на федеральные государственные автономные образовательные учреждения высшего образования; федеральные государственные бюджетные образовательные учреждения высшего образования; федеральные государственные казенные образовательные учреждения высшего образования. Также критерием может выступать ведомственная принадлежность государственного вуза, когда учредителем выступает Министерство науки и высшего образования РФ или иные правительственные структуры.

В данной связи отметим, что последняя реформа высших органов управления системой высшего образования, отразившаяся в разделении Министерства образования и науки РФ на Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования, оставило привычную аббревиатуру «Минобрнауки» именно для последней государственной структуры. Эти формальные процедуры также подчеркивают политическое стремление интегрировать институты науки и высшего образования в единое институциональное пространство в контексте многочисленных направлений модернизации, которые условно можно назвать Стратегией Прорыва России³⁸.

В связи с этим необходимо обратиться с нормативной позиции к собственно признакам современного российского университета как формальной организации. Такие признаки на основании анализа действующего нормативно-правового поля приводит в своей работе Г.В. Дружинин, согласно которому сегодня вуз является:

1. Образовательной организацией;
2. Организацией некоммерческого характера;
3. Организацией, реализующей функции именно высшего образования;

³⁸ См. напр.: Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва: Технологии. Образование. Наука. М.: URSS. 2020. 304 с.; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 13.08.2019)

4. Организацией, имеющей целью подготовку кадров для комплексного социально-экономического развития субъектов РФ³⁹.

В приведенной цитате, несмотря на то что исследование В.Г. Дружинина касается только государственных вузов, вновь прослеживается четкая ориентация на учет региональных потребностей в результатах университетской деятельности. Отметим, что подобные вопросы в отношении частных университетов на данном этапе реформы не ставятся и самим государством. В связи с тем, что основной целью таких вузов как коммерческих организаций является, в первую очередь, извлечение прибыли, такая позиция выглядит оправданной. Кроме того, регулирование функционирования подобных структур во многом осуществляется в ином нормативно-правовом пространстве, касающемся в большей степени предпринимательства как такового, за исключением, например, вопросов лицензирования образовательной деятельности и аккредитации. Включение коммерческих вузов в предмет исследования положения университетов в системе высшего образования в контексте государственных стратегий «прорыва» и «устойчивого развития» возможно лишь в аспекте проблем государственно-частного партнерства, социальной ответственности бизнеса и им подобных, что выходит за предметные границы настоящего анализа. Тем не менее предлагаются определенные механизмы развития коммерческих негосударственных вузов в национальной системе высшего образования, обосновывается их высокая роль в региональной экономике и решении общегосударственных задач⁴⁰, что, однако, остается крайне дискуссионным вопросом.

В свою очередь, государственные вузы, будучи формальными организациями, обязаны координировать свою деятельность в соответствии с официальным нормативным пространством, формирующим как

³⁹ См.: Дружинин В.Г. Дуализм природы современного университета как корпоративной организации: теоретико-правовые аспекты // Сибирский юридический вестник. 2019. №1 (84). С.3-8.

⁴⁰ См. напр.: Вахолкова С.А. Место негосударственных вузов в системе высшего образования (на примере Астраханской области) // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2011. №1. С.142-148.

соответствующие приоритеты, так и собственно статус и роль института высшего образования в общественной жизни.

Ориентация современных университетов на удовлетворение региональных социально-экономических потребностей, их тесное взаимодействие с политической властью субъектов РФ и бизнес-сообществом территорий по обеспечению их результатами научно-образовательной деятельности преимущественно описывается моделью «тройной спирали». Основными элементами такой модели, согласно ее авторам, выступают власть (государство), бизнес и университеты⁴¹. Формы их взаимодействия в процессе институциональной интеграции проходят последовательные стадии: от патерналистской роли государства в отношении бизнеса и высшей школы в административно-командной системе (например, СССР) к свободному партнерству на началах гражданского общества. Между указанными рубежными стадиями располагают «рыночную» стадию развития модели, для которой характерно взаимное обособление, в ряде случаев даже конкуренция институтов (например, США).

Отметим, что наиболее сбалансированной и продуктивной с точки зрения генерации и внедрения инноваций, является третья стадия в указанном цикле. Однако в реальности она еще не сформирована, так как предполагает свободную интеракцию институциональных субъектов всех трех сфер спиральной модели: государства, бизнеса и университетов. В таком случае обязательным условием развития системы высшего образования вновь будут корпоративные принципы самоуправления в гумбольтовской традиции университетской культуры, когда правительство «должно» университетам, а не наоборот (концепция «*Universitas litterarum*», В. Гумбольдт, 1809). В

⁴¹ См.: Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.; Ицкович Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. №4 (150). С.5-10; Leydesdorff L. Configurational Information as Potentially Negative Entropy: the Triple Helix Model // Entropy. 2008. № 12; Leydesdorff L. The Triple Helix, Quadruple Helix, ..., and an N-tuple of Helices: Explanatory Models for Analyzing the Knowledge-based Economy? Amsterdam: Amsterdam School of Communication Research (ASCoR), University of Amsterdam, 2011; Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix of University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // EASST Review 14. 1995. № 1; Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. London: Routledge, 2008.

современных же российских реалиях необходимо сочетание традиции и инновации в вопросах самоопределения и социально-экономического статуса вузов и их новой социокультурной роли в контексте динамичного реформирования институциональной сферы общества.

В данном случае с позиций институционального анализа современную специфику статуса вуза в системе высшего образования отражает мнение самого Г. Ицкович: «Все три институциональные сферы — университеты, бизнес и государство — имеют свои традиционные миссии, но начинают играть новую роль, выполняя функции других институциональных сфер»⁴². Региональные вузы сегодня могут рассматриваться не столько как элемент системы образования в ее традиционном смысле, сколько как единица социально-экономической инфраструктуры субъекта РФ по той причине, что и сам институт высшего образования включен в границы модели тройной спирали в реализацию национальной политики инноватизации (идеологемы «стратегия Прорыва», «Устойчивого развития» и др.). Подтверждает такую тенденцию и высокая динамика изменений нормативного пространства (государственных и федеральных целевых программ, иных документов) университетской деятельности на федеральном уровне, как было показано выше на примере нормативно-правовой базы становления современной системы высшего образования. Также специфику российской ситуации в области модернизации высшего образования отражает мнение Г. Ицкович о том, что «в России должно быть что-то гибридное - то, что многие регионы, компании, университеты посчитают наиболее продуктивным. Регионы России также должны учить друг друга. Самый лучший способ для этого - найти место, где это можно было бы делать совместно. Например, такой площадкой могла бы стать Ассоциация тройной спирали. Это дало бы платформу для диалога между регионами и университетами о том, как дальше двигаться в развитии инновационной экономики в гибридной модели»⁴³.

⁴² Ицкович Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. №4 (150). С.5.

⁴³ Там же. С.6.

Ожидаемо, лидерами в попытках реализации указанных площадок в регионах выступили вузы, имеющие наиболее высокий статус в университетской иерархии. Типичным примером могут служить НИУ, изучение роли которых в реализации модели тройной спирали вызвало определенный рост публикаций⁴⁴ в научной периодической печати начала 2010-х годов. В частности, И. Ю. Пахомова предлагала, с ориентацией на постиндустриальную экономику знаний, развернутый алгоритм взаимосвязи исследовательского университета и региональной экономики по модели тройной спирали (рисунок 1.1).

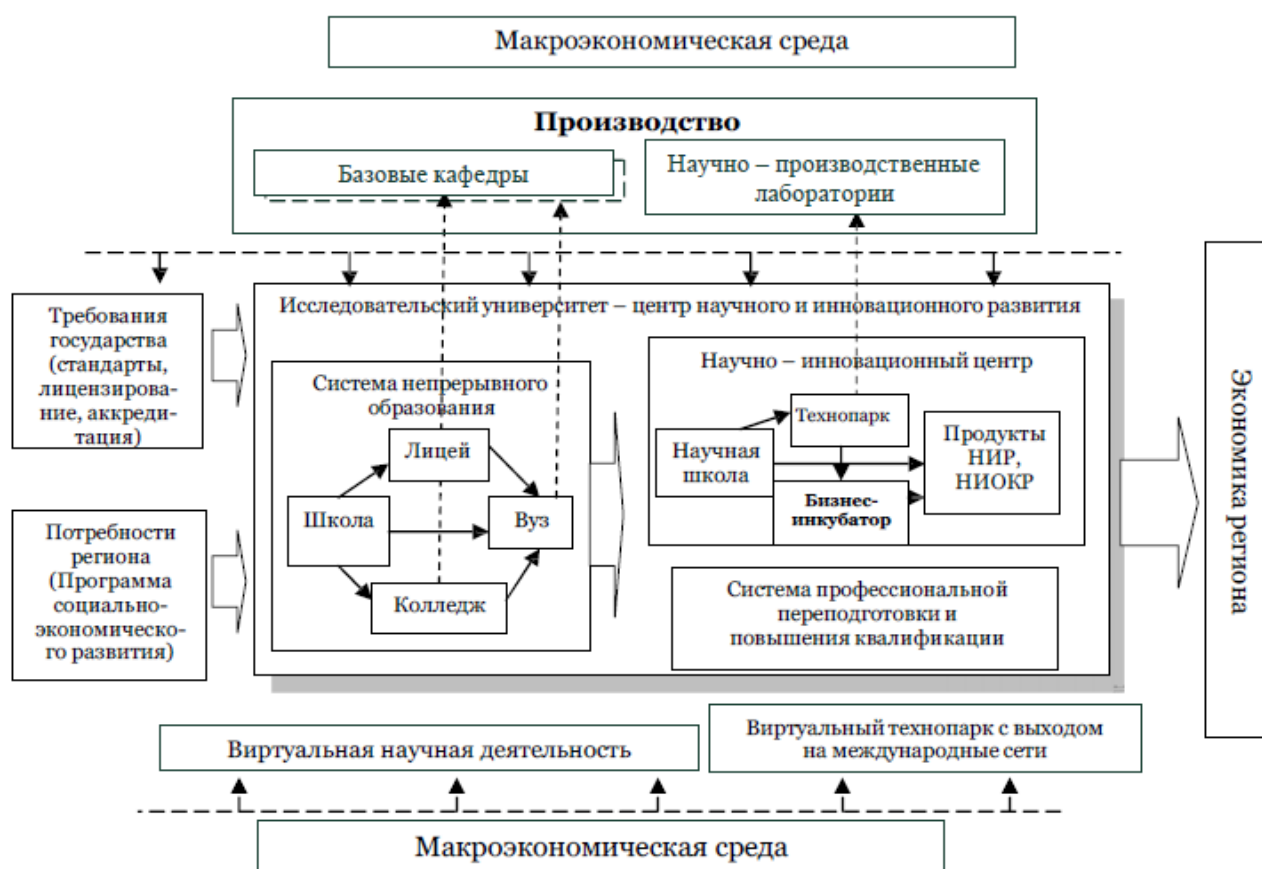

Рис. 1.1 Взаимосвязь НИУ и региональной экономики по модели тройной спирали⁴⁵

⁴⁴ См. напр.: Смородинская Н. Тройная спираль как новая матрица экономических систем // 2011. №4 (150). С.66-78; Бесчастнова О.В., Райская М.В. Управление инновационной инфраструктурой в рамках действия сетевого механизма «Тройной спирали» на мезо и макроуровне // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т.15. №18. С.252-256; Гусев В.В., Гусева А.В. «Тройная спираль» в инновационной системе Саратовской области: взаимодействие и недостатки функционирования. 2014. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2014. Т.14. Вып.2, Ч.2. С.361-368.

⁴⁵ Пахомова И. Ю. Модель «тройной спирали» как механизм инновационного развития региона // Научные ведомости БелГУ. Серия: Экономика. Информатика. 2012. №7 (126). С.58.

Развертывание модели тройной спирали в деятельности региональных вузов стало нередко реализовываться по кластерному принципу и зачастую рассматривается исследователями с позиций государственно-частного партнерства⁴⁶. На протяжении 2000-х годов на базе ведущих региональных вузов, в первую очередь имеющих статус НИУ, создавались технопарки, центры коллективного пользования, малые инновационные предприятия и иные структуры, объединенные в «учебно-научные и инновационные комплексы» (УНИК)⁴⁷, имеющие задачей интеграцию университетов в промышленные кластеры территорий.⁴⁸ Например, по состоянию на 2005 год в стране было созданы десятки центров трансфера технологий и подобных структур в региональных вузах и академических институтах⁴⁹. Данные процессы осуществляются до настоящего времени⁵⁰, и, несмотря на динамичные изменения формулировок в названии подобных интегрированных образований, подчинены реализации принципов модели тройной спирали. Одним из многочисленных примеров может служить схема В.Н. Михайлова (рисунок 1.2). Мы полагаем, что приведенные на рисунках визуальные модели могут рассматриваться как некие теоретические «дорожные карты», если использовать терминологию, принятую в современном дискурсе инновационной политики. Сущностно представляя собой априорные когнитивные модели, они скорее отражают концептуальное видение практической реализации декларируемых целей интеграции российских вузов в модель тройной спирали, нежели реальные, эмпирические ее результаты.

⁴⁶ См. напр.: Егоров Н.Е., Бабкин И.А. Концептуальная модель подготовки специалистов в рамках государственно частного-партнерства и концепции тройной спирали // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2015. №6 (233). С. 216-221.

⁴⁷ См. напр.: Научно-образовательный и инновационный центр «Наноструктурные материалы и технологии». URL: <http://nano.bsu.edu.ru/> (дата обращения 01.08.2019)

⁴⁸ См. напр.: Погребова Е.С., Танеева Е.Ш. Развитие центров трансфера технологий и бизнес-инкубаторов в высших учебных заведениях России // Сервис в России и за рубежом. 2009. №15. С. 171-191; Фирсова С.П. трансфер технологий как фактор инновационного развития технического университета // Казанский педагогический журнал. 2011. №11 (85). С.54-60.

⁴⁹ См. напр.: Кортон В.С., Романова С.А. особенности трансфера университетских научно-образовательных разработок в промышленно развитом регионе // Университетское управление: практика и анализ. 2006. №5. С.55-60.

⁵⁰ См. напр.: Овчинникова Н.Э. Взаимодействие региональных университетов с промышленностью: новые возможности бизнес-инкубирования // Вопросы управления. 2018. №2 (32). С.84-91.

В частности, хронологически обширный анализ развития сетевого принципа модели тройной спирали приводит в своей работе Н. Э. Овчинникова на примере процессов интеграции региональных вузов в реальный сектор экономики территорий с 2000-го до 2018-го года. Так ей иллюстрируются основные тенденции в развитии сфер институционального взаимодействия промышленности регионов и вузов в 2000-х и 2010-х годах (рисунок 1.3). Однако, предложенный перечень также можно рассматривать как некую концептуализированную схему, экстраполирующую внутреннюю подвижность политической парадигмы инноватизации в видении статуса и функций вузов в реализации приоритетов стратегии «Прорыва».

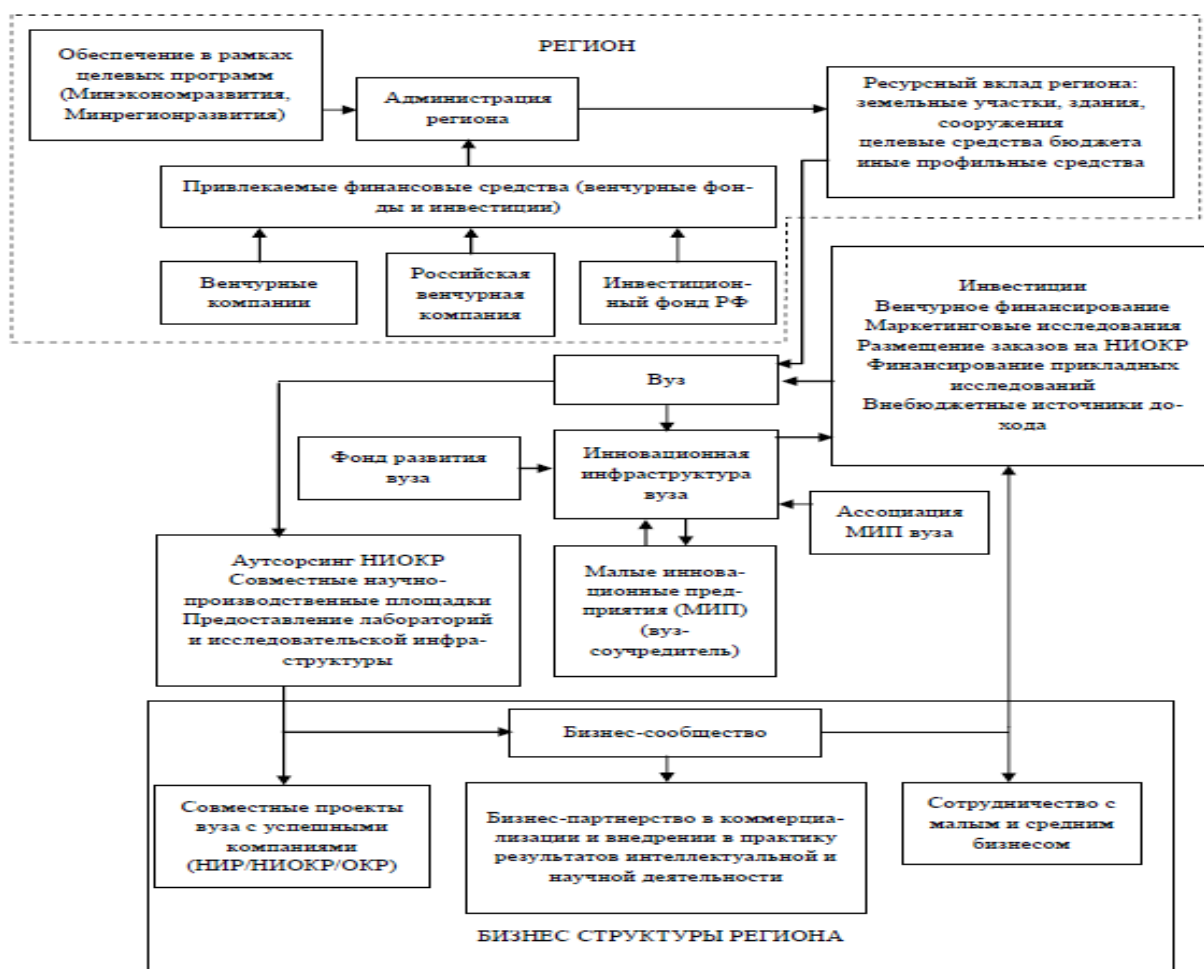

Рис. 1.2 Структурная схема научно-образовательного центра взаимодействия «власть – бизнес – наука»⁵¹

⁵¹ Михайлов В.Н. Методические подходы к созданию регионального центра взаимодействия «власть – бизнес – наука» в контексте модели «тройной спирали» // Вестник университета. 2016. №10. С.39.

2000–2010 гг.	2010 – по н.в.
1. Поддержка исследований путем распределения финансовых ресурсов, использования оборудования, создания благотворительных целевых фондов для обновления университетских лабораторий и предоставления стипендий для реализации новых перспективных проектов; 2. Проведение совместных исследований на контрактной основе с участием научных сотрудников или сотрудников, занимающихся консультационными услугами, а также создание исследовательских групп, специально предназначенных для решения бизнес-задач 3. Трансфер знаний посредством формального и неформального взаимодействия, сотрудничество в области образования, разработка учебных программ и обмен сотрудниками 4. Трансфер технологий ориентирован на решение конкретной бизнес-проблемы, когда университет занимается исследованиями и разработками, будучи экспертом, оценивает и продвигает технологии, необходимые для рынка (патенты, лицензии)	1. Совместные научные исследования 2. Коммерциализация результатов НИОКР 3. Мобильность студентов и сотрудников – распространение знаний и технологий посредством обмена студентами и преподавательским составом между университетами и предприятиями 4. Разработка совместных учебных программ, включая курсы, специальные гостевые лекции и семинары 5. Непрерывное обучение и развитие компетенций и навыков, включая расширенное образование, обучение и наставничество 6. Предпринимательство – активное вовлечение университетов в создание новых предприятий и развитие предпринимательского мышления у студентов и ученых в результате взаимодействия с бизнес-структурами 7. Управление – ученые из университетов, участвующих в принятии решений в компаниях и на руководящих должностях; с другой стороны, представители бизнеса участвуют в управлении университетскими департаментами и т. д.

Рис. 1.3 Динамика форм взаимодействия вузов и реального сектора экономики⁵²

Отметим, что концепция интеграции региональных вузов в инновационную парадигму реформ российской экономики посредством создания вузовских бизнес-инкубаторов не является ультра-новой и реализуется в стране практически с начала XXI века, чему способствовали изменения официального нормативного пространства университетской деятельности⁵³. Данные процессы активно изучаются в научном сообществе. В частности, Р.Ю. Стыцук, О.А. Артемьева и И.В. Рожков в своей работе приводят анализ российского опыта ведущих университетов по созданию подобных структур и обосновывают «целесообразность повышения конкурентоспособности современных университетов посредством развития центров трансфера технологий»⁵⁴. Подчеркнем, что в настоящее время помимо

⁵² Овчинникова Н.Э. Взаимодействие региональных университетов с промышленностью: новые возможности бизнес-инкубирования // Вопросы управления. 2018. №2 (32). С.86.

⁵³ «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации. Указ Президента РФ от 04.04.1996; «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности», Федеральный закон РФ от 02.08.2009 №217-ФЗ.

⁵⁴ Стыцук Р.Ю., Артемьева О.А. и Рожков И.В. Развитие бизнес-инкубаторов и трансфер технологий как элементы инновационной стратегии университета // Российское предпринимательство. 2014. №2 (268). С.90. (90-95);

указанных, существует значительное многообразие формальных моделей бизнес-подразделений, создаваемых в региональных вузах: научные парки, совместные НИИ и лаборатории, акселераторы, технопарки, МИПы, «базовые» кафедры, экспертные площадки и др. Однако, подтверждая наш тезис о преимущественно концептуально-теоретическом, а не эмпирическом статусе таких моделей, Н.Э. Овчинникова в 2018 году отмечает, что большинство из них или существуют «на бумаге», или, в лучшем случае, осуществляет «фрагментарную поддержку студенческих стартапов»⁵⁵.

Столь бурный рост бизнес-ориентированных структур в региональных вузах России когерентен аналогичным процессам в европейских странах, что может объясняться стремлением политического руководства страны осуществить цель ее интеграции в мировое экономическое пространство, где институциональное взаимодействие власти, науки и бизнеса территорий также идеологически позиционируется основным аргументом успешности инновационного развития.

Отметим, что общая идеологическая цель инновационного прорыва в модели тройной спирали и концептуальные схемы ее реализации имеют в геополитическом масштабе определенные национальные различия. Например, значимым в аспекте проблем положения регионального вуза в России является анализ статуса университетов, на базе которых создаются бизнес-инкубаторы, а также приоритетных источников финансирования таких инициатив в странах Европы, Северной Америки и Азии, проведенный Д. И. Артемовой и соавторами⁵⁶. Согласно результатам их работы, в указанных мировых регионах сформировалось три основные модели, представляемые в оптике «тройной спирали». Для Евросоюза характерно создание бизнес-инкубаторов при самых крупных университетах из числа «Топ-200» мировых рейтингов. При этом профили подготовки в этих вузах не имеют принципиального значения. В свою

⁵⁵ Овчинникова Н.Э. Взаимодействие региональных университетов с промышленностью: новые возможности бизнес-инкубирования // Вопросы управления. 2018. №2 (32). С.87.

⁵⁶ См. напр.: Артемова Д.И., Малова А.С., Мокринская Н.А., Мухачева А.В., Рыбакова Ю.В. Функционирование бизнес-инкубаторов при университетах Европы, Северной Америки и Азии // Инновации. 2016. №7 (213). С.75-86.

очередь, для Северо-Американского региона какой-либо закономерности в отношении типа вузов, где созданы наиболее успешные, по версии «UBI Global»⁵⁷, бизнес-инкубаторы, не выявляется. Аналогична ситуация и в странах Азии, однако существует тенденция к выбору вузов с ярко выраженной специализацией. В результате Д. И. Артемова и соавторы отмечают, что в рамках концепции тройной спирали наиболее прогрессивной ее стадии в настоящее время достигла северо-американская модель по всей совокупности признаков.

Подчеркнем, что глобальная парадигма Четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0) обуславливает фактически тотальное распространение модели тройной спирали, когда помимо Европы и США ее активно внедряют в реформировании университетского образования и страны Латинской Америки. Здесь наблюдаются наиболее близкие современной российской стадии «спирализации» процессы: развитие грантовой поддержки передовых вузовских исследований на фоне «утечки мозгов», преодоление разницы доходов исследователей в стране и за рубежом, преодоление разрыва и поддержка баланса между прикладными и фундаментальными исследованиями, повышение национальных наукометрических показателей деятельности вузов в мировых рейтингах и подобные. Лидером в этом регионе на данный момент признается Бразилия⁵⁸.

Отметим, что и сама концептуальная модель «тройной спирали» претерпевает в последние годы свое развитие в сетевом принципе интеграции общественных институтов. В частности, предлагается дополнить трехзвенную структуру такими элементами как «общество», «гражданское общество», что приводит к ее четырехзвенному состоянию в циклически-процессуальном аспекте и расширяет предполагаемую базовой моделью кластерно-сетевую

⁵⁷ Официальный сайт UBI Global // URL: <https://ubi-global.com/>

⁵⁸ См. подробно: Борисоглебская Л.Н., Михайлов В.Н. Исследование эффективных форм инновационного развития наукоемких и высокотехнологичных отраслей на основе механизмов модели «тройной спирали» на примере стран Латинской Америки // Инновации. 2015. №9 (203). С.78-85.

форму (RIS3)⁵⁹. Мы полагаем такое расширение методологически избыточным для нашей работы, так как сама логика реализации инновационного развития по модели тройной спирали подразумевает контекстуальное наличие общества как такового. Также априорно предполагается и достижение синергического эффекта «оптимальной» стадии сетевой постиндустриальной экономики именно на принципах самоуправления «гражданского общества».

При этом современные исследования и аргументация такой модернизационной политики по-прежнему осуществляются на фоне недостаточной эффективности подобных процессов в российских региональных вузах⁶⁰. Например, на основе анализа публикаций еще рубежа 2000-х годов⁶¹, отдельные авторы приходят к ряду важнейших теоретических выводов о статусе регионального вуза в России как базы культурного наследия и исторической памяти территорий, испытывающей на себе уже не только «двойную», но «тройную» нагрузку как научных и образовательных учреждений, так и центров интеграции региональной культуры. Говорится о необходимости создания «сбалансированной» системы регионального высшего образования, учитывающей специфику конкретных территорий. Отметим, что на это, например, ориентировано и право формирования региональными вузами соответствующих образовательных программ, установленное действующим ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» исходя из смысла ст.12. Наиболее отчетливо это просматривается в п.12 данной статьи: «К экспертизе примерных основных общеобразовательных программ с учетом их уровня и направленности (в части учета региональных, национальных и этнокультурных особенностей) привлекаются уполномоченные органы государственной власти субъектов Российской Федерации».

⁵⁹ См. напр.: Караяннис Э., Григорудис Э. Четырехзвенная спираль инноваций и «умная специализация»: производство знаний и национальная конкурентоспособность // Форсайт. 2016. Т.10. №3. С.31-42.

⁶⁰ См. подр.: Платонова Р.И., Бубякина Е.В., Парфенов И.Я. Состояние и перспективы региональных вузов в современной системе высшего образования // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т.5. №3 (16). С.153-157.

⁶¹ Долженко О. Ориентация на региональные центры образования // Alma mater. Вестник высшей школы, 1998. № 3. С. 7-9; Рассадин Н.М. Миссия университета в регионе // Вестник Костромского педагогического университета. 2002. № 3. С. 22-27.

Также о специфике современных образовательных стандартов говорит В.П. Шестак, подчеркивая в оптике «тройной спирали», что «ФГОС 3++ должны учитывать как стратегические цели государства и ситуацию в реальном секторе экономики, так и основные тенденции развития мировой науки как социального института, её вклад в мировую экономику и в решение стратегических проблем, которые ставит перед собой глобальное сообщество»⁶². При этом сам же указанный автор в заключении своей статьи констатирует, что в российских реалиях работа по формированию образовательных и профессиональных стандартов, как и реализации «спиральной» модели вообще, оказалась крайне затратной и малоэффективной для «проектной инвестиционной экономики в целом»⁶³.

Отметим, что отрицательную динамику переживают и соседние государства бывшего соцлагеря, наследующие традиции административно-командной организации хозяйствования СССР. Таким примером может служить Беларусь, неуклонно теряющая свои позиции в рейтинге глобального индекса инноваций и испытывающая те же, что и Россия, и страны Латинской Америки, сложности в вопросах трансфера инноваций в университетской деятельности по причине низкого финансирования науки, низкотехнологичной продукции, неразработанности адаптированных национальных механизмов интеграции бизнеса и научно-образовательной сферы, и подобных⁶⁴.

В свете такой ситуации одним из путей создания интегративных институциональных площадок «государство – бизнес – образование» на базе региональных вузов в России стала модель предпринимательского университета. Сегодня она является «зонтичной» и распространяется в учреждениях высшего образования вне зависимости от их статуса. Данная модель является, по сути, очередным ответом на политические вызовы инноватизации и повсеместно отмечаемые с той или иной степенью

⁶² Шестак В.П. Модель «тройной спирали», ФГОС 3++ и образовательные программы в высшей школе России // Высшее образование в России. 2017. №2. С.20 (15-23).

⁶³ Там же. С.21.

⁶⁴ См. подр.: Садовский И.В., Пузыревская А.А. Направления трансфера инноваций в республике Беларусь // Труды БГТУ. 2017. Серия 5. №1. С.305-309.

критичности и политкорректности⁶⁵ сложности образовательной реформы⁶⁶ и иных направлений модернизации в русле стратегии «Прорыва».

Несмотря на начавшийся в России еще в конце 1990-х годов рост публикаций по данной теме в развитие идей Б. Кларка⁶⁷, отмечается отсутствие четкого определения такого типа вуза. С другой стороны, к предпринимательскому университету выдвигаются «следующие требования:

- университет должен как организация демонстрировать предпринимательское поведение;
- ППС, сотрудники и студенты как члены университета должны быть предпринимателями;
- взаимодействие между вузом и окружающей средой должно приводить к структурному сопряжению региона и университета»⁶⁸.

Современные исследования активно развивают данную проблематику, например дополняя концепцию предпринимательского вуза Б. Кларка идеями концепции «Университета 3.0» Й. Уисемы⁶⁹. В частности, Н.В. Головкин, О.В. Зиневич и Е.А. Рузакина сопрягают обе эти концепции на основе общего (в определенной степени) видения вуза как субъекта «корпоративного этоса». Отмечается, что Кларк и Уисема раскрывают как-бы разные стороны одного процесса. Если первый определял необходимость развития предпринимательской культуры вуза внешними факторами (вызовы экономики

⁶⁵ См. напр.: Рогачева Е.Ю., Слепухин А.Ю. Региональные вузы и международная интеграция образования // Интеграция образования. 2015. №1. Т.19. С.6-12; Вольчик В.В., Москаев А.И., Савко П.О. Институциональные и организационные изменения при слиянии вузов // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). 2017. Т.9. №3. С.147-163.

⁶⁶ Качество высшего образования в России не растет, несмотря на то что финансирование было увеличено в 20 раз с 2000 года, сообщил глава Минобрнауки Дмитрий Ливанов, выступая на съезде Российского Союза ректоров // РИА Новости. 10 июля 2014 г. URL: <https://ria.ru/20140710/1015442729.html> (дата обращения: 05.08.2019)

⁶⁷ Clark B. Creating Entrepreneurial Universities: Organization Pathways of Transformation. Guildford, UK: Pergamon, 1998.

⁶⁸ Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Что такое предпринимательский университет // Вопросы образования. 2007. №1. С.54.

⁶⁹ Wissema J. Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition. Northampton, MA: Edward Elgar, 2009.

«инноваций»)), то второй - внутренней необходимостью в условиях конкуренции за ресурсы (финансирование, кадры и т.д.)⁷⁰.

К настоящему времени концепция тройной спирали в отношении региональных вузов через формы предпринимательского университета находит свое развитие в предложении конкретных методологических инструментов новейших топологических и сетевых подходов. В частности, они ярко представлены в работах Р.А. Заякиной, выявляющей «качества, необходимые для выработки успешных предпринимательских стратегий университета и формирования среды, благоприятной для развития бизнеса, на основе топологического видения социальных сетей»⁷¹ на основе дескриптивной модели.

Отметим, что такой подход полностью удовлетворяет требованиям организации сетевого взаимодействия субъектов «тройной спирали» через такие формы, как, например, виртуальные бизнес-инкубаторы. Сегодня это особо актуально для региональных вузов, включенных в новый виток «инноватизации» через идеологемы «цифровой экономики» глобального концепта Индустрии 4.0⁷².

Обобщая изложенное, особо подчеркнем, что на сегодняшний день сформулировать лаконичное и непротиворечивое определение понятия «региональный вуз» крайне затруднительно. К тому же и сам трансинституциональный дискурс субъектов тройной спирали, равно как и его мета-язык коммуникации, только формируется сообразно динамики научно-образовательных реформ. Однако востребованность базового концепта очевидна, иначе невозможным становится построение даже базовых априорных моделей и интеллектуальных операций с ними. В свою очередь, в диссертационной работе *региональный вуз* мы понимаем как любое

⁷⁰ Головкин Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уисема // Высшее образование в России. 2016. № 8-9. (204). С. 40-47.

⁷¹ Заякина Р.А. Топология предпринимательского университета: статическая дескриптивная модель // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 69-78; Заякина Р.А. Топология предпринимательского университета: динамическая дескриптивная модель // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 69-78.

⁷² См. напр.: «Цифровой регион»: Среднерусский экономический форум. 26-27 июля 2019 года г. Курск. URL: <http://www.sef-kursk.ru/2019/>

государственное образовательное учреждение системы высшего образования, территориально локализованное вне столичного региона (т.е. Москвы и Санкт-Петербурга), выступающее структурно-функциональным элементом системы научно-образовательного обеспечения кластерной модели социально-экономического развития субъектов РФ в парадигме «тройной спирали», но преимущественно не имеющее особого юридического статуса в формальной университетской иерархии.

1.2. Воспроизводство и трансляция культурных социокодов в ценностно-нормативном пространстве вуза

Современные нормативно-правовые акты устанавливают для университетов не только новые приоритеты «инноватизации». На высшем политическом уровне признается и необходимость сохранения целей высшего образования, которые можно называть традиционными. Например, Указ Президента РФ 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в отношении развития образования при разработке нацпроекта «Образование» предписывал Правительству РФ в качестве целей ориентироваться на «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»⁷³. Тем не менее нормативно-правового акта также ориентирует органы исполнительной власти на достижение указанной цели в рамках приоритетов «технологической», «инновационной» парадигмы социально-экономического развития. То есть контекстуально ценностно-нормативная трансинституциональная модель «тройной спирали» в развитии российских университетов сохраняется. Это соответствует прагматической установке современного этапа модернизации на то, что

⁷³ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 13.08.2019)

«сущность практической целесообразности высшего образования заключается в его изначальной ориентации на интеграцию его содержания в контекст культурной парадигмы»⁷⁴.

Следовательно, проблема воспроизводства и трансляции культурно-цивилизационных социокодов в системе высшего образования сегодня является крайне дискуссионной и актуальной, что требует ее рассмотрения в первую очередь в контексте процесса общественного воспроизводства в целом. Операционализируя базовые дефиниции, в данной работе *воспроизводство социокодов* мы будем понимать как *процесс воссоздания, возобновления социокультурной информации в ее многочисленных формах, зашифровывающих ценности и нормы, заложенные в основания общественного развития как паттерны регуляции социальных процессов*. Понятие *трансляции социокодов* отражает *процесс передачи, распространения многочисленных форм социокультурной информации в пространстве и во времени*. Особо подчеркнем, что реальные процессы, теоретически концептуализируемые дефинициями воспроизводства и трансляции социокодов, могут быть рекурсивны, а сами их понятия амбивалентны. То есть, в зависимости от конкретных исследовательских задач, и воспроизводство, и трансляция, могут быть представлены как элемент друг друга, или даже тождественно. В нашем исследовании мы методологически определяем *трансляцию* как *элемент, циклическую стадию* воспроизводственного процесса, где *социокод*, как объект воспроизводства, *тиражируется*.

Отметим, что предложенные общие определения могут быть конкретизированы лишь при их системно-структурном рассмотрении, например, типологизации. В частности, Н. Ц. Шойдокова, анализируя работы В. И. Чупрова, Ю.А. Зубок, А. С. Ахиезера, И. Г. Яковенко и др., приводит различные типологии воспроизводства, отмечая, что «в большинстве случаев в основании типологии социокультурного воспроизводства взят критерий

⁷⁴ Дубинина Т.М. Функционально-ролевая динамика института высшего образования в условиях трансформирующегося общества [электронный ресурс] // «Инновации в науке»: материалы XXII международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2013. URL: <http://sibac.info/2009-07-01-10-21-16/8466-2013-07-24-18-14-57>

полноты воспроизведенного наследия, т. е. отношения масштабов конечного состояния системы к исходному, как и в экономике, но ставятся иные акценты»⁷⁵.

Например, В. И. Чупров, Ю.А. Зубок и К. Уильямс выделяют такие типы социального воспроизводства, как: суженное, или деструктивное (отставание развития), простое (повторение) или расширенное (возобновление во все увеличивающихся масштабах)⁷⁶.

А. С. Ахиезер выделяет деструктивный, простой (статичный) и интенсивный (динамичный) типы социокультурного воспроизводства на основании критерия его эффективности⁷⁷.

Типология И. Г. Яковенко основана на понимании модернизации как перехода от традиционного к современному обществу, характеристикой которого является движение к «имманентно-динамическому качеству», которое соответствует переходу от ценностно-рационального (wertrationale) к целерациональному⁷⁸.

Сама Н. Ц. Шойдокова в качестве критерия типологизации социокультурного воспроизводства выделяет «степень новативности его механизмов». Это позволяет понимать их собственную трансформацию в соответствии с современными особенностями состояния социума и происходящих в нем процессов⁷⁹.

Согласно В. В. Кирпичеву, воспроизводственный цикл состоит из четырех взаимообусловленных фаз:

- 1) Производство.
- 2) Распределение.
- 3) Обмен.
- 4) Потребление.

⁷⁵ См.: Шойдокова Н. Ц. Молодежь в социокультурном воспроизводстве: к вопросу о типологии социокультурного воспроизводства // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 1 (46). С. 119.

⁷⁶ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. С. 66.

⁷⁷ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 806 с.

⁷⁸ См.: Яковенко И. Г. Свежий взгляд на историю // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 109.

⁷⁹ См.: Шойдокова Н. Ц. Указ. соч. С. 119.

Главная роль здесь отводится производству, которое в его процессуальных аспектах и понимается как собственно воспроизводство, создание нового продукта на основании произведенного ранее. Конечной целью общественного воспроизводства всегда, абстрактно, является человек⁸⁰. Также цитируемый автор подчеркивает, что интеллектуальный труд имеет своим результатом создание нематериальных благ, в том числе образовательных услуг, научных открытий и т. д.

Мы полагаем, что система высшего образования включает весь спектр объектов воспроизводства, представленных выше. Здесь присутствует как собственно антропный объект (человек), так и продукты научно-образовательной, а сегодня и предпринимательской деятельности. В этом случае можно утверждать, что данные типы воспроизводства являются инструментами реализации более масштабных функциональных процессов, объединенных общей целью института высшего образования по воспроизводству и поддержанию социальной структуры общества (рис. 1.4). Именно данную функцию ряд авторов считает ключевой, но «неотрефлексированной»⁸¹ в науке, политике, экономике. Например, С.Г. Кордонский утверждает: «Среди множества функций института образования есть одна, внимание к которой политиков, теоретиков и идеологов исчезающе мало. Эта функция ... и есть главная. Это воспроизводство социальной структуры. Содержание обучения и его формы, в том числе и организационные, производны от этой базовой функции»⁸².

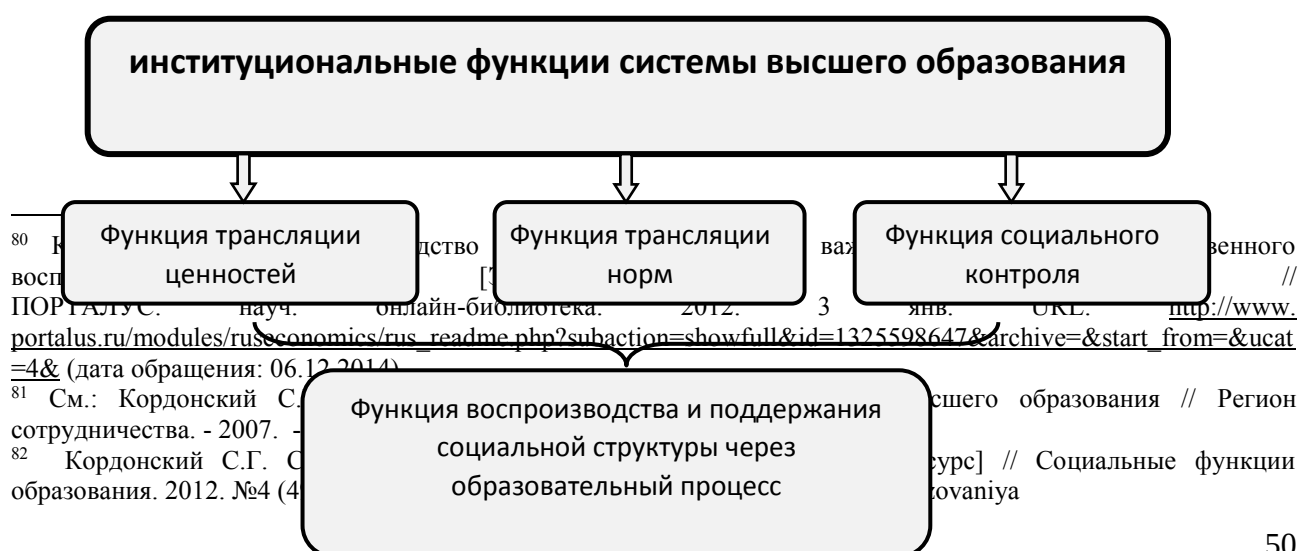

Рис. 1.4 Функциональная макро-структура современного университета

С институциональных позиций мнение С.Г. Кордонского подтверждается также теоретическим положением А.Т. Ростовской: «один из основных механизмов социального воспроизводства связан с активной деятельностью общественных институтов, ориентированных на сохранение внутренней структуры и в случае необходимости – адаптацию к происходящим в обществе изменениям»⁸³.

Следовательно, вузы, как формальные, институционально-организационные формы образования, являются значимыми субъектами процесса социального воспроизводства. В свете такого подхода вуз со структурно-функциональных позиций удачно характеризуют Л.А. Лебединцева и Р.Х. Салахутдинова, говоря о том, что: «... функции образования ... выступают как наиболее устойчивые направления воздействия формального образования на основные сферы общественного развития, имеют объективный и системный характер. Эти функции реализуются через сложную, многоуровневую и разветвленную сеть формальных организаций, имеющих давние, устойчивые социально-исторические связи как друг с другом, так и с внешними ... Они находятся под социальным, государственным контролем в той мере, в которой общество или господствующие группы вырабатывают и

⁸³ Ростова А.Т. Воспроизводство общественной структуры: трансляция и трансформация социальных форм // Философия права. 2018. №2 (85). С.122.

одобряют ... концепцию сети образовательных организаций, обеспечивают ресурсы для ее развития».⁸⁴

Приведенная выше позиция актуальна и сегодня, однако, как показано в параграфе 1.1, существенно трансформирована относительно «традиционного» образца университета. Сформированная на старте политики модернизации научно-образовательная среда⁸⁵ (рис. 1.5) вузов активно дополняется образцами предпринимательской культуры. Это существенно изменяет не только институциональный статус и цели, но и ценностно-нормативное пространство университета в процессе социокультурного воспроизводства. В результате общеинституциональный подход, определяющий в целом типичный и общепринятый функциональный набор вуза, требует определенного пересмотра. То есть организационная, интегративная, нормативная, коммуникативная, адаптационная функции и функция социального контроля⁸⁶, нередко интегрируемые функцией трансляции культурно-исторического опыта⁸⁷, необходимо нуждаются в выявлении своего современного содержания когерентно изменениям социокультурного статуса вуза в «спиральной» парадигме (рис.1.6).

⁸⁴ Лебединцева Л.А., Салахутдинова Р.Х. Трансформация функций высшего образования: экономико-социологическая проблематизация // Известия Волгоградского технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2012. Т. 3. №10. С.41-45.

⁸⁵ См. подробно: Формирование инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде [Текст]: монография / П.Ф. Кравчук, Е.И. Боев, Е.Г. Каменский. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2012. С.56.

⁸⁶ См. напр.: Кораблева Г.Б. Профессия и образование: социологический аспект связи / М-во общего и проф. обр-я РФ; Урал.гос.проф.пед.ун-т; Урал.гос.науч.-образоват.центр РАО; Инт-т социологии и эк-ки. Екатеринбург, 1999. 284 с.; Лебединцева Л.А., Салахутдинова Р.Х. Трансформация функций высшего образования: экономико-социологическая проблематизация // Известия Волгоградского технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2012. Т. 3. №10. С.41-45.

⁸⁷ Днепров Э.Д. Проблемы образования в контексте общего процесса модернизации России // Педагогика. - 1996. - № 5. Цитата по: Калугина Д.А. Трансформация функций высшего профессионального образования // Вопросы политологии социологии. 2011. №1. URL: <http://politsocio.uapa.ru/ru-ru/issue/2011/01/10/>

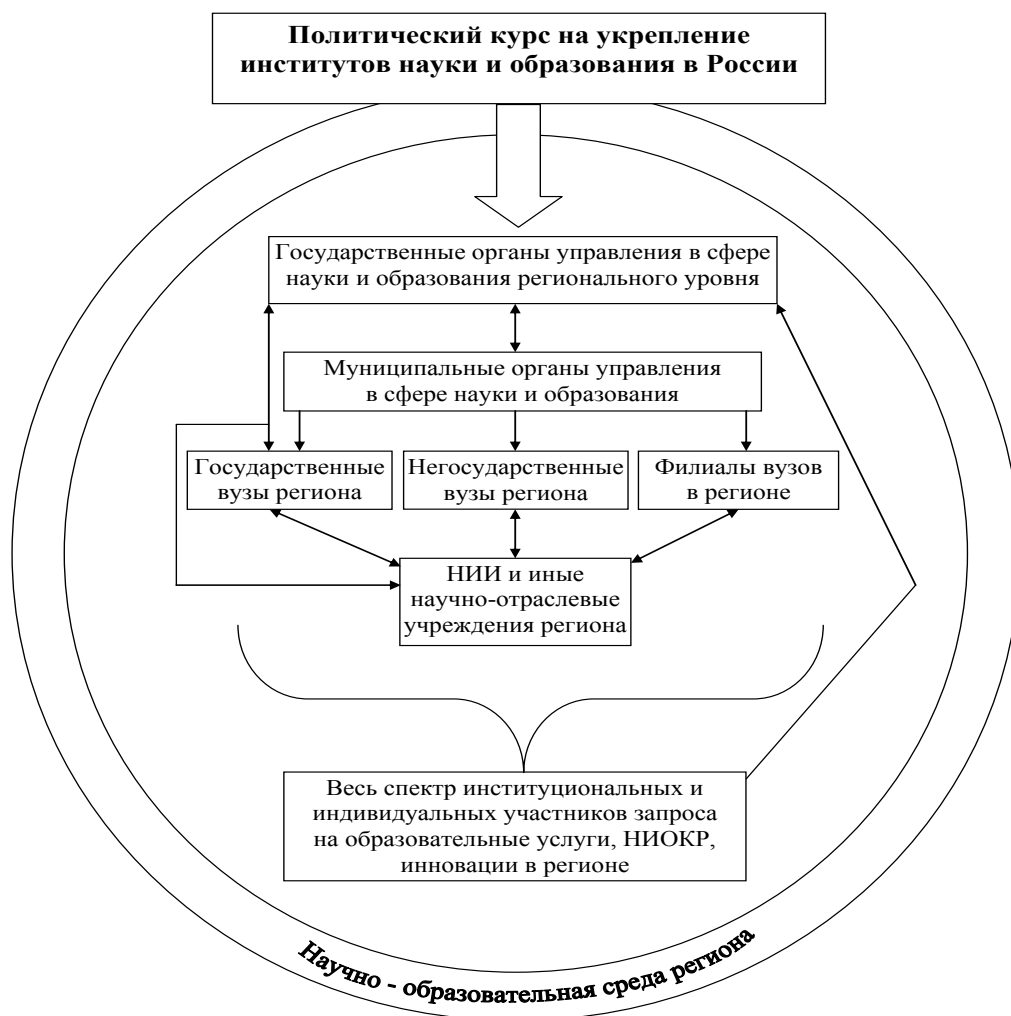

Рис. 1.5 Структурно-институциональная модель научно-образовательной среды региона

Рис.1.6 Научно-образовательная среда регионального вуза в модели тройной спирали⁸⁸

Также важно понять, насколько жизнеспособными остаются позиции, согласно которым «несмотря на то, что образовательное учреждение, прежде всего высшее учебное заведение, оказывает многоаспектное, комплексное воздействие на личность, тем не менее, основная задача вуза - подготовка специалиста высшей профессиональной квалификации»⁸⁹, в свете того, что конкретно в настоящее время подразумевается под профессиональной квалификацией.

Иными словами, в социокультурном масштабе основной проблемой становится выявление содержания транслируемых вузами социокодов и их адекватности современному этапу общественного воспроизводства. Тем более, что вопрос содержания процесса трансляции в университетской деятельности претерпевал значительные изменения, коррелируя к культурно-историческим трансформациям функций высшего образования как общественного института⁹⁰.

В частности, в описании современной ситуации подчеркивается, что социокультурная эволюция требует соответствующих изменений в системе высшего образования. Иначе она «продолжает транслировать архаичный социальный опыт, причем искажаемый происходящими переменами. ... такой искаженный архаичный транслятор привносит в систему складывающихся социокультурных отношений «мутации», чуждые как для старого, так и для нового типов культуры, нарушая тем самым не только их преемственность, но и общий вектор социокультурного развития»⁹¹. Данное предположение можно

⁸⁸ 1) Серым цветом выделен блок научно-исследовательских функций; без заливки цветом – блок функций профессиональной социализации;

2) Стрелки: цветом выделены наиболее значимые связи; без заливки цветом – возможные значимые, пунктиром – возможные вероятностные (неспецифические).

⁸⁹ Королева С.С. Профессиональная социализация личности в процессе вузовского образования // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. №2. С.78.

⁹⁰ См.: Емельянова И.Н. Приоритетные функции университетского образования на различных этапах становления высшей школы // Образование и наука. 2005. № 5 (35). С. 120-130.

⁹¹ Карпов А.О. Особенности социокультурной трансляции в современной системе среднего образования // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т.V. – Вып.3-4 (17-18). – С.307-327 (310—311).

считать вполне правомерным, основываясь на теории функциональных систем, согласно которой «при достижении результата деятельности его параметры запечатляются на структурах соответствующей функциональной системы в виде механизма опережающего отражения действительности, что, в конечном счете, формирует цель деятельности субъектов по достижении потребных результатов»⁹².

При этом особо отметим, что даже операционализация понятия социокода в современной научной теории является достаточно динамичным проблемным полем. Это отражает объективные затруднения формирования дефиниции такого обширного по своему содержанию феномена. Первенство в отношении введения понятия социокода относят к М.К. Петрову⁹³, анализировавшему проблемы знаково-языковых кодов, знания, смыслов культуры с междисциплинарных социогуманитарных позиций. В настоящее время одной из наиболее методологически ценных в данной области является работа А.В. Филатовой⁹⁴, опирающаяся во многом на положения его теории.

Основываясь на позициях указанных авторов, обобщенно мы будем понимать *социальные коды как крипто- (скрытые, неявные) формы социокультурной информации, зашифровывающие морфологически многообразные паттерны регуляции общественной жизни, неизменно включающие ценности и нормы, а также основанные на них базовые модели социальных практик*. Следовательно, ценностный компонент кодирования отражает функцию трансляции смыслов социальной жизнедеятельности и является репрезентирующим эти смыслы референтом в широчайшем спектре возможных форм социальных взаимодействий. Здесь знак, как транслируемый феномен в социосемиотическом понимании⁹⁵, составляет сущность социокода, пролонгируя в будущее закодированные (или, крипто-) формы общественной

⁹² Судаков К.В. Теория функциональных систем как основа модульного образования в высшей школе // Матер. конф. «Высшее образование для XXI века». - 2006. - № 4. - С.39.

⁹³ Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Едиториал УРСС, 2004. — 328 с.

⁹⁴ Филатова А.В. Значения и смыслы понятия «социокода» в современной социально-философской мысли // Гуманитарный проект Руниверс. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/103772/> (поиск произведен 14.11.2013).

⁹⁵ См. напр.: Ильин М.В., Фомин И.В. Социальная семиотика: изучение дискурсов и практик социального взаимодействия // Дискурс-Пи. 2018. Т.15. №3-4. С.15-24.

жизни прошлого. То есть выступает, в терминологии М.К. Петрова, *социальным геном*.

Подчеркнем, что социокоды транслируются в мировоззренческие структуры индивидуального субъекта в системе последовательности «знание – индивид – деятельность» в виде типизированных программ решения столь же типизированных задач. Но транслируются через «воспитателя» (в широком смысле слова), приносящего данные структуры как данность в системы субъектности. Впоследствии они реализуются в деятельности. Но существуют уже, возможно, в трансформированном субъектом виде, пройдя через индивидуальные системы интерпретаций⁹⁶. Из продуктов трансформации исходного социокода впоследствии формируется содержание транслируемого. Однако это новое содержание конвергируется, как правило, с сохранением фундаментальных, универсальных признаков того или иного типа культуры. Таким образом трансляция социального кода, тиражируя его в пространстве институциональных практик, обеспечивает хронологическое воспроизводство культурной информации.

С учетом позиции М.К. Петрова о роли «воспитателя», в нашем случае понимаемого как учреждения высшего образования, объективируются их социальный статус и роль в процессах трансляции культурно-цивилизационных социокодов в историческом развитии общества. Сами же *социокоды* сущностно — это многообразные формы ценностно-смысловых паттернов культуры. Они - отражение базовых оснований ее структуры и коррелирующих к ней способов опредмечивания социокультурной памяти, то есть социальных практик.

С учетом существенных трансформаций статуса и социокультурной миссии университетов в сложившихся условиях, в первую очередь необходимо учитывать два наиболее существенных параметра трансляции:

1. Состояние транслятора и особенности его влияния на процесс трансляции.

⁹⁶ См. подр.: Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С.29-32.

2. Содержание транслируемой информации и смыслов, то есть социокода.

Современный вуз, в каком бы статусе он ни был представлен в университетской системе, находится в состоянии динамичного реформирования. Данное состояние может быть охарактеризовано как «нестабильность» и с этих позиций характеризует первый ключевой параметр трансляции. В таком случае утверждения, аналогичные, например, мнению Т.Л. Михайловой и О.С. Петровой о том, что: «...система образования обладает важнейшей функцией ... воспроизводства общества с помощью трансляции опыта, знаний, ценностей и норм культуры от поколения к поколению», что «свидетельствует о праве системы на неприкосновенность ее устойчивых параметров»⁹⁷, не отражают реальное состояние самого вуза как транслятора. Фундаментальный вопрос в этом случае заключается в том, какие именно параметры необходимо должны сохраняться, чтобы обеспечивать процесс трансляции. Кроме того, «процесс трансляции знания от одного субъекта к другому ... никак нельзя представить механической моделью. Последняя должна быть функцией сложноорганизованной системы»⁹⁸.

При этом современный управленческий подход порождает новые критерии понимания и оценки системы высшего образования и роли вузов, их функций, также базируясь на принципах сложноорганизованности. Заключительная стадия модели тройной спирали и предполагает синергичную интеграцию ее основных институциональных субъектов и возникновение конвергентного трансинституционального полифункционального пространства «инноваций».

Следовательно, транслируемые в ценностно-нормативном пространстве вуза социокоды также должны иметь конвергентно-институциональный характер. К примеру, концепция «образовательного производства вуза» в масштабах общественного воспроизводства представляет его как « ... процесс выделения из общей совокупности всех знаний, умений и навыков строго

⁹⁷ Михайлова Т.Л., Петрова О.С. INCRUSTATIO: консервативные технологии в модернизации системы современного образования // Фундаментальные исследования. 2013. №10. С.455.

⁹⁸ Дорожкин А.М. Модели трансляции знания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. № 1. С. 410.

определенной суммы ..., относящихся к конкретным областям жизнедеятельности человека, их систематизация в рамках отдельной образовательной программы, генерирование новых знаний, умений и навыков, а также трансляция выделенной и систематизированной совокупности знаний, умений и навыков от преподавателей к обучающимся».⁹⁹ Однако современный компетентностный подход к вузовскому образованию требует развития у студента любой специальности общих компетенций, далеко выходящих за рамки профессиональных. Примером федерального уровня может служить содержащийся в упомянутом Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 норматив обновления содержания и совершенствования методов обучения предметной области «Технология» в образовательном процессе как таковом.

Отметим, что модель предпринимательского университета, реализующая принципы «спиральной» эволюции высшего образования, требует формирования и развития у субъектов образовательного пространства вузов основ и предпринимательской культуры. В такой ситуации ценностно-нормативное пространство вуза существенно трансформируется. В его структуру интегрируются нетипичные для традиционной университетской среды паттерны бизнес-моделей. При этом такие модели профессионального сознания и социальных практик являются нетипичными для российской культуры в целом. В реальности современный этап реализации модели тройной спирали на платформе региональных вузов отражает тенденции технологизации и унификации основ организации антропных, социальных, экономических, производственных и техногенных пространств в друкеровской парадигме эффективного менеджмента.

Показательна в отношении данной ситуации позиция В.И. Вольчик и соавторов, отмечающих на фоне интеграции российских вузов в глобальный рынок образовательных услуг и переосмысления их статуса в концепции бизнес-организации, что «возникает парадокс: функционирование университета

⁹⁹ Сухочев В.И. Образовательное производство вуза: аккумулярование, систематизация, генерирование и трансляция знаний // Вестник УГАЭС. Наука. Образование. Экономика. Серия: Экономика. № 1 (1). 2012. С. 97.

в рамках концепции нового менеджмента в сфере общественного сектора подразумевает работу в рыночных или квазирыночных условиях, что должно сопровождаться децентрализацией управленческих иерархий и увеличением автономии вузов, в то же время отмечается сокращение академических свобод и ужесточение контроля за деятельностью университета через систему целевых показателей»¹⁰⁰.

Кроме того, как сказано выше, трансляция социокодов в образовательном процессе вузов как социальная и научная проблема является крайне неоднозначной и конъюнктурной темой. В частности, описываются¹⁰¹ подходы, согласно которым, например, знание не может транслироваться в принципе¹⁰². Так, оно само субъективно приобретаемо на основании существующих и поступающих в сознание символов, событийно преобразуемых далее в знакомые системы, а затем снова символизируемых и являющихся в итоге знанием. В данном случае иллюстрируется фундаментальная проблема понимания механизмов трансляции характеристик и смыслов среды (социокодов) в субъектные структуры сознания и поведенческие корреляты (например, направленность личности) в вузовском образовании.

В контексте данной проблемы необходимость понимания аксиологического и символического содержания трансляции культурных социокодов среды актуализируется наиболее ярко. На основании исследований М.В. Бахтина мы можем идентифицировать два механизма сохранения и закрепления во времени культурно-цивилизационных смыслов. Первый опосредуется индивидуальным сознанием в системе ассоциаций образов биологической памяти, второй – общественным сознанием в виде системы вещественно-материальных артефактов культуры. С помощью системы кодов

¹⁰⁰ Вольчик В.В., Москаев А.И., Савко П.О. Институциональные и организационные изменения при слиянии вузов // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). 2017. Т.9. №3. С.147.

¹⁰¹ См.: Грамыко Н.В. Как возможна трансляция знания? // Высшее образование в России. 2009. №1. С.14-24.

¹⁰² В первую очередь имеется ввиду подход, представленный в работе: Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 224 с. (Представлено по источнику: Грамыко Н.В. Как возможна трансляция знания? // Высшее образование в России. – 2009. - №1. – С.14-24.)

определенные формы жизнедеятельности транслируются в пространстве и времени¹⁰³.

Символические формы, таким образом, выступают ключевыми параметрами формирования перспективы социокультурного развития через их трансляцию в ценностно-нормативных контекстах образовательного пространства вузов. Сами эти формы представляют собой социокоды культуры, декодируемые сознанием в субъективные и групповые паттерны мировоззрения через их последующую символизацию в индивидуальном сознании.

В частности, паттерны предпринимательства в российской культурно-языковой традиции семантически интерпретировались через образы «дельца», «ушлого», содержащие противоречивые, преимущественно негативные социальные черты. В отношении этого факта показательны лингвокультурологические исследования. Например, Т.А. Будановой и Е.И. Зиновьевой установлено, что «носители русского языка старшего и среднего поколения, среди которых был проведен опрос, однозначно характеризуют прилагательное ушлый как слово, имеющее отрицательную оценку. Большинство молодых людей в возрасте от 19 до 23 лет тоже считают это прилагательное неодобрительным»¹⁰⁴. Также отмечается, что «ушлый не сочетается с существительными девушка, женщина, мужчина, а в составе адъективных сочетаний с этим прилагательным выступают девица, мужик, баба, бабенка»¹⁰⁵.

В то же время эпитет «образованный» характеризовал и характеризует человека как носителя «разумности», «честности», что вступает в антагонизм с первым паттерном русского культурно-исторического сознания. В частности, Т.М. Воронина по результатам лингвокультурологического анализа оппозиции «образованный / необразованный человек» отмечает: «Образованный человек,

¹⁰³ См.: Бахтин М.В. Субъекты социальной памяти и трансляция историчности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. №160. С.62.

¹⁰⁴ Буданова Т.А., Зиновьева Е.И. «Ушлый» в русской языковой картине мира // Мир русского слова. 2008. №4. С. 44.

¹⁰⁵ Там же. С. 48.

как правило, отличается высоким уровнем культуры, пытливым умом; обычно занимается интеллектуальным трудом»¹⁰⁶.

В результате согласующиеся с аксиологическими основаниями русской цивилизации паттерны ценностно-нормативного пространства вуза (индивидуальности, целостности и культуросообразности¹⁰⁷), позволяющие транслировать базовые социокультурные ценности, в аутентичном виде могут быть признаны архаичными. Точнее, культуросообразность образовательной деятельности вуза должна будет основываться на ценностях новой «инновационной» культурной парадигмы. Иначе такой тип воспроизводства, реализуемый в механизмах трансляции «устаревших» социокодов, может быть признан в лучшем случае «простым», «статичным» в рамках описанных в начале параграфа концепций В. И. Чупрова, Ю.А. Зубок, К. Уильямс¹⁰⁸ и А. С. Ахиезера¹⁰⁹. Однако, согласно политическим целям преодоления тенденции догоняющей модернизации и интеграции вузов в глобальную парадигму модели тройной спирали, такой тип воспроизводства может быть признан скорее деструктивным. В результате можно утверждать, что, согласно типологии И. Г. Яковенко¹¹⁰, современная университетская система активно включена в имманентно-динамическое состояние перехода от *ценностно-рациональной* к *целерациональной* (по М. Веберу) модели трансляции культурных социокодов, когда, по сути, наблюдается небывалая динамика перманентного цивилизационного сдвига России от традиционного (восточного, азиатского) типа к техногенному (европейскому) по В.С. Степину¹¹¹.

¹⁰⁶ Воронина Т.М. Оппозиция «образованный / необразованный человек» как объект описания в лингвокультурологическом словаре концептов // Вестник Томского государственного университета. 2012. №355. С.11.

¹⁰⁷ См. подр.: Рубанцова Т.А. Образование как способ трансляции ценностей в русской культуре // <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115146>

¹⁰⁸ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Указ. соч.

¹⁰⁹ См.: Ахиезер А.С. Указ. соч.

¹¹⁰ См.: Яковенко И. Г. Указ. соч.

¹¹¹ См.: Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с.

В связи с этим, особый интерес вызывает работа Г.А. Окушовой¹¹², исследующей трансформации ценностных оснований педагогической деятельности. Определяя ситуацию ценностным плюрализмом образования, она говорит о его целях-ориентирах в двух современных формах: «человек образованный» и «человек компетентный». Первая из них понимается как обретение человеком в процессе учения своей уникальности, личностного образа, отражающего смысл жизни, развивая *философско-антропологическое* видение миссии университетов. Вторая – формирование компетентности человека как его способности решать жизненные задачи повседневности на основе полученных опыта и знаний, что соответствует *философско-прагматическому* пониманию высшего образования. В результате Г.А. Окушова приходит к выводу о необходимости тщательного отбора и приращения интегрируемых в ценностно-нормативном пространстве института образования современных культурных образцов на фоне его «децентрированности, фрагментированности и рассогласованности»¹¹³.

В связи с этим проблема содержания трансляции социокультурных кодов в ценностно-нормативном пространстве вуза требует для ее понимания применения кросс-факторного анализа по матричному принципу. Это обусловлено тем, что университеты в современном нормативном поле системно включены в структуру широкого спектра ранее нетипичных социальных связей. В результате формируется их максимальная зависимость не только от национальной и региональных культурных традиций, продуцирующих те или иные социокоды, но и от институциональных контекстов политической (власти) и бизнес-сфер (экономики), содержащих собственные культурно-аутентичные смыслы.

На макро-уровне мы предлагаем оперировать тремя видами ценностно-нормативных матриц, представленных в пассивном и активном статусах:

1. Официальная (декларативно-нормативная);

¹¹² Окушова Г.А. Человек образованный: о ценностных основаниях отечественной педагогики // Вестник ТГПУ. 2009. Выпуск 8 (86). С.12. (11-13)

¹¹³ Окушова Г.А. Указ. соч.

2. Масс-медиа (информация);
3. Обыденная (матрица повседневности).

В социогенетической традиции М.К. Петрова методологически они отражаются в соответствующих уровнях их влияния на процесс социокультурной трансляции в ценностно-нормативном пространстве вуза, когда элемент матричной структуры отражает активность одного фактора, проявленную в другом (пассивном) (рис. 1.7).

		<u>Активный уровень</u>		
		официальная	масс-медиа	обыденная
		A	B	C
<u>Пассивный уровень</u>	официальная	<i>Aa</i>	<i>Ba</i>	<i>Ca</i>
	масс-медиа	<i>Ab</i>	<i>Bb</i>	<i>Cb</i>
	обыденная	<i>Ac</i>	<i>Bc</i>	<i>Cc</i>

Рис. 1.7 Таблица кросс-факторного анализа ценностно-нормативных матриц трансляции культурно-цивилизационных социокодов

Подчеркнем, что такая матрица не предполагает банальный биологический редукционизм, перенося исследовательские механизмы генетики на социальную и культурную материю, а иллюстрирует постнеклассический, синергетический подход в духе междисциплинарного универсализма, например социогенетики М.К. Петрова. Данный теоретически априорный методологический инструмент будет использован нами в двух основных аспектах:

- в первом: активный уровень отражает состояние социокультурной среды общества, пассивный – системы высшего образования;
- во втором: активный уровень характеризует состояния образовательной среды вуза, пассивный – субъектные континуумы социальной реальности.

Также возможны и обратные корреляции.

Например, матричная ячейка «Аа» может быть расшифрована как трансляция официальной идеологии политического курса модернизации в официальной идеологии ценностно-нормативного пространства вуза, где первая детерминационна, вторая – зависима и обусловливаема. То есть различного рода проекты социально-экономического развития РФ и ее субъектов определяют ценностно-нормативное пространство формируемой в университетской деятельности системы целей и показателей ее качества. Таким образом происходит трансляция содержания социокультурного локуса в институциональный. Далее посредством локализации в субъект-объектных связях это содержание отражается уже в локусах субкультурных ценностно-нормативных контекстов образовательной среды вуза.

Особо подчеркнем, что в реальности же воспроизводится и далее транслироваться могут лишь традиционные смыслы культуры, так как сам процесс их передачи в историческую перспективу через формирование мировоззрения субъектов образовательного процесса предполагает наличие устойчивой системы этих смыслов. Современная социокультурная среда не содержит традиционных смысловых конструкторов модернизации, так как данные ориентиры декларированы в *настоящий период* и не имеют исторического содержания. Следовательно, речь может идти лишь об их *формировании*. Но определенные ценностно-нормативные паттерны наделяются культурно-цивилизационными смыслами лишь в процессе их апробации в социальной практике, например, в образовательном процессе вузов, профессиональной деятельности и т.д. Это и формирует, в случае их личностной и социокультурной востребованности, смысловое содержание культурного социокода (символа, знака).

В современных условиях, когда в пассивные, воспринимающие структуры институциональной среды вузов (а), информационного пространства (b) и мировоззрения (с) транслируются неапробированные исторической и социальной практикой паттерны, внедрение которых фактически порождает обратные заявленным «прорывным» эффектам последствия, реципиентные

структуры зачастую отторгают их. Если более конкретно, то культурно Россия скорее традиционный, нежели техногенный цивилизационный тип по В.С. Степину. Однако, именно техногенная, европейская культура содержит в своем социокультурном генотипе такую безусловную нормативную ценность как «Прогресс». Это и определяет существенные различия между ней и патриархальной российской традицией. В первом случае «инновация» и есть традиционный социокод техногенной цивилизации, в то время как для России характерна монархически-патерналистская модель социальных смыслов, в каких-бы практиках она не реализовывалась.

В результате в такой ситуации культурно-цивилизационного антагонизма смыслов в формальном нормативном поле деятельности региональных вузов «пятого эшелона», они нередко лишь мимикрируют под декларируемый стандарт «тройной спирали», «предпринимательского университета», что порождает социальную имитацию. Данные процессы условно, органистично можно определить как институциональную «мутацию», когда культурно-традиционные основы вуза деконструированы, а новые формы не сконструированы, или даже недостижимы в актуальных условиях сегодняшнего дня.

На практике описанная ситуация может быть теоретически смоделирована следующим образом. В официальном нормативно-информационном пространстве вуза политические идеологемы его модернизации закрепляются в стандартах деятельности ППС, оценки качества образовательного процесса, целевых показателях различных федеральных и региональных программ инноватизации. При этом неформальное ценностно-нормативное пространство вуза нередко наполнено иным содержанием, отражающим спекулятивность, имитационность деятельности по достижению указанных нормативов, вступающим в противоречие с официальной доктринальной матрицей. В деятельностном аспекте это проявляется в симуляции выполнения профессиональных обязанностей сотрудниками вузов и студентами, псевдоконформизмом и внешней лояльностью к официальной

политике организации образовательного и научного процесса, собственно, всему курсу модернизации. При этом реально происходит формирование устойчивых мотивационных комплексов имитации профессиональной деятельности, детерминируемое рассогласованностью формального и реального ценностно-нормативного образца. Иными словами, происходит ритуализация образования через его симуляцию.

Отметим, что ритуализацию мы понимаем в данном случае не как способ трансляции социально-исторической памяти¹¹⁴, а именно как симуляцию процессов образовательной деятельности. То есть как номинальное, лишь бюрократически адекватное исполнение функций воспроизводства и трансляции кодов культуры. В результате ритуализированное поведение субъектов университетской деятельности определяется официальными идеологемами, не содержащими культурно-цивилизационных смыслов исторической памяти. Однако, традиционно дореформенный вуз такой опыт трансляции имеет, и сама ритуализация интерпретируется совсем иначе. При этом ритуалы реализации образовательных практик продолжают сохраняться, в основном через формальные требования к различным процедурам (зачеты, экзамены и аналогичные), но уже не имеют того социокультурного содержания, которым наделялись в предшествующий, «домодернизационный» период. То есть вырождаются в симулякры.

Следовательно, матричные ячейки «Аа», «Аb», «Ас» в ценностно-нормативном аспекте иллюстрируют нивелирование активного фактора «А - инноватизация», отражающего официальную идеологию модернизации. Возникает невосприимчивость социокультурных агентов к авторитарной легитимации нерепрезентативных образовательной традиции вузов ценностно-нормативных стандартов. Кроме того, сама национальная традиция как транслятор социокодов российской цивилизации, уже несет определенные социально-негативные смыслы. Например, В.А. Болдычева отмечает:

¹¹⁴ См.: Лойко О.Т., Уткина А.Н. Ритуал как способ трансляции ценностно-смыслового мира социальной памяти // Вестник Томского государственного университета. 2011. №3 (15). С.181-184.

«Правовой нигилизм, пренебрежительное отношение к закону и праву – российская традиция, уходящая своими корнями в далекое прошлое...»¹¹⁵. Как будет показано далее, такие паттерны также ритуализируются в образовательном процессе вузов, усугубляя тенденции формирования устойчивых деструктивных моделей его имитации.

Аналогичная ситуация может быть теоретически смоделирована и в отношении таких групп отношений, как «Ва», «Вb», «Вс», где активный фактор масс-медиа «В», как инструмент трансляции официальной идеологии модернизации в вузах, нивелируется содержанием пассивных факторов «а», «b», «с», отражающим социально репрезентативные ценностно-нормативные контексты. Например, официальная пропаганда историко-культурных достижений и ценностей российского государства растворяется в симуляции трансляции культуры в школьном и вузовском образовании, о чем свидетельствуют, например, социологические эмпирические исследования еще середины 2010-х гг. В частности, по результатам проведенного в Курске опроса школьников и студентов вузов на предмет знания военной истории России XX века были получены следующие выводы: *абсолютно правильные и полные ответы на вопросы анкеты не дал никто*¹¹⁶. Отметим, что именно эти категории российских школьников заняли статус студентов и выпускников вузов уже на рубеже 2020-х гг.

В свою очередь, связь масс-медиа пространства («В») и повседневной картины мира («С») отражает, например, исследование Е.Н. Ежовой: «Как показывает сегодняшний опыт, влияние научных теорий на формирование картин мира, продуцируемых средствами массовой информации и искусством, ослабевает. Функции науки в данном процессе все в большей степени выполняет повседневность»¹¹⁷. При этом, как мы указывали выше, «инновации»

¹¹⁵ Болдычева, В. А. Традиция и язык как способы трансляции культуры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 12 (90). С. 16-20.

¹¹⁶ Абрамов А.П. Об эффективности военного образования // Социологические исследования. 2015. №6 (374). С.140-144.

¹¹⁷ Ежова Е.Н. Картины мира в СМИ: типология, функциональность, каналы трансляции // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. №1. С. 133.

никогда не выступали культурной ценностью российской культурной матрицы, в отличие от так называемого западного «техногенного» типа цивилизации.

Подобные теоретические модели позволяют предполагать, что современная форма конфликта традиций и инноваций в механизмах модернизации всей образовательной, в том числе и университетской, системы несет риски деформации процесса воспроизводства и трансляции культурно-цивилизационных социокодов. Однако в формальном общенациональном социально-политическом дискурсе такой антагонизм объявляется бессодержательным. Так или иначе, сегодня базовой задачей любого регионального вуза ставится необходимость формирования определенного типа личности профессионала и социального субъекта культурного и экономического локуса территорий, отвечающего современному политическому курсу.

Мы полагаем, что на современном этапе в результате интеграции вузов в модель тройной спирали *процесс трансляции смыслов культуры нарушается через деформацию социокода целостности*, отвечающего за сохранение динамического равновесия культурных и экономических феноменов, за освоение ценностей и социально значимых идеалов, а также способствующего формированию меры коммерциализации и инновационности образовательной деятельности¹¹⁸. Последнее крайне актуально именно в условиях нарастающей динамики технологических, геополитических и макро-экономических процессов, в которые активно интегрируется научно-педагогическая система вузов российского общества.

В отношении субъектного аспекта рассматриваемого антагонизма можно предполагать, что у реципиента возникают трудности с расшифровкой кодов социосемиотической системы культуры в результате рассогласованности ее содержания (рис. 1.8).

¹¹⁸ Филатова А.В. Значения и смыслы понятия «социокода» в современной социально-философской мысли // Гуманитарный проект Руниверс. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/103772/> (дата обращения 14.11.2018)

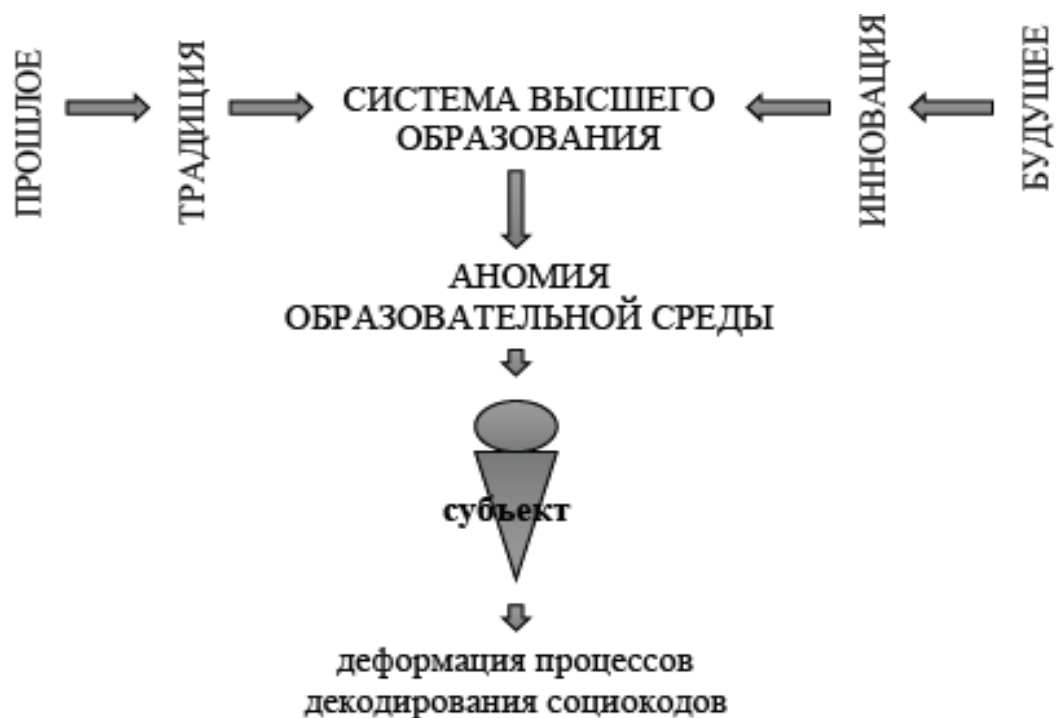

Рис. 1.8 Субъектные аспекты деформации процесса трансляции социокодов в российских вузах

Структуры повседневности, определенные традицией, как и пропагандируемые декларативные ценности развития в вузах, затрудняют идентификацию социально и биографически востребованных смыслов участников научно-образовательного процесса. Впоследствии в субъективном мировоззрении возникают мозаичные образы социальной реальности. В нем формируются утилитарно-прагматические ситуативные установки, что порождает манипулирование смыслами и ценностями, заключенными в обоих блоках (активном и пассивном) социокодов. В этом случае *затрудняется возможность формирования биографической стратегии личности* на основе как традиционных, так и новых социально-предпочитаемых ценностей. Возникает эффект замкнутой детерминации, когда культурная среда не предоставляет четко идентифицируемых внешних ориентиров, а вузовское пространство не формирует внутренних смыслов. В результате *культура персонализируется, утрачивая консолидирующие социальные паттерны*,

провоцируя фрагментарность субъективного восприятия социокультурного пространства вуза и оперативно-реакционные формы клипового сознания.

Такого рода ценностно-смысловой конфликт транслируемых социокодов усугубляет проблему понимания того, какой тип личности, - «образованной» или «компетентной», - должна в результате сформировать нестабильная ценностно-нормативная среда ресурсодефицитного регионального вуза. В общем виде ситуация описана в научной теории как трансформация социальной субъектности от «человека труда» к «человеку экономическому». Модель предпринимательского университета и актуализирует «чисто экономический подход к человеку как персоналу, человеческому ресурсу или человеческому капиталу»¹¹⁹. Сам труд, профессия, вузовское образование в такой культурной парадигме обретают статус *инструментальных ценностей*, реализуя вектор, заложенный бывшим министром образования А.А. Фурсенко по формированию «квалифицированного потребителя»¹²⁰. Здесь сам труд из терминальной ценности культуры как сакральной «цели и потребности»¹²¹ в ценностно-нормативном пространстве современного вуза трансформируется в «компетентностный набор описания качеств человека»¹²². По сути, сегодня антагонизм традиции и инновации объективируется для университетской системы в конфликте официального и реального запроса к вузам, нарушающего смысловую целостность его целеполагания как институционального субъекта модели тройной спирали и агента социокультурной социализации. Схематически данный процесс представлен на рисунке 1.9.

¹¹⁹ См. напр.: Деева Н.Н. Ценностно-нормативный подход к трудовой деятельности человека в современной России [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2011. №3. URL: <http://sisp.nkrass.ru/issues/2011/3/deeva.pdf>

¹²⁰ См.: Мазурова Л. Потребитель нынче в дефиците? [Электронный ресурс] // Литературная газета. №32 (6132) от 08.08.2007. URL: https://lgz.ru/article/N32--6132---8-08-2007-/Potr%b5bit%b5ly-n%b5d1%8bnch%b5v-d%b5fitsit%b5_1154/?sphrase_id=28615

¹²¹ См.: Кузнецова О.П., Косьмин А.Д. Проблема актуализации целостного восприятия трудовой деятельности // Российское предпринимательство. 2015. №16 (23). С.4325-4340.

¹²² См. напр.: Симченко Н.А. Симченко, Цёхла С.Ю., Павленко И.Г. Концептуализация компетентностного подхода к стимулированию производительного труда в условиях новой экономики // Проблемы современной экономики. 2016. №4 (60). С.25-28.

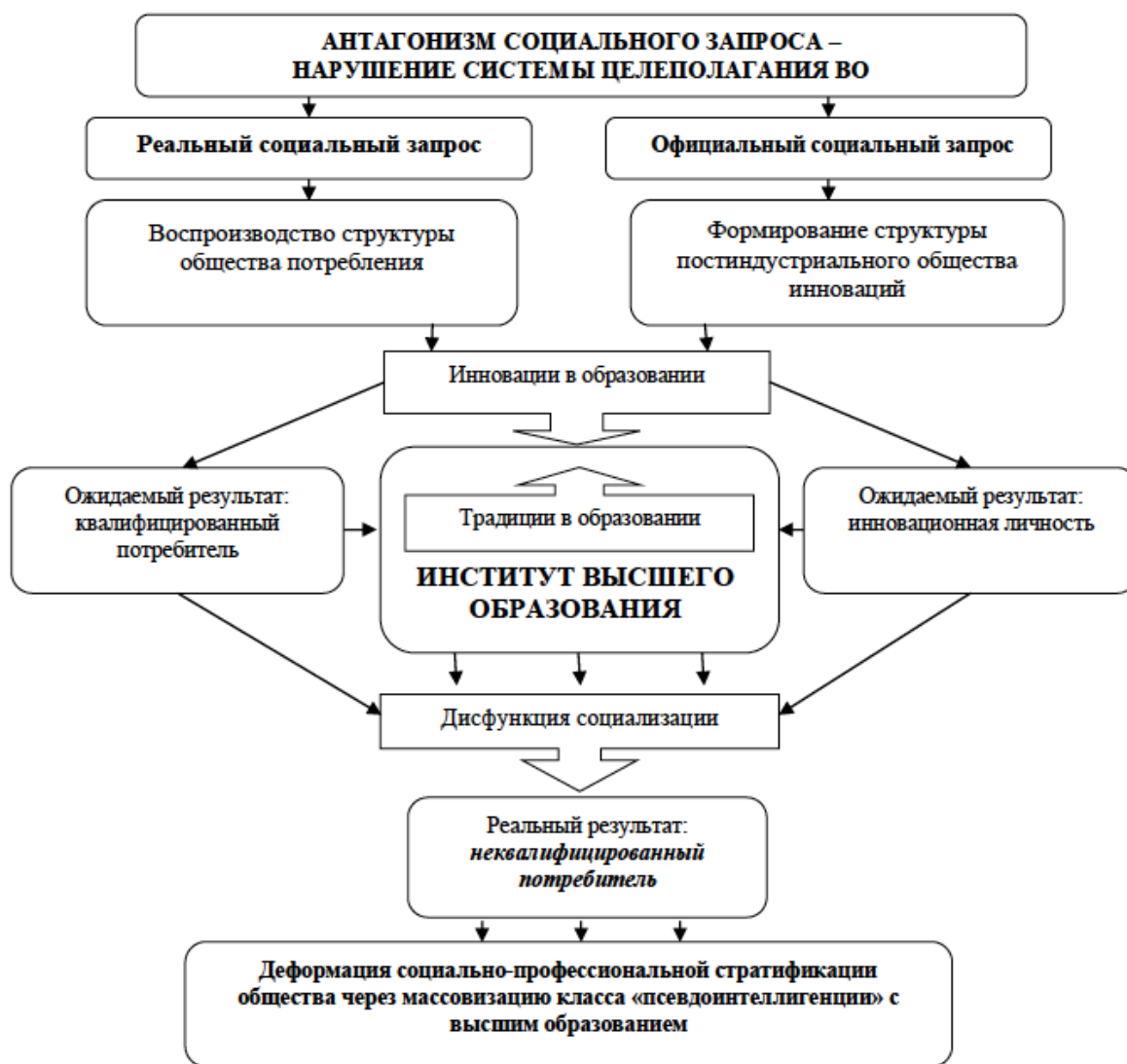

Рис.1.9 Схема нарушений системы целеполагания российской системы вузов в контексте модернизации

Следовательно, можно говорить о культурно-онтологической трансформации статуса современного российского вуза: *культурно-цивилизационная парадигма университетского образования замещается предпринимательской*. В данной ситуации возникает глубокое социокультурное противоречие вузовских целей воспроизводства и трансляции культурных социокодов: воспроизводится должна традиция терминальных ценностей труда, не востребованная общественной средой, а транслироваться - инструментальные ценности предпринимательской культуры консюмеризма, не только нетипичные для историко-культурной матрицы, но и не апробированные общественной практикой. В результате задача формирования в высшей школе

«ушлого», но «образованного» дельца остается утопичной. Фактически наблюдаются масштабные институциональные деформации ценностно-нормативного пространства российских вузов, в первую очередь региональных университетов «пятого эшелона», массово производящих «неквалифицированного потребителя».

1.3. Институциональные деформации ценностно-нормативного пространства регионального вуза как субъекта инновационного развития

Статус любого общественного института определяется его особыми, специфичными функциями, определяемые культурным хронотопом социума. Соответственно, *институциональные деформации* его внутреннего, ценностно-нормативного содержания методологически наиболее репрезентативно раскрываются через понятие *дисфункций*.

В классике структурного функционализма Р. Мертоном последние определяются как «...наблюдаемые последствия, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы. Существует также эмпирическая возможность *нефункциональных* последствий, которые просто безразличны для рассматриваемой системы»¹²³. Анализируя данные проблемы в отношении института образования, например А.Е. Тулинцев понимает дисфункции как «нарушение режима нормального функционирования»¹²⁴. Отмечается также, что дисфункции могут проявляться во внешней (материально-организационной) и внутренней (ценностно-нормативной) сфере институциональной деятельности. Они репрезентируются, например, в неподготовленности кадров, материальной необеспеченности, несовершенстве формальной организации, или неопределенности социокультурных целей и задач, либо одновременно. В результате «несоответствие деятельности института характеру общественных потребностей ведет к снижению значения

¹²³ Р. К. Мертон. Явные и латентные функции //Американская социологическая мысль: Тексты / Под В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.323.

¹²⁴ А. Е. Тулинцев Дисфункция системы образования России // Дисфункция системы образования России // Мир образования - образование в мире : науч.-метод. журн. 2012. № 1(45). С. 223.

... роли данного института, ... вырождению его отдельных функций в "символическую", ритуальную деятельность...»¹²⁵.

Говоря о *ценностно-нормативном пространстве* вузов как формальных организаций института высшего образования, мы определяем его как *систему ценностей и норм, образующих определенную ценностно-нормативную структуру, характеризующуюся особенностью их «связей, дистанций и позиций»¹²⁶, и функционирующую в границах институциональных процессов университета*. В свою очередь, *институциональные деформации ценностно-нормативного пространства вузов* мы понимаем как *реконструкцию структуры ценностно-нормативной системы университетов, детерминирующую их дисфункциональное состояние*.

Приведенные методологические установки, с учетом описанных в параграфах 1.1 и 1.2 процессов модернизации высшей школы, позволяют говорить о тесной связи изменений формально определенного функционального комплекса вузов с деформациями его ценностно-нормативного содержания. По сути, формирование трансинституциональной среды «власть – бизнес – наука» для завершения такой интеграции предполагает прививку «рыночной» культуры в ценностно-нормативном пространстве университетской деятельности. При этом декларативные позиции о «гуманизации бизнеса» и «просвещенности аппарата чиновников» за счет распространения в «спирали» университетских ценностей воспринимаются скорее популизмом, так как уже «формула “образование как услуга” — отражение культуры общества потребления с его финансовым тоталитаризмом»¹²⁷, на фоне низкого институционального доверия¹²⁸ всех субъектов тройной спирали другу к другу¹²⁹.

¹²⁵ Дисфункция социального института // <http://enc-dic.com/sociology/Disfunkcija-Socialnogo-Instituta-1848.html>

¹²⁶ См.: Ситникова С.В. Концептуализация ценностного пространства общества // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып.2. С.133-137.

¹²⁷ Хагуров Т.А. Кризис модерна и образование // Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. Вып. 10. М. ; СПб. : Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 228.

¹²⁸ См. напр.: Кожина Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2013. №3 (65). С.100-114.

¹²⁹ См. подр.: Байков М.Н. Доверие как основополагающий базис гражданского общества // Власть и управление на Востоке России. 2018. №1 (82). С.55-64.

В данном случае речь идет, например, о коммерциализации высшего образования уже не только как проблеме доступа к нему населения, а о деформации именно институциональных ценностей университетской деятельности в парадигме предпринимательской культуры спиральной модели. При этом в формально-нормативном, правовом поле в числе принципов государственной политики регулирования отношений в сфере образования называют его гуманистический характер, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры¹³⁰. При этом все еще отсутствуют столь же масштабные, как и в отношении высшей школы, государственные программы по установлению четких, измеримых критериев и механизмов социальной ответственности бизнеса и власти. Однако идея эффективного контракта, активно внедряемая для вузовского ППС или, например, медработников, и отражающая сугубо экономические ценности калькулируемости, в сфере политической деятельности по сей день как-либо ощутимо для общества не реализована. Это, тем не менее, предполагалось сделать еще с 1 января 2015 года по предложению Минтруда, а далее было перенесено на 1 января 2018 года¹³¹. Такого рода факты несут риски еще большего снижения и без того низкого уровня правового доверия¹³² в обществе.

Интегрированное, синтетическое ценностно-нормативное пространство институциональных субъектов тройной спирали проявляется в установлении в университетской культуре принципов клиентоориентированности. В современной научной периодике представлены исследования подобной проблематики в отношении региональных вузов. Показательны, например, исследования И.А. Демененко, которая по результатам социологического опроса преподавателей и студентов приходит к выводу о низком уровне

¹³⁰ Федеральный закон «Об образовании» от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ // URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974#sel=50:2.50:33> (дата поиска 21.02.2015)

¹³¹ См. напр.: Эффективность чиновников с 2018 года будет влиять на их зарплату // РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20150119/272975136.html (дата поиска 10.08.2019)

¹³² См. напр.: Володина С.В. Правовое доверие как основа устойчивости правовой системы общества: российское измерение // Актуальные проблемы российского права. 2018. №7 (92). С.37-41.

понимания ими категорий «организационная культура» и «клиентоориентированность» в принципе. Однако автор утверждает, что «клиентоориентированная организационная культура становится эффективным фактором существования и развития вуза, обеспечивающего потенциальную стабильность и процветание научного сообщества в целом»¹³³. Отметим, что в статье присутствуют определенные противоречия. Так, со ссылками в 2017 году на исследования воронежских, нижегородских и владивостокских вузов, в ряде случаев десятилетней и более давности, о значении для ППС и студентов университетской символики, традиций и иных ценностно-нормативных атрибутов организационной культуры вузов (а по сути - вузовской субкультуры), говорится о «... переориентации деятельности образовательных систем на развитие личности обучающихся, изучение их интересов, ценностных ориентаций»¹³⁴. Мы, в свою очередь, полагаем, что в таком дискурсе проблема заключается по своей сути никак не в развитии клиентоориентированности, а в перманентном конфликте принципов объект- или субъект-ориентированности вузовского образования. Об этом говорили многие исследователи и, в частности, утверждали, что «классическая субъект-объектная организация процесса обучения в вузе перестала соответствовать необходимому уровню социальной адекватности», что требует «кардинальных изменений идейно-теоретических, ценностно-мировоззренческих и институционально-организационных оснований образования»¹³⁵. Однако, «рассмотрение вопросов формирования и развития организационной культуры с учетом *территориальной принадлежности вуза и региональных особенностей субъекта*», которые в цитируемой статье не представлены, позволило ее автору «выявить определенные траектории, определяющие специфику функционирования вуза, его ориентацию, социально-экономическую

¹³³ Демененко И.А. Клиентоориентированная организационная культура вуза как механизм эффективных социальных отношений системы высшего образования и регионального рынка труда // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т.3. №2. С.55.

¹³⁴ Там же. С.55.

¹³⁵ См.: Щелкунов М.Д., Николаева Е.М. Образование в XXI веке перед лицом новых вызовов. Казань: Изд-во КГУ, 2010. 156 с.

платформу университета»¹³⁶, и в итоге в своих публикациях¹³⁷ сформировать априорное, но неаргументированное положение о необходимости интенсивного внедрения клиентоориентированной парадигмы в высшей школе.

Подчеркнем, что все широко тиражируемые сегодня концепты «клиентоориентированной» и «сервис-ориентированной» культуры вузов органично описываются лишь в границах интегрируемых в нее ценностей и норм институциональных бизнес-моделей. Они не имеют сколько-нибудь убедительной для научно-педагогического сообщества традиционной социокультурной аргументации. Например, И.С. Дмитриева и соавторы представляют рассматриваемые концепты как «системную характеристику организации, формирующую уровень сервиса, понимаемого как качество обслуживания»¹³⁸, что и соответствует пониманию современных вузов в первую очередь как организаций по предоставлению образовательных услуг.

Однако эмпирически иллюстрируемое статистикой «UBI Global», иными многочисленными международными рейтингами, положение российских вузов в модели тройной спирали как равнозначного субъекта институционального взаимодействия в парадигме инновационной экономики остается крайне низким и неоднозначным. Это и позволяет воспринимать подобные «клиентоориентированной организационной культуре» клише скорее как идеологические манифестации инновационной политики в науке и образовании. Фактически они зачастую легитимируются лишь формальным внедрением многочисленных программ повышения привлекательности, конкурентоспособности вуза на основе инструментов SWOT, PEST, ETOM, QTST и др.

¹³⁶ Там же. С.55.

¹³⁷ См. также: Демененко И.А. Применение клиентоориентированного подхода в процессе выполнения социально-институциональных функций в системе высшего образования [Электронный ресурс]// Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5, № 2. Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>; Демененко И.А., Шавырина И.В. Концептуализация клиентоориентированного подхода в управлении высшей школой // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т.1. №1 (7). С.3-6.

¹³⁸ Дмитриева И.С., Копылов С.И., Прибытков Ю.Б., Шелекета В.О. Корпоративная культура организации и повышение качества сервиса в условиях трансформации общества (на примере деятельности вуза) // Сервис Plus. 2016. Т.10. №4. С.64 (57-62)

Однако бизнес-модель конкуренции региональных вузов (особенно – «пятого эшелона») за клиента как фактор существенных трансформаций их социокультурного и институционального статуса сущностно раскрывается именно в ценностно-нормативном пространстве. При этом, подчеркивая традиционный конфликт естественно-научной и гуманитарной культур в вузах, усугубляемый внедрением паттернов бизнес-культуры, Г.Н. Константинов и С.Р. Филонович отводят ведущую роль в его разрешении именно предпринимательскому университету¹³⁹.

На современном этапе социокультурного развития российского общества такая идея выглядит скорее утопичной, так как паттерны предпринимательской культуры, развитие которой и предполагает модель Университета 3.0, во многом антагонистичны диспозициям университетской субкультуры, к какому бы блоку они не относились – гуманитарному, техническому или естественно-научному. Иными словами, интеграция их крайне затруднена, особенно в условиях нарастающей динамики реформ научно-образовательной среды, что вызывает экспансивную ассимиляцию ценностно-нормативного пространства вузов бизнес-культурой. Такой конфликт мы категоризируем в понятии диссонанса ценностно-нормативных ландшафтов институциональных культур. Именно он, как *несогласованность целе- и ценностно-образующих структур разных типов профессиональной культуры общественных институтов*, и составляет сущностное ядро институциональных деформаций ценностно-нормативного пространства вуза.

Данная проблема может быть раскрыта через соотношение содержания базовой ценности и основного нормативного императива высшего образования как институциональной подструктуры общества по поддержанию, воспроизводству и трансляции культурных оснований социальной структуры. Подобную дихотомию культурных паттернов удачно характеризует Т.А. Хагуров: «делая образование предметом потребления, мы исключаем из него ...

¹³⁹ Константинов С.Г., Филонович С.Р. Что такое предпринимательский университет // Вопросы образования. 2007. №1. С.49-62.

- императивность, принудительность, требовательность. Потребитель больше всего ценит свой комфорт. Подлинное же образование... во многом дискомфортно. Так же, как внутренне дискомфортен разрыв между наличным и должным... . Этот элемент долженствования неустраним из образования без разрушения его сути. ... В классической интеллектуальной традиции образование - это благо, которое нужно заслужить упорным трудом. Сегодня эта императивность исчезает, уступая место “потребительским предпочтениям”, и процесс этот объективен и неумолим». ¹⁴⁰

В приведенной цитате иллюстрируются основные противоречия современной образовательной реформы по спиральной модели в контексте современной социокультурной ситуации:

- во-первых, акцентируется традиционная культурная суть образования как *блага*, что отражает его *ценностный* аспект;

- во-вторых, подчеркивается его *императивность и обязательность*, в чем заключена его традиционная *нормативная* составляющая в границах указанной ценности;

- в-третьих, отражается современное состояние, заключающееся в его восприятии как *объекта потребления, услуги* со всеми сопутствующими атрибутами *клиентоориентированности* университетской деятельности.

Также конфликт целе- и ценностно-ориентирующих паттернов университетской и предпринимательской культуры может быть представлен через оптику уже достаточно давно исследуемой проблемы массовизации высшего образования. Например, Р.А. Филиппов почти десятилетие назад писал: «Среди аргументов в поддержку нововведений чаще всего встречаются требования демократизации, доступности, рационализации образования. Однако не является ли такая “демократизация” путем к реальной массовизации образования, его стандартизации в ущерб качеству и возможностям развития индивидуальных и уникальных способностей обучающихся? Ведь инновационное развитие ... требует не только повышения массового уровня

¹⁴⁰ Хагуров Т.А. Указ. соч. С. 235.

образования, но и уникальных специалистов, подготовка которых предполагает нестандартные индивидуализированные подходы и технологии»¹⁴¹.

Отметим, что сегодня многочисленные правовые документы и локальные акты вузов, формирующие нормативное поле развития высшей школы, содержат подобные «индивидуализации», «субъектного подхода» и «новых образовательных технологий» идеологемы. Это, тем не менее, никак не способствует как инновационному развитию самих вузов, так и бурному социально-экономическому росту страны и ее регионов. Уровень бедности в России иллюстрирует устойчивую положительную динамику при феноменальной скорости увеличения специалистов с высшим образованием за последние годы среди всех развитых стран в мире. При этом последняя тенденция берет начало еще с середины 1990-х годов¹⁴². Статистически объективные процессы подвергают сомнению декларации о капитализации научно-педагогических кадров в модели предпринимательского университета, так как, например, «канадское высшее образование легко экспортируемо, и встретить канадских специалистов в других странах (особенно в соседних США) проще простого. Про россиян подобное сказать пока затруднительно»¹⁴³.

Крайне показательны для иллюстрации теоретических положений результаты мониторинга ВШЭ¹⁴⁴, доказывающего негативные тенденции как в вопросах промышленно-экономического развития, так и относительно потребительской способности граждан, их социального самочувствия. То есть тенденция экономического спада сохраняется, несмотря на масштабные программы Стратегии Прорыва. По состоянию на 2018 год число граждан с уровнем дохода ниже прожиточного минимума, которым регулярно оперируют власти, составляет, со ссылкой на официальные данные Росстата, 15% населения, что приближается к состоянию 2006 года. При этом в 2019 году

¹⁴¹ Филиппов Р.А. Макдональдизированное образование: подходит ли оно для России? // Высшее образование в России. 2010. № 3. С. 124.

¹⁴² Лоскутова И. М. Социальные проблемы современного российского образовательного пространства // Власть. 2013. № 4. С. 145.

¹⁴³ Сколько людей с высшим образованием в мире? // Портал Interstate Education. URL: <https://interstate-education.com/2018/06/30/skolko-lyudej-s-vyshhim-obrazovaniem-v-mire/> (дата обращения 23.08.2019)

¹⁴⁴ Население России в 2017 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Ноябрь 2017 / под ред. Л.Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 51 с.

бывший вице-премьер Правительства РФ О. Голодец отмечает: «У нас есть просчитанный баланс, и этот баланс составляет примерно 65% на 35%, то есть 65% — это люди, для которых не требуется высшее образование, и 35% — специалисты. В дальнейшем эта пропорция будет меняться в сторону увеличения доли специалистов, для которых не требуется высшее образование»¹⁴⁵. Однако это не коррелирует реальной тенденции массовизации высшего образования и крайне обострившейся конкуренции вузов за абитуриента в условиях последствий «демографической ямы» 1990-х гг. То есть программные декларации, даже согласно официальной статистике, реализуются скорее в социально-негативной модели по устойчивому нисходящему вектору относительно сформулированных приоритетов «Прорыва» в науке и образовании.

Принимая во внимание такие тенденции, можно утверждать, что само понятие человеческого капитала, предполагающего эффективное использование человеческого ресурса для социально-экономического роста, выступающее постоянным аргументом реформирования высшей школы, в реальности может быть признано в лучшем случае соответствующим «человеческому потенциалу», реализация которого должна, следуя логике власти, осуществить «Прорыв». Следовательно, массовизация высшего образования не приводит к капитализации квалифицированных кадров. Новые институциональные модели управления вузами, основанные на «конвейерном» принципе, безусловно актуальном для бизнес-сферы в формировании прибавочной стоимости, и то лишь при условии растущего спроса, не находят и калькулируемого подтверждения своей результативности. В надлежащей степени не капитализируется ни научно-педагогический ресурс высшей школы, ни квалифицированные кадры как ее продукт.

Тем не менее задача капитализации потенциала вузов, особенно в масштабах равномерного регионального развития страны, является в настоящее

¹⁴⁵ Голодец: 65% россиян не нуждаются в высшем образовании // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/science/news/2016/07/15/n_8885315.shtml (дата обращения 16.07.2019)

время крайне актуальной и социально-конструктивной сама по себе. Проблема заключается как в выборе превалирующей формы такой капитализации - экономической или социокультурной, - так и в соотношении ценностных стандартов интеграции транскультурного образца, а также в методах внедрения этих стандартов в институционально-конвергентном пространстве «тройной спирали». При этом макдональдизация¹⁴⁶ университетской деятельности, уже более десятилетия ограничивающая вузы в контурах принципов эффективности, калькулируемости, технического контроля и предсказуемости¹⁴⁷, приводит к обратному поставленным задачам результату.

Типичными примерами оценки ситуации являются работы начала 2010-х годов, соответствующие бурному росту инноватизации вузов, актуальные и сегодня. В частности, Л.А. Лебединцева и Р.Х. Салахутдинова пишут: «Потеряв ценностно-культурные функции, образование постепенно перестало быть способом и механизмом социализации личности, посредством передачи социального опыта от поколения к поколению. ... перестало быть каналом формирования и воспроизводства особого социального слоя – интеллигенции, элиты как носителей высоких духовных ценностей, культуры, просвещения».¹⁴⁸

Также А.М. Егорычев отмечает: «Высшее образование ... , лишенное национальной основы, определяющей развитие жизненных сил народа, его социокультурный код, всегда будет находиться в неустойчивом состоянии. Нормальными условиями, позволяющими высшему образованию своевременно и адекватно отвечать на вызовы времени, будут только такие, которые находятся в соответствии и согласии с этнокультурными смыслами...»¹⁴⁹.

Показательно мнение и Ю.Г. Волкова о том, что нельзя не пройти мимо тенденции «псевдоизменений», ведущих к воспроизводству модели социальной стагнации, к реализации формулы «изменения, ничего не изменяя»,

¹⁴⁶См.: Ритцер Д. Макдональдизация общества / пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис, 2011. 592 с.

¹⁴⁷ Филиппов Р.А. Макдональдизированное образование: подходит ли оно для России? // Высшее образование в России. 2010. №3. С.124.

¹⁴⁸ Лебединцева Л.А., Салахутдинова Р.Х. Трансформация функций высшего образования: экономико-социологическая проблематизация // Известия Волгоградского технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2012. Т. 3. №10. С.44.

¹⁴⁹ Егорычев А. М. Национальные духовные традиции в формировании российской системы образования // Экономика образования. 2011. №1. С.38.

стимулирующей сохранение проблемности общественной жизни путем выдвижения на первый план личности имитационной, на индивидуальном и групповом уровнях осуществляющей стратегии «быстрого успеха», «паблисити», «присвоения власти» через актуализацию и внедрение симулякров, квазиреальностей, подобий перемен¹⁵⁰.

Указанные деформации и обусловлены тем, что процесс модернизации на современном этапе культурного хронотопа России осуществляется не естественно, эволюционно, а принудительно, революционно. Кроме того, интеграция вузов в модель тройной спирали осуществляется в социокультурном пространстве, где реальные высокорезультативные процессы инновационного развития и социально-экономического роста представлены сегодня незначительно. В итоге вся «инновационная» риторика воспринимается институциональными агентами высшего образования как спекулятивная. Такой вывод, например в отношении технического образования, наиболее соответствующего логике технологического прорыва, подтверждается мнением научного сообщества, например: «...нельзя однозначно утверждать, что, воспроизводя социально-профессиональную структуру общества, система высшего образования ориентируется только на мнимый спрос: она вполне отражает реалии существующего в России положения в промышленности, сельском хозяйстве ..., торговле, сфере обслуживания и т.п. Инженерные кадры были и остаются недостаточно востребованными российской экономикой»¹⁵¹.

С учетом этого мы полагаем, что такой тип личности, как «неквалифицированный потребитель», в наибольшей степени соответствует ценностно-нормативным основаниям общества потребления и духу предпринимательства в парадигме технологического капитализма Индустрии 4.0. В это же время «... постановка ... проблемы определяется поиском путей актуализации креативного потенциала общества на основе развития

¹⁵⁰ Волков Ю.Г. Креативный класс VERSUS имитационных практик // Гуманитарий Юга России. 2012. №1. С.44.

¹⁵¹ Калугина Д.А. Трансформация функций высшего профессионального образования // Вопросы политологии социологии. 2011. №1. URL: <http://politsocio.uapa.ru/ru-ru/issue/2011/01/10/>

креативного класса как формы групповой интеграции на основе ценностей социального творчества и самореализации»¹⁵².

В таких противоречивых условиях, на фоне приведенных выше позиций власти в лице О. Голодец и недавних заявлений Президента В.В. Путина о необходимости ликвидации «мусорных» университетов, судьба, например, региональных вузов «пятого эшелона» остается крайне неопределенной. При условии, что до 65% образованного населения России будут иметь образовательный уровень, соответствующей зарубежной модели прикладного бакалавриата, а одним из критериев определения статуса вуза (ФУ или НИУ, видимо и опорных в регионах) является число ППС и студентов, подавляющее большинство российских «бесстатусных» университетов в еще большей степени будут стимулированы к жесткой конкуренции за «клиента». Кроме того, современные формальные нормативы предписывают коррелировать число штатных ППС к количеству обучающихся студентов, что может усугубить тенденцию массовых сокращений вузовских кадров высшей квалификации в регионах РФ, спровоцировать ужесточение внутривузовской конкуренции «за место». Также, понимая выпускника вуза как продукт сферы образовательных услуг, «клиентоориентированный», «предпринимательский» университет будет заинтересован в выпуске как можно большего объема «продукции» в стремлении выполнить установленные коммерческие и политические нормативы.

Такая культурно несбалансированная политика в результате не только нивелирует селективную функцию и принцип культуросообразности высшего образования, сокращает число «неэффективных» региональных вузов, но и дискредитирует саму идею формирования за счет университетов высококвалифицированных кадров инновационной экономики. Чуждый ценностно-нормативному пространству вуза конкурентный подход в его ортодоксально-экономическом понимании замещает паттерны творческой,

¹⁵² Волков Ю.Г. Креативный класс VERSUS имитационных практик // Гуманитарий Юга России. 2012. №1. С.44.

свободной научно-педагогической конкуренции, порождая необходимость имитации, симуляции успеха: низкое качество выпускаемых профессиональных кадров легитимируется высокими показателями формальных индикаторов научно-образовательной деятельности.

С учетом изложенного подчеркнем, что переход в постиндустриальную стадию в западных странах происходит на фоне исчерпания социогуманитарных и идеологических ресурсов высшего индустриализма, в то время как в России он осуществляется на фундаменте разрушенной в постсоветский период промышленности страны. В этих условиях особо необходим адресный институциональный подход, учитывающий специфику ценностно-нормативного пространства субкультуры вузов как объекта реформирования. В ином случае широта и пластичность мышления выпускника вуза, соответствующая неопределенности постиндустриальности, замещается формализованным набором узкоспециальных, фрагментарных знаний и нерепрезентативных реальности компетенций, культурное и интеллектуальное старение которых при экспоненциальном характере технологического развития происходит прямо пропорционально указанным тенденциям.

Однако, подчеркнем, что проблема институциональных деформаций ценностно-нормативного пространства вуза лежит не только в плоскости антагонизма интегрируемых в модели тройной спирали матриц профессиональной культуры и их социосемиотического содержания. Каждая из трех типов таких матриц содержит родственные общекультурные социокоды, имеющие социально-негативную окраску. К ним относятся, в первую очередь, свойственные национальной университетской, предпринимательской и политической традиции паттерны патернализма и бюрократии, которые традиционно рассматриваются как социокультурный фундамент коррупции.

Несмотря на то, что подобные ценностно-нормативные образцы характерны для каждой из институциональных сфер в большей или меньшей степени, официальная статистика иллюстрирует справедливость этого утверждения. Например, можно привести результаты исследований Института

социологии РАН периода 2005-2018 годов: «сегодня препятствует быстрому экономическому росту страны ... коррумпированность нынешней экономической и политической элиты»¹⁵³. В свою очередь, и система образования, наряду с медициной, была названа респондентами одним из наиболее коррумпированных общественных институтов, уступив лишь судам, бизнесу и правительству. В результате в цитируемом докладе приводится важнейший вывод: «проблему засилья бюрократии и даже ее коррумпированности россияне не относят к числу наиболее острых, что объясняется следующими причинами. Во-первых, сказывается укоренившийся в массовом сознании стереотип, что бюрократия, коррупция вечны, страной всегда правили и будут править те, у кого больше богатства и власти. Во-вторых, люди пока не видят в обществе силы, способной «укоротить» бюрократию. Тем более, когда она заполучила столь мощного союзника в лице крупного российского бизнеса»¹⁵⁴.

Наиболее существенным отличием результатов изучения «запросов на перемены» за 13 лет является тот факт, что «... было установлено: чаще всего наши сограждане выбирали вариант «усиление социальной справедливости, жесткая борьба с коррупцией в верхних эшелонах власти». В глазах респондентов борьба с коррупцией значительно превосходит по важности и «экономические реформы, нацеленные на преодоление нефтегазовой зависимости экономики России», и «развитие науки, образования, здравоохранения, культуры», и даже «укрепление обороноспособности страны»¹⁵⁵. При этом собственно образование повсеместно занимает лидирующие позиции в рейтингах коррумпированности за последние 15 лет¹⁵⁶. Бюрократия и коррупция как общенациональные проблемы отражаются и в

¹⁵³ Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. Аналитический доклад. 2005 г. // Институт социологии РАН. https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy_1.html

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды. Информационно-аналитический доклад. М.: ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН», 2019. С.26.

¹⁵⁶ См. напр.: Коррупция в учебных заведениях. Статистика // Ульяновское региональное отделение «Ассоциации юристов России». URL: <http://xn--73-6kci4ddh.xn--p1ai/projects/uch-cor-2/>; Кочеткова Е.М. Коррупция в сфере образования как социальная проблема [Электронный ресурс] // Ростовский научный журнал. URL: <http://rostjournal.ru/?p=4317> (дата обращения 23.08.2019).

формальных оценках их состояния в России, по-прежнему лидирующей в соответствующих мировых индексах¹⁵⁷.

Конвергентный, взаимоусиливающий эффект развития коррупциогенных по сути социокодов патернализма и бюрократии как деструктивного паттерна национальной культуры в ценностно-нормативном пространстве вузов в результате их интеграции в модель тройной спирали позволяет прогнозировать и низкий уровень «социального заказа на антикоррупционное образование»¹⁵⁸ со стороны причастных субъектов, в то время как такой заказ особо актуализирован в отношении власти, крупного бизнеса. При этом Национальный план противодействия коррупции в числе приоритетных предусматривает антикоррупционное просвещение и развитие общественного правосознания, включение во ФГОС вузов мер по развитию антикоррупционных компетенций¹⁵⁹.

На первый взгляд парадоксально то, что описанная выше ситуация сформирована на фоне того, что уже несколько лет в каждом государственном российском вузе или научной организации действуют многочисленные локальные нормативные акты, направленные на реализацию федеральной антикоррупционной политики. Такая деятельность активно позиционируется на сайтах учреждений высшего образования, крупных научных фондов (РНФ, РФФИ) в специальных вкладках официальных сайтов организаций. В структуре самих организаций нередко созданы отделы по борьбе с коррупцией, коллегиальные органы (комиссии) с участием ректоров и ученых советов и даже молодежные антикоррупционные советы, проводятся собрания и курсы повышения квалификации по проблеме среди сотрудников и студентов. Последним предоставлена возможность анонимных звонков и сообщений о фактах коррупции.

¹⁵⁷ См. подр.: Рейтинги стран и регионов // Аналитический портал «Гуманитарные технологии». URL: <https://gtmarket.ru/research/countries-ranking> (дата обращения 23.08.2019)

¹⁵⁸ См.: Демкина Е.В. Социальный заказ на антикоррупционное образование [Электронный ресурс] // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №1. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.1.1>

¹⁵⁹ Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 годы. Утвержден Указом Президента РФ от 29.06.2018. №378 // СПС «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71977694/paragraph/15:0>

Обобщая изложенное, отметим, что, по нашему мнению, приведенные выше научные позиции и статистические данные позволяют сделать вывод о том, что наблюдается факт замещения традиционных ценностей высшего образования паттернами общества потребления, которые иллюстрируют реальную морфологию предпринимательской культуры субъектов университетской деятельности и клиентоориентированного подхода в парадигме тройной спирали. Возникают риски формирования, в первую очередь в региональных вузах «пятого эшелона», типа личности «неквалифицированного потребителя», что не соответствует не только образу «образованного человека», но даже «экономического» или «компетентного». Данный вывод и подтверждается, например, исследованием Е.В. Демкиной¹⁶⁰: традиционные ценности самой предпринимательской культуры, такие как деловая репутация, общественный статус, не важны для современного клиента – потребителя образовательных услуг вузов. Критерием успешности карьеры для него выступает лишь одно – доход. Далее и возникает вопрос, актуальный для современной России с начала образовательной реформы: как личность-консьюмер с соответствующим идеалам вульгарного потребления типом мышления может выступать субъектом инновационного прорыва, устойчивого регионального развития, то есть приносить пользу своей малой и большой Родине? При этом именно такая задача – сформировать инноватора, способного преодолеть бюрократические и коррупционные барьеры, – официально и жестко стоит сегодня перед российскими университетами.

Следовательно, можно утверждать, что в современных вузах формируется специфическая культура потребления образовательных услуг. В ней традиционный охранительный механизм ценности «образованности» через императивность нормы исполнения обязанностей ученика для субъектов образовательного процесса разрушен принципами клиентоориентированности. «Труд» как культурная модель достижения статуса выпускника вуза

¹⁶⁰ См.: Демкина Е.В. Социальный заказ на антикоррупционное образование [Электронный ресурс] // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №1. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.1.1>

замещается потребительской моделью «получения услуги». В результате университетский корпус вынужден ориентироваться на требования «клиента-консьюмера», формально сохраняя функции воспроизводства и трансляции культурных социокодов. Учреждения высшего образования мимикрируют в модели тройной спирали под бизнес-клише предпринимательского вуза, субъекта инновационного развития региона и тому подобные. В такой адаптивной стратегии имитационные практики научно-образовательной и экономической деятельности вузов актуализируют конвергенцию в его ценностно-нормативном пространстве не лучших, наиболее социально полезных паттернов политической и предпринимательской культуры, а лишь ситуативно-выгодных, зачастую неформальных моделей формирования «семиотического шва»¹⁶¹ собственной и оппонирующих культурно-институциональных матриц тройной спирали. Именно поэтому в наибольшей степени актуализируются содержащиеся в университетской среде традиционные патерналистски-бюрократические, сущностно-коррупциогенные паттерны, в то время как творчество, свобода и самоуправление редуцируются по причине их фактической невостребованности российской политизированной бизнес-моделью Университета 3.0.

Более того, этим же во-многом может аргументироваться и социально-историческая востребованность триады «патернализм – бюрократия – коррупция» как трансинституциональной социосемиотической матрицы национальной культуры. В условиях нестабильности и перманентных кризисов, переоценки ценностей и двойных стандартов, переживаемых наряду с иными базовыми институтами общества высшей школой, коррупциогенные нормы солидарности максимально эффективно обеспечивают пусть и неправоное, но согласованное для поддержания выживаемости и гомеостаза социальных структур, взаимодействие акторов в широчайшем спектре общественных практик. В отношении этого, например, в работе А.В. Томильева и Д.А.

¹⁶¹ См.: Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry // *Cybernetics & Human Knowing*. 2004. Vol. 11. No1. pp. 49-62; Marks-Tarlow, T., Robertson, R. & Combs, A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // *Cybernetics & human knowing*. 2002. Vol. 9. No. 2. pp. 31-47.

Томильцевой подчеркивается, что «по этой причине коррупционные поступки не только приобретают форму «страховки» и компенсации нежелательных последствий, но и нередко воспринимаются в качестве единственного способа обретения контроля над ситуацией»¹⁶².

В последние годы в дискурсе представителей всех сфер общественной жизни такое явление, пусть еще без глубокого научно-концептуального обоснования, стало определяться как «коррупциогенная / коррупционная культура»¹⁶³. Логично предположить, что в условиях адаптации к спиральной модели на фоне отсутствия надлежащих ресурсов достижения поставленных целей вузы компенсаторно редуцируют не востребуемые в общественном воспроизводстве традиционные ценности высшего образования к бизнес- и политическим стратегиям в нормативности именно этого типа «культуры» общества потребления и национальной традиции криминогенной солидарности.

В качестве вывода по главе представим следующие положения.

Ключевые особенности статуса вуза в современной системе российского высшего образования можно отразить в следующих тезисах:

Во-первых, само институциональное пространство высшего образования включено сегодня в процессы трансинституциональной интеграции ранее самостоятельных сфер общественной жизни в системе «власть – бизнес – наука», что повлекло за собой существенную трансформацию принципов его формальной организации.

Во-вторых, в границах модели «тройной спирали» существенно изменена традиционная система университетов, в которой рядовые региональные вузы, не получившие статус федеральных или национальных исследовательских, формируют состав так называемого «пятого эшелона», при условии, что не

¹⁶² Томильев А.В, Томильцева Д.А. Компенсаторные функции коррупции в условиях неопределенности последствий принятия решений // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сборник научных трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. 2019. С. 223.

¹⁶³ См. напр.: Белоцерковец (Номаненко) Е. А. Коррупция как часть общественной культуры // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. № 3. С. 15; Лугавцов К.В. Коррупционная культура как угроза национальной безопасности России // Вестник бурятского государственного университета. Серия "Философия, социология, политология, культурология". 2015. № 6А. С. 73-77; Фролов О.В. Философской-правовой контекст коррупционной культуры педагога // Правовая культура. 2018. №3 (34). С.24-32.

попадают в программу «Топ-100» или не претендуют на звание «опорных» в субъектах РФ. При этом такая категория учреждений высшего образования составляет подавляющее большинство из числа российских университетов.

В-третьих, вузы «пятой категории» вынуждены соответствовать национальной политике инноватизации и, наряду со статусными университетами, но находясь в более затруднительном финансово-материальном положении, ограниченности доступа к административных и иным ресурсам, создавать в своей структуре бизнес-ориентированные формы реализации «спирального» принципа (бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и др.).

В-четвертых, в современных условиях вуз является не столько образовательным или научно-образовательным учреждением, включенным в систему высшего образования, сколько равноправным элементом социально-экономической и предпринимательской инфраструктуры конкретных территорий (субъектов РФ), вне зависимости от формального статуса в университетской структуре. Статус такого вуза в первую очередь и определяется потребностями (кадровыми, научными, технологическими) именно региона.

В-пятых, сам статус и смысл понятия «региональный вуз» существенно изменилось и не соответствует его пониманию просто как учреждения «нестоличного» региона, своего рода образовательной периферии, так как, например, и рядовые вузы, и НИУ равноправно вовлечены в реализацию региональных бизнес-стратегий. В результате этого активно внедряется и новая модель университета третьего поколения (Университет 3.0) – предпринимательский университет, - призванная максимально реализовать стратегию модели «тройной спирали» на основании сетевых форм институциональной интеграции в соответствии с приоритетами перехода к постиндустриальной экономике «знаний», «цифровизации» и аналогичным точкам социально-экономического и политического роста.

Наиболее опасным на сегодняшний день является то обстоятельство, что в результате модернизации системы высшего образования по модели тройной спирали в вузах деформируется процесс воспроизводства и трансляции культурных социокодов, где основными деструктивными эффектами являются следующие:

Во-первых, в результате интеграции вузов в модель тройной спирали процесс воспроизводства и трансляции смыслов культуры нарушается через деформацию социокода целостности, отвечающего за сохранение динамического равновесия культурных и экономических феноменов, за освоение ценностей и социально значимых идеалов, а также способствующего формированию меры коммерциализации и инновационности научно-образовательной деятельности.

Во-вторых, в условиях антагонизма трансляции конфликта «традиции и инновации» российской модели тройной спирали в ценностно-нормативном пространстве вуза у реципиента (студента, преподаватели, администрации) возникают трудности с расшифровкой кодов социосемиотической системы культуры в результате рассогласованности ее содержания.

В-третьих, структуры повседневности, определенные традицией, как и пропагандируемые декларативные ценности инновационного развития, конфликтуя затрудняют идентификацию социально и биографически востребованных смыслов для субъектов научно-педагогической деятельности. В результате возникают мозаичные образы социальной реальности в индивидуальном и групповом мировоззрении.

В-четвертых, в вузовском ценностно-нормативном пространстве формируются утилитарно-прагматические ситуативные установки, что порождает манипулирование смыслами и ценностями, заключенными в обоих блоках («традиционном» и «инновационном») социокодов. В этом случае затрудняется возможность формирования целостной жизненной стратегии личности на основе как традиционных, так и новых социально-предпочитаемых ценностей.

Обусловленные нарушениями воспроизводства и трансляции социокодов в условиях «спиральной» реформы, институциональные деформации ценностно-нормативного пространства вузов мы представляем следующими их категориями:

1) культурно-институциональные:

- дискриминационный статус вузов в модели тройной спирали через клише макдональдизации и эффективного менеджмента, отразившихся в низведении ценностей научно-педагогического творчества и академических свобод к бюрократическим стандартам власти и калькулируемости прибыли бизнеса;

- разрушение селективной институциональной функции высшего образования путем его массовизации, коммерциализации и примитивизации;

- обогащение и аккумуляция деструктивных компонентов вузовской субкультуры традиционно российскими коррупциогенными паттернами патернализма и бюрократии политической и предпринимательской культуры.

2) нормативно-ориентирующие:

- искажение традиционного норматива конкурсных, конкурентных принципов возможности получения университетского образования его массовизацией, коммерциализацией и созданием условий развития жесткой экономической конкуренцией вузов за абитуриента;

- деформация содержания принципа императивности образования, когда непреложность соблюдения форм и процедур обучения в вузах для студента трансформирована в обязательность соответствия бизнес-стандартам сервис- и клиентоориентированности для администрации и ППС;

- ассимиляция нормативов культуры обучения в вузе паттернами культуры потребления образовательных услуг, где стандарты фундаментальности университетского образования замещаются ориентирами его утилитарности.

3) ценностно-смысловые:

- спекулятивность современных смыслов гуманизации высшей школы, идеологически легитимирующих конвенциональную для власти и бизнеса имитационность «спирального» курса модернизации;

- разрушение культуросообразности вузовского образования, формирующее ценностный разрыв поколений в социализации студентов, основанный на смысловом конфликте традиции и инновации в условиях тотального распространения культурно-редуцированной консюмеристской идеологии клиентизма;

- нарушение процессов трансляции и воспроизводства культурно-сакральных смыслов ценности труда и образования, определяющее формирование в качестве модальной личности выпускника вуза гипотетически «квалифицированного потребителя», «человека экономического», но фактически преимущественно «неквалифицированного потребителя»;

- формирование семиотического шва коррупциогенной бюрократической нормативности в ценностно-нормативном пространстве российской модели тройной спирали, обусловленное институционально дискриминированным статусом вузов и императивами их сервис-ориентированности, детерминирующими устойчивость и распространение коррупциогенно-деструктивных паттернов как адаптивной стратегии научно-педагогической деятельности. То есть в вузах бюрократически-патерналистская регуляция приобретает статус инструментальной ценности с соответствующим нормативным набором форм ее реализации, формируя самостоятельный российский культурный феномен.

Приведенные факты и теоретические выводы требуют самостоятельного исследования феномена коррупциогенности культуры, его концептуализации и изучения механизмов воспроизводства и трансляции в современной российской университетской системе.

Глава 2. Коррупциогенность культуры как форма патерналистски-бюрократической традиции в ценностно-нормативном пространстве инновационного развития регионального вуза

2.1. Понятие и традиционно-ритуальная сущность коррупциогенности российской культуры

Феномен коррупциогенной / коррупционной культуры как научная дефиниция, несмотря на растущую конъюнктурность самой формулировки, в настоящее время содержательно еще не определен. Данный понятийный конструкт внутренне, семантически уже содержит кажущееся очевидным противоречие, когда «коррупция» и «культура» несут антагонистические для восприятия коннотации. Вследствие, и формулировка «коррупционная культура» как с лингвокультурологических позиций, так и в обыденном сознании нередко воспринимается как оксиморон, абсурд.

Если обратиться к источникам, содержащим какие-либо дефиниции коррупционной культуры, которые могли бы служить теоретико-методологической базой ее научного понимания, то можно констатировать их крайне ограниченное количество. Например, общее упоминание присутствует в работе Е. А. Белоцерковец. Предлагаемая модель представляет коррупционную культуру как «частное от правовой»¹⁶⁴. Тем не менее, на основании цитируемого исследования невозможно дать определение или выявить ее сущностные черты, логику применения и соотносимости критериев представленной Е. А. Белоцерковец типологии. Это требует разработки теоретико-методологического конструкта коррупциогенности / коррупционности культуры, что является необходимым, например, для установления степени социокультурной репрезентативности самого явления в университетской среде.

¹⁶⁴ Белоцерковец (Номаненко) Е. А. Коррупция как часть общественной культуры // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. № 3. С. 15.

Отметим, что с позиций ряда научно-философских подходов к культуре данное понятие не является ни абсурдным, ни метафоричным. Например, в психологической традиции можно опираться на учение З. Фрейда, в философской (например, Ф. Ницше) и социологической (например, Г. Зиммель) - на иррационализм «философии жизни». Наряду с развитием установок представителей натуралистической или общественно-исторической парадигм культуры, набирает авторитет и символическая школа (Ф. де Соссюр, Э. Кассирер, К. Леви-Стросс), а также акторно-сетевая теория (Б. Латур, Дж. Ло, М. Каллон). Их положения особо актуальны для диссертационного исследования и активно развиваются в междисциплинарном поле современной социальной теории постнеклассической парадигмы. Эта актуальность определена акцентированием именно семиотико-коммуникативного, а не только аксиологического аспекта коррупциогенной культуры, что и позволяет преодолеть ортодоксальность ее понимания как абсурдного, бессодержательного понятия. В традиции современного структуралистского примата синхронии над диахронией сама *ценность, ценностный компонент культуры* может пониматься как *символизируемая форма общественных отношений*.

На основании такой методологической установки коррупция как форма социальных практик вполне может обладать и очевидно обладает культурным, то есть ценностно-символическим и нормативным содержанием. Иллюстративным примером здесь выступает национальная патерналистски-бюрократическая традиция как таковая, когда еще сам термин «коррупция» не существовал в принципе. Одним из обширных исследований проблемы традиций российской коррупции и ее социокультурных оснований является работа Н.П. Копцевой¹⁶⁵, в которой представлена модель коммуникационной специфики российской культуры через *практики пирования и дарования*.

¹⁶⁵ Копцева Н.П. К вопросу о культурных основаниях коррупционного поведения в современной России // Человек и культура. 2014. № 3. С. 23-50. DOI: 10.7256/2306-1618.2014.3.12905 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12905

На основании герменевтического анализа культурных текстов, отечественного кинематографа и иных источников указанный автор исследует связи архаичных и традиционных ценностей, и стратегий коррупционного поведения. К таким стратегиям относят «скупку государства»¹⁶⁶ и «влияние на государство», где первая обеспечивает конкурентное преимущество субъектам экономики (в основном переходного типа), которые полагают, что их права в условиях интенсивных реформ недостаточно защищены. Вторая базируется в первую очередь на конкуренции протекционистского типа, основанной на прочных деловых или личных связях.

Н.П. Копцева со ссылкой на исследования Т.А. Нестик¹⁶⁷ говорит о том, что какие-либо субъекты экономической конкуренции выбирают одну из указанных стратегий, но никогда не обе одновременно. Это свидетельствует о различных системах их культурных ценностей. Также значение культурного образца в вопросах коррупции иллюстрируется кросс-культурными исследованиями¹⁶⁸, вплоть до заявлений о том, что экспансивная модернизация основ правовой системы ряда восточноазиатских стран по западному образцу разрушает их культурную базу¹⁶⁹.

В цитируемом исследовании четко прослеживается связь между стереотипами коррупционного поведения россиян и коррупциогенной культурной традицией патернализма, кланово-родственных отношений, что доказывается Н.П. Копцевой, помимо прочего, на примере советских кино и литературы, где также культивировался паттерн расширенной семьи, общинная иерархия. С этим она связывает провал идеологической задачи по изменению / искоренению коррупциогенной стратегии у советских граждан. Указанный автор полагает, что мифологизация «Парторга» только укрепляла архаичные

¹⁶⁶ Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition // World Bank Policy Research Working Paper № 2444. September 2000.

¹⁶⁷ Нестик Т.А. Коррупция и культура // Следователь. 2008. № 5. С. 47-52.

¹⁶⁸ Lisa Cameron, Ananish Chaudhuri, Nisvan Erkal. Propensities to Engage in and Punish Corrupt Behavior: Experimental Evidence from Australia, India, Indonesia and Singapore. URL: <http://www.nisvanerkal.net/corruption5b-Mar-9.pdf> (февраль 2009).

¹⁶⁹ John Hooker. Corruption from a Cross-Cultural Perspective. URL: <http://ba.gsia.cmu.edu/jnh/corruption08s.pdf> (October, 2008).

патерналистские формы сознания на фоне попыток изменения коррупционного поведения простыми текстовыми осуждениями (плакаты и проч.)¹⁷⁰.

Согласно выводам Н.П. Копцевой, тем, что роднит и традиционные и модернистские общества является культ дарения, подарка-дара, обеспечивающего формирование социальной солидарности. Его цель есть установление и поддержание соучастия и взаимности, а экономический смысл второстепенен. Также важен и паттерн пирования, в отношении которого приводятся такие результаты качественного исследования: *«Наша фирма разорилась, потому что хозяин был непьющий и не ходил с мужиками в баню. Потому что все важные дела наши мужики решают за выпивкой в бане»*¹⁷¹.

На основании этого Н.П. Копцева пишет: «Эта особая бизнес-культура не только не исчезает в современной России, но укрепляется. На ... рынке досуга ... множество предложений для бизнес-партнеров, для малознакомых людей, для потенциальных сотрудников. Они могут участвовать в совместных рыбалках, посещать различные бани-сауны, ... чтобы в совместных пирах продемонстрировать доверие друг к другу и создать договоренности, которые значительно крепче любого юридически проверенного контракта»¹⁷². В результате чего и делается вывод о том, что именно в неучтенности глубинных культурных паттернов социальных коммуникаций, где дар, в первую очередь подносимый на совместных пированиях, есть репрезентант и посредник в установлении солидарной социальной связи, и состоит сущностная причина неэффективности правовых антикоррупционных практик.

Следовательно, патерналистская традиция и ритуал дарования-пирования, составляющие традиционное культурное ядро российской бюрократии и бизнес-культуры, обеспечивают коррупциогенные практики прочным историческим национальным фундаментом. Отметим, что кросс-культурный анализ применим не только к различным этно-национальным

¹⁷⁰ См.: Копцева Н.П. К вопросу о культурных основаниях коррупционного поведения в современной России // Человек и культура. 2014. № 3. С. 23-50. DOI: 10.7256/2306-1618.2014.3.12905 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12905

¹⁷¹ Копцева Н.П. Указ. Соч.

¹⁷² Копцева Н.П. Указ. Соч.

социокультурным феноменам, которые представляет собой лишь макро-уровень проблемы. На институциональном же уровне кросс-культурный принцип также успешно реализуется в изучении профессиональных культур, или субкультур. Примером этому может служить методологическая матрица кросс-факторного анализа, представленная на рисунке 1.7 первой главы диссертационной работы, и описанная на общих примерах трансляции коррупциогенных социокодов в институциональном пространстве общества. В связи с этим и актуализируются «*cultural studies*», где «задачей данного обществоведческого жанра стало раскрытие социальных механизмов, управляющих поведением ... , в первую очередь посредством идентификации и самоидентификации людей с определенными общностями и присущими им нормативными системами»¹⁷³.

В рамках такого нормативного подхода к культуре, можно утверждать, что интеграция в вузовское ценностно-нормативное пространство паттернов бизнес-культуры в условиях архаично-традиционных образцов российского патернализма соответствует модели «дворцового государства», описанной еще на рубеже 2000-х годов И.И. Глебовой. Современная организационная культура и существующие стратегии управления на всех уровнях менеджмента, от публичной власти до конкретных частных или государственных организаций, определяются И.И. Глебовой как «олигархический корпоративизм» в условиях «государства-корпорации». Особенностью такой формы управления является архаизация власти, где собственники и руководители обладают «признаками сословия», а корпорация работников имеет статус «обслуги». «Сословный» начальствующий слой имеет целью укрепление и усиление социального влияния, что ставит их над социумом. В то же время аналогичное мировоззрение формируется и у работников, стремящихся к укреплению солидарности с «Дворцом», выходу из «массы»¹⁷⁴. Данная модель

¹⁷³ Култыгин В. П. Социология культуры или социология культурно-духовной сферы // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 143.

¹⁷⁴ См.: Глебова И. И. «Дворцовое государство» в современной России // Политическая концептология. 2001. № 2. С. 84–85.

соответствует коррупционной стратегии «*влияния на государство*», упоминаемой Н.П. Копцевой.

В научной периодике представлено огромное количество мнений, уточняющих приведенную выше позицию или подтверждающих ее. В частности, на рубеже 2010-х годов П.Л. Крупкин говорит об архаизации власти, берущей начало в 1990-х годах, отмечая ее наиболее существенным элементом именно коррупцию и определяя ее как «дополнительный налог на общество»¹⁷⁵. М. В. Аверьянов подчеркивает легитимность российской коррупции в гражданском менталитете, что связывает как с устойчивостью традиций патернализма, «формализованного покровительства и создания преференций по отдельным основаниям», так и с постреформенными ценностями, «культивирующими потребительство и гедонизм»¹⁷⁶. Приведенные цитаты с разницей в десятилетие наглядно отражают если не устойчивую негативную динамику в отношении проблем коррупциогенности российского социума, то по крайней мере отсутствие положительных изменений, стагнацию.

Отмечаемая легитимность коррупциогенной солидарности в культурном сознании граждан, ее традиционно-ритуальный статус в модели «пирования-дарования» в условиях распространения принципов унификации управления онтологически разными общественными институтами в парадигме эффективного менеджмента (по П. Друкеру), создают все возможные предпосылки для воспроизводства и трансляции содержащих ее элементов культуры. Выявляется культурно-рекурсивный, экзогенно-эндогенный характер матрицы коррупциогенных социокодов. Актуальность такого подхода отмечается, например, Н.Н. Лукиным, подчеркивающим необходимость изучения коррупции «в ее синхронном и диахронном планах, ... с позиций генезиса, эволюции, трансформации, совокупности условий, влияющих на

¹⁷⁵ Крупкин П. Л. Архаизация – доминирующий тренд социальных изменений в России // Научный эксперт. 2009. № 7–8. С. 86–88.

¹⁷⁶ Аверьянов М. В. Методологические подходы в исследовании феномена коррупции: социокультурный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 250.

развитие этого явления, консервацию его и отмирание»¹⁷⁷. Здесь выявляется «сквозной», «зонтичный» характер коррупциогенной нормативности, обеспечивающей как выживание самих традиционных культурно-коммуникативных практик, так и ее собственное социогенетическое сохранение, и трансляцию в них же. В итоге патерналистски-бюрократическая традиция как нормативная матрица социокультурного масштаба и предзадает ритуальную модель возникающих коррупциогенных интеракций, коммуникативно синхронизирует их, и воспроизводится, реплицируется, обретая все большую институциональную устойчивость.

Интегрированность коррупциогенной нормативности в культурных социокодах, институциональных практиках и феноменологии повседневности формирует в общественном сознании ее статус как устойчивого, культурно обусловленного социального факта¹⁷⁸. Бюрократически-патерналистские схемы легитимируются через идеологемы участливой исключительности предоставляемых услуг, где вознаграждение, дары выступают ритуально-адекватной платой за их оказание. Это и сформировало определенные типовые модели коммуникаций, практик и мировоззрения, в которых оказываемая услуга выступает *ценностью*, предметом неформального ритуального обмена «дарами». В результате такие деструктивные социокоды присутствуют как неформально-криминальная, но органичная, традиционная часть организационной культуры и управления, что усугубляется распространением ее институционально-унифицированных форм в спиральной модели модернизации.

Исторически-цивилизационная обусловленность коррупциогенных нормативов, с одной стороны, и институционально-содержащие их интегрируемые модели профессиональных практик, с другой, при «зонтичном» характере стратегии модернизации и эффективного менеджмента формируют единую, контекстуальную для всего пространства социокультурных

¹⁷⁷ Лукин Н. Н. Проблема коррупции: вопросы методологии // Философия права. 2010. № 4. С. 51.

¹⁷⁸ В дюркгеймовской трактовке.

коммуникаций ценностно-нормативную и символично-семантическую среду. В это же время самостоятельным фактором устойчивости и развития коррупциогенной нормативности является социальная психология российской культуры, состоящая «в приоритете неформальных социальных отношений над формальными»¹⁷⁹. Ценностно-нормативные установки массовой психологии россиян в отношении к коррупции выражаются в:

- толерантности, определяемой чувством ее неизбежности, обыденности и «вечности»;
- осуждении преступлений не как таковых, а лишь в случаях «запредельности», «непропорциональности должности» коррупционера;
- непоследовательности и противоречивости, основанной на системе двойных стандартов, формуле «я и мое окружение – другие»¹⁷⁹.

В результате изучения глубокой интегративной связи общественной психологии и традиции российской культуры ряд авторов формулируют выводы об особенностях национального коррупциогенного менталитета, его лояльности к самой проблеме, например на основании кросс-культурных различий европейского и российского подходов к ценностям: «такие модусы социальной значимости человека, как Дело, Богатство, Собственность, Мастерство, Труд, Слава, имеют в сознании россиян другое содержание, чем у европейцев. ...русская ментальность весьма ...лояльна к коррупции»¹⁸⁰.

Необходимо особо отметить здесь предположение Н.П. Копцевой, иллюстрирующее приведенный выше тезис о противоречивости социальных установок россиян в отношении коррупции уже на социокультурном уровне общественного воспроизводства. Она говорит о культурной идентификации и самоидентификации как значимых факторах коррупциогенного поведения, подчеркивая, что в российских реалиях «одни и те же культурные коды содержат в себе как терпимость и допустимость коррупционного поведения,

¹⁷⁹ См.: Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 11.

¹⁸⁰ Гольцов Н. Ф. Власть и коррупция: психологический аспект // Академический вестник № 1: сб. науч. тр. Тюмень, 2008. С. 100.

так и возможность отрицания этого поведения в качестве культурного эталона»

181

Еще одним подтверждением противоречивости статуса коррупции в российской культуре и массовом сознании является его семантические репрезентации в пространстве русского языка. В частности, О.В. Барабаш приходит к выводу о том, что взятка является наиболее массовым языковым репрезентантом концепта коррупции, а в отношении двух типов субъектов коррупции – берущего и дающего взятку, - формируются две группы номинаций (рис. 2.1).

Тип субъекта	Субъект 1 (тот, кто дает взятку)	Субъект 2 (тот, кто берет взятку)
Номинации феномена коррупции с учетом ориентации на тип субъекта	Подкуп, дача взятки	Взяточничество, лихоимство, мздоимство, посулоимство, посулоимание, продажность (судей, чиновников), злоупотребление властью (полномочиями)

Рис. 2.1 Номинации концепта коррупции по типу субъекта в русском языке¹⁸²

Как видно на рисунке 2.1, подавляющее большинство возможных номинаций соотносятся с берущим взятку типом субъекта, и только две с взяткодателем. При этом, как отмечает О.В. Барабаш, в современном русском языке вообще сложно идентифицировать какое-либо общеупотребительное слово для взятку-дающего субъекта, и наиболее употребляемым может служить лишь слово «коррупционер», однако используется оно в отношении обоих типов субъектности. При этом и в юридическом дискурсе оба типа коррупциогенной субъектности имеют равный статус, однако в массовом сознании, репрезентируемом семантикой языка, имеются существенные смысловые диспропорции.

Наиболее ярко такая противоречивость и непоследовательность репрезентации коррупции в общественном сознании россиян верифицируется в исследовании проблемы методом ассоциаций, значение которого

¹⁸¹ Копцева Н.П. Указ. соч.

¹⁸² Приводится по источнику: Барабаш О.В. Концепт «Коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка // Политическая лингвистика. 2017. №6 (66). С.226.

актуализируются все шире в научном сообществе¹⁸³. Для формирования наибольшей свободы выражения позиции опрошенных и нивелирования определенной предзаданности ответов исследовательским перечнем был использован такой метод свободных ассоциаций как метод незаконченных предложений¹⁸⁴. Испытуемым было предложено закончить по два предложения в отношении двух смысло-языковых концептов «*коррупция*» и «*коррупционер*» с использованием частицы «*это*» и прилагательного «*какой*». Далее были установлены наиболее типичные ассоциации и их коннотации к этим словам в обоих вариантах формулировок.

Концепт «*коррупционер*» в подавляющем большинстве случаев не имеет в массовом сознании респондентов отрицательных коннотаций. Типичными ассоциациями в формулировке «*коррупционер какой?*» являются такие номинации как «*богатый*», «*хитрый*», «*умный*», «*деловой*», «*могущественный*». При этом ассоциации концепта «*коррупция*» носят выражено негативный коннотативный характер. В формулировке «*коррупция какая?*» типичными номинациями были «*опасная*», «*противозаконная*», «*грязная*», «*продажная*».

В формулировке с частицей «*это*» получены близкие по коннотативной оценке результаты в отношении уже обоих концептов. Типичными номинациями в отношении концепта «*коррупция*» являются коннотативно негативные «*обман*», «*продажность*», «*преступление*», «*противозаконность*», «*мошенничество*», и почти без исключений – «*взятка*». В отношении концепта «*коррупционер*» типичны такие как «*вор*», «*обманщик*», «*преступник*». Однако в ряде случаев встречаются и коннотативно нейтральные номинации «*нуждающийся в средствах*», «*бюджетник*». Также две трети опрошенных ассоциируют коррупционера с «*чиновником*». Это иллюстрирует эмоционально-смысловую связь концептов «*чиновник*» и «*коррупция*» через

¹⁸³ См. напр.: Иванова Н.А. Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях // Вестник СПбГУ. 2013. Серия 12. Вып.3. С.116-122.

¹⁸⁴ Качественное исследование «Коррупция в стереотипах массового сознания россиян» проведено Каменским Е.Г. в мае 2020 г. методом свободных ассоциаций, выборка случайная, 150 человек (г. Москва, г. Курск, г. Белгород по 50 респондентов соответственно).

негативные коннотации их номинаций, в то время как слово *«бюджетник»* такой окраски в массовом сознании не имеет и ассоциируется скорее с *«нуждающимся в средствах»*.

На основании приведенных результатов применения метода ассоциаций можно установить ряд существенных особенностей социальной психологии россиян, подтверждающих противоречивость национального менталитета и массового сознания в отношении коррупции. Если коррупция воспринимается населением негативно в подавляющем большинстве случаев, ассоциируется преимущественно со взяткой и воровством, то однозначно оценить образ коррупционера намного сложнее. При линейной экстраполяции ассоциативных рядов формулировок *«коррупционер какой»* и *«коррупционер это»*, формируется коннотативно негативный образ вора, но с положительными характеристиками умного, делового, предприимчивого и богатого человека. Это и соответствует российскому образу чиновника, представителя власти, или же просто «ушлого» человека, что наглядно иллюстрирует приведенный выше тезис Н.Ф. Гольцова о иных нежели в европейском сознании смыслах богатства, репутации и аналогичных характеристиках-целях. Также верифицируется и высказанное им мнение о терпимости к коррупции в национальном менталитете, когда ассоциациями к слову «коррупционер» выступают номинации «нуждающийся», «бюджетник», иллюстрирующие участливо-понимающее отношение к некоторым субъектам коррупционной преступности.

Подтверждаются и приведенные выше мнения авторов в отношении основной формы коррупции в российском обществе. Большинство россиян ассоциируют ее со взяткой. При сравнении приведенных качественных результатов с показателями статистики, можно утверждать полное соответствие установок массового сознания с реальными данными: среди всех квалификационных групп коррупционных преступлений взятка составляет максимальный процент, и тенденция продолжает сохраняться. Например, «Интерфакс» со ссылкой на данные Генпрокуратуры отмечает, что «среди всех

коррупционных преступлений количество взяток увеличилось более чем на треть, посредничества при даче взяток — почти вполонину»¹⁸⁵. В это же время со ссылкой на сводную инфографику «Коммерсанта» ресурс «Seldon news» говорит о том, что 34% респондентов среди россиян по состоянию на июнь 2019 года давали взятки при среднем близком показателе по СНГ в 30%, но более чем втрое меньшем по Евросоюзу – 9%¹⁸⁶.

В философско-междисциплинарном аспекте подобную связь объясняет тот факт, что современная психоллингвистика активно признает влияние на формирование ассоциаций существенных экстралингвистических факторов: социально-биографического опыта, ценностей, знаний и даже потребностей субъекта мыслеречевой деятельности¹⁸⁷. Этим и определяется значение культурной коррупциогенной традиции, типичных, во-многом архаичных институциональных коррупциогенных практик, обуславливающих ритуальный характер российской коррупции, наличие коррупциогенных установок в структуре общественного сознания населения, инициализирующего данные социокоды в своей ментальности в масштабе всей протяженности социокультурного хронотопа. В связи с этим утверждается, что «никогда не будет достаточно прямых правовых механизмов борьбы с коррупционным поведением в российском обществе. Только включение в повседневную систему социальных коммуникаций древних форм народной солидарности и наполнение этих древних культурных практик позитивными социально-солидарными целями поможет преодолеть преступные формы современной российской коррупции»¹⁸⁸.

Такой сложно-системный, синергийный характер коррупции в российской культурной матрице требует как детального изучения, так и конвергенции многообразных авторских позиций к ее пониманию. Одним из

¹⁸⁵ Генпрокуратура заявила о росте коррупции в 2019 году [электронный ресурс] // Сайт телеканала «Дождь». URL: https://tvrain.ru/news/genprokuratura_zajavila_o_roste_korrupsii_v_2019_godu-494402/ (дата обращения 7.10.2019)

¹⁸⁶ Коррупция в России неискоренима, как показывает статистика за 2019 год [электронный ресурс] // Сайт «Seldon news». URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/212013172#_2019 (дата обращения 7.10.2019)

¹⁸⁷ См. напр.: Ахмад И.М. Ассоциации как объект изучения в лингвистике [электронный ресурс] // kamts1.kpi.ua. URL: http://kamts1.kpi.ua/sites/default/files/files/Ahmad%20_assotsiatsii.pdf

¹⁸⁸ Копцева Н.П. Указ. соч. С.50.

методологически весомых исследований этой проблемы является работа Т. А. Нестик, формулирующего в современном научном поле три магистральных подхода к установлению связи компонентов культуры и коррупции. В рамках первого сама *коррупция определяется как культура*, и рассматривается с точки зрения воспроизводимых внутри делового сообщества или организации символов, мифов, обычаев, представлений и базовых ценностей. Второй подход базируется на положениях структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона. Здесь *коррупция – это временное состояние, дисфункция в культуре*, понимаемой как система ценностей, норм и установок, общих для членов сообщества. Она есть ответ на состояние социокультурной аномии, порождаемой конфликтом между элементами системы ценностей. Третий подход представляет *коррупцию* не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры¹⁸⁹.

Схематично данный вывод можно представить как системный процесс детерминаций российской коррупции, учитывающей все три, описанные Т.А. Нестик, особенности ее понимания (рис. 2.2). В данном случае сложно установить прямые детерминационные связи между указанными явления, что требует проведения достоверного исторического анализа и не входит в предмет нашего исследования. Конкретизируя национальные особенности, представленные в указанных Т.А. Нестик макро-подходах, можно рассмотреть российскую коррупцию и как результат неформальной институционализации¹⁹⁰ ее поведенческой репрезентации. Согласно принципу синхронии, распространенность / типичность коррупциогенных практик обуславливает формирование ценностно-символьных и нормативно-регулятивных паттернов в национальной культуре и общественном сознании. Такая институционализация и проявляется в формировании устойчивых культурно-размерных моделей коррупции (ритуалах, формах легитимации и народном фольклоре, и т.д.).

¹⁸⁹ Нестик Т. А. Коррупция и культура [Электронный ресурс] // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2002. № 4, ч. 2. URL: [http:// corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html](http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html) (дата обращения: 13.12.2014).

¹⁹⁰ См. напр.: Шедий М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04.- Москва, 2015.- 393 с.

Рис. 2.2 Общая схема детерминаций особенностей коррупционности культуры России

Показательно в отношении данной позиции мнение самого Т.А. Нестик, признающего, что «неформальность отношений с властью, патернализм и иерархичность, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры»¹⁹¹. Особо актуален для нашего исследования его вывод о культурно-сетевом характере российской коррупции, когда «...коррупционные сети структурируются на различных системах ролевых ожиданий (семейных, дружеских, этнических, клановых, религиозных, корпоративных), имеют множество целей и включают в себя различные виды деятельности. Они строятся на принципах взаимопомощи и солидарности, создают свои системы правил, соблюдение

¹⁹¹ Нестик Т. А. Указ. соч.

которых является приоритетным и по отношению к нормам государства и семьи, и по отношению к интересам отдельного их участника»¹⁹².

В такой ситуации можно говорить о том, что коррупциогенные социокоды и паттерны выступают одним из *параметров порядка* системы социокультурных взаимодействий российского общества. Иллюстрируется реализация принципа подчинения, когда изменение управляющего параметра как бы дирижирует синхронным поведением множества элементов низшего уровня, образующих функциональную систему. При этом наблюдается феномен когерентного, т. е. взаимосогласованного, сосуществования элементов различных иерархических уровней системы, отражающего явления самоорганизации¹⁹³. С учетом сетевого, «сквозного» характера российской патерналистски-бюрократической традиции система коррупциогенных регулятивов нередко выступает параметром порядка организации социальных коммуникаций. Она же определяет устойчивость коррупциогенной нормативности в реальной практике социокультурного взаимодействия на общекультурном, институциональном и феноменологическом уровнях социальной системы (рис. 2.3).

¹⁹² Нестик Т. А. Указ. соч.

¹⁹³ Согласно параметрической модели социокультурной иерархии: см. напр.: Буданов, В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е дополн. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 240 с.; Астафьева О.Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике // Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/art/konceptualnye-osnovaniya-kulturnoj-politiki/>

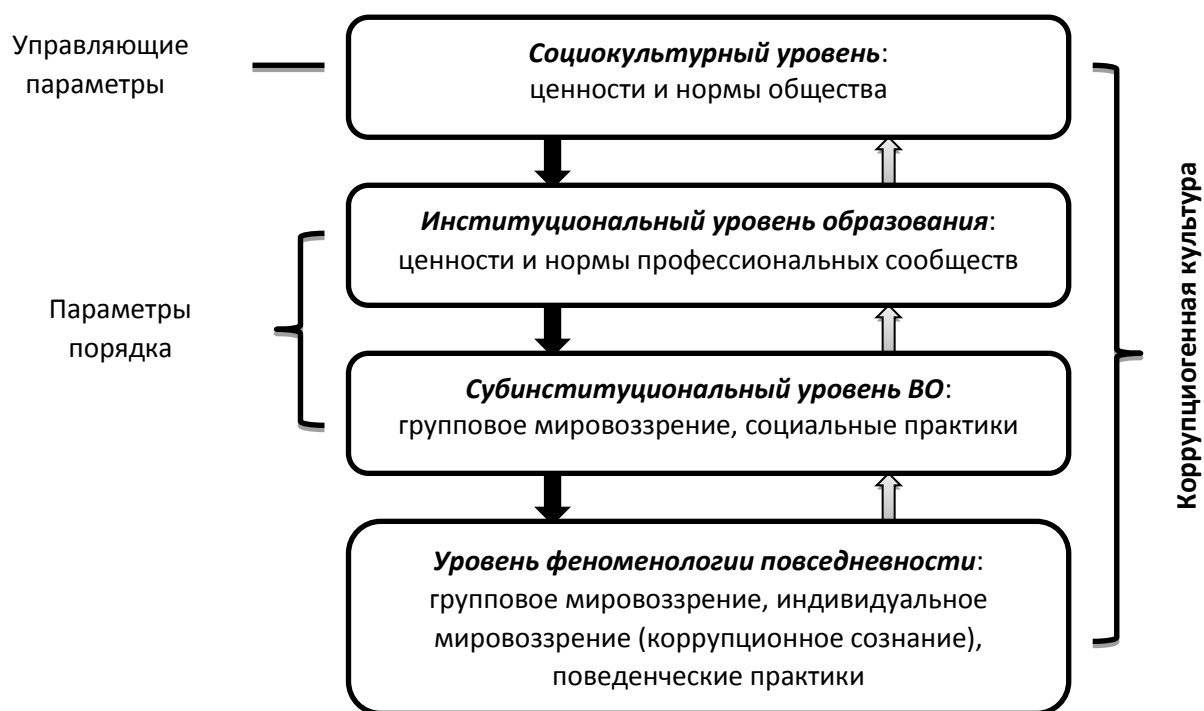

Рис. 2.3 Параметрическая структура уровней локализации нормативности коррупциогенности культуры¹⁹⁴

На рисунке 2.3 уровни социальной структуры отражают цели ценностно-нормативной регуляции мировоззрения и поведения на каждом из них. Социокультурный уровень выступает по отношению к низлежащим (подчиненным) наиболее стабильным и регулятивно определяющим их социальные функции. Далее нормы и ценности локализуются в институциональной системе общества в адаптированном к культурно установленным целям конкретных субинституциональных форм виде. Формируются субкультурные ценности и нормы, например, коммуникативно-интерактивной среды различных профессий. В таком иерархическом процессе коррупциогенные социокоды социокультурной матрицы транслируются от наиболее стабильных социальных структур к менее стабильным и масштабным (локальным), но гораздо более динамичным. Отражая общие характеристики регулятивной морфологии культуры, состояние институциональной среды социокультурных практик в таких соподчиненных отношениях стимулирует формирование и распространение в ней коррупциогенной нормативности.

¹⁹⁴ Черными стрелками обозначены управляющие связи, светлыми – связи, отражающие передачу определенных степеней свободы низлежащими уровнями иерархически высшим.

В российских реалиях кроме особенностей национальной коррупциогенной традиции, необходимо учитывать и современное состояние бифуркации социокультурной системы, в понятийном аппарате социальной теории преимущественно определяемом как аномия. При этом как на уровне междисциплинарного дискурса, так и в дисциплинарном философском и научном поле признается, что погруженная в такое состояние система тяготеет к стабилизации, гомеостазу. Предполагается, что само оно уже содержит определенные потенциалы порядка как вариативные сценарии прохождения хаоса, а главное – выхода из него. Например, Н. Н. Равочкин пишет: «Будучи тотальной деструкцией, хаос, лежащий в основе аномии, может быть конструктивным и способным служить чем-то вроде "первоматерии", из которой рождаются вполне упорядоченные формы»¹⁹⁵.

В гомеостатично направленном процессе коррупциогенные ценностно-нормативные паттерны, обладая наибольшей толерантностью к состоянию нестабильности ввиду традиционной обусловленности, распространенности и объективным сложностям правовой квалификации (нормативной мимикрии¹⁹⁶), типизируются. В таких условиях они с большой вероятностью замещают социально-правовые модели профессиональных практик, институционально интегрируются в них, стабилизируя регулятивный компонент культуры на противоправных основаниях. Схематически процесс распространения коррупциогенной нормативности в границах культурной цели-аттрактора, в качестве которой выступает социальный порядок (гомеостаз), представлен на рисунке 2.4.

¹⁹⁵ Равочкин Н. Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. № 2. С. 117.

¹⁹⁶ Подобная мимикрия выражается в сложностях правовой квалификации коррупционной преступности и, в результате, ее высокой латентности.

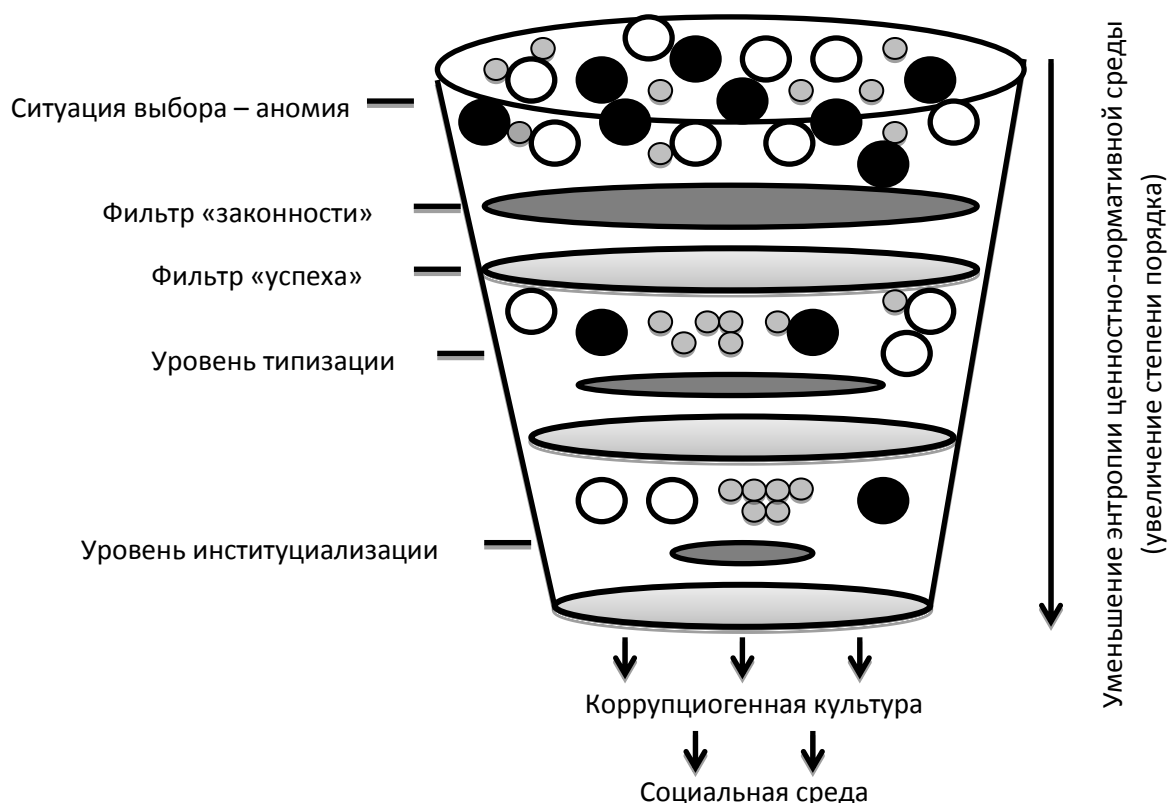

Рис. 2.4 Процесс распространения коррупциогенной нормативности в условиях социокультурной нестабильности (аномии)¹⁹⁷

Представленный схематично на рисунке 2.4 процесс в целом соответствует этологического подходу к пониманию коррупции¹⁹⁸ и может быть описан следующим образом. Нестабильная ценностно-нормативная среда (аномия) как пространство бифуркации порождает ситуацию выбора, где представлены три основных его типа:

- правовые;
- противоправные некоррупционные;
- противоправные коррупционные.

Через высокую способность коррупциогенных норм к социальной мимикрии происходит развитие их культурно-нормативной «диффузии» с правовыми и иными нормативами. Коррупционные модели интеракций институционализируются в коррупциогенной культуре. Далее ее нормативная

¹⁹⁷ Черными кругами обозначены все некоррупционные криминальные способы социально-профессионального взаимодействия, белыми обозначаются правовые способы, серыми (наименьшими по размеру) – коррупционные.

¹⁹⁸ О сравнении подходов к пониманию коррупции см. напр.: Рогозин Д., Шмерлина И. «Фантом коррупции»: аналитическая реконструкция общественного феномена // Социология власти. 2012. №4-5 (1). С.139-154.

матрица локализуется в регулятивных структурах всех уровней и локусов социокультурной системы.

В таких условиях для акторов при потенциально равных возможностях выбор проходит через некие культурные, социальные и мировоззренческие (психологические) фильтры, которые мы представили двумя их основными видами:

- фильтр «успеха»;
- фильтр «законности».

Первый в качестве критерия оперирует потенциальной и реальной степенью успешности (не всегда материальной, финансовой) реализации того или иного типа выбора поведения. Второй устанавливает критерий соответствия такого выбора официальной правовой нормативности.

Например, С. С. Кутафьева, К. Т. Пазюк, Б. В. Смирнов подчеркивают, что несоответствие между ожидаемым и реальностью провоцирует социальную напряженность и стимулирует человека к изменению модели поведения (от конформности к агрессии), выходя за пределы сложившейся нормы. Кроме того, в кризисных социально-экономических условиях сами нормы существенно изменяются. При этом отключаются или могут ослабевать культурные ограничители, вся система социального контроля¹⁹⁹.

На рисунке 2.4 описанная ситуация позволяет проследить своеобразный эффект «воронки». Происходит сужение аттрактора-цели «социальный порядок», исключение из него нестабильных четко квалифицируемых криминальных и правовых элементов в пользу стабильных коррупциогенных. Формируется тенденция статистического увеличения коррупционных случаев поведения субъектов профессиональных интеракций при уменьшении иных криминальных и правовых. При увеличении числа подобных социокодов в

¹⁹⁹ См.: Кутафьева С. С., Пазюк К. Т., Смирнов Б. В. Социальная аномия деревни: девиантное поведение и устойчивость развития (институциональный подход к исследованию локальных социумов) // Проблемы инновационно-инвестиционного развития Дальнего Востока России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2013. С. 99–100.

социокультурной среде, они начинают взаимодействовать²⁰⁰. В итоге по нисходящему вектору сокращается дистанция между типичными коррупционными способами, которые формируют общую для всей системы культуры семиотико-семантическую морфологию коррупциогенной нормативности.

С необходимостью учитывая перманентно-нестабильный, аномичный ценностно-нормативный фон российской модернизации, сформировавший в качестве идентифицируемых ориентиров многочисленные мифологемы и симулякры общества потребления, уместно привести актуальную по сегодняшний день позицию Е. Н. Зиза. Автор отмечает: «...говоря о разнообразии проявлений аномии в современном российском обществе, можно фиксировать ... отсутствие внятного, общедоступного символического кода... Речь идет о том, что символический язык нынешней массовой российской культуры ... сочетает элементы национальные, российские и заимствованные, инокультурные... и даже криминальный фольклор. Старая символика пока еще причудливо переплетается с новой... Такую ситуацию можно квалифицировать как непрерывные "символические войны", ... присутствует лишь типичная постмодернистская игра с образами и категориями ...»²⁰¹.

В результате при параллельном существовании как минимум двух систем нормативности, обладающих практически равным онтологически-регулятивным потенциалом и уровнем реализации в социокультурных практиках, патерналистски-бюрократическая и правовая матрицы нормы неминуемо сталкиваются через конфликт содержания базового социокода каждой из них. В таком случае коррупциогенность если и не приобретает статус официальной, доктринальной нормативной матрицы культуры, но фактически репрезентируется как реальная система регулятивов. В то же время формальное право приобретает статус декларативно-симуляционной формы легитимации неправовых моделей имитации успехов модернизации.

²⁰⁰Согласно динамической теории информации: Чернавский Д. С. Синергетика и информация. Динамическая теория хаоса. М.: Наука, 2001. 105 с.

²⁰¹ Зиза Е. Н. Постсоветское общество: рост аномии в эпоху постмодерна // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 8: Гуманитарные науки. С. 65–66.

Следовательно, можно утверждать, что коррупциогенная культура, как научный концепт представляет собой сложно-системную экспликацию синергии социокультурных, лингвокультурологических и социально-психологических оснований, а также поведенческих репрезентантов феномена патернализма-бюрократии в российском обществе. Приведенная выше верификация этих аспектов коррупциогенности и позволяет говорить не просто о ее системном, но именно культурном, точнее *культуро-размерном* характере. Речь в данном случае идет не столько об истории, или масштабах коррупции, что может объясняться, например, эпизодическими состояниями аномии в концепции Т.А. Нестик, сколько о ее *перманентно-интегративном, культурно-конвергентном* характере, отражающим ее *социально-регулятивную* природу.

На основании изложенного мы предлагаем следующее определение формируемого понятия. *Коррупциогенная культура – эмерджентный комплекс устойчивых культурно-диффузных социокодов и паттернов коррупциогенно-коррупционной нормативности и моделей социальных практик, обеспечивающих культуросообразность коррупции, как формы общественных отношений, в российской патерналистски-бюрократической традиции.*

Под эмерджентностью здесь мы понимаем системно-целостный, а не механически-суммативный характер российской коррупциогенности, когда она приобретает конвергентные, синергийные свойства самостоятельного социокультурного феномена, в своей сущности нередуцируемого к простой совокупности и линейным связям ее элементов, например таких, как коррупционные преступления.

С учетом сложного теоретического конструкта феномена коррупциогенной культуры возможно представить базовый состав ее структуры, который позволил бы говорить о его и репрезентативности. В такую макро-структуру мы включаем:

- устойчивые стереотипы коррупциогенного мышления;
- устойчивые модели коррупциогенного поведения;
- коррупциогенный менталитет населения;

- устойчивые коррупционные ритуалы взаимодействия;
- коррупциогенные ценности и нормы взаимодействия в социальных практиках;
- коррупциогенные мотивы и установки (коррупциогенное сознание).

На основании приведенной общей структуры, мы можем представить коррупциогенную культуру как устойчивую (стереотипную) систему коррупциогенных паттернов мышления и сознания (ценностей, норм, установок и менталитета) населения, реализуемую в сформировавшихся в российской культуре моделях патерналистски-ритуального поведения.

Особо отметим, что помимо архаично-традиционной обусловленности, нормативная устойчивость и выживаемость коррупциогенности культуры как кросс-культурной формы социальной регуляции в масштабах так называемой «русской матрицы»²⁰², усугубляется и социальной реакцией на нестабильность ценностно-символьного и нормативного пространства в условиях нереализованных социальных ожиданий населения, его декларативности, формирующих разбалансированность, мозаичность реальных биографических контекстов. В итоге традиционность, распространенность и семиотико-семантическая доступность, «понятность» паттернов коррупциогенной культуры патернализма представителям всех стратификационных и социально-демографических групп населения обеспечивает ее наиболее высоким потенциалом формирования криминально-подобной солидарности общества в условиях существующего ценностно-нормативного ландшафта. Ее латентный характер, способность к мимикрии в рамках официального поля правоотношений создает дополнительные механизмы ее выживаемости. Формируются возможности кросс-культурной диффузии коррупциогенных социокодов в субкультурных контекстах стратегических социальных институтов, к которым ввиду значительно расширенного в модели тройной спирали функционала и еще более актуализированной общественной миссии,

²⁰² См. подр.: Российская матрица: мифы и реалии. Материалы заочного круглого стола // Власть. 2014. №2. С.15-66.

относятся, в первую очередь, российские региональные университеты.

2.2 Коррупциогенность культуры как фактор воспроизводства деструктивной нормативности в ценностно-прескриптивном пространстве вуза

Проанализировав выше дисфункции современной системы высшего образования в контексте ее модернизации по спиральной модели, далее необходимо определить статус коррупциогенных элементов культуры в факторном комплексе, детерминирующем деструктивные процессы в региональных вузах национальной системы образования.

В первую очередь ставится методологическая задача определения более или менее четких границ понятия «фактор». В нашем случае сам этот конструкт имеет априорно-методологическую нагрузку, так как его теоретическая операционализация напрямую влияет на фокус исследовательского внимания: что мы принимаем, а что не принимаем в расчет, заявляя что-то как «фактор».

Факторный анализ применим и к самому объекту (высшему образованию, региональному вузу), в отношении культурной онтологии которого мы проводим исследование. Так, например, отмечают: «...отрасли социальной сферы, обеспечивающие развитие человеческого капитала, приобретают в XXI веке приоритетное значение. Особая роль принадлежит образованию, которое можно рассматривать и как составную часть общего поля модернизации всех сфер и сторон общественной жизни, и одновременно как важнейший фактор ускорения, интенсификации процесса модернизации»²⁰³. То есть высшее образование выступает и объектом, и фактором модернизации, что полностью соответствует современной стадии его модернизации по модели тройной спирали. Это определяет как минимум двуаспектный характер его рассмотрения в контексте решаемой задачи: экзогенный и эндогенный.

²⁰³ Колотова Н. Н., Темкина И. М. Модернизация высшего образования – составная часть и фактор процесса инновационного развития // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. № 4 (83). С. 72.

В связи с этим и ставится вопрос о соотношении меры «имманентности» фактора и самой факторной причине, что понимается как критерий его классификации на «эндо» и «экзо». Так, в отношении российского модернизационного процесса в целом отмечается: «Эндогенные процессы раскрывают потенциальные возможности, свойства и тенденции, заключенные внутри самой изменяющейся социальной реальности, а экзогенные – реактивны и адаптивны, являясь ответом на вызов, стимул или давление извне»²⁰⁴.

Отметим, что приведенная выше позиция будет методологически важной при определении статуса коррупциогенной традиции культуры в структуре деструктивных факторов модернизации региональных вузов. Однако даже такая, на первый взгляд простая, двухкомпонентная классификация на практике вызывает значительные сложности в ее применении. С.А. Емельянов подчеркивает: «Главная проблема различения эндогенных и экзогенных факторов российской социокультурной динамики в контексте диалектики ... при условии возможности взаимопереходов и взаимопревращений этих факторов состоит в проведении четкой демаркационной линии между тем, что относится к внутренней, а что – к внешней стороне социальной сферы»²⁰⁵.

Также Л. В. Лямцева и Л. А. Максимова отмечают: «Проблема соотношения внешнего и внутреннего факторов в развитии российской модернизации и поиска оптимума имеют непреходящую актуальность и оказались особенно важными в современных условиях, так как дефиниция «модернизация» превратилась в одну из имиджевых характеристик современной российской власти. Однако однозначного решения проблемы пока еще нет»²⁰⁶. Соответственно, необходим учет состояния и связей как социокультурного уровня модернизации высшего образования (экзогенного),

²⁰⁴ Емельянов С.А. Социальная модернизация России в контексте взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 9. № 46. С. 179. (178-187)

²⁰⁵ Там же. С. 179.

²⁰⁶ Лямцева Л.В., Максимова Л.А. К вопросу об эндогенных и экзогенных факторах российской модернизации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 12. С. 37 (37-42)

так и институционального (эндогенного). В столь сложно организованном пространстве коррупциогенная культура как факторный комплекс также может рассматриваться и в синхронном, и диахронном²⁰⁷ аспекте. Следуя этой логике, сама коррупциогенность в системе высшего образования может пониматься и как объективный феномен, и как фактор, и как следствие влияния определенных направлений реформирования высшей школы в современной социокультурной среде, то есть объект.

Следовательно, коррупционная культура на уровне общества может быть рассмотрена как экзогенный фактор в отношении системы высшего образования. При рассмотрении же особенностей и содержания коррупциогенной культуры самой высшей школы она может быть определена как эндогенный фактор.

Кроме того, ситуативно и стратегически влияние одних и тех же факторов на определенные социальные процессы и институты может быть оценено в настоящем и будущем совершенно различно. Прогностические и ретроспективные исследования нередко иллюстрируют ошибочность первых либо искажение интерпретации прошлого, во-вторых. Значит, необходимо учитывать, что с гносеологических позиций любые факторы могут быть определены как нейтральные, а их классификация по критерию конструктивности/деструктивности должна производиться с учетом состояния конкретной социальной ситуации их влияния на нее²⁰⁸.

Далее проблема определения деструктивных факторов модернизации и выявления в их структуре статуса коррупционной культуры предполагает построение их более или менее четко идентифицируемого списка. О сложностях реформирования высшей школы сказано достаточно много в научном сообществе, что позволяет основываться на изученном материале, не дублируя его. Например, определяются направления университетской системы

²⁰⁷ Лукин Н. Н. Проблема коррупции: вопросы методологии // Философия права. 2010. № 4. С. 51.

²⁰⁸ Подробнее о факторах модернизации см. напр.: Ермаханова С. А. Социокультурные факторы модернизации: противостояние традиции и инновации, самобытности и универсальности // Омский научный вестник. 2007. № 6 (62). С. 199–208.

высшего образования, которые можно считать контекстуальным макро-факторным полем ее трансформации:

- разработка эффективной образовательной политики;
- создание надежной правовой основы;
- обеспечение научной базы;
- совершенствование системы финансирования;
- оптимизация организационной структуры;
- капитальное обновление технической базы;
- кардинальное совершенствование кадрового состава;
- информационное обеспечение процесса²⁰⁹.

В противовес биологическому или психологическому редукционизму отметим, что несмотря на то, что сфера принятия решений о вступлении в коррупциогенные отношения лежит в области личной мотивации субъектов профессиональных практик, среда имеет детерминирующие характеристики, то есть фактор может являться коррупциогенной. Здесь коррупциогенные компоненты культуры выступают не просто экзогенным фактором, а представляет собой объективный социальный факт, репрезентируясь через традицию и социальную психологию. В итоге можно утверждать, что сама коррупциогенная матрица культуры является экзогенно-эндогенным фактором для системы ВО, носит формально деструктивный характер. При этом, например, в условиях социальной аномии она может способствовать сохранению социальных институтов, юридически продолжая квалифицироваться как преступление.

Например, как частная иллюстрация проблемы, повсеместно констатируется проблема коммерциализации образования, реализации функций высшей школы на принципах деятельности коммерческих организаций, в том числе через осуществление образовательных услуг, хоздоговорных работ и аналогичных. Следовательно, деструктивные факторы «спирализации» вузов интегрируют в себе негативные потенциалы, характерные как для

²⁰⁹ См.: Колотова Н. Н., Темкина И. М. Указ. соч. С. 72–73.

коммерческих, так и для государственных структур. То есть для политической и предпринимательской субкультуры.

В итоге противоречивая по совокупности характеристик «спиральная» инноватизация университетской системы на фоне коррумпированности основных институциональных сфер общества и опосредует проблему дифференцированного описания факторного статуса коррупциогенности культуры в этом процессе. Синергия ценностно-нормативного содержания конвергируемых в тройной спирали социальных институтов определяет появление новых регулятивных систем такого трансинституционального образования. В связи с этим нами предлагается концепт *ценностно-прескриптивного* пространства вуза.

Инструментальная значимость такой формулировки определяется необходимостью акцентировать императивность тенденций трансформации нормативного поля функционирования университетов в современных реалиях. Следовательно, концепт отражает систему *императивных нормативных ценностей научно-образовательного пространства вуза*. Сущностно проблема заключается в замещении сложно-формализуемых ценностных диспозиций гумбольтовской модели вуза формальными показателями калькулируемости. Сам норматив достижения целей «эффективности» возводится в ранг базовой ценности технологизированной научно-педагогической деятельности. Бюрократический стандарт обретает *ценностно-императивный*, или *прескриптивный* статус.

В этом случае ценность уже не является только этически-философским, абстрагированным от реальных политических и социально-экономических процессов, феноменом. В условиях современной научно-образовательной политики, декларирующей, но эмпирически не реализующей принцип автономии университетов, она утрачивает диспозитивно-релятивистский характер, мировоззренческое подчинение корпоративному университетскому духу. Такая ценность автократично определяется конкретными прагматическими целями интеграции вузов в спиральную модель Стратегии

Прорыва. В частности, удачную характеристику подобных трансформаций на институциональном уровне предлагает Д.А. Маринычев, утверждая, что «в современном обществе под воздействием ... политического фактора происходят изменения в институциональной основе нормативных ценностей. Нормативная ценность становится идеолого-информационным элементом в механизме социального регулирования, в котором регулятивно-константные онтологические основания (свобода, гуманизм, разумность) подменяются качествами императивности, манипулятивности и демонстративности»²¹⁰.

Примерами этому могут служить перманентно модифицируемые ФГОС, иные нормативно-правовые и локальные нормативные акты, имеющие для вузов не только регулятивный статус, но и формирующие их целеполагание, ценностные ориентиры в контексте компетентностного подхода к высшему образованию в общегосударственной и региональной социально-экономической политике. Такую ориентацию, в частности, иллюстрирует формирование Минобрнауки комплексного плана научных исследований²¹¹, наглядно отражающего нормативные ценности спиральной модели. Например, в порядке формирования рабочей группы для обеспечения согласованности разработки данного Плана нет прямых указаний на включение в ее состав представителей университетов. Они, гипотетически, могут быть включены лишь в категорию «других заинтересованных» субъектов. В то же время в документе имеется четкое указание на категории участников из числа представителей органов *власти* и должностных лиц, а также *реального сектора экономики*. В результате можно идентифицировать лишь две из числа институциональных субъектов тройной спирали группы субъектов – власть и бизнес. Они же выступают инициаторами и координаторами всей системы

²¹⁰ Маринычев Д.А. Нормативные ценности в современном обществе и их социальная трансформация. Автореферат дис. на соис. уч. степени к.филос.н. Н. Новгород, 2009. С.9.

²¹¹ Приказ Минобрнауки России от 15.07.2019 N 500 «Об утверждении порядка формирования плана взаимоувязанных научных исследований и разработок научных и образовательных организаций, организаций реального сектора экономики для создания новых или выявления имеющихся перспективных (прорывных) и востребованных в экономике результатов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/edu/teacher/obrazovanie/obzor/> (дата обращения 16.10.2019)

целеполагания для вузов, формируют подобные Планы, определяют приоритеты, то есть нормативные ценности университетской деятельности.

На фоне такой ситуации с учетом достаточно уязвимого положения вузов, в первую очередь «пятого эшелона», формируется их дискриминационный статус. Каналы коммуникации университетов с властью и бизнесом имеют преимущественно односторонний, причем императивный характер. Нарушается базовый *сетевой* принцип ключевой идеи построения тройной спирали. Ее российская модель в отношении вузов имеет *иерархически-детерминистскую* форму организации.

Вновь подчеркнем, что деструктивным для воспроизводства гумбольтовских диспозиций ценностно-нормативного пространства вуза является не конфликт традиции и инновации как таковой. Определенные социально-экономические и политические задачи вузы выполняли всегда, в связи с чем трансформировалось формально-идеологическое наполнение их функций. Однако при любом идеологическом контексте поддерживалась вузовская задача воспроизводства в социальной структуре «образованного человека», развитого социального субъекта. В то же время сегодня нужно производить услугу, предоставить рынку компетенции и сформировать предпринимателя, либо квалифицированного потребителя. На социокультурном уровне проблема и состоит в *рокировке объектов воспроизводства* ценностно-нормативного пространства вузов. Она характеризуется тотальным замещением базовых паттернов и социкодов университетской субкультуры антагонистичными ей нормативными ценностями политической и бизнес-культур.

Предпринимательская культура, клиентоориентированность и макдональдизация высшей школы, содержащие сугубо российские смыслы и коннотации «русской матрицы», формируют в реальности имитационно-конформистскую, зачастую неформально-альтернативную, коррупциогенную нормативную среду вуза в авторитарном ценностно-прескриптивном пространстве спиральной модели высшего образования. Идеологемы политики

инноватизации как императивные нормативные ценности в условиях аномии вузовской субкультуры служат весомым стимулом поддержания и воспроизводства компонентов коррупциогенной культуры в вузах, деструкции социального значения их традиционных функций.

В частности, сделанные почти десятилетие назад заявления, подобные тому, что «университеты могут повышать собственную производительность труда в денежном выражении, более значимо участвовать в перераспределении структуры добавленной стоимости в свою пользу, т. е. стать в перспективе экономически самостоятельными и сильными предприятиями, существенным источником формирования ВВП национальной экономики. Именно из этих задач нужно исходить при модернизации системы высшего профессионального образования»²¹², не нашли своего масштабного подтверждения на сегодняшний день. На практике подобный подход иллюстрирует деформацию гуманитарной функции высшего образования, замещая ее принципами макдональдизации. Теоретически продуктивная в спиральной парадигме идея наделения вузов правом заниматься предпринимательством в рамках уставных целей, оценка качества и эффективности их деятельности по критериям объема получения прибыли от образовательной, научной и иной деятельности не просто уравнивает их с коммерческими организациями. Наблюдается тотальная ассимиляция ценностно-нормативного пространства вуза императивами политического и коммерческого прагматизма. Стимулируется преимущественно экономическая эффективность всех субъектов научно-образовательного процесса и вузовского администрирования в оценках труда профессорско-преподавательского состава исключительно критериями рынка в контексте технологизации образовательной услуги клиентоориентированной университетской среды. Сама технологизация образования становится тотальной в условиях реализации зонтичных проектов цифровизации

²¹² Боякова Т.А., Головенко Е., Пантелеев В., Первушин В. Модернизация системы образования – один из ключевых факторов развития экономики России // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. Академика М.Ф. Решетнева. 2010. № 6. (32). С. 169.

«Национальной технологической инициативы», стимулируемой эпидемией COVID-19.

Отражая сущность ценностно-прескриптивного пространства вуза в российской модели «спирализации», можно описать его предложенной Д.А. Маринычевым формулировкой как «специфические идеолого-нормативные ценности, в которых бытийно-социальное начало замещено политической оценкой»²¹³. В данном случае именно *архаично-традиционные* российские механизмы коммуникаций и поддержания солидарности, а не цивилизованные *правовые* начала западноевропейской модели предпринимательства или ценности «человека труда» времен СССР, обеспечивают сохранение, трансляцию и воспроизводство деструктивной нормативности классической триады паттернов «патернализм – бюрократия – коррупция» в ценностно-нормативном пространстве вузов.

Параметрическое, иерархически-уровневое видение проблемы факторов воспроизводства и трансляции деструктивной нормативности в университетской среде подразумевает методологическую установку, согласно которой *параметры порядка, управляющие и управляемые параметры системы представляются в виде совокупности соподчиненных факторных отношений и связей по принципу «среда – контекст – субъектность»*. Тогда в актуальных для нашего исследования аспектах:

- *управляющие параметры* отражают состояние социокультурной среды общества;
- *параметры порядка* характеризуют состояние института высшего образования и университетской системы;
- *управляемые параметры* представлены субъектным (личностным, групповым) сознанием и поведением институциональных агентов (студентов, ППС, вузовской администрации) и отражают результаты влияния управляющих параметров и параметров порядка.

Все три параметрических уровня находятся в рекурсивных связях, также

²¹³ См.: Маринычев Д.А. Указ. соч. С.20.

обеспечивая отклик и «снизу вверх», что позволяет информации воспроизводиться в структуре системы и поддерживать собственный гомеостаз в механизмах отрицательных обратных связей «сверху вниз». Соответственно такой параметрии, репрезентирующая ее система факторов воспроизводства деструктивной нормативности в ценностно-прескриптивном пространстве регионального вуза также представлена простой иерархией:

- 1) макро-средовые факторы (управляющие параметры);*
- 2) институциональные факторы (параметры порядка);*
- 3) субъектно-субъективные факторы (управляемые параметры).*

Следовательно, в нашей работе понятия параметров и отражающих их факторов могут использоваться как амбивалентные. Это обусловлено тем, что *факторные характеристики в совокупности определяют состояние параметрических уровней* системы воспроизводства и трансляции ценностей и норм. Кроме того, мы полагаем, что определение сущности коррупционной культуры во всем комплексе характеристик университетской системы (среда – контекст – субъектность) методологически правомерно через выявление ее структурно-функционального устройства, а также его нормативного содержания. Отметим, что существуют и исключительно психологические²¹⁴, а в ряде случаев и биологические²¹⁵ объяснения коррупционного поведения, его факторов. Однако нашей основной задачей является философское рассмотрение ее социокультурных аспектов. На основании этого параметрическую модель анализа уровней локализации компонентов коррупциогенной культуры возможно представить через следующие базовые элементы:

- 1. По содержательному критерию:*
 - 1.1. Нормы.
 - 1.2. Ценности.
 - 1.3. Контроль.

²¹⁴ См. напр.: Камнева Е.В., Анненкова Н.В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. Известия финансового университета. 2013. №3 (12). С.67-71; Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С.56-65.

²¹⁵ См. напр.: Ламброзо Ч. Преступный человек. Мидгард, 2005. 887 с.

2. По масштабу субъектной локализации (количественному составу трансперсональных и персонифицированных субъектов):

2.1. Массовая.

2.2. Групповая.

2.3. Личностная (индивидуальная).

3. По масштабу институциональной локализации:

3.1. Системная (во всей институциональной системе).

3.2. Институциональная (коррупция в образовании, политическая коррупция и т. д.).

3.3. Субинституциональная (институционально-локальная, например в сфере школьного или вузовского образования, в сфере отдельных органов госвласти и т. д.).

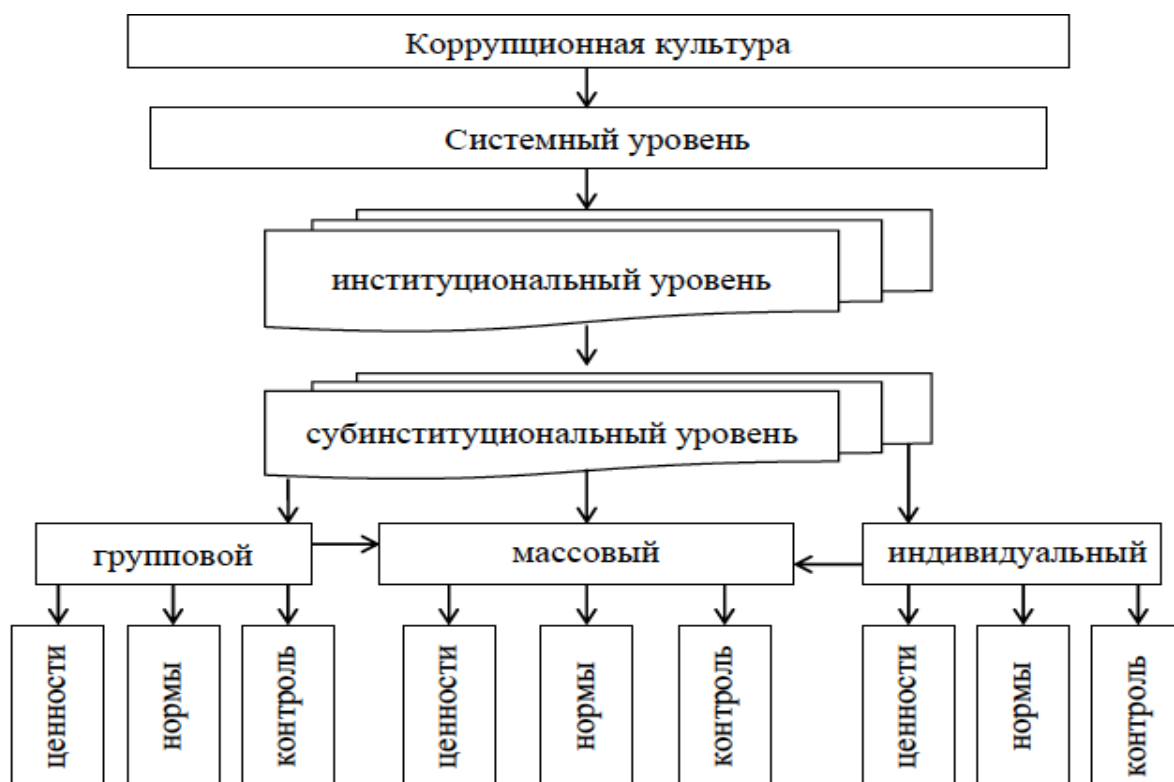

Рис. 2.5 Параметрическая модель анализа уровней локализации компонентов коррупционной культуры

Данный подход можно проиллюстрировать на основании частных результатов исследований, активно проводившихся на протяжении последних

десяти лет и ощутимо сократившихся к настоящему времени²¹⁶. Например, еще в 2010-м году отмечалось, что представители педагогической общественности выделяли существенные сложности в модернизации вузовской системы. Среди общих проблем (*управляющие параметры*) отмечались такие факторы, как неэффективность системы и неполнота самих финансово-экономических механизмов развития образования. Также были выявлены институциональные сложности (*параметры порядка*), в числе которых низкие зарплаты и социальный статус ППС, несогласованность уровней высшего образования, нескоординированность административного обеспечения мероприятий его модернизации. На субъектно-групповом уровне (*управляемые параметры*) была выявлена низкая мотивация к труду среди сотрудников. Таким образом деструктивные факторы реформы высшего образования воспроизводятся во всей параметрической вертикали университетских связей. При этом на каждом иерархическом уровне они идентифицируются в конкретных, но редуцируемых друг к другу, общеполитических, институциональных и личностно-групповых деформациях.

Ранговая шкала представленных в исследованиях оценок может быть представлена определенным причинным комплексом, рефлекслируемым кадровым корпусом вузов:

1. Некритическое внедрение зарубежных аналогов и коммерциализация образования.
2. Внедрение неадекватных показателей оценки эффективности.
3. Имитационные практики достижения формальных высоких показателей качества образования.

²¹⁶ См. напр.: Ключарев Г. А. Экспертная оценка эффективности модернизации образования [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН: офиц. сайт. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1906> (дата обращения: 22.11.2019); Ключарев Г.А. Реформа российского образования в оценках экспертов и мнениях родителей // Социологический журнал. 2014. №3. С.70-85. Ключарев Г.А. О ходе реформ в российском образовании // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2015. С. 324-346; Кондрашева А.А. Проблемы современного юридического образования в контексте реформы высшего образования в Российской Федерации: итоги и перспективы // Русский закон. 2018. №1 (134). С.144-156; Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Захаров У.С., Терентьев Е.А. Преподаватели российских вузов в условиях пандемийной цифровизации: между автономией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №3. С.134-154 и др.

4. Рассогласованность реального и официального запроса к задачам вузов.
5. Отсутствие системного подхода.
6. Несовместимость реальных и формальных целей высшего образования.
7. Нивелирование традиционных целей образования.

В результате сформировалась и продолжает обостряться антагонистичность позиций профессорско-преподавательского корпуса вузов и менеджмента от образования, суть которой именно в различном видении нормативных ценностей университетской деятельности. Данный факт определяется ошибочностью оценки эффективности высшей школы исключительно социально-экономическими критериями со стороны федеральных и региональных властей, с одной стороны, и стремлением вузов «оставаться верными только себе», отсутствием ориентации на других субъектов тройной спирали, с другой.

В результате можно идентифицировать уже не две номинальные группы основных фигурантов конфликта ценностно-нормативных позиций в лице чиновничества и профессорско-преподавательского корпуса вузов, но и возникновение условно-третьей, в лице так называемых администраторов «на местах» - региональных и муниципальных чиновников, ректоров университетов. К середине 2010 гг. уже отмечается устойчивость тенденции в увеличении процента недовольных реформой образования как среди ППС вузов, так и экспертного сообщества в лице административного звена среднего уровня (региональных и муниципальных руководителей, ректоров и др.)²¹⁷.

В корреляции с приведенными выше положениями, можно характеризовать процесс воспроизводства университетских диспозиций как прямую экстраполяцию в ценностно-нормативное пространство вузов реформаторских установок на «спирализацию». В результате такого линейного

²¹⁷ Сравнение проведено по источникам: Ключарев Г.А. Реформа российского образования в оценках экспертов и мнениях родителей // Социологический журнал. 2014. №3. С.70-85. Ключарев Г.А. О ходе реформ в российском образовании // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2015. С. 324-346.

воспроизводства в университетской среде регионов транслируется система императивных нормативных ценностей бизнеса и власти. В отсутствие налаженной системы обратных связей и нестабильного статуса вузов в спиральной модели антагонистичная, конфликтогенная природа модернизации ценностно-нормативного пространства вузов мировоззренчески все более аккумулируется в сознании работников «на местах».

Указанные результаты отражают субъективные оценки ценностно-прескриптивного пространства вузов в их формализации, забюрократизированности на фоне разбалансированности самого нормативного поля университетской модернизации и крайне низкого финансового обеспечения, что дополняется имитационностью эффективности процессов достижения «новых» ценностей. В течение всего периода практически с начала XXI века и до настоящего времени *в модернизационном процессе вузов воспроизводится как ценностно-нормативный конфликт институционального антагонизма диспозиций и императивов субъектов «спирали», так и обеспечиваемый им коррупциогенный фон реформ, аккумулируемый национальной патерналистски-бюрократической традицией.*

В связи с этим основные причины деструктивных процессов воспроизводства и трансляции вузовских ценностей и норм в контексте модернизации высшей школы видятся системно, в широком спектре политико-правовых явлений. Коррупциогенность культуры воспринимается как *равнозначным фактором, так иотягчающим их комплексное деструктивное влияние контекстом, диффузным социокодом.* В результате формируется общее представление о *деструктивном, суженном типе воспроизводства ценностно-нормативного пространства вузов в модели тройной спирали на фоне сложностей политики реформирования, где коррупциогенность является как самостоятельным существенным фактором деформации традиционных императивов университетской деятельности, так и ее культурно-регулятивным пространством, определяемом нами как «коррупциогенная культура».* Такова характеристика управляющих параметров системы

воспроизводства и трансляции деструктивной нормативности в ценностно-прескриптивном пространстве современных российских университетов на социокультурном уровне.

В свою очередь, проблема определения факторного статуса коррупциогенности культуры в воспроизводстве деструктивной нормативности непосредственно в вузах соответствует институциональному уровню университетского научно-образовательного пространства, или, методологически, уровню *параметров порядка*.

Соответственно, факторное значение коррупциогенности в воспроизводстве деструктивных ценностей и норм дискриминационной в отношении вузов «тройной спирали» идентифицируется и на уровне управляющих параметров политики модернизации системы высшего образования, и на субинституциональном уровне параметров порядка для ее учреждений. Проявляется экзогенно-эндогенная онтология коррупциогенности культуры.

По нашему мнению, сегодня существует конвергентная связь и рекурсивность социокодов в процессах воспроизводства коррупциогенной традиции культуры в параметрических отношениях общесоциального и институционального уровней университетской ценностно-нормативной среды. Управляющие параметры, равно как и параметры порядка вузовского ценностно-прескриптивного пространства коррупциогенны и коррупционны в равной степени. Они различаются по степени и масштабам воспроизводства и трансляции в локальных контекстах институциональных репрезентаций индивидуальных биографий, сохраняя свой деструктивный нормативно-регулятивный фон.

Культурная диффузия паттернов коррупциогенности, как результат факторно-параметрического воспроизводства патерналистски-бюрократических диспозиций, представлена и в традиционных моделях культурного контекста всего общества, и в кросс-культурных паттернах коммуникации субкультур бизнеса, политики и высшего образования, отягощаясь субъективно-

личностными установками субъектов образовательного процесса. В итоге наблюдается эффект замкнутой детерминации (круговой причинности), когда циркуляция элементов коррупциогенной традиции культуры в механизмах общественного воспроизводства ценностно-нормативных систем замыкается на саму себя.

Здесь любая культурная или технологическая (в широком смысле) инновация рискует быть изначально коррупциогенна, так как культурно обусловлена именно контекстом ее реализации. Банальные утверждения о несостоятельности национальной прививки зарубежных ценностных моделей менеджмента в российской культурной среде, тем не менее, циклически репрезентируются на каждом «витке» воспроизводства прескриптивных ценностей модернизационной спирали университетской реформы. Последствия этого для вузов могут быть тем деструктивнее, чем императивнее для них формируются ценностные стандарты другими субъектами спиральной модели.

Опасно не только то, что традиционно-коррупциогенный фон последних транслируется в институциональную ценностную среду вузов. Сами университеты, в первую очередь ППС и студенты, как носители и потребители их традиционных ценностей, в поиске адаптивных моделей «спиральной» интеракции в российском социокультурном контексте с учетом ограниченности материальных и административных ресурсов с высокой вероятностью изберут их имитационно-коррупционные формы. Такие модели профессиональной симуляции будут линейной реакцией на аномию ценностно-прескриптивного пространства вузов в модели тройной спирали, принимая формы от конформности до инновации, в исключительных случаях до бунта (по Р. Мертону²¹⁸). Следовательно, в контексте интеграции необходимых российскому высшему образованию, но недостаточно ресурсобеспеченных императивов спиральной модели, в первую очередь в региональных университетах будет воспроизводиться и весь комплекс деструктивной нормативности имитационных практик и паттернов коррупциогенной культуры

²¹⁸ См.: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. №3. С.104-114.

в стратегиях мертоновского ритуализма патерналистски-бюрократических отношений.

Подобные стратегии обнаружены в самом процессе авторских интервью и подтверждает выводы о воспроизводстве коррупциогенно-деструктивной нормативности в ценностно-прескриптивном пространстве региональных вузов. В частности, ряд преподавателей категорически отказывались отвечать на вопросы о коррупциогенности вузовских отношений, аргументируя возможными негативными для себя последствиями, что соответствует мертоновским *моделям ретритизма* (ухода). Другие сначала консультировались с руководством и коллегами, когда наблюдались абсолютно идентичные ответы на вопросы интервью по всему учебному подразделению, что согласуется с *конформистскими моделями*. Особенно большие сложности в исследовании наблюдались среди студентов заочной формы обучения, избравших преимущественно указанные две модели поведения. Крайне незначительное число сотрудников и студентов имели выраженную протестную позицию, сопровождая свои ответы комментариями «*могу хоть фамилию написать*», «*давно пора об этом говорить открыто*», «*отвечу конечно, мне бояться нечего*» и аналогичными, что скорее уже ближе к *стратегии бунта*, хотя возможно и имеющую ситуативный характер.

Такие наблюдения подтверждают тезис о высокой латентности проблем вузовского патернализма, его мимикрии в имитациях конформистского одобрения университетских реформ. Стремление обеспечить соответствие своей позиции императивам модернизации, либо нежелание выразить ее ввиду каких-либо опасений, независимо от того, реальны они или нет, за расхождение собственного мнения с формальными приоритетами спирализации, говорит о деструктивном состоянии социально-психологической атмосферы ценностно-прескриптивного пространства вузов. Констатируются уже субъектно-личностные деформации процессов воспроизводства как традиционно-гуманистических, так и инновационных принципов научно-образовательной среды высшей школы. То есть идентифицируются паттерны бюрократического

патернализма в трансинституциональной модели тройной спирали, являющегося ключевым элементом коррупциогенного социокода в российской культуре.

В частности, говоря о контекстуальной связи состояния современного университетского пространства, в числе основных институциональных факторов воспроизводства / трансляции в нем деструктивно-коррупциогенных элементов называют: снижение общекультурного и образовательного уровня абитуриентов и студентов; снижение качественного уровня высшего образования в России; деформации традиций высшего образования, снижение его престижа. Также отмечается снижение профессионального уровня ППС, наблюдаемое в последние годы. Как можно видеть, все факторы воспроизводства и трансляции кодов коррупциогенности в вузах имеют в профессиональном сознании его субъектов ценностно-нормативную природу. Они выражаются в низком «качестве» современных потребителей образовательных услуг, их исходной «неквалифицированности» на фоне некачественного, непристижного высшего образования, реализуемого не всегда компетентными преподавателями в условиях кризиса университетских традиций. При такой оценке общей ситуации проблема качества вузовского управления хотя и признается экспертным сообществом, но занимает последнюю ранговую позицию. То есть вновь отчетливо прослеживается системная связь и *терминально-ценностная* природа указанных приоритетных факторов, а вопросы менеджмента, по своей сути *технологически-инструментальные*, признаются второстепенными.

Таким образом, в качестве предварительного вывода можно говорить о том, что в контексте процессов воспроизводства университетские дисфункции в ценностно-нормативном пространстве вузов идентифицируются по содержательным компонентам коррупциогенной культуры. В механизмах трансляции паттернов национальной коррупциогенной традиции институциональных субкультур спиральной модели, деструктивные социокоды аккумулируются и диффузно распространяются в ценностно-прескриптивном

пространстве высшей школы. В границах мертоновской теории аномии можно предполагать, что коррупциогенность культуры в вузовской среде – один из немногих геном-факторов поддержания гомеостаза ценностно-нормативного пространства региональных вузов. Это адаптивная стратегия сохранения самого их институционального статуса, дискредитируемого в детерминистской российской модели «спирали». Такие стратегии позволяют самой системе сохранять формально легитимируемые в общественном мнении и позициях власти симулякры в виде общекультурных и иных декларируемых социально-гуманитарных задач.

Подобные эффекты в процессах трансляции социокодов культуры в ценностно-прескриптивном пространстве вузов соответствуют описанной в первой главе диссертации модели деструктивного социокультурного воспроизводства. Здесь базовые гуманистические принципы культуросообразности университетской деятельности, даже в части традиционных паттернов дарования-пирования, редуцируются лишь к адаптивным схемам поддержания институционального гомеостаза высшей школы в условиях экспансии приоритетов рынка, а не идеалов инноватизации.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что редукционистская ритуализация высшего образования в «спиральной» парадигме инноватизации через патерналистски-бюрократические модели трансформирует экзогенные деструктивные факторы в эндогенно-субъектные. Управляющие параметры социокультурной среды и параметры порядка институциональных субъектов «спирали» воспроизводятся в коррупциогенных деформациях сознания. Транслируясь в университетских отношениях, они типизируются, стабилизируются и принимают статус не просто легитимных криминогенных практик. В оптике социокультурного символизма такие мировоззренческие и поведенческие паттерны формируют устойчивые культуро-размерные символично-семантические формы, организуя определенную морфологическую структуру, семиотико-топологические модели коррупциогенной культуры,

полностью удовлетворяющие сути дюркгеймовского концепта социального факта, обладающего качеством собственной культурной императивности.

2.3. Семиотико-топологические формы коррупциогенно-деструктивной регуляции ценностно-нормативного пространства регионального вуза в модели тройной спирали

С позиций принципа приоритета синхронии как диахронией, отвечающего семиотико-структуралистскому видению формирования ценностно-нормативных пространств культуры, в условиях радикального обновления императивов функционала вузов в спиральной модели, правомерно утверждение о когерентности топологических изменений во всех ее институциональных элементах (то есть бизнесе, власти и образовании). Это особо актуально с учетом описанных выше процессов формирования матрицы нормативных ценностей российских университетов. Зачастую дискриминационный характер их реформирования, противоречащий базовой идее сетевого партнерства субъектов «спирали», грозит не только потерей институциональной автономии высшей школы и разрушением ее традиций, но и чреват распространением деструктивных семиотико-топологических форм ценностно-нормативной регуляции университетской деятельности.

В обоснование семиотико-топологической оптики видения этой проблемы, с учетом объективной необходимости ускоренной интеграции вузов в спиральную модель инноватизации, уместно привести позицию Е. Н. Князевой. Она полагает, что результативность влияния на сложные системы определяется не его интенсивностью, а топологической организованностью, обеспечивающей нужные резонансные изменения: «Не вкладываемая энергия, не интенсивность воздействия, а его топологическая конфигурация, симметричная «архитектура» наиболее существенны. Слабые, но правильно организованные – так называемые резонансные – воздействия на сложные системы чрезвычайно эффективны. Сложные организации оказываются

селективно топологически чувствительными»²¹⁹. То есть в процессах «спирализации», в реальности имеющих ассиметричную архитектуру, необходим обязательный учет параметров порядка ценностно-нормативной топологии университетской среды. И чем ниже статус вуза в формальной иерархии, тем пристальнее должно быть такое внимание, так как ресурсный дефицит большинства региональных вузов не позволяет им соответствовать идеологии и императивам ценностно-прескриптивного пространства «предпринимательского университета».

Особо отметим, что подобная соционормативная рассогласованность культурных целей и легитимных средств их достижения в наибольшей степени соответствует концепции аномии Р. Мертон, подробный анализ которой, например в сравнении с дюркгеймовской трактовкой, широко представлен в научной литературе²²⁰. В частности, В. А. Пилягина методологически удачно представляет такое состояние как недостаточную интеграцию культурной и социальной структур²²¹.

Иными словами, социокультурная среда теряет эмерджентный, системно-целостный характер, что выражается в *топологическом диссонансе ценностно-нормативной культурной матрицы и общественных практик ее поддержания*. Либо наоборот, *культурные регулятивы перестают соответствовать эмпирической реальности социальных интеракций*. Подчеркнем, что такие эффекты возможны как на макро-уровне управляющих параметров, так и на локальных уровнях параметров порядка институциональных субкультур. Однако аномичные состояния социокультурных систем возможны лишь на относительно ограниченные периоды. Стремясь к гомеостазу, согласно законам

²¹⁹ Князева Е. Н. Синергетический вызов культуре [Электронный ресурс] // Московский Международный синергетический форум. 2010. 4 февр. URL: <http://www.synergetic.ru/society/synergetics-challenges-the-culture.html> (дата обращения: 22.11.2014).

²²⁰ См. напр.: Афанасьев В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал ЭСМ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/601/542/1216/007x20aFANASXEW.pdf> (дата обращения: 20.12.2014).

²²¹ См.: Пилягина В. А. Социальная аномия и политическое поведение // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2014. № 1. С.153.

самоорганизации и уменьшения энтропии, они либо разрушаются, либо стабилизируются²²² посредством процессов регуляции.

Мы полагаем, что в современной ситуации формальное соответствие результатов деятельности вузов критериям эффективности обеспечивают преимущественно имитационно-конформистские практики. В условиях аномии они базируются на симуляциях и символических играх, вольных интерпретациях методов достижения императивных показателей эффективности в среде университетского менеджмента, ППС и студентов. В итоге могут формироваться *управленческие иллюзии* органичности модернизации университетской системы. Подобный эффект можно описать как «имитационный консенсус», концепт которого вводится В. П. Бабинцевым²²³. Согласно цитируемому автору, имитационные практики и формируют управленческие иллюзии, определяемые им как «иллюзии собственного статуса, иллюзии объекта, технологические и корпоративные иллюзии»²²⁴. Однако важнее то, какие именно имитационные практики их обеспечивают. К ним относят *имитации ценностей и смыслов управления, символов и кодов, действий и коммуникаций*.

При теоретическом моделировании можно предположить, что имитационный консенсус распространяется гораздо шире административного уровня образовательного пространства вузов, но безусловно им определяются, так как императивы «спирализации» обеспечены именно политической волей. Крайне показательна в отношении России позиция Transparency International при составлении рейтинга восприятия коррупции, где в качестве основной причины коррумпированности российского общества отмечается, что «действующие институты демократического общества зачастую подменяются

²²² См. об этом, напр.: Буданов В. Г. Указ. соч.

²²³ См.: Бабинцев В. П. Интеллектуальная деконструкция имитационного консенсуса как возможность // Власть. 2012. № 6. С. 25–30; Его же. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. 2012. № 5. С. 24–29.

²²⁴ См.: Бабинцев В. П. Имитационные практики...

их имитацией»²²⁵, с учетом масштабов явления скорее всего имеющей в стране консенсуальный характер.

Культурно-морфологическое понимание такого консенсуса позволяет представить его как переходный социокультурный процесс: от трансформации старых (гумбольтовских) к формированию новых («спиральных») ценностно-нормативных пространств (форм, топосов, полей) университетской среды. Он выступает инструментом топологического описания культуро-размерного социально-семиотического уровня коррупциогенной нормативности. Следовательно, и университетская коррупциогенность может быть представлена через имитационный консенсус в символических играх симуляции научно-образовательного процесса региональных вузов в спиральной модели модернизации.

Например, *имитация ценности и смыслов* высшего образования репрезентируется в рекламно-тиражируемом в вузах, но в реальности часто искусственно завышаемом для абитуриентов, запросе рынка труда на кадры для региональной власти и экономики, их инновационной инфраструктуры, а также декларативности успешной карьеры и обеспечения высокого качества жизни для ППС и студентов.

Имитация символов и кодов представлена недостаточно обеспеченными идеологемами символического статуса высшего образования при реальном его определении как образовательной услуги в клиентоориентированной парадигме высшей школы. В результате этого, ввиду социальной нерепрезентативности, перепрограммируются соответствующие коды культуры в процессах общественного воспроизводства.

Имитация действия легитимируется в снижении качества, даже симуляции выполнения профессиональных обязанностей основными группами субъектов образовательного процесса в условиях их массовой ценностно-нормативной дезориентированности.

²²⁵ См.: Россия опустилась на три места в рейтинге восприятия коррупции [электронный ресурс] // Медуза. URL: <https://meduza.io/news/2019/01/29/rossiya-opustilas-na-tri-mesta-v-reytinge-vospriyatiya-korrupsii> (дата обращения 10.04.2019)

Имитация коммуникации заключается в позиционировании наличия и эффективности механизмов обратной связи элементов «спирали» как в самой ее модели, так и внутри субинституциональных пространств власти, бизнеса и науки/образования.

Коррупциогенная семиотика в этом случае обеспечивает формальную легитимность указанных имитаций, выступая альтернативной формой поддержания гомеостаза в условиях аномии ценностно-нормативного пространства вуза. Социосемиотически представляя коррупциогенную традицию культуры как форму регуляции институциональных отношений, мы акцентируем внимание на присущей ей морфологии (топологии) символически выражаемых ценностей и норм. Они и обеспечивают поддержание стабильности структурно-функциональной организации университетской системы в хронотопе этапа модернизации. Собственно *регулирование* представляется здесь как *обеспечение соответствия структуры и функций системы определенному порядку, собственно – упорядочивание*.

Такая методологическая установка подтверждается научной теорией. Например, П.Н. Бандурин полагает, что ценностно-нормативная природа социальной регуляции наиболее отчетливо прослеживается на примере общественных институтов. Он акцентирует внимание именно на социальных нормах, утверждая, что регулирование обеспечивается ими в корреляции процессов как внешнего для института уровня управления, так и его внутренней самоорганизации²²⁶. Подчеркнем, что как правовые, так и незакрепленные формально *социальные ценности и нормы в процессах социальной регуляции имеют для реципиента ориентирующее значение*. Однако формальная и неформальная ценностно-нормативная топология институциональных отношений может не совпадать, даже быть антагонистичной, вследствие чего только одна из конфликтующих

²²⁶ См.: Бандурин А.П. Социальная регуляция как объект социально-философского исследования // Исследования вузов: Северо-Кавказский регион. 2004. №3. С.19-22.

регулятивных матриц является реальным поведенческим и мировоззренческим ориентиром.

В частности, в условиях «спирализации» не просто российская традиционность патернализма и бюрократии, сколько их адаптивно-приспособительный характер формирует благоприятное семиотико-топологическое пространство ориентиров коррупциогенных практик в университетах. Такая культурно-обусловленная адаптация к нестабильности вероятнее всего и будет реализовываться в условиях императивной тенденции построения «спиральной» ценностной топологии в вузах по модели жестких властных вертикалей, так как фактически не создаются иные, альтернативные диспозиции самоуправления.

Подчеркнем, что подобные тенденции формируются на фоне массового тиражирования антикоррупционной семиотики. Однако в целом она дублирует описанную выше Н.В. Копцевой советскую традицию «текстового плаката». При анализе семиотической структуры плакатной пропаганды можно видеть, что она преимущественно представляет собой примеры иконического знака, в частности, изображающего натуралистический образ арестованного взяточника, или ему подобные. Также изображения практически всегда дополняются текстовым сообщением, адресованным реципиенту. Ниже приведен ряд типичных плакатов, размещенных в высших учебных заведениях РФ.

Рис. 2.6 Антикоррупционные плакаты в учреждениях ВО

В рамках предмета диссертации анализ антикоррупционного плаката в региональных вузах по семиотической модели Ч. Пирса²²⁷ может дать более широкую информацию.

В первую очередь обращает на себя внимание частое изображение коррупционера в образе «делового человека», что даже на уровне иконического знака согласуется с его коннотативными характеристиками в массовом сознании, представленными ранее, как «коррупционер – чиновник». То есть, подобные иконические изображения могут быть интерпретированы уже как символические, когда ассоциации чиновничества и коррупции имеют в обществе конвенциональный характер.

Во-вторых, символические изображения купюр в подавляющем большинстве случаев представлены обозначениями зарубежных валют – евро, доллар, фунты. Изображения знаков-символов рубля крайне редки. На основании такой конвенциональности культурного кода «коррупции» можно предположить, что иконические изображения успешного «делового», «ушлого», человека *не только отражают общественное восприятие проблемы* на уровне расшифровки знака как индекса коррупции, и наоборот, коррупции как символа успеха, но и ориентируют на него. Это укладывается в простые, но крайне иллюстративные для национальной культуры и мировоззрения коннотативные схемы «*успешность – коррупция*» и «*коррупция – успешность*», зачастую бессознательно ориентирующие массовое сознание на общественные отношения, содержащие именно эти паттерны.

На фоне изложенного вновь подчеркнем дискриминационный в отношении региональных вузов статус российской «спирализации», ассимилирующей университетское ценностно-нормативное пространство

²²⁷ См. напр.: Пирс Ч.С. Из работы “Элементы логики. Grammatika speculativa” // Семиотика / Под ред Ю.С. Степанова. - М., 1983.- С.151-210; Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. Вып. 73-4. Новосибирск, 2001. С.5-32.

патерналистски-бюрократическими императивами политической и предпринимательской организационной культуры. В частности, показательно символическое обеспечение образовательной реформы уже на уровне ее администрирования в самих вузах. Как было указано в главе 1 диссертации со ссылкой на федеральное законодательство, российские государственные высшие учебные заведения являются исключительно образовательными учреждениями, чья деятельность во-многом направлена, помимо получения профессиональной квалификации и инновационного прорыва, на сохранение культуросообразности образования в регионах РФ, поддержание гуманистических ценностей.

По логике законодателя целеполагание всей деятельности административного звена вузов должно определяться достижением нормативно декларируемых гуманистических эффектов. Собственно, даже массово критикуемый компетентностный подход никак не противоречит такой цели. Ввиду этого более всего ожидаемо видеть в приемных и кабинетах административного звена вузов портреты ученых или, например, общественных деятелей. Тем не менее, если ориентироваться на качественный контент-анализ масс-медиа среды Интернет при введении соответствующего поискового запроса, там преимущественно встречаются фотографии действующего на текущий момент Президента РФ, либо иных представителей административного аппарата федеральной или региональной власти. Также нередко они соседствуют с иконами, иными предметами религиозного характера.

Тем не менее, даже религиозная символика в условиях принципов светского образования может иметь в культурно-философском осмыслении неоднозначные интерпретации. В ряде случаев предлагается усматривать глубинную культурную связь социальной психологии, мировоззрения и религии в вопросах коррупциогенных деформаций правосознания в масштабах всего населения отдельных территорий. Последний тезис достаточно нетривиально представляется в работе А.М. Тюкмаевой, предлагающей

авторское видение смысловой и поведенческой связи коррупции и религии: «Архаичный модус взяточничества, ссылающий к первым человеческим жертвоприношениям анимистической традиции, ... отражал потребность первобытных людей в сохранении нормального функционирования космоса»

228.

Говоря о «*homo corruptos*», цитируемый автор полагает, что его сознательное формирование начинается именно в системе образовательных учреждений, когда субъект включается в ритуалы, регулирующие отчисления «добровольно-принудительных взносов», а преподаватель в роли «жреца» регулирует уровень его психологического комфорта и успеваемости. Метафорически А.М. Тюкмаева определяет игнорирующих коррупционные ритуалы «академическими атеистами» или «академическими антихристами – антикоррупционерами». Основными методами регуляции таких специфических антикриминальных девиаций «взятоотступников» она называет различные формы психологического давления и принуждения. Статья завершается выводом, на уровне философско-религиоведческого анализа подтверждающим приведенную ранее позицию Н.П. Копцевой о противоречивости социокода коррупции, но топологически уже выходящим за рамки сугубо российского культурного поля: «Возведя коррупцию в ранг тягчайших грехов, религия, диаметрально противоположным образом, установила основополагающий принцип коррупции, подтолкнув человека к нарушению религиозных предписаний – подкупа и взяточничества. Подобно тому, как ... Бог создал благоприятные условия для послушания его воле, поместив запретный плод в центр человеческих страстей, так и само коррупционное сознание, установленное Богом, вызывает потребность в его реализации. ... воплощает парадоксальность христианской морали, предвосхитившей механизм мздоимства»²²⁹.

Если гипотетически рассматривать цитируемую позицию как априорную модель, то можно предполагать, что в семиотическом смысле такие

²²⁸ Тюкмаева А.М. *Homo corruptos*. Антикоррупционист. Проклятие по коррупции // Вопросы науки и образования. 2018. №3 (15). С.108.

²²⁹ Там же. С.111.

иконические знаки как портреты политических и религиозных лидеров могут психологически восприниматься реципиентами как символическое подтверждение солидарности университетского менеджмента с политическим истеблишментом, конъюнктурными ценностями религии в условиях светского характера образования, а не постулатами свободы интеллектуального и педагогического творчества, гумбольтовского корпоративизма, традиционными для научно-образовательного сообщества, но онтологически противоречащими технологизму клиентоориентированности. Вынося такие предположения, мы полагаем, что государственная символика, например, герб или флаг России, будут восприниматься и интерпретироваться в контексте приоритетов инноватизации совсем иначе, так как скорее имеют характер ориентирующих атрибутов солидарности общего для всех категорий граждан социокультурного и политического пространства, и неперсонифицированы.

Однако мы полагаем, что такая линейная экстраполяция смыслов символической регуляции административной деятельности вузовского руководства является аналитически ограниченной. Достаточно сопоставить эти факты с указанным в параграфе 2.2 выводом о прогрессивном снижении уровня поддержки образовательной реформы университетским руководством, администраторами от образования на уровне региональной и муниципальной власти субъектов РФ на всем ее протяжении. Здесь скорее также наблюдается конформистский тип адаптации к аномии ценностно-нормативного пространства вуза в условиях его императивной «спирализации». Тем не менее, ориентирующие смыслы такой символической конъюнктуры вузовского менеджмента индексируются реципиентами (в первую очередь, ППС и студентами) прескрипторно, создавая риски формирования патерналистски-бюрократических регулятивов профессиональной деятельности. Тем более, что сам принцип клиентоориентированности вузов регулирует статус ППС как прескриптора. Ярким примером этому могут служить вменяемые преподавателям ранее нетипичные обязанности и нормативы по набору абитуриентов на отдельные, как правило непопулярные, специальности, по

сути, включая их в университетский промоушен приемных комиссий. При этом формальный перечень трудовых обязанностей, фиксируемых в трудовых договорах, не только не предполагает такой дополнительной нагрузки, но и объективно ограничивает время ППС для качественной реализации как своих прямых педагогических, так и дополнительных научных обязанностей. Также авторитарно нарушаются нормы времени труда и отдыха, так как нередко вузовские преподаватели помогают «набору» во время своих законных летних отпусков, но без официального оформления дополнительной работы, а, следовательно, и без ее оплаты.

В ценностно-нормативной топологии такого социосемиотического контекста на фоне усугубляющейся дистанцированности вузовского менеджмента в образах успешного бизнесмена возможные правовые последствия коррупционного поведения могут выглядеть для субъектов образовательного процесса лишь сопутствующими профессиональными рисками достижения статусных социальных позиций, а не дискредитировать такие перспективы. В подобных условиях патерналистски-коррупциогенная традиция организационной культуры публичных социальных институтов и бизнеса, биографический опыт и сформированные установки правосознания регулятивно будут значительно репрезентативнее для выбора профессиональных стратегий администраторов, ППС и студентов, нежели конъюнктурные символы образованности, высокой миссии вуза и положения работников высшего образования, вырождающиеся в симулякры. Сами преподаватели в большинстве наиболее разрушительным для вузов аспектом коррупциогенности культуры называют устойчивые традиции решения любых формальных вопросов в России по коррупционным схемам, поиск личной выгоды даже в благоприятных условиях личной жизненной ситуации со стороны не только чиновничества, но и населения вообще. Согласно интервью ППС, к наиболее деструктивным для высшей школы аспектам вузовской коррупциогенности они относят:

- 1) Коррупциогенность системы дошкольного и школьного

образования, формирующая устойчивые навыки коррупционного поведения в получении образования у учеников и их родителей;

2) Традиции решения формальных вопросов в системе «вуз – органы власти» на личных связях, кумовство;

3) Так называемая низовая коррупция чиновничества и работников системы высшего образования, связанных с процессом непосредственной реализации направлений модернизации на местах.

Мы считаем, что приведенные мнения верифицируют структурную специфику регулятивно-ориентирующих паттернов коррупциогенности культуры в отношении современных региональных вузов. В частности, массово иллюстрируется традиционный компонент российской патерналистски-бюрократической культуры. Равно отмечена конкретизация ее институциональной специфики через локализацию в системе образования как таковой. Другие ключевые характеристики подтверждают ее статус как определенного типа организационной, корпоративной культуры в России, что особо опасно для учреждений высшего образования в императивной модели тройной спирали.

Помимо того, «особые» российские смыслы символов «Престижа», «Успеха», «Богатства», «Власти», «Карьеры» и подобных идеологем личного и группового статуса субъектов университетской среды как социокоды культуры включают в себя и определенные паттерны социальных практик, обеспечивающих их достижение в установленном стандарте «спирализации». Такое *символически-деятельностное* понимание российского культурно-коррупциогенного механизма правомерно, в частности, на основании этнометодологической теории Г. Гарфинкеля²³⁰. Здесь указанные «российские смыслы» есть результат рефлексивности кодов национальной коррупциогенной традиции по принципу глубинной связи интерпретируемого и интерпретации. Она связывает коррупциогенное поведение с бытийствующими в обществе ориентирами-представлениями о статусе и способах достижения

²³⁰ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.

символических ценностей. Следовательно, неофициальная формула «клиент всегда прав» в высшем образовании, организуемом в формате патерналистской модели бизнес-корпорации, в российском культурном поле коррупциогенна априорно.

Также и на основании концепции Г. Блумера²³¹ можно утверждать, что в процессе образовательной реформы в гедонистически-утилитарной идеологии общества потребления изменены *глубинные символические коды* высшего образования. Его новые регулятивно-ориентирующие значения как объекта профессиональных социальных практик в вузах неизбежно повлекли за собой и изменение самих этих практик: от человека труда — к человеку экономическому, от человека образованного - к человеку компетентному, от ученика — к клиенту, от правовых демократических моделей — к патернализму и бюрократии. В основе таких трансформаций регулятивной ценностно-нормативной матрицы и лежат *изменения символических интерпретаций*, по Дж. Миду²³².

В частности, в современном публичном политическом медиа-дискурсе существует множество проявлений рассогласованности четких ориентиров отечественного образования. Нередко формируется достаточно противоречивое восприятие его символической ценности и практической «нужности» при активной ориентации властью молодежи на предпринимательские перспективы. Например, когда Президент РФ В.В. Путин вносит инициативу Правительству РФ разработать предложения по созданию условий для бизнеса несовершеннолетних²³³, а отдельные губернаторы предлагает отменить в школах домашние задания²³⁴. В то же время, как иллюстрировалось выше, сами ППС вузов говорят о крайне низком уровне абитуриентов и включают эту

²³¹ Подробный анализ концепции см. напр.: Николаев В. Г. Символический интеракционизм Герберта Блумера : теоретическая перспектива // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. М.: ИНИОН РАН. 2008. № 3. С. 129-150.

²³² Сравнение позиций Дж. Мида и Г. Блумера см.: Там же.

²³³ Путин поручил продумать создание условий для несовершеннолетних бизнесменов // РИА Новости. URL: (дата обращения 29.11.2019)

²³⁴ Белгородский губернатор выступил против домашних заданий в школе: «плохая привычка» // Интернет-газета ZNAK. URL: https://www.znak.com/2019-10-29/belgorodskiy_gubernator_vystupil_protiv_domashnih_zadaniy_v_shkole_plohaya_privychka (дата обращения 29.11.2019)

причину в число основных, после недофинансирования, факторов распространения деструктивной нормативности в вузах.

Однако очевидно, что в качестве регулятора такая императивная бизнес-ориентированность всех субъектов тройной спирали не соответствует реальной профессиональной структуре модернизируемого в идеологии инноватизации российского общества. Предприниматели, несмотря на столь высокий символический статус в идеологии модернизации, не смогут каким-либо кардинальным образом восполнить реальные социокультурные и потребительские запросы в условиях ресурсозависимой экономики. В частности, показательны исследования Ф.Э. Шереги на фоне экспоненциального роста доли населения с высшим образованием начиная примерно: «В целом работники средней и низкой квалификации составляют 73,4%, что явно не свидетельствует о прогрессивной квалификационной структуре населения»²³⁵. Как акцентируют СМИ²³⁶, на фоне сокращения штата и финансирования врачей, учителей, работников высшей школы на протяжении последних лет тотальной модернизации, особенно на фоне «дистанционного образования», вынужденных хотя и «идти в бизнес», но в качестве тех самых наемных работников «средней квалификации», ситуация к настоящему моменту не улучшилась. Роль предпринимательского университета в части оперативной коррекции ситуации сегодня скорее всего переоценена.

В частности, в аналитических и научных источниках представлена динамика количества МИП в вузах России, как по стране в целом, так и в

²³⁵ Шереги Ф. Э. Профессиональное образование и воспроизводство социальной структуры [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН: офиц. сайт. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1891> (дата обращения: 11.12.2019).

²³⁶ См. напр.: Количество школьных учителей резко сокращается: нашли удобную альтернативу. После весенней дистанционки педагоги переквалифицировались [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/09/30/kolichestvo-shkolnykh-uchiteley-rezko-sokrashhaetsya-nashli-udobnuyu-alternativu.html> (дата обращения: 02.10.2020); В России могут сократиться расходы на учителей и врачей // Инвест-форсайт. Деловой журнал. URL: <https://www.if24.ru/v-rossii-mogut-sokratitsya-rashody-na-uchitelej-i-vrachej/> (дата обращения 07.08.2020); На реальное увеличение выплат врачам, учителям и ученым не хватает денег // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-02-14/4_8082_salaries.html (дата обращения 15.02.2021).

отдельных регионах. Пройдя точку «хайпа»²³⁷ в 2011 году, МИПы в вузах сократились до стартовых значений 2009 года. В то же время рост коррупциогенных дисфункций во всех институциональных сферах общества стабильно высок на фоне падающего институционального доверия. Однако «инноватизация» по сегодняшний день в форматах тех или иных конъюнктурных идеологем ««цифровизации», «устойчивого развития», «технологического прорыва» имеет статус своего рода технократической «светской религии». Она поддерживает регулятивный контекст императивных нормативных ценностей спирализации вузов, придания им статуса предпринимательских. Сами студенты, даже в региональных университетах статуса НИУ, предпочитают после окончания вуза работать в крупной корпорации. Несмотря на то, что многие хотели бы открыть свой бизнес, работа в государственной организации или средней / мелкой фирме для двух третей студентов остается приоритетной, тогда как в вузе/НИИ, при том, что последние активно позиционируются властью как фундамент кадрового и научного обеспечения кластерной формы модели тройной спирали, хотели бы трудиться лишь около двадцатой части студентов. Уровень же сформированности предпринимательских компетенций у них находится на низком или ниже среднего уровне, и есть все основания полагать такой результат репрезентативным для большинства российских региональных вузов²³⁸.

При этом на фоне повсеместно подтверждаемого как теоретически, так и эмпирически, дисфункционального состояния российской высшей школы и обоснования необходимости реанимации принципов дореформенного образования, со страниц научных журналов звучат конформистские манифесты: «Мы должны отказаться от штампов советской системы образования, несмотря на все бесспорные и многочисленные достоинства

²³⁷ Согласно циклу зрелости технологии (Hype cycle) Gartner.

²³⁸ Приводится по источнику: Ферейра Р., Лизунков В.Г., Полицинская В.Г. Формирование предпринимательских компетенций выпускника вуза в условиях перехода к университетам третьего поколения // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т.7. №6. С.195-211.

последней, рассматривавшей образовательный процесс какой-либо учебной дисциплины как сугубо личное дело преподавателя, самостоятельно оценивающего эффективность своей деятельности обучающего характера»²³⁹. При этом в исследовании В.С. Ефимова и А.В. Лаптевой, проведенного в 65 российских вузах различного статуса, иллюстрируется, что на фоне высочайшей конъюнктурности идеологием «инноватизации-цифровизации» в вузовском менеджменте, основной запрос ППС к управленцам лежит в плоскости вопросов инвестирования в человеческий капитал, мотивации активности сотрудников и студентов²⁴⁰. Сами студенты среди основных причин критики вузовского образования называют проблемы его практико-ориентированности и учета реального социально-экономического запроса общества, что многократно отмечал, например, Ф.Э. Шереги²⁴¹.

Отметим также, что в еще большей степени, чем ранее, активизированное пандемией коронавируса в 2020-2021 гг. внедрение в вузах информационных технологий, предполагающих дистанцированность преподавателя от студента, не решают проблему деструкций вузовской коррупциогенной нормативности. В связи с этим мы полагаем, что помимо формализованных показателей эффективности и инноватизации региональных вузов, несоответствующих их ресурсному обеспечению и статусу, сегодня необходимо дополнять приведенный в первой главе диссертации концепт топологии предпринимательского университета Р.А. Заякиной также социосемиотическим и культурологическим аспектом. В современных реалиях сетевой принцип, лежащий в основе кластерного взаимодействия спирали «власть – бизнес – наука» в ценностно-нормативном пространстве ресурсодефицитного регионального (и не только) вуза формирует

²³⁹ Дмитриева И.С., Копылов С.И., Прибытков Ю.Б., Шкелета В.О. Корпоративная культура организации и повышение качества сервиса в условиях трансформации общества (на примере деятельности вуза) // СЕРВИС PLUS. 2016. Т.10. №4. С.61.

²⁴⁰ См. подр.: Ефимов В.С., Лаптева А.В. Цифровизация в системе приоритетов развития российских университетов: экспертная оценка // Университетское управление. 2018. №22 (4). С.52-67.

²⁴¹ См. напр.: Шереги Ф. Э. Факторы, противодействующие модернизации российского профессионального образования // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 247; Он же. Профессиональное образование и воспроизводство социальной структуры [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН: офиц. сайт. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1891> (дата обращения: 11.12.2014).

деструктивную зонтичную структуру²⁴² регулятивных паттернов коррупциогенной культурной традиции.

Такой сквозной, зонтичный, то есть топологически интегративный, характер элементов коррупциогенной нормативности для вузов, вовлеченных в модель тройной спирали, возможно иллюстрировать исследованиями О.В. Епархиной, анализирующей кейсы Дж. Скотта. Говоря о нормативности или ненормативности восприятия населением коррупции в условиях того или иного типа организации политической системы она называет такие факторы как «наличие дискриминируемых групп, слабое развитие горизонтальных связей, слабость законодательства, высокая сплоченность политической элиты, низкая электоральная соревновательность, высокий уровень бюрократизации аппарата»²⁴³. Несмотря на то, что данный анализ касается в первую очередь политического аспекта проблемы, в рамках предмета нашей работы можно провести значимые параллели, не редуцируя содержательный компонент цитируемых выводов.

Подобные примеры никак не соответствуют спиральной модели развития российской экономики, базировать которую заявлено на результатах научно-технического прорыва, интеграторами научных оснований которого и должны массово выступать региональные российские вузы. Сам рынок по своей сути регулируется либерально, он культурно европеоиден, то есть стоит на принципах свободной конкуренции, что уже не соответствует архаико-традиционным паттернам пиروвания-дарования. Семиотико-семантическое наполнение данных социокодов контркультурно в отношении друг друга, топологически ценности и нормы патернализма и университетской свободы как регулятивные матрицы не совместимы.

Наблюдается специфический эффект отражения регулятивов политических институтов во всем институциональном пространстве

²⁴² См. напр.: Нагимова А.М., Михайлов А.Ю. Трансформация моралистской традиции определения коррупции в социологическом дискурсе (от моралистов к мультипарадигмальности) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №2 (50). С.67-73.

²⁴³ См.: Епархина О.В. Политическая коррупция в трактовке Дж. Скотта // Социально-политические исследования. 2019. №1. С.25-40.

спиральной модели. В частности, моделируются²⁴⁴ взаимообратные процессы бюрократизации и коррупции в отечественной системе образования. Управленческие вертикали, характерные для политических структур, порождающие патерналистские модели взаимодействия как с гражданами (потребителями), так и внутри управленческой системы (властные горизонталы и вертикали), ввиду специфики их организации, в результате регулируют взаимоотношения во всем контексте спирали на всех уровнях администрирования. В свою очередь, коррупциогенные типы отношений консолидируют управленческие системы, укрепляют их, обеспечивая устойчивость и трансляцию коррупционных паттернов организационной культуры институциональных субъектов спирали. Таким образом коррупциогенные регулятивы управления в высшем образовании самовоспроизводятся (реплицируются) в ценностно-прескриптивном пространстве структурно-системных характеристик спиральной модели развития регионального вуза. Подобные процессы лежат в аттракторе коррупциогенных установок массовой психологии нации: *«Коррупция была, есть и будет, это свойственно национальному менталитету. Этим не прекратят заниматься все сразу, а если кто-то будет делать, другие подумают, а почему мы не можем?»*

В контексте описанной ситуации установившаяся морфология «спиральной» предпринимательской культуры все более активно разрушает традиционные семиотические фенотипы ценностно-нормативной топологии вуза. Например, *половозрастные признаки, или ученая степень* в политике вузовской клиентоориентированности *не выступают* более регуляторами поведения учащихся, *разрушая традиционные коды* субординации «старший-младший». Клиентизм как формула отношений в лучшем случае уравнивает статус субъектов в экономическом обмене вуза. В реальности же он скорее меняет ценностно-нормативные полюса семиотического кода «образованности»

²⁴⁴ Ильин Г. Л. О бюрократизации и коррупции в отечественном образовании // Школьные технологии. 2012. № 6. С. 9–17.

как социального регулятора: от «учитель всегда прав» до «клиент всегда прав». Статус учителя или почтенный возраст не есть символ престижа. Символ престижа и связанных с ним ролевых моделей – достаток и власть.

В формуле «клиент всегда прав» власть принадлежит клиенту. Такая символизация опосредует новые регулятивы и ранее нетипичные для вузов ролевые модели. Однако формально купить аттестацию нельзя, но в новой семиотико-ролевой модели и обусловленных ей социальных ожиданиях такая покупка принципиально возможна в границах нового социокода сервис-ориентированного «клиентизма». Коррупциогенная схема социального обмена полностью соответствует целям подобных ролевых ожиданий в новой семиотической морфологии ценностно-нормативного пространства вуза. Она «сшивает» для субъектов образовательной деятельности контексты официальной и реальной нормативности в рамках «спирального» ценностно-нормативного пространства. *Возникающие вокруг семиотико-семантических единиц клиентистской модели ценности и нормы образуют новые топологические среды социальных регуляторов, где коррупциогенные паттерны культуры выступают в роли «семиотического шва»*²⁴⁵.

Наиболее опасной описанная ситуация выглядит в оптике теории функциональных систем, когда университеты как системные организации в динамике процессов «спирализации», обеспечивают не только устойчивость и воспроизводство регулятивов коррупциогенной культуры, но и адаптируют к ним матрицы собственного ценностно-нормативного пространства. Выступая в статусе семиотического шва, обеспечиваемого управленческими иллюзиями имитационных практик, коррупциогенная культурная матрица в условиях социальной аномии есть «полезный для самой системы и образуемой ею целостной организации приспособительный результат. При достижении

²⁴⁵ См.: Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry // Cybernetics & Human Knowing. 2004. Vol 11. No1. pp. 49-62; Marks-Tarlow, T., Robertson, R. & Combs, A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // Cybernetics & human knowing. 2002. Vol. 9. No. 2. pp. 31-47.

результата деятельности его параметры запечатляются на структурах соответствующей функциональной системы...»²⁴⁶.

Гомеостатичность ценностно-нормативного пространства вузовской системы в морфологии российской модели «спирализации» в аномичной среде начинает формироваться на основе патерналистски-бюрократической матрицы социокодов и паттернов, составляющих онтологическое ядро регулятивной системы коррупциогенности культуры. Последняя, отражаясь и стабилизируясь как репрезентативный социокультурной среде способ адаптации вузов к имитационным процессам «спиральной» модернизации, выступает для них как *матрица нормы*. Стимулируется все более «растущий прагматизм участников социально значимых практик»²⁴⁷. Примером этому и служат клиентистские модели предпринимательского университета: «Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались ... как абсолютная и безбрежная ценность, то отныне возобладало понятие полезного знания (useful knowledge), т. е. знания, ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду»²⁴⁸. Формальная «успешность» нивелирования такого антагонизма социокодов высшего образования несет риски актуализации коррупциогенной нормативности имитационных практик институциональных взаимодействий в семиотике регуляторов-ориентиров российской модели тройной спирали.

На основе вышеизложенного можно сформулировать ряд ключевых выводов по главе.

1. Коррупциогенность культуры - исторически сформировавшаяся система социокодов и паттернов коррупциогенных моделей поведения и массового сознания. Культуро-размерность, диффузный зонтично-сетевой характер российской патерналистски-бюрократической традиции определяет ее

²⁴⁶ Судаков К.В. Теория функциональных систем как основа модульного образования в высшей школе // Матер. конф. «Высшее образование для XXI века». 2006. № 4. С.39.

²⁴⁷ См. подроб.: Хагуров Т. А. Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России // Вестник Института социологии. 2013. № 7. С. 154–181.

²⁴⁸ Константиновский Д. Л., Овсянников А. А., Покровский Н. Е. Совершенствование социологического образования: анализ, докл. М.: Логос, 2005. С. 22.

кросс-факторный, эндогенно-экзогенный для любого элемента институциональной системы общества характер. Коррупциогенные практики эксплицируются не просто как вид делинквентного поведения, а как культурно-институциональный феномен, обеспечивающий поддержание солидарности социальных коммуникаций. Его регулятивный статус в контексте традиции дарования-пирования обеспечивает культуросообразность коррупциогенной нормативности. Культуро-размерные характеристики коррупции верифицируются социальной статистикой, номинациями языковой традиции и ассоциативными коннотациями в лингво-культурологических и социально-психологических исследованиях. Социокоды и паттерны коррупциогенной культуры выступают одним из фундаментальных параметров порядка системы социокультурных взаимодействий российского общества.

2. В ситуации аномии ценностно-прескриптивного пространства вуза коррупциогенная культура предлагает легко идентифицируемые в национальной традиции паттерны бюрократически-имитационных практик. Их реализация активно способствует кумулятивному распространению управленческих иллюзий, легитимирующих деструктивное развитие политики «спирализации». Патерналистски-бюрократическая стратегия «влияния на государство» интегрирует в ценностно-нормативное пространство вузов социально-негативные социокоды политической и предпринимательской культуры, существенно деформирует традиционную морфологию университетских ценностей. Игнорирование университетской традиции императивно разрушает топологическое единство университетской субкультуры, образуя жесткую вертикаль вузовской иерархии, помещая не только менеджера, но даже клиента-студента статусно выше преподавателя любой квалификации.

3. Аккумулируемая «спирализацией» коррупциогенная культура вузов формирует устойчивую семиотико-топологическую форму регуляции университетских отношений. Наблюдается эффект отражения ценностно-нормативных ориентиров-регуляторов институтов бизнеса и власти в

социосемиотическом пространстве образовательной субкультуры. Паттерны успеха, престижа, достатка символически наполняются коррупциогенным содержанием и выступают в антагонизме к ценностям образованности и труда. Зонтичная, культурно-диффузная топология патерналистски-коррупциогенной нормативности приобретает в вузах регулятивный статус семиотического шва «властно-предпринимательских» отношений. Регулятивно-ориентирующая ценностно-нормативная морфология коррупциогенной культуры в современной модели Университета 3.0 удовлетворяет институционально различные, но топологически резонансные социальные ожидания ППС, студентов и менеджеров от науки. Такое состояние референтной среды неизбежно рефлексруется ими, регулируя в результате состояния мировоззрения, профессионального сознания, модели формирования социальных установок и практик университетской коррупции. Это актуализирует самостоятельное изучение проблемы репрезентаций коррупциогенности в правосознании субъектов образовательного пространства вуза.

Глава 3. Репрезентация коррупциогенной нормативности «тройной спирали» в правосознании субъектов образовательного пространства регионального вуза

3.1. Коррупционное сознание в структуре образовательной субкультуры вузов в модели тройной спирали

Культурная морфология любой профессиональной деятельности, выходя за границы ее публично-организационных форм, имеет институционально-онтологические модели нормативности, паттерны профессионального сознания и поведенческих практик. Университеты, как формальные организации института высшего образования, также заключены в контур так называемой образовательной субкультуры. В обоснование актуальности этой позиции подчеркнем, что «разговоры о "смерти субкультур", о приходе на смену

постсубкультур, не сместили "субкультуру" с постамента важнейшего понятия ...»²⁴⁹.

В рамках предмета диссертации основной вопрос стоит не в соотношении концептов «культура – субкультура»²⁵⁰, достаточно подробно изученном в традиции культурного детерминизма, например, Т. Парсонса²⁵¹. Важнее то, что подход, где «анализ субкультуры ... предполагает изучение ее ... как системы артефактов, норм, ценностей, символов, а также видов и способов их репрезентации»²⁵², отражаемых в «специфике стиля поведения, или даже всей жизни»²⁵³, остается методологически актуальным. В нашем случае акцентируется проблема эффектов интеграции субкультурных институциональных контекстов тройной спирали и деструктивных моделей ее рефлексии в университетском ценностно-нормативном пространстве. Задачей данной главы является построение теоретического концепта коррупционного сознания как компонента образовательной субкультуры вуза, рефлексивно-когерентного ее «спиральным» трансформациям. Настоящий параграф ориентирован на формирование теоретико-методологических контуров исследования проблемы.

Мы считаем, что феномен профессиональной субкультуры нуждается не столько в новом определении, сколько в понимании всех составляющих его компонентов. Каждый из них может быть специфически содержательно наполнен. Это зависит от особенностей определенного вида субкультуры. Многие характеристики при этом можно представить как универсальные. Кроме того, любые субкультуры выступают субсистемами всей

²⁴⁹ Абдрехимова А. В. Клубная субкультура: проблема адекватности категории [Электронный ресурс] // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210158001.pdf (дата обращения: 24.12.2014).

²⁵⁰ Ильин А. Н. Массовая культура и субкультура: общее и особенное // СОЦИС. 2010. № 2. С. 69.

²⁵¹ См. напр.: Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль. М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 462–525.

²⁵² Пирайчук А. В. Молодежная субкультура как игра // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). Философия. Социология. Культурология. Вып. 28. С. 113.

²⁵³ См.: Левикова С. И. Феномен молодежной субкультуры: социально-философский аспект: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. М., 2002. 420 с.

социокультурной системы общества. Профессиональная субкультура с этой позиции будет институциональным редуктом культуры.

В контекстуальном описании вузовской субкультуры в традиции нормативного подхода операциональным базисом для нас служит концепт В. П. Римского и О. Н. Римской, где «субкультуры ... понимаются как ценностные локальные миры ... ; индивидуальные и коллективные стереотипы поведения и деятельности, воплощенные в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; подсистема стилей и стилевого поведения; групповые формы культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства (в том числе и масскультовского)»²⁵⁴. Данный конструкт репрезентируется в модели бюрократической субкультуры В. П. Бабинцева²⁵⁵, а также результатах его апробации указанными авторами в области проблем университетского развития²⁵⁶.

Как указано выше, при формировании дефиниции образовательной субкультуры учреждений высшего образования необходимо учитывать факт, что вузы выступают как формальные институциональные организации. В этом случае образовательная субкультура будет конвергентно сопряжена с организационной культурой вуза. Здесь термины образовательная субкультура вузов, университетская субкультура, субкультура высшего образования будут выступать синонимично именно потому, что образование является основной формальной функцией рассматриваемого института. Этим же обусловлена правомерность рассмотрения образовательной субкультуры вуза как разновидности профессиональной / корпоративной субкультуры, специфика которой определяется ее институциональной принадлежностью. Институциональная принадлежность, в свою очередь, позволяет во многом редуцировать друг к другу понятия образовательной субкультуры вузов и

²⁵⁴ См.: Римский В. П., Римская О. Н. Феномен субкультурных религий: монография. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2012. С. 37.

²⁵⁵ Бабинцев В. П. Субкультура бюрократии: приговор модернизации России? // Власть. 2013. № 1. С. 21.

²⁵⁶ Бабинцев В. П., Римский В.П. Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс // Наука. Искусство. Культура. 2014. №4. С.5-17.

университетской корпоративной культуры. Собственно, под *образовательной субкультурой* вуза мы будем понимать *специфические для высшего образования институциональные ценности и нормы, социо семиотические формы их культурного кодирования, воспроизводства и трансляции, а также основанные на них паттерны сознания и поведения основных субъектов научно-образовательной среды (ППС, студентов и менеджмента), совокупно формирующие профессиональную / корпоративную культуру системы высшего образования.*

По нашему мнению, такое отождествление вузовской субкультуры и корпоративной культуры вузов возможно именно с учетом «спирализации» и формируемых ей трансформаций. В частности, современное состояние образовательной субкультуры вузов наглядно характеризуют А. Прохоров и А. Беляев, акцентируя ее противоречивую двойственность: с одной стороны формально устанавливаются императивы экономической конкуренции на рынке образовательных услуг, с другой – идеологически культивируются традиционные научно-педагогические ценности образования²⁵⁷. На этом фоне актуализируется необходимость создания в вузах «единого ценностного пространства»²⁵⁸.

В свою очередь, для представления коррупционного сознания как репрезентанта коррупциогенной культуры в субкультуре вузов, методологически значимы теоретические модели правовой культуры и правосознания. Несмотря на зачастую очень широкую трактовку понятий правовой культуры²⁵⁹, содержательно емкими можно признать позиции, высказанные еще в советской научной литературе: правовая культура – это «система овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере

²⁵⁷ См.: Прохоров А. Роль субкультур в формировании корпоративной культуры университета // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 6 (98). С. 153-157; Беляев А. Корпоративная культура университета: от теории к практике // Высшее образование в России. 2007. №11. С.63.

²⁵⁸ Грауманн О., Певзнер М.Н., Ширин А.Г. Новая идентичность вуза в условиях интернационализации образования // Высшее образование в России. 2009. №6. С.123-131.

²⁵⁹ См.: Иванников И. А. Концепция правовой культуры // Теория и история государства и права. 1998. № 3. С. 12–16.

действия права, и их обращение в сознании и поведении людей»²⁶⁰. Также она представлена в виде «системы взглядов, оценок, убеждений, которые определяют правовое поведение»²⁶¹.

Е. В. Клейменова и К. А. Моралева, основываясь на информационно-семиотическом подходе, отмечают: «Правовая культура... – это правовая информация (совокупность регулятивов, ценностей и знаний в области правовой действительности), которая накапливается, сохраняется и передается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых систем. Правовая культура есть информация, которая сохраняется не только в объективном носителе – знаковых системах, но и в субъективном, которым являются человек, общество, социальные группы. ...Определенная правовая культура заключена в непосредственном правовом поведении, деятельности людей...»²⁶².

Н. Л. Гранат считает, что «правовая культура – это не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения, а применительно к личности выражается в ее менталитете. Только обращение к правовой культуре позволяет понять механизм превращения сознания, в частности правосознания, в явление, объективно доступное изучению и участвующее в создании прогресса в обществе»²⁶³. Приведенные определения особенно актуальны для построения теоретического конструкта коррупционного сознания.

Как видно из предложенных трактовок, фундаментальными составляющими правовой культуры являются и объективные, и субъективные ее репрезентации. К первым относятся состояние правопорядка, законности, соответствие поведения нормам права, распространенность его криминальных

²⁶⁰ См.: Каминская В. И. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 43.

²⁶¹ См.: Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности / отв. ред. Е. А. Лукашева; АН СССР, Институт государства и права. М.: Наука, 1988. С. 18.

²⁶² Клейменова Е. В., Моралева К. А. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации // Правоведение. 2003. № 1. С. 51.

²⁶³ Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 1/2. С. 5.

форм и аналогичные. Ко вторым – все элементы правосознания, как группового, так и личностного.

Так, именно оценочно-нормативный компонент правосознания играет решающую роль в идентификации его основных форм. Негативные, в той или иной степени отрицательные, неважно по какой причине, оценки права позволяют говорить о такой форме правосознания как правовой нигилизм. Конформистские установки по отношению к правовым нормам определяются как правовой идеализм. При этом с позиции социально здорового правосознания обе указанные формы являются деструктивными. С высокой степенью вероятности аналогичны будут в объективном смысле и построенные на их основе модели правоотношений.

С этих позиций возможно выделить криминальное сознание как родовую форму радикальных деформаций правосознания, то есть правового нигилизма. Потенциально опасные деформации правосознания определяются криминогенностью сознания. Конкретная направленность в соответствии с квалификацией правонарушений позволяет выделять конкретные типы криминального/криминогенного правосознания, в том числе коррупционное. Такой подход можно назвать системно-дедуктивным (рисунок 3.1)

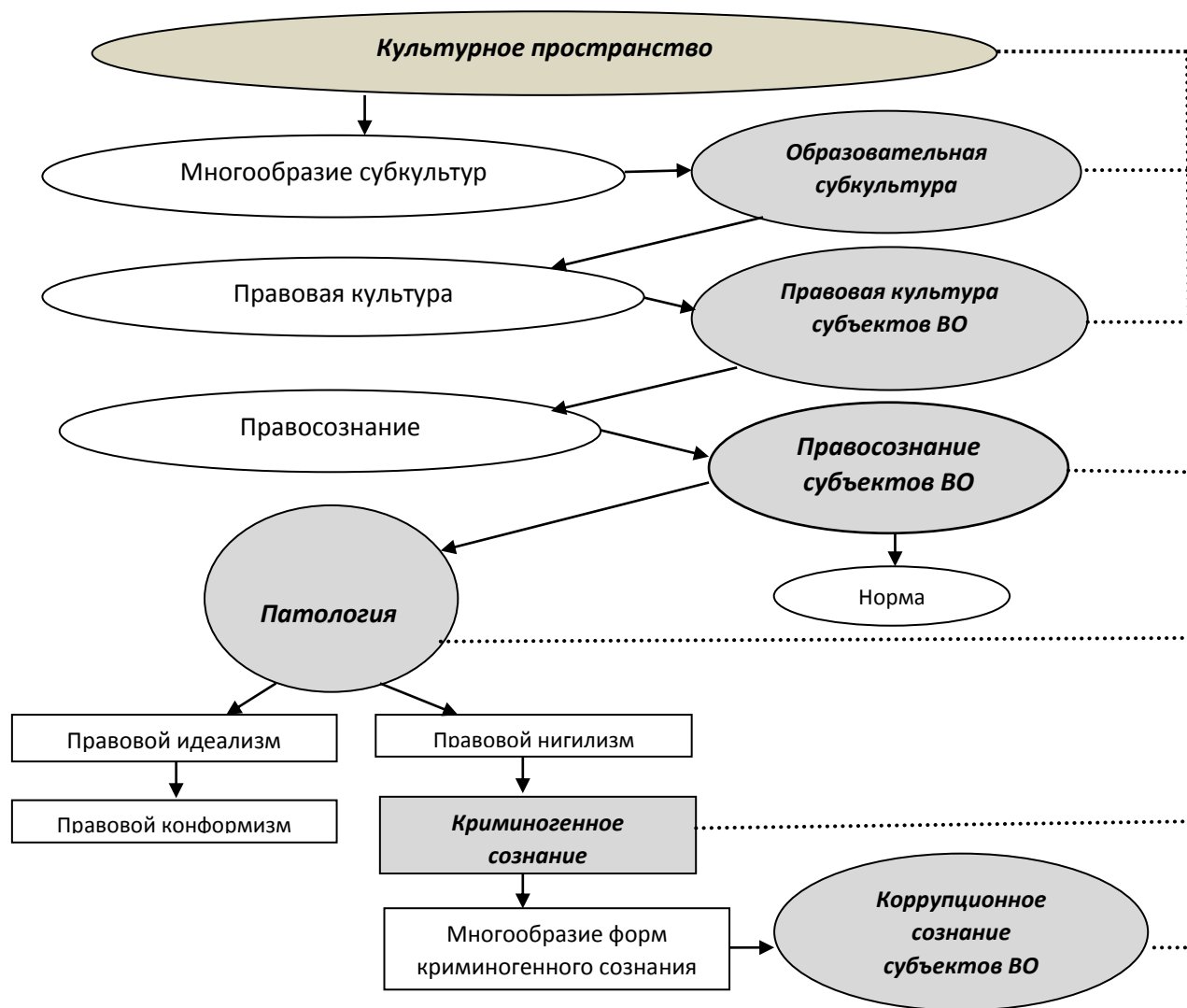

Рис. 3.1 Системно-дедуктивный подход к описанию коррупционного сознания субъектов ВО²⁶⁴

Правосознание и его формы можно представить как ценностно-нормативный «концентрат» родового феномена, его референт на уровне индивидуальных или групповых практик научно-педагогического процесса. Состояния правосознания соотносятся с правовой культурой как репрезентативное частное к общему, служат индикаторами деформаций сознания субъектов образовательной субкультуры вузов.

Мы полагаем, что в нашем случае методологически правомерно применение аналогии. Тогда репрезентантом коррупциогенной культуры может

²⁶⁴ Цветом выделены ключевые элементы системы, пунктирными линиями обозначены центральные связи элементов системы, стрелками проиллюстрирован алгоритм (логика) теоретического анализа предметной области.

выступать такое состояние сознания, которое можно назвать «коррупционным». В масштабах вузовской субкультуры анализ коррупционного сознания ее субъектов основывается на положении о том, что оно отличается «...от правосознания лиц, принадлежащих к другим социальным группам, не составом его элементов, а их содержанием, направлением связей между сущностными структурными компонентами»²⁶⁵. Или же может иметь типичные для всей (или части, например, группы институтов) социокультурной системы репрезентации, где те или иные «... категории правосознания носят оценочно-волевой»²⁶⁶ характер, т. е. выражают отношения людей к существующим общественным порядкам и их требования к определенной организации общественной жизни»²⁶⁷.

Особо отметим, что, например, простое фактическое (теоретическое или статистическое) фиксирование в структуре правосознания нигилистических или конформистских установок не раскрывает механизмов их детерминации. Тем не менее такой анализ также необходим для установления самого факта коррупциогенных деформаций духовной сферы. Например, как в случае с коррупциогенными социокодами, когда они пронизывают всю национальную культуру, отражаясь в фольклорных формулах «Закон, как дышло...» и им подобных.

Подчеркнем также, что, будучи употребляемым и политиками, и руководством правоохранительной системы²⁶⁸, сам термин «коррупционное сознание» не имеет четкого определения. Он нуждается в теоретической категоризации, операционализации, когда в философском понимании

²⁶⁵ Певцова Е. А., Сапогов В. М. Профилактика правонарушений и формирование правомерного поведения воспитанников интернатных учреждений в образовательных правоотношениях. Псков: Изд-во АНО «ЛОГОС», 2009. С. 116.

²⁶⁶ Курсив мой (ЕК).

²⁶⁷ Пискунова С. Современное правосознание: понятие, характерные черты и функции // Закон и право. 2003. № 8. С. 28.

²⁶⁸ Выборный А. Б. Ситуация с коррупцией в стране на самом деле остается непростой [Электронный ресурс] // PASMI.RU: сайт. URL: <http://pasm.ru/archive/39016> (дата обращения: 20.12.2014).

синтезируются и юридизированные и социолого-психологические его интерпретации²⁶⁹:

Юридический аспект. В рассматриваемом контексте коррупционное сознание – деструктивная форма правосознания, характеризующаяся наличием криминогенной установки (субъективная сторона) у должностных и иных лиц (субъект) в отношении правового регулирования использования должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам (объективная сторона) и наносящее вред общественным отношениям в различных аспектах (объект).

Социолого-психологический аспект. Коррупционное сознание – определенное состояние ценностно-нормативной и потребностно-мотивационной структур личности должностных и иных лиц как субъектов социально-профессиональных практик, детерминирующее их коррупционное поведение с целью извлечение незаконной выгоды в границах институциональной субкультуры.

В данной работе мы определяем коррупционное сознание как *форму мировоззрения, характеризующуюся наличием у его субъекта альтернативных установленному правовому порядку коррупциогенных взглядов, установок, ценностей*. Следовательно, коррупционное сознание представляет собой деструктивную форму правосознания, характеризующуюся коррупциогенным состоянием ценностно-нормативной и потребностно-мотивационной структур личности, детерминирующих ее коррупциогенное поведение.

Следовательно, макро-структура коррупционного сознания представлена коррупциогенно-деформированными ценностно-нормативной и потребностно-мотивационной сферами личности субъекта. Они находятся в сложной системной связи между собой, а также внутрисистемно. При этом потребностно-мотивационная сфера входит в предметную область

²⁶⁹ См.: Коррупционное сознание как компонент современного мировоззрения: подходы к социальной диагностике и противодействию на региональном уровне : монография / А. П. Абрамов, Е. Г. Каменский, Е. И. Боев [и др.]. Курск: Изд-во «Гиром», 2012. 166 с.

преимущественно социальной психологии и будет анализироваться нами далее постольку, поскольку соотносится с ценностно-нормативными компонентами, находящимися уже в предметном поле теории культуры.

С учетом необходимости выявления механизмов детерминации коррупционно-видовой специфики деформаций правосознания, в научный оборот вводится понятие *«коррупциогенность сознания»*. Оно есть *состояние ценностно-нормативной системы правосознания личности или группы, характеризующееся деформациями установок, взглядов, направленности, способствующими формированию коррупционного сознания и коррупционного поведения субъектов социально-профессиональных практик*.

Подчеркнем, что четкая демаркация состояний коррупционности и коррупциогенности правосознания крайне затруднена. Она определяется в лучшем случае ретроспективно, постфактум коррупционных практик и не имеет каких-либо валидных методик измерения. Нами такое различие видится в первую очередь в степени, качестве, устойчивости коррупциогенных установок, например по аналогии с криминологической типологией личности преступника. Однако в своей оценке оно также зависит преимущественно от субъективной интерпретации и достаточно вольных корреляций. В результате сами категории могут пониматься как социокультурно рекурсивные и научно амбивалентные.

Операционализовав основные понятия, далее представим сущностное понимание фиксируемых ими явлений и процессов.

В первую очередь, приведем обоснование заявленной в названии параграфа постановки проблемы. Вновь обращаясь к контекстуальной формуле «спирализации» университетов, мы полагаем, что сама образовательная субкультура вузов приобрела к сегодняшнему дню специфическую административно-кластерную иерархию коррупциогенного характера. Здесь одни группы субъектов в большей степени дискриминированы в сравнении с другими. Символические манифестации в идеологемах «инноватизации» клиентоориентированного вуза поколения 3.0 представляют собой проекцию ценностно-нормативного пространства паттерналистски-имитационной

морфологии отношений субкультуры «власть-бизнес» в стратегии «влияние на государство» по Н.П. Копцевой. Этот процесс стимулирует риски не просто административных, но мировоззренческих ценностно-нормативных конфликтов в служебной иерархии вуза. В ней основные группы субъектов (менеджмент, ППС и студенты) образовательной субкультуры формируют нередуцируемые друг к другу социокультурные сценарии профессиональных практик и мышления. Это наглядно иллюстрируется имеющейся в открытом доступе статистикой, при ее интерпретации по актуальным для нас критериям. В частности, по данным РБК, во исполнение Майских Указов Президента РФ 2012 г., на июнь 2019 г. требование повышения средней зарплаты по высшей школе до 200% от средней по региону выполнено на уровне 236% и составляет по стране 94514 руб.²⁷⁰ В то же время по данным Forbes ситуация может быть описана цитатой ректора РЭШ Р. Ениколопова, утверждающего, что многие вузы «подрисовывают» статистику: «Не секрет, что в огромном количестве вузов требования по повышению средних зарплат были выполнены за счет игры с количеством ставок, на которых работают преподаватели, и за счет роста зарплат у небольшого количества профессоров, приближенных к администрации»²⁷¹.

Подобные факты широко известны и активно обсуждаются в масс-медиа среде Интернет. Еще более наглядно контекстуальное состояние и масштаб имитационных практик «спирализации» региональных вузов характеризует вывод Счетной палаты РФ: лишь чуть более шести процентов российских вузов имеют какие-либо доходы от полученных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (РИД)²⁷². При этом стоит согласиться с позицией опрошенных Forbes экспертов: осознавая необходимость увеличения прикладных НИОКР в вузах, все же нельзя подходить к оценке

²⁷⁰ Четыре региона удержали зарплаты бюджетников на уровне майских указов // РБК: <https://www.rbc.ru/economics/23/08/2019/5d5d6adb9a7947378b954d1d> (дата обращения 22.12.2019)

²⁷¹ Петухова Л. В вузах не смогли выполнить майский указ президента по повышению зарплат // Forbes. URL : <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/370851-v-vuzah-ne-smogli-vypolnit-mayskiy-ukaz-prezidenta-po-povysheniyu> (дата обращения 22.12.2019)

²⁷² См.: Там же.

фундаментальной науки формально²⁷³. Очевидно, что ее эффект может быть оценен лишь в средне- или долгосрочной перспективе. В любом случае, на актуальную дату нашего исследования требования о повышении зарплат бюджетникам формально были выполнены всего в четырех регионах РФ.²⁷⁴

В качестве результата политики трансформации региональных вузов в предпринимательские университеты эти показатели выглядят явно недостаточными. В таком распределении нет масштабной капитализации университетских кадров и / или результатов их работы. В то же время в вузах наблюдается экспоненциальный рост формализованных практик достижения показателей «эффективности» в развитие клиентоориентированного подхода. Организован непрерывный поток мероприятий в духе тройной спирали, отражающих «точки кипения»²⁷⁵ новой вузовской субкультуры. Однако и здесь повсеместно распространены административно-патерналистские модели обеспечения поддержки коммерческих и политических (или коммерчески-политических) инициатив ППС и студентами. Частный пример этому - общероссийский проект Leader-ID. Подтверждением является скриншот официального письма его зарегистрированным участникам (рис. 3.2). В нем отражается масштаб конъюнктурно-имитационных практик обеспечения поддержки идеологии «Прорыва» в университетской среде. Берем на себя риск предположить, что в реальности подобные проблемы стоят гораздо шире их формально фиксируемых фактов, даже при условии обеспечения анонимности авторства таких позиций.

²⁷³ См.: Там же.

²⁷⁴ Четыре региона удержали зарплаты бюджетников на уровне майских указов // РБК: <https://www.rbc.ru/economics/23/08/2019/5d5d6adb9a7947378b954d1d> (дата обращения 22.12.2019)

²⁷⁵ Официальный сайт Leader-ID. URL: <https://leader-id.ru/page/info/general/>

Привет, Евгений!
И сразу к горячим новостям.

новости

Проверили

В прошлой рассылке мы призвали написать нам, если вас заставляют регистрироваться на Leader-ID. В итоге мы узнали **три причины, по которым пользователи считают, что их заставляют регистрироваться:**

1. За доступ в коворкинг.
2. За посещение мероприятий.
3. За правильные ответы [в онлайн-курсе НТИ](#) — вот это поворот!

Вот что пишут про курс:

«Ректорат университета дал указание, а деканы факультетов довели до сведения всего коллектива о необходимости регистрации и прослушивания видеоуроков Пескова. Раздали всем правильные ответы на контрольные задания этих видеоуроков. Разумеется, никто сами видеолекции полностью не смотрел, их проматывали в конец и отвечали на контрольные вопросы. Таким образом почти на 100% университет оказался зарегистрирован на вашем сайте».

Сейчас на Платформе зарегистрированы 1352 представителя этого университета. 🤔

Рис. 3.2 Скриншот официального письма участникам проекта Leader-ID в вузах

Учитывая, что в семиотике спиральной модели вузовская администрация все больше обретает символической статус политической и/или бизнес-элиты²⁷⁶, традиционное обоснование коррупциогенной ситуации в высшей школе исключительно субъективной установкой ППС или студентов выглядит крайне ограничено. Рекурсивные, кросс-факторные процессы в ценностно-нормативной матрице российской организационной культуры акцентирует, например, А. Е. Чирикова, анализируя исследования Ю. Левады: «...до сих пор близость к администрации ... , административно-бюрократические ресурсы, интриги, финансовый капитал во многом определяют те или иные ... решения на всех уровнях власти. Умение работать командой, понимание необходимости реформ, способность их проводить в жизнь занимают у большинства респондентов весьма скромное место в оценке рычагов влияния»²⁷⁷. Патерналистски-бюрократические матрицы нормативности коррупциогенной культуры реплицируются в стратегии «влияния на

²⁷⁶ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема элиты в современной России. М.: Фонд Либеральная миссия, 2007. С. 327.

²⁷⁷ Чирикова А. Е. Указ. соч. С. 108.

государство» во всей иерархии администрирования «спирализации» вузов на принципах индексальных фетишей «успеха» и «эффективности» друкеровского менеджмента.

Конъюнктурно то, что все многочисленные, подобные Leader-ID и направленные на активизацию человеческого капитала вузов, платформы оперируют узким и однотипным набором символических манифестаций. Наблюдается единственный, по сути, компонент формируемых у студента компетенций – *активность*. Прескрипторно в маркетинге подобных проектов утрируется необходимая для профессионального успеха черта *лидерства*. Остальные же качества предполагается развивать на ее основе. *Лидерство есть индексальный знак успеха в современной семиотике вузовской субкультуры*.

В то же время, традиционно в высшей школе преподносилась обратная формула: развитые профессиональные качества обеспечивали лидерство. Даже в логике компетентностного подхода наблюдается существенное смещение позиций профессиональных и индивидуально-психологических качеств личности в иерархии референтных ценностей трудового успеха, если труд вообще остается ценностью «человека экономического». Например, сама формулировка анализируемой платформы содержит концентрат конъюнктурной семиотики лидерства в нормативных декларациях «Прорыва». Она предлагает и «хайповый» тренд, и метафоры междисциплинарного дискурса, и предпринимательскую идеологизацию, позиционируясь как «система поддержки лидеров»: «Leader-ID является цифровой средой Точек кипения и частью экосистемы развития технологического предпринимательства»²⁷⁸.

Эклектика, семантическая мозаичность таких манифестаций «Инноватизации» и «Прорыва», редуцирующая друг к другу естественно-научный, технический, политический и иные символически-самостоятельные дискурсы, характеризует деконструкцию общей семиотики ценностно-нормативного ландшафта образовательной субкультуры вузов.

²⁷⁸ Официальный сайт Leader-ID. URL: <https://leader-id.ru/page/info/general/>

Преподавательское сообщество регулятивно дезинтегрировано в спиральной модели. Профессиональное мировоззрение ППС не обеспечено репрезентативными символами и нормативными ценностями вузовской реформы.

На основе изложенного ранее в диссертационной работе мы полагаем, что формула, согласно которой «...человек никогда не был "одномерным" классовым, "трудовым", "технологическим" или "экономическим" индивидом, проходил социализацию и аккультурацию в конкретно-исторических субкультурных формах, воплощенных в культурных кодах, структурах повседневности и семиотике той или иной эпохи»²⁷⁹, подвергается в очередной раз серьезной социокультурной проверке. Думается, что в обществе активно укрепляется определенная постмодернистская иллюзия, лежащая в основе формирования современной образовательной субкультуры региональных вузов. Суть такой управленческой иллюзии в том, что политические приоритеты высшего образования предполагают опережающее формирование человеческого капитала экономического прорыва страны, но за счет мифологем технологизированной модели клиентизма на фоне деклараций активизации творческого потенциала университетских кадров и студентов. В итоге массового формируется макдональдизированная модель «одномерного»²⁸⁰ консьюмера. Это – тип «человека экономического», потребляющего символическую ценность высшего образования в имитационном консенсусе по модели платного клиента на фоне иконической семиотики антикоррупционных транспарантов. Символические игры вокруг симулякров «образованности» суть есть центральные, онтологические процессы имитационного консенсуса «спиральной» образовательной субкультуры. Ее новая иерархическая структура и востребует традиционно-российские коррупциогенные паттерны солидарности в качестве семиотического шва.

²⁷⁹ Римский В. П., Римская О. Н. Указ. соч. С. 38.

²⁸⁰ Kellner, D. «Introduction to the Second Edition» in H. Marcuse One-dimensional Man: studies in ideology of advanced industrial society. London: Routledge, 1991.

Иными словами, российский вариант глобального проекта тройной спирали, а как показывают приведенные выше исследования, равно и белорусский, латиноамериканский или восточноазиатский его сценарии, экстраполируется в ценностно-нормативное пространство вузовской субкультуры. В попытке России обрести экономическое лидерство на фоне догоняющей модернизации в отечественных региональных вузах формируется эклектичное, мозаичное семиотико-топологическое пространство регулятивов для всех групп субъектов образовательной субкультуры. Оно парадоксально «сшивает» семиотику техногенных ценностей западноевропейской модели Индустрии 4.0, близких советскому стандарту «человека труда», «изобретателя» и кумовские стандарты солидарности традиций «русского мира». Характерные для Запада принципы фордизма как основа технологизированной образовательной услуги выглядят вполне адекватно апробированным зарубежным бизнес-моделям, цивилизационно основанным на правовой стратегии предпринимательской культуры. Однако они не приживаются в условиях паттернов пирования-дарования «русской матрицы» не только ввиду традиционно-патриархальной специфики последних. При таком контекстуальном фоне коррупциогенность культуры как система паттернов адаптации вузовской среды к ценностно-нормативному дисбалансу реагирует на ошибки модернизации каталитически. Само *состояние субкультурной аномии вуза реанимирует российскую патерналистски-бюрократическую традицию*. Кроме того, адаптивный потенциал этих коррупциогенных паттернов распространяется и на социально-психологическую сферу общества. В них внутренне уже содержатся *компенсаторные механизмы* массового сознания: «Начиная от коррупционных действий и заканчивая абортами или передачей детей, которым повезло родиться, на воспитание бабушкам и дедушкам с целью высвобождения времени под заработки, – все пускается в ход. И все, как правило, обосновывается единым образом: "выжить"»²⁸¹.

²⁸¹ Коваль Е. А. Нормативное измерение молодежной аномии как фактора дезадаптации молодежи //

Следовательно, фордизм, макдональдизация образовательного процесса аргументируется зарубежной апробированностью прибыльности, экономической эффективностью этих бизнес-моделей, отвечающих крайне актуальному сегодня запросу интенсификации научно-технологического развития России в идеологии «Прорыва». Однако, в отсутствие подобных национальных моделей и политическом осознании их необходимости в русле современной модернизации, в стране «сверху» продолжает культивироваться патриотический пафос культурной самобытности. Он выступает, видимо, формой легитимации в вестернизации российской культуры. Очевидно, что основную роль в этом государство также отводит институту образования, параллельно интегрируя уже не только вузы, но и школы в деперсонифицированный «цифровой» клиентистский технологизм распространения клише предпринимательской культуры и лидерских самопрезентаций независимо от личностных качеств субъекта и реального рыночного спроса на кадры.

В итоге в ценностно-нормативном пространстве образовательной субкультуры региональных вузов формулируется общий для всех ее субъектов методологический императив эффективности, понимаемый сугубо в аппарате дискурсов предпринимательской культуры. При этом в политическом поле вынужденный вузовский клиентизм критикуется на самом высоком уровне. Например, на встрече с делегатами съезда союза ректоров еще в 2014 году В.В. Путин отметил, что «вузы должны отказаться от гонки за абитуриентам и прекратить зачислять троечников даже на платные отделения. Такая практика обесценивает высшее образование и подрывает авторитет институтов»²⁸².

В то же время Президент РФ подчеркнул, что «Ориентиром высшей школы должны быть потребности работодателей, а не собственные интересы. Приемные комиссии сейчас рады не столько способным, сколько платежеспособным абитуриентами. Порой забывая о своей главной

Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2 (22). С. 99.

²⁸² Владимир Путин призвал не брать в вузы троечников // Сайт Первого канала. URL: <https://www.1tv.ru/news/2014-10-30/36217-vladimir-putin-prizval-ne-brat-v-vuzy-troechnikov> (дата обращения 17.12.2019)

миссии, вузы из "кузницы кадров" превращаются в фабрики по выдаче дипломов. И подрывают авторитет всего высшего образования»²⁸³. При этом, указанные В.В. Путиным «собственные» интересы вузов и были сформированы российской модернизацией высшей школы в духе «тройной спирали», воплотившейся в кадровой политике оптимизации. Например, в дискуссии с В. Садовничим вокруг вопроса коммерциализации университетской науки Президент подчеркнул, что, несмотря на ее важность для вузов, они создаются «не для того, чтобы деньги зарабатывать, а для того, чтобы студентов готовить»²⁸⁴.

Однако в этот же период министром образования и науки Д.В. Ливановым, имевшим на 2013 год самый низкий рейтинг среди кабинета министров РФ по данным ВЦИОМ²⁸⁵, была наиболее активно инициирована кампания по достижению показателей вузовской эффективности. Он также фигурировал наряду с замминистра Н. Третьяк по уголовному делу в расследовании хищений в МИСиС²⁸⁶. На 2018 год, как отмечает сопредседатель межрегионального профсоюза В. Тиллес, полагая, что в современных вузах культивируют *атмосферу страха*, годовая нагрузка повысилась до 900 часов, чтобы «добиться определенных соотношений числа преподавателей и студентов, стремительно сокращая преподавательский состав. В 2011 году в России насчитывалось 360 тысяч преподавателей. После выхода «майских указов» был сразу же определен график сокращений, и теперь в стране (данные за март этого года) 200700 преподавателей. И сокращение будет продолжаться... Однако нигде в официальной статистике и отчетах вузов массовых сокращений не зафиксировано даже в 2014 году, когда по стране сократили 24 тысячи ставок»²⁸⁷. В итоге, создаются широкие возможности для

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Рейтинг качества работы российских министров // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1016> (дата обращения 20.07.2019)

²⁸⁶ Ливанова допросят по делу о хищениях в МИСиС // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/news/242277-livanova-doprosyat-po-delu-o-hishcheniyah-v-misis> (дата обращения 20.07.2019)

²⁸⁷ В университетах насаждают атмосферу страха // Правда. №111 (30754) 11 октября 2018 года. URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/111-30754-11-oktyabrya-2018-goda/v-universitetakh-nasazhdayut-atmosferu-strakha/> (дата обращения 20.11.2018)

управленческого произвола. Нередко дискриминационная в отношении университетских кадров модель менеджмента становится референтной средой трансляции семиотико-топологической морфологии патернализма в субъектные (личностные / групповые) структуры правосознания вузовской субкультуры для администраторов, ППС и студентов. Здесь достаточно еще раз акцентировать, что поведение по формуле солидарности «ну я же начальник» в вузовской субкультуре оптимально для преподавательской стратегии выживания и административной стратегии «достижения показателей».

Подчеркнем, что контекстуально такое неоднородное, эклектично-противоречивое ценностно-прескриптивное пространство вузовской субкультуры неизбежно рефлексруется и в алогичном «клиповом»²⁸⁸ сознании самих студентов. Обобщенно здесь можно предположить, что масштабные мероприятия по интеграции студенчества в процессы инноватизации в реальности стимулируют скорее неадекватное восприятие ими состояния университетской науки и образовательного процесса. В условиях современной вузовской субкультуры студент, в большинстве своем, не способен декодировать традиционные социокоды в символах «образованности». Декодер формируемой у него предпринимательской и клиентистской культуры имеет совсем иную социокультурную «настройку фильтра». Код культуры и декодер сознания онтологически и семиотически не совместимы, определяя нулевую, или, в лучшем случае, редуцированную в отношении университетской традиции селективность реципиента. Сегодня в вузах все сложнее становится реально решать задачи развития критического мышления студентов. Для последних преимущественно актуальны лишь диффузные, аксиологически близкие смысловые номинации ценностно-нормативных структур культуры общества потребления: успех, карьера, лидерство, богатство, а не правда, совесть, труд, ответственность, и так далее.

²⁸⁸ См. напр.: Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // *Общественные науки и современность*. 2013. №2. С.169-176; Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // *Интернет-журнал «Наукovedение»*. 2014. Выпуск 5 (24). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (дата обращения 01.12.2019)

Итак, необходимо учитывая коррупциогенный культурный фон модернизации в российской «спирали», акцентируем ряд важных моментов. Мы считаем, что необходимость адаптации к ценностно-нормативному дисбалансу университетских регулятивов актуализирует не просто ситуативный выбор администрацией, ППС или студентами коррупциогенной модели как традиционного культурного шаблона обеспечения солидарности. Здесь перманентно-контекстуальный характер аномии вузовской субкультуры катализирует интериоризацию²⁸⁹ ими деструктивных паттернов бюрократической культуры. Итогом и будет сформированное коррупциогенное мировоззрение. Например, оно может быть представлено через концепт «феномена коррупции духа»²⁹⁰, предлагаемого В.Н. Николаевым. Тогда и аномичное состояние образовательной субкультуры актуализируется тем, что у ее субъектов «формирование коррупционного сознания может быть усилено или замедлено культурным содержанием, которое налагается на естественную матрицу индивида в процессе социального взаимодействия»²⁹¹.

Отражая состояние среды, статус семиотического шва коррупциогенной культуры трансформируется в таковой уже на уровне субъектного правосознания. То есть, на адаптивно-рефлексивном уровне социальной психологии. Далее активируются его охранительные механизмы. Их, от народного фольклора и заканчивая компенсаторно-психологическими легитимациями выживания, метафорически можно определить как «откаты совести». Видимо потому, согласно данным известного игрока рынка рекрутинга HeadHunter, три четверти признавшихся в коррупционных действиях респондентов, ее угрызений не испытывают²⁹².

Следовательно, коррупциогенные паттерны российской культуры, резонируя к правосознанию субъектов образовательной субкультуры вузов,

²⁸⁹ См. напр.: Гальперин П. Я. К учению об интериоризации // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 25–33.

²⁹⁰ См.: Николаев А. В. Социально-философский анализ субъективного конструирования коррупционной реальности в процессе социального взаимодействия акторов правоохранительной сферы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 21–23.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Откат как явление российской жизни: 73% взяточников не испытывают угрызений совести // Газета Протестант. URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/09/otkat-kak-yavlenie-rossijskoj-zhizni-73-vzyatochnikov-ne-isytyvayut-ugryzenij-sovesti/> (дата обращения 12.11.2019)

содержат и поведенческие модели, и формы фольклорно-культурной легитимации, и адаптивно-компенсаторные механизмы психики. И если первые достаточно давно и подробно исследуются, например в социологии, то социально-психологические аспекты коррупционности в социогуманитарной теории редуцируются или к философско-аксиологическим метафорам «коррупции духа», или полностью смещаются в номенклатурное поле психологии. Тем не менее, для теории культуры именно эта составляющая имеет ключевое значение для понимания социокультурной специфики коррупционного сознания как элемента образовательной субкультуры вузов.

Мы считаем, что максимально эффективно решить указанную проблему с учетом ее субъектных аспектов позволяет концепция *мемов* Р. Докинза²⁹³, набирающая популярность в социогуманитарном знании. Примером служит статья В. М. Березина²⁹⁴, развивающая идеи А. Моля и Н. Лумана в дискурсе меметики. О меметическом понимании образования говорит и В. Н. Пугач²⁹⁵. Методологически полезным мы считаем определение мема в традиции социогенетики М.К. Петрова²⁹⁶, когда он «есть единица культурной информации, способная к самокопированию и распространению среди людей данной группы»²⁹⁷. Здесь социогенетическое описание коррупционного сознания позволяет рассмотреть его в комплексе параметрических связей социокультурного, институционального и субъектно-поведенческого уровней образовательной субкультуры вуза.

Актуальность для нас подобной методологии опирается на идею последователей Р. Докинза об аналогии мемов с культурными вирусами. Суть ее в том, что культурные идеи могут действовать и вопреки интересам

²⁹³ См.: Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ : CORPUS, 2013. 512 с.

²⁹⁴ Березин В. М. Новость и мем: научные заметки о рождении и сопряжении смыслов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 157–161.

²⁹⁵ Пугач В. Н. Качество образования: от классических представлений к современным понятиям // Интернет-журнал «Наукovedение». 2013. Вып. 3 (16). URL: naukovedenie.ru/PDF/76evn313.pdf (дата обращения: 20.12.2014).

²⁹⁶ См.: Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.

²⁹⁷ Поляков Е. М. Меметика: наука или парадигма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2010. № 2. С. 160–165.

индивида, в чьем сознании они интегрированы, паразитируют на человеке²⁹⁸. Следовательно, культурный мемплекс (со-приспособленный комплекс мемов²⁹⁹) коррупциогенной культуры ведет себя вирусологично: через воссоздание коррупциогенных условий среды, циркуляцию коррупциогенного паттерна мировоззрения и поведения субъектов образовательной субкультуры в пересекающихся областях значений институциональных контекстов «тройной спирали». В результате, по М. Броуди, коррупциогенный мем представляет собой «единицу информации в сознании, чье существование влияет на события так, что большое число ее копий возникает в других сознаниях»³⁰⁰. Предполагаем, что деструктивное, суженное социальное воспроизводство культурных социокодов в российских региональных вузах формирует благоприятную среду расширенного воспроизводства социально-психологического мемплекса коррупциогенной культуры у всех групп субъектов образовательной среды высшей школы.

Отметим, что паттерн коррупционного сознания в его меметическом понимании, вне зависимости от его конкретной мысленно-мировоззренческой формы, имеет собственные признаки. Они определяются не просто наличием, но и устойчивостью идентифицирующих его элементов. Коррелируя такое понимание к базовому концепту коррупционного сознания, этими элементами являются коррупциогенные оценки, установки, ценности и нормы.

Подчеркнем, что именно оценочный компонент коррупционного сознания играет решающую роль в идентификации его основных форм. Он обобщенно верифицирует отношение основных групп субъектов образовательной субкультуры к проблеме университетских бюрократии, патернализма и коррупции, но сложен даже для теоретической концептуализации, имеет глубоко латентный характер. Тем не менее, в такой постмодернистской символической игре «выигрывают» все субъекты

²⁹⁸ См.: Dennett D. The Evolution of Culture [Electronic resource]. URL: http://www.edge.org/3rd_culture/dennett/dennett_p1.html.

²⁹⁹ См. подроб.: Blackmore S. The Evolution of Meme Machines [Electronic resource]. URL: <http://www.susanblackmore.co.uk/Conferences/Ontopsych.htm>.

³⁰⁰ См.: Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М.: Поколение, 2007. 304 с.

коррупционного сознания. Для администрации создаются высокие показатели эффективности учебного процесса, преподаватель демонстрирует высокое качество своей работы, а студент получает искомый объект-симулякр потребления, обретая «обозначающее»-образованности без «обозначаемого»-образования³⁰¹.

Особо подчеркнем, что в итоге неформально реализуются формальные императивы спирализации для субъектов образовательной субкультуры вуза: например, руководство получит премию за «высокие» показатели, преподаватель повысит свой доход, капитализируя свой интеллект и, например, написав заказную ВКР, а студент предстает реальным клиентом, буквально покупая образовательную услугу, просто сразу в готовом виде, минуя ее процесс. В этом и состоит парадокс, обеспечиваемый постоянно стимулируемой модернизацией культурно-размерностью российской коррупциогенной модели нормативности. Суть его в том, что все формальные цели спирализации на субъектно-субъективном уровне в реальности достигаются. Однако процесс реализуется почти полностью минуя социокультурный аттрактор права, то есть в альтернативном ему ценностно-нормативном поле установок деструктивной солидарности.

Следовательно, основным методом антикоррупционной политики может быть истребление устоявшихся моделей патерналистски-имитационной солидарности в бюрократическом процессе обеспечения гомеостаза университетской субкультуры. Однако, особо подчеркнем, что не сам эмпирический факт субъективных оценок и статистики говорит о типичности коррупционного сознания как элемента образовательной субкультуры региональных вузов. Основной тезис заключается в том, что ее актуальная форма в виде имитационного консенсуса субъектов образовательной субкультуры, катализируемая контекстуальным состоянием социокультурной среды и процессами тройной спирали, сама не может существовать без соответствующего мировоззренческого обеспечения и транслируемых

³⁰¹ В традиции Ж. Бодрийяра

социально-психологических эффектов. Следовательно, коррупционное сознание есть необходимый элемент коррупциогенной культуры, паттерны и коды которой во многом формируют семиотико-топологическую морфологию деконструкций ценностно-нормативного пространства инновационного развития в университетской субкультуре. Детерминируемые такой средой рефлексивные модели субъектов образовательного процесса вузов требуют, соответственно, изучения их ценностно-нормативных оснований.

3.2. Ценностно-нормативные основания формирования коррупционного сознания субъектов образовательного пространства вуза

В первую очередь акцентируем, что на основании предложенного в параграфе 3.1 определения понятия коррупционного сознания, его структура состоит из двух основных макро-элементов. К таковым отнесены ценностно-нормативная и потребностно-мотивационная его сферы, которые определяют методологию дальнейшего исследования. Ценностно-нормативные аспекты приоритетны для междисциплинарного социокультурного анализа коррупционного сознания. В свою очередь, потребности и мотивы будут изучены нами далее, как связанные с ними индикаторы рефлексивных процессов его формирования.

В обоснование нашей позиции мы опираемся на уже «официально» общепризнанную в современной материалистической парадигме теоретическую модель человека как биосоциального существа. Далее возможно более четко внутренне структурировать ее в системном качестве. Наиболее общим представлением данной операции выступает выделение в ней собственно биологической и социокультурной компоненты. В свою очередь задачи нашего исследования требуют понимания процессуальных аспектов функционирования данной модели в отношении личности субъектов образовательной субкультуры, что требует определить содержательное наполнение указанных компонент.

Решение данной задачи в рамках нормативного подхода может быть представлено на рисунке 3.3.

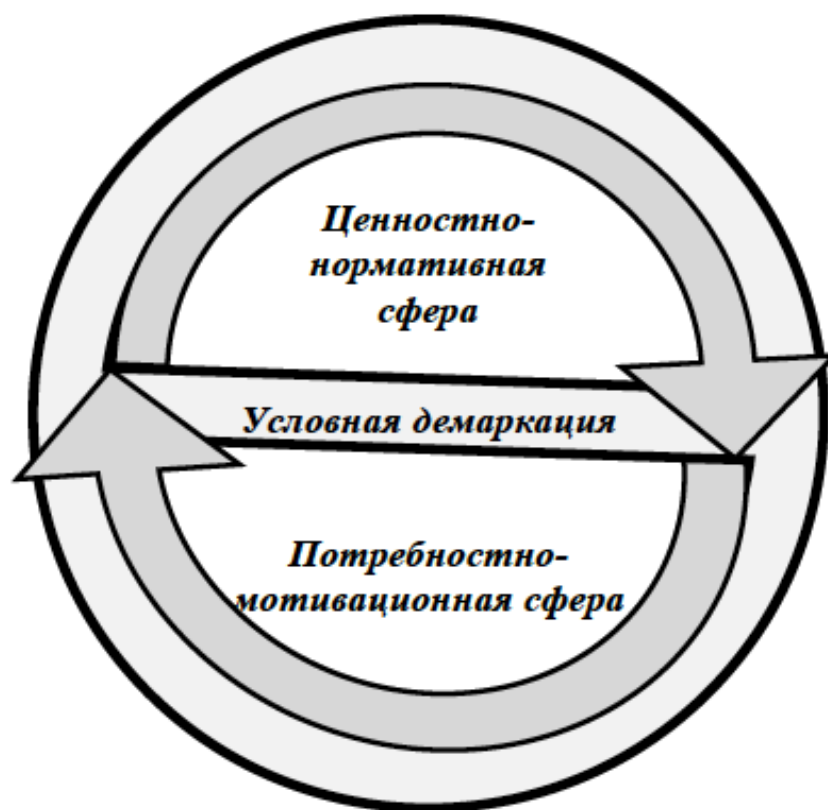

Рис. 3.3 Системно-структурная модель личности

Данный рисунок иллюстрирует конкретизацию содержательных аспектов системно-структурного строения личности как продукта биосоциального синтеза. При этом биологически детерминированным выступает в большей степени потребностно-мотивационный компонент, культурно-детерминированным — ценностно-нормативный. Сама граница между ними в процессе детерминации поведения является достаточно условной, что наиболее полно отражается в процессуальных, динамических аспектах субъектной деятельности.

Представленная модель может быть представлена как адаптированный в нашим задачам редукт фрейдисткой психологической модели личности, где Супер-Эго представлено культурной надстройкой ценностно-нормативного комплекса личности, Ид — потребностно-мотивационной в истинно

биологическом понимании, а сознание (Я) как таковое заключено в зоне демаркационных процессов и может быть выражено через феномены воли, как регулятора поведения (выражения продукта сознания) в рамках социокультурного пространства.

Однако в социокультурном ракурсе, потребностно-мотивационная сфера личности может пониматься гораздо шире собственно биологического фундамента динамических процессов внутри структуры. Этот компонент системы также социально окрашен и в случае иерархического подчинения ценностно-нормативным влияниям, где биологические потребности ограничиваются культурно-детерминированными субъективными структурами, и в случае признания реальности так называемых «высших» или «социальных», «духовных» потребностей (например, потребности в творчестве). Данное положение играет ключевую роль в понимании социокультурных процессов формирования мотивации к тому или иному виду деятельности, в частности коррупционной, так как дает возможность преодолеть биологический редукционизм (например, социологический бихевиоризм) в его ортодоксальных проявлениях, граничащих с механицизмом.

Кроме того, приведенные выше конструкции позволят точнее описать механизмы формирования устойчивых коррупциогенных ценностно-нормативных образований в структурах личности или групповом сознании, непосредственно или опосредованно детерминирующих мировоззренческие и поведенческие системы, которые к тому же обладают высокой степенью толерантности к средовым влияниям. Иными словами, далее возможным становится описывать уже механизмы не внутриличностного, а субъект-объектного процесса формирования *ценностно-нормативных оснований коррупциогенной направленности* индивидуального и коллективного поведения.

Следовательно, необходимо операционализировать само содержание понятий ценностей и норм в значимых для исследования аспектах. В частности, по мнению В. Т. Лисовского, «система ценностей человека является

"фундаментом" его отношения к миру. Ценности – это относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ»³⁰². По В. П. Тугаринову, «ценности – это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала»³⁰³. В свою очередь, В. С. Грехнев отмечает многомерность социальной ценности и подчеркивает ее субъективную значимость для формирования ценностной ориентации: «Основой всех ... мер является значимость (цена) того или иного объекта реальности, в которую погружен ранжирующий его субъект (индивид, группа, общество). ... ценностная ориентация – особое социальное отношение ... к определенным ценностям, которое представлено в сознании в виде объекта, необходимого человеку для удовлетворения его потребности. Ценностная ориентация как отношение возникает ... в связи с актуализацией значения определенного объекта в сознании индивида, его включения в деятельность человека. ... это всегда субъект-объектное отношение, характеризующее двойственную структуру любой ценности»³⁰⁴.

Социальные нормы А. А. Крылов удачно определяет через их статус социального факта, подчеркивая объективность и над-персонифицированность, включая их в «... один из многих классов норм (технические стандарты и нормы и т. д.), которые реализуются в человеческих взаимоотношениях, социальном взаимодействии. ... Это социальные эталоны, установления модального должного, с точки зрения общества, поведения (приемлемого или запрещенного), которые выполняют функцию интеграции, упорядочивания жизни групп, индивидов, общества»³⁰⁵.

³⁰² Лисовский В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) // Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. Серия «Мыслители». Вып. 1. СПб.: С.-Петербург. философское об-во, 2000. С. 40–44.

³⁰³ Цит. по: Лисовский В. Т. Указ. соч.

³⁰⁴ Грехнев В. С. Ценностные основания образования и образованности людей // Философия и общество. 2010. № 3. С. 42.

³⁰⁵ Крылов А. А. Указ. соч.

Несмотря на то, что теории ценностей и норм достаточно разнообразны, их глубокое исследование не входит в предмет нашего исследования. Мы принимаем представленные определения как рабочую операционализацию базовых понятий.

Важнее то, что в реальных связях институциональной системы вузов общекультурные нормы и ценности реплицируются в субкультурные ценностно-нормативные контексты. Соотношение социокультурного и субинституционального ценностно-нормативных уровней образовательной субкультуры вузов имеет ключевое значение для формирования коррупциогенных деформаций сознания его субъектов в спиральной модели. В этом случае они будут соотноситься как среда и контекст: среда поглощает контекст как свою характеристику. Пространство является еще более общим понятийным конструктом и может употребляться в наиболее общих смыслах. С позиций нормативного подхода в институциональную структуру университета мы включаем следующие наиболее устойчивые элементы ее культурной организации:

- Подсистема институциональных ценностей: представляет собой совокупность референтных для данного института идеалов и целей, сформированных для него обществом, внутренне им интегрированных и выступающих социокультурным стимулом его существования и развития.

- Подсистема институциональных норм: понимается как комплекс принципов, установлений и иных нормативов, регулирующих реализацию функций социального института, сформированных для него обществом и внутренне им интегрированных.

- Подсистема институционального контроля: реализуется в сопоставлении результатов процесса реализации функций института с его ценностно-нормативной матрицей, их оценки и регулирования. Подсистема реализует, по сути, механизм отрицательной обратной связи всей институциональной системы высшего образования.

Кроме того, эти подсистемы находятся в вертикальном соподчинении, и наличие таких связей является наиболее важным аспектом поддержания ее ценностно-нормативного гомеостаза (устойчивости структуры) и формируют ее качественную, функциональную специфику.

Структурная детерминация представляет собой процесс последовательного формирования низших уровней иерархической структуры высшими. Когерентно структурному процессу формируются детерминируемые им функциональные отношения регуляции и контроля внутри иерархии системы (рисунок 3.4).

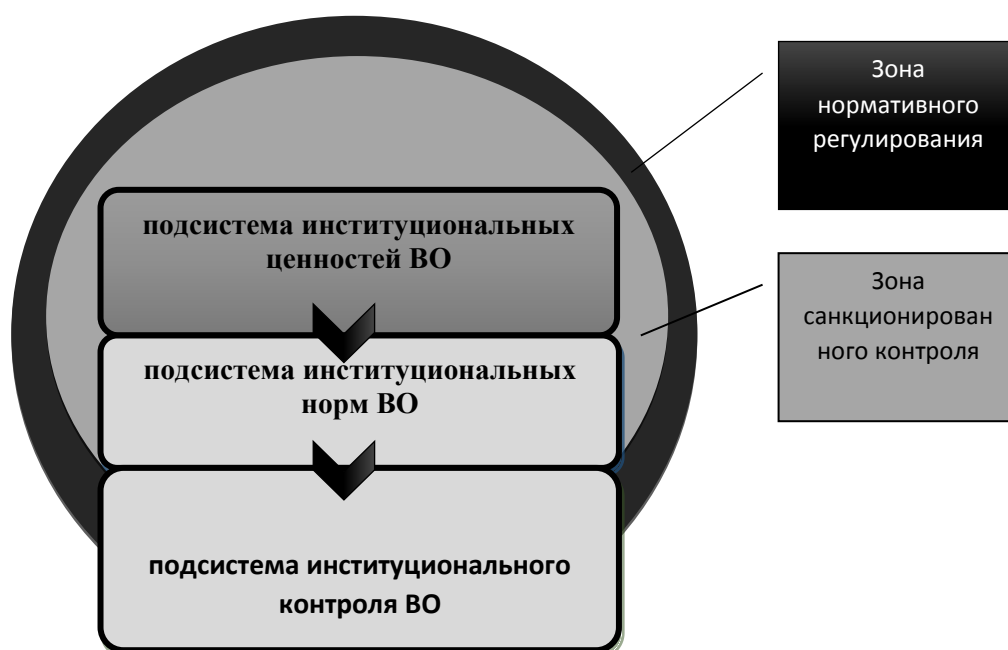

Рис. 3.4 Структурная детерминация институциональной системы высшего образования

Согласно рисунку 3.4, сами институциональные ценности вузов определяются объективной значимостью общекультурных ценностей. Они отражают наиболее важные области и типы общественных отношений, сформированных в историческом процессе и обусловленных сложной биосоциальной сущностью человека. При этом нормативы возникают как формализация ценности в процессе механизма ее поддержания. Контроль же является охранной функцией по отношению к двум другим, чтобы обеспечить

санкционированное принуждение к исполнению норм, воплощающих институциональные ценности. Формируется как бы обратный механизм: будучи детерминированной предшествующей, каждая последующая функция в итоге составляет подсистему защитного механизма первой, базовой.

На основании этого методологическая модель описания ценностно-нормативных оснований формирования коррупционного сознания субъектов образовательного процесса схематически может быть представлена следующим конструктом:

- нормы среды (общества и вузовской системы);
- нормы субъекта (администрация, преподаватели, сотрудники и студенты);
- ценностно-нормативное наполнение коррупционного сознания (ценностная ориентация в социокультурном, групповом и личностно-субъективном аспекте) (рисунок 3.5).

Рис. 3.5 Методологическая структура описания ценностно-нормативных оснований формирования коррупционного сознания субъектов образовательного процесса вузов

В такой структурно-конструктивистской модели необходимо учитывать ее системно-параметрическое и иерархическое строение, наличие взаимообратных связей. Здесь одни параметры управляют другими, а те в свою очередь делегируют первым свои степени свободы. На рисунке 3.6 представлена методологическая схема описания системы прямых и обратных связей процесса коррупциогенных деформаций ценностно-нормативной среды высшей школы в ее институциональном, субинституциональном и субъективном аспектах.

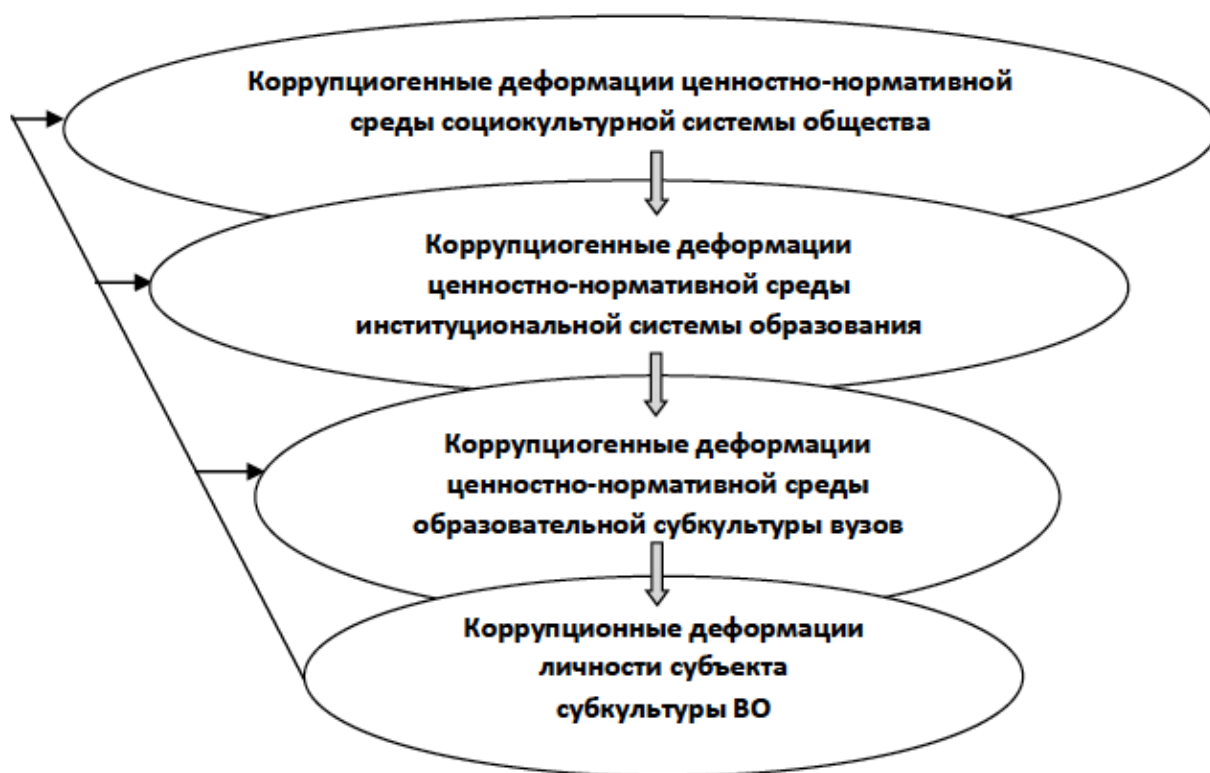

Рис. 3.6 Детерминация коррупционных деформаций ценностно-нормативной среды ВО

Согласно логике представленных на рисунках 3.5 и 3.6 методологических схем, определенное состояние ценностно-нормативного пространства

российского социума отражается в его институциональном сегменте образования, а также субкультурном контексте образовательной культуры региональных вузов.

Тогда, согласно представленной ранее таблице кросс-факторного анализа ценностно-нормативных матриц трансляции культурно-цивилизационных социокодов, в вузовской субкультуре аккумулируется определенное состояние ценностно-нормативной среды как институциональной (в первую очередь, «тройной спирали»), так и субинституциональной системы (высшего образования). При линейно-детерминистском подходе их аксиологическое содержание как минимум удваивается, при условии его идентичности в обеих подсистемах. То есть, в коррупциогенном обществе образовательная субкультура также будет высоко коррупциогенна. Такая экстраполяция в отношении формирования ценностно-нормативных оснований формирования коррупционного сознания субъектов образовательного процесса нуждается в аналитической проверке. Однако и сам базовый концепт требует четкой операционализации.

На основании процитированных выше позиций, представленных в научной литературе, мы также понимаем ценностно-нормативные основания формирования коррупционного сознания двойственно. Они включают и культурно определенное содержание социальных ценностей и норм, и субъективное отношение к ним, их оценку субъектом социальных практик, формирующие его ценностную ориентацию.

С позиции принципа параметрически-иерархической организации сложных систем понятийный конструкт «ценностно-нормативные основания» коррупционного сознания комплексно понимается нами как:

1) ценностно-нормативный ландшафт ориентирующе-регулятивного блока культуры общества как *иерархическая, ранговая структура ценностно-нормативных императивов и диспозиций*;

2) морфология ценностей и норм как компонентов *общественного мировоззрения* в институциональных контекстах тройной спирали;

3) оценочное состояние ценностно-нормативных диспозиций и императивов, ценностная ориентация индивидуального или группового мировоззрения в границах образовательной субкультуры вузов.

В научной периодике представлены позиции, учитывающие построенную нами параметрическую схему. В них проблема ценностно-нормативных оснований коррупционного сознания иллюстрируется в хронотопе социалистического и постсоциалистического этапов современной России: «...однородное социалистическое общество, находящееся в рамках схожих социальных условий, под воздействием единого идейно-мировоззренческого пространства в совокупности с большой скоростью трансформационных процессов определили генезис распространения коррупционных моделей поведения во всей системе стратификации современной России. Высокая динамика происходящих процессов социальной дифференциации постиндустриального общества способствует нормативно-ценностной гомогенности различных социальных общностей в аспекте коррупции. Коррупционное поведение имеет в своей основе рационально-экономическое целеполагание индивидов»³⁰⁶.

Действительно, современная модель тройной спирали полностью отвечает рационально-экономическим критериям университетской реформы и модернизированному ценностно-прескриптивному пространству вузов. Кроме того, в приведенной цитате акцентируется превалирующий тип поведения, детерминируемый нормативно-коррупциогенной средой. Этот аспект крайне важен, так как поведение и является связующим духовно-идеальных структур культуры (социальных фактов) со средой реальных социокультурных практик. Поведенческие формы как опредмеченные репрезентации ценностно-нормативной сферы сознания служат индикатором состояния латентных мировоззренческих феноменов. Кроме того, в демократическом обществе именно поведение служит объектом социальной оценки на соответствие ценностям и нормам общества. Оно опосредует реальные связи субъективных и

³⁰⁶ Аверьянов М. В. Указ. соч.

социальных ценностно-нормативных матриц. Можно юридически преследовать за определенные формы коррупционного поведения, но не за исповедуемые нормы и ценности.

В развитие приведенного тезиса приведем позицию О.В. Ванновской. Она подчеркивает, что «существует постоянное расхождение между декларируемыми моральными и правовыми нормами и ценностями, с одной стороны, и реальной мотивацией поступков индивида – с другой. С этой точки зрения определять коррупционное поведение однозначно как девиантное не всегда представляется возможным: если коррупция стала «нормой» социальных отношений, то коррупционное поведение тоже является «нормой», пусть и искаженной с точки зрения морали и права. В определенном смысле коррупция – это разрушение, искажение, повреждение общепринятых социальных норм и последующее их негласное культивирование в определенном сообществе. Поэтому коррупционное поведение является отражением качества связей в системе «человек – социальная группа – государство – общество»³⁰⁷.

В целом позиция О.В. Ванновской созвучна мнению М.В. Аверьянова о гомогенности коррупциогенной нормативности в современном обществе, что подтверждает общий контекстуальный для России фон культуры. Тем не менее современная ситуация в вузовском образовании кардинально отличается от таковой пятнадцатилетней давности, когда повсеместно критиковалась дистанцированность высшей школы от социально-экономических процессов в стране: «Система образования, как и другие подсистемы общества..., имеет тенденцию к усилению автономизации развития. Обнаруживший себя в последние годы диктат образовательного сообщества в деле перепрофилирования и расширения подготовки специалистов – достаточно четкое свидетельство такой растущей автономизации, которая указывает, в

³⁰⁷ Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328.

частности, на все большую разобщенность в развитии по отношению к другим подсистемам общества»³⁰⁸.

Осознавая такой разрыв, власть и инициировала масштабную образовательную реформу. Однако, ситуация, наблюдавшаяся согласно цитируемому автору в 2004 году, сегодня кардинально не изменилась: «... подготовка специалистов в такой системе образования все в меньшей степени обеспечивает их сочетание с рынком труда, все чаще может предлагать своим воспитанникам девальвированные дипломы, тупиковые с точки зрения будущей занятости каналы подготовки к специальности»³⁰⁹.

Иными словами, проблема ценностного наполнения высшего образования в контексте вопроса «цены диплома» в современной идеологии технологического прорыва продолжает обостряться. И именно этот момент является ключевым в процессе коррупциогенных деформаций правосознания субъектов образовательного пространства университетов. В приоритете формирования духовного базиса профессий в вузах сегодня во многом аморфные, сложно идентифицируемые ценностные идеологемы саморазвития. При этом, как мы доказывали ранее, понимаемые преимущественно через коннотации лидерства. Их дополняют безусловно необходимые, но в реальности нередко конъюнктурно-популистские нормативные симулякры инноватизации. Последние в условиях атмосферы клиенто- и сервис-ориентированности логично определяют консьюмеристские клише потребительства и атомизации социальных связей.

По нашему мнению, вся ранговая шкала этих ценностей позволяет четко идентифицировать их индивидуалистическую направленность. Это противоречит культурным ориентирам университетской традиции хотя бы советской системы высшего образования, где коллективистские установки, умение взаимодействовать в профессиональной среде и сфере личностного общения для достижения общезначимого результата выступали основным

³⁰⁸ Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 130–131.

³⁰⁹ Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. С. 130–131.

требованием к выпускнику и специалисту как социальному субъекту. Сегодня же при внешнем положительном антураже личностно-ориентированные ценности саморазвития, индивидуального творчества иллюстрируют укрепление тенденций межличностной конкуренции и соперничества как моделей «лидерства» в топологии символов «успеха». Именно они характерны для патерналистско-коррупциогенной среды российской тройной спирали в условиях фетишизации символов «богатства» и «карьеры» как критериев статуса в вульгарном капитализме общества потребления Индустрии 4.0. На основании этого с высокой вероятностью можно предполагать, что и сами ценности коррупциогенной культуры не вызывают массового мировоззренческого отторжения в вузовской субкультуре. Коррупциогенность понимается как норма.

Например, это иллюстрирует современный имидж коррупционера в российском правосознании, если обобщить приводимый ранее по тексту фактологический материал. Так, противоречивость социального образа коррупционера в общественном сознании нередко объясняется позицией порицания у населения лишь так называемой «крупной», «властной» коррупции и толерантным отношением к иным категориям коррупционеров, вынужденным вовлекаться в коррупционные отношения. Также предполагается, что существуют объективные причины совершения коррупционных преступлений, опосредованных сложными условиями жизни основной массы населения России. Это и характеризует оценочный контекст «нормальности» коррупции в стране, привычность восприятия устойчивых коррупциогенных традиций для российского правосознания. В результате преобладающим является если и не положительный социальный имидж коррупционеров, но коррупция воспринимается *нормативом* поведения, позволяющим преодолеть кризис возможностей материального обеспечения, соответствующим требованиям поддержания достойного уровня жизни. Если вспомнить, что подавляющее число ППС вузов отмечают приоритетными в университетской реформе проблемы материально-финансового характера и

ценностной дихотомии, то легитимация в их сознании деструктивных стандартов культуры будет выглядеть закономерной.

При этом, например, В. Т. Лисовский отмечает, что дестабилизация каких-либо институтов не говорит о снижении или утрате их общественной ценности. Он выражает актуальное для современной кризисной высшей школы мнение: «Наоборот, активная общественная критика может означать наличие ценностного конфликта в этой области, т. е. "чувства отклонения от идеала", несоответствия общественной потребности и наличию имеющихся обстоятельств. Одновременно это может означать смену ориентаций в данной области, а вместе с ней переосмысления и даже укрепления ценности данного явления»³¹⁰. Фактически сегодня и наблюдаются такие эффекты: ценность интеллектуального потенциала в условиях технологического скачка экспоненциально возрастает. В тоже время качество высшего образования и профессионально-нравственный уровень выпускников неуклонно снижается. Алогичность клипового сознания в феноменологии повседневности замещает целостную картину мира: «Усиление иррационализма в современном обществе сопровождается деинтеллектуализацией общества. Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время. Люди, особенно молодежь, не желают заниматься интенсивной умственной деятельностью»³¹¹.

Результаты исследования мы считаем иллюстративными и в границах предложенной А.В. Николаевым категории «коррупции духа», характеризующей ценностно-нормативный фон коррупциогенной культуры для общественного правосознания. То есть можно констатировать проблему *сужения биографических контекстов* в семиотике «априорного лидерства», утилитарно-потребительское отношение к университетскому образованию и высокий уровень терпимости к коррупции.

³¹⁰ Лисовский В. Т. Указ. соч. С. 44.

³¹¹ Гобозов И. А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 5. С. 17.

Отметим, что все это происходит на фоне критической оценки государственной антикоррупционной политики. Обобщенно основными причинами неудач ее реализации в университетах выступают:

1. Низкие доходы основной части населения, «бюджетников».
2. Снижение ценности социального статуса представителей творческого и интеллектуального труда.
3. Беснаказанность коррупционеров.
4. Низкая правовая культура сотрудников и студентов.
5. Сознательное создание условий коррупционной сделки со стороны как взяточников, так и взяткодателей.
6. Лояльное законодательство в отношении коррупционеров.

Мы полагаем, что низкие доходы основной части населения, в первую очередь так называемых «бюджетников», наряду со снижением ценности достижения высокого социального статуса и престижа субъектов интеллектуальной деятельности, творческого труда и безнаказанностью коррупционеров, является наиболее существенным барьером в борьбе с коррупцией. Данные позиции могут быть объединены в общую (первую) факторную группу. Критерием выступает как статус оценки в ранговом распределении, так и объективность оцениваемого фактора в отношении субъектов университетской среды. Вторая факторная группа включает в себя причины, учитывающие критерий субъективности коррупционных процессов в вузах. Здесь объединены низкая правовая культура участников образовательного процесса и сознательная провокация коррупционных сделок. Третья факторная группа представлена оценками политико-правовых причин, заключающихся в лояльности антикоррупционного законодательства, что, тем не менее, подтверждает популярный в настоящее время тезис о проблемах с соблюдением закона, а не с его несовершенством.

Подчеркнем, что желание достигнуть нормативного уровня своего статуса в традиционном его понимании у ППС вузов в условиях аккумулируемой спирализацией аномии несет риски существенной коррекции

и их правовых ценностей. Будучи наиболее типичными в адаптационной коррупциогенной стратегии, конформность и инновация по Р. Мертону провоцируют основные модели деформаций ценностно-нормативных оснований правосознания субъектов образовательного пространства. В результате *коррупционное сознание трансформирует норму как рациональный критерий достижения показателей статуса в нормативную, прескриптивную ценность деструктивных практик*. Такая ценность выступает уже не просто как альтернативная диспозиция, а как интериоризированный императив коррупционного сознания.

В связи с этим меметический взгляд на проблему крайне важен для понимания ценностно-нормативных оснований формирования коррупционного сознания субъектов образовательного пространства вузов. Они характеризуют внутренний ценностно-нормативный конфликт изучаемого типа правосознания. Этим наглядно иллюстрируется упомянутая выше противоречивость национального культурного сознания в отношении коррупции. Также проявляется нормативно-императивная, а не абстрактно-ценностная природа коррупционного сознания. Показательно то, что *социальный субъект образовательных практик вуза внутренне подчинен интериоризированному нормативу традиции национальной коррупциогенной солидарности, в целом мировоззренчески зачастую не принимая ее ценностных диспозиций пирования-дарования*.

Такой тезис можно интерпретировать разнопланово. Например, его можно объяснить стандартной, «вечной» для студента потребностью избежать сложностей аттестации, даже при отсутствии проблем с ней. С другой стороны, ситуация может свидетельствовать о *формировании определенной ценностной консьюмеристски-имитационной ориентации, потребительском гедонизме в отношении высшего образования, усугубляемом ценностной топологией общества потребления и социокультурной аномии перманентной модернизации*. В любом случае, такую тенденцию деформаций мировоззрения, если говорить о будущих специалистах, выявления у них коррупциогенных

ценностных паттернов стоит признать тревожной в отношении формирования коррупционного сознания.

Кроме того, сам факт признания студентов субъектами образовательного процесса вузов крайне дискуссионен и правомерен лишь в императивно внедряемой в вузах в последние годы субъекто-ориентированной клиентистской парадигме образования. В то же время традиционно студент всегда понимался объектом учебного процесса, как и всего университетского образовательного пространства. Более того, набирающая обороты автоматизация технологизированной образовательной услуги, особенно на фоне продолжающейся пандемии коронавируса, вообще ставит под сомнение правомерность сохранения онтологий социальной субъектности в вузах недалекого будущего. Ее статус с большой вероятностью может быть замещен моделями оператора в алгоритмах информационных образовательных технологий.

В логике используемого в диссертации параметрического анализа можно весьма точно установить иерархические статусы элементов в системе ценностно-нормативных оснований коррупционного сознания:

1. Сама *российская традиция коррупциогенной культуры* в патерналистски-бюрократических паттернах «пирования-дарования» является высшим уровнем управляющих параметров, наполняя их содержанием интегрированные в нее институциональные контексты субъектов тройной спирали.

2. Параметрами порядка будут выступать *нормативные регулятивы коррупциогенной культуры* как семиотического шва российской модели тройной спирали в ценностно-прескриптивном пространстве вуза.

3. *Ценности традиционной высшей школы* имеют статус управляемых параметров, испытывая дискриминационно-административное воздействие императивов предпринимательской культуры спирализации в семиотикотопологическом ландшафте политической стратегии экономического Прорыва РФ.

Показательно то, что в такой ситуации ценности так называемой инновационной культуры в вузах РФ не имеют практически никакого альтернативного паттернам коррупциогенной культуры значения. В частности, на примере отдельных региональных вузов доказывается, что в оценках ППС и студентов вовлеченность в инновационную деятельность для первых составляет в среднем десятую часть, а для вторых вообще ничтожно мало и стремиться к нулю. В качестве проблем отмечается, в первую очередь, недостаточная эффективность руководства вуза по мотивированию обеих номинальных групп к инновационной активности. Основным мотивом ее повышения практически все участники исследования отметили существенные реальные денежные надбавки к окладу, оплату публикаций и конференций, командировок и т.д. В результате анализа влияния ценностей инновационной культуры регионального вуза на эффективность конъюнктурных трендов инноватизации авторы приходят к выводу, что в реальности, не чувствуя себя свободными, мотивированными и готовыми к творчеству, субъекты образовательного пространства испытывают всего лишь «настрой на выживание», приводящее к «инновационной стагнации и порождению псевдоинноваций»³¹².

Очевидно, что авторитарно-революционная стратегия спирализации, при всей очевидности своей необходимости, все еще не только не оправдывает себя в плане эффективности, но и погружает вузовскую систему в условия деструктивной ценностно-нормативной аномии. Наблюдается эффект отчуждения ППС и студентов как от реальных региональных социально-экономических процессов, так и от традиционных культурных ценностей в социокультурном воспроизводстве социокодов. Например, согласно цитируемым исследованиям отдельных региональных вузов России³¹³, около

³¹² См.: Михайлов В.А., Михайлов С.В. Инновационная культура регионального вуза: современное состояние и перспективы развития // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. №. 12. С.787-790; Михайлов С.В. Проблемы формирования инновационной культуры в региональном вузе (на примере ТвГУ) // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. №. 11. С.903-905.

³¹³ См.: Михайлов В.А., Михайлов С.В. Инновационная культура регионального вуза: современное состояние и перспективы развития // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. №. 12. С.787-790.

половины ППС и еще больше студентов просто не знают о локальных нормативных актах в отношении миссии своего вуза.

В результате мы приходим к выводу, что в структуре ценностно-нормативных оснований формирования коррупционного сознания субъектов образовательной субкультуры вузов ведущая роль принадлежит именно *нормативам* коррупционной культуры. Выступая катализированной процессами спирализации вузов семиотико-топологической моделью их адаптации к обусловленной реформами ценностно-нормативной аномии, она распространяется на все уровни параметрической системы образовательной субкультуры ввиду ее культурно-размерности и исторической репрезентативности как типично-российского ответа на кризисы модернизаций. Университетские же ценности преимущественно остаются свободны от коррупционного содержания. Однако они все более активно деформируются императивами предпринимательской культуры и клиентоориентированности как ценностной парадигмы формируемых предпринимательских университетов третьего поколения.

В целом такой процесс рекурсивен естественно-цивилизационному механизму формирования ценностно-нормативного ландшафта любого социального института и является культурно-революционным. Формула, когда «Основные ценности... субъект переводит ...в приемлемые для себя нормы»³¹⁴ начинает работать в обратном направлении: от внедряемых норм к обязательным ценностям. С последним, по нашему мнению, и связаны типичные для революционных моделей реформирования атмосфера «страха» и «настрой на выживание» в университетской среде. Они не только актуализируют традицию коррупционной культуры и разрушают принципы гумбольтовского университета, но и стимулируют все новые модели ее рефлексивно-адаптивной репрезентации в парадигмах отечественного высшего

³¹⁴ См.: Карпушина Л. В. Ценностный мир современной студенческой молодежи // Молодежь – позитивная сила развития российского общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Козлова. СПб., 2009. 424 с.

образования в сменяющихся циклах цивилизационно-технологических укладов догоняющей российской модернизации.

Результатом такого состояния дел является феномен, удачно характеризуемый В.Г. Будановым как эффект ценностной тесноты в образовании эпохи Большого транзита³¹⁵. Концепт в целом коррелирует к социологическим теориям аномии, но глубже акцентирует редуцированный к конъюнктурным идеологемам модернизации ценностный набор симулякров имитационно-бюрократических университетских практик. Следовательно, ценностно-нормативные основания формирования коррупционного сознания субъектов образовательного пространства вузов в целом можно описать лишь двумя основными, но жестко коррелирующими их группами: *нормативами коррупциогенной культуры и ценностями профессионального выживания* в контексте регулятивно-ориентирующей дихотомии университетской реформы.

3.3. Коррупциогенные формы рефлексии модернизации образовательного пространства вуза

Проблема рефлексии традиционно являясь предметом преимущественно психологии, а также философской антропологии, тем не менее не является маргинальной и в иных отраслях социогуманитарного знания. Акцент в последнем случае делается не столько на изучении восприятия и оценок социальным субъектом общественных практик как таковых, сколько на их отражении в его сознании, формировании определенной индивидуальной или групповой морфологии общественного мировоззрения. Отдельно подчеркивается в этом аспекте необходимость расширения дисциплинарных матриц социогуманитарных наук до междисциплинарного, или даже трансдисциплинарного уровня³¹⁶. Данный мета-уровень «позволяет субъекту

³¹⁵ См.: Буданов В.Г. Образование эпохи Большого транзита: риски, формы, технологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. Том 31. Выпуск 2 (199). С.37-51.

³¹⁶ См. напр.: Анистренко Т.Г. Социологическая интерпретация социальной рефлексии [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016 №.6-7. URL: <https://www.online->

познания преодолевать свои непосредственные оценочные реакции и погружаться в сплетение сложнейших, опосредованных многими практическими и духовными факторами содержательно-смысловых зависимостей»³¹⁷.

Также и Т.Э. Сизикова предлагает постнеклассическую мета-модель рефлексии, понимая ее синергийную мета-онтологию как динамическое единство сознания, мышления, деятельности и личности, изучаемое на основе модального подхода. К основным модальностям она относит «модальность реальности, модальность возможного, модальность необходимого и соответствующие им отрицательные категории»³¹⁸, а саму сущность рефлексии отражает в двойственности ее понимания как механизма и процесса. Т.Э. Сизикова приходит к методологически важному для нас определению рефлексии «как как способа ориентирования и совершения выбора из множества возможностей, необходимого и достаточного для самоорганизации жизнедеятельности»³¹⁹. При этом автором акцентируется произвольность рефлексивного выбора в противоположность безусловности рефлекса, и предлагается конструкт «*фокус рефлексии*», фиксирующий ее актуальное состояние.

В нашей работе под мета-моделью коррупциогенной рефлексии мы понимаем теоретическую экспликацию процессов и механизмов восприятия, осознания, интерпретации и интериоризации внешних (социокультурных) и внутренних (духовных) условий жизни социального субъекта, опосредующих формирование его коррупционного сознания и выбор коррупционного поведения.

Подчеркнем, что приведенные выше цитаты позволяют говорить о двух базовых мета-уровнях макро-модели коррупциогенной рефлексии

science.ru/userfiles/file/wp71ojjiglhsatoouz7qia7zpthysba6.pdf; Анистренко Т.Г. Социальная рефлексия: трансдисциплинарный подход [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2016. - №8-9. URL: <https://rucont.ru/efd/486817>

³¹⁷ Сунцов Ю.В. Специфика понятия «рефлексия» в современной социологии // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2014. №25 (354). Вып. 35. С.159-163. (163)

³¹⁸ Сизикова Т.Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии // Сибирский психологический журнал. 2018. №68. С. 8.

³¹⁹ Сизикова Т.Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии // Сибирский психологический журнал. 2018. №68. С. 9.

модернизации образовательного пространства вуза – мировоззренческом (духовном) и поведенческом (практическом). Подчеркнем, что в логике концепции Т.Э. Сизиковой данные уровни можно понимать как частные, или уровневые модели в общей мета-структуре. Соответственно, эксплицируя их характеристики, правомерно в ряде случаев использовать понятия практических и / или духовных «уровней» и «моделей» синонимично. В любом случае важно акцентировать то, что их связь в сложной системе социальной субъектности динамична и рекурсивна. Гносеологически она успешно может быть представлена в формулировке имитационного консенсуса по В.П. Бабинцеву, но уже шире возможностей его эпистемологической деконструкции. То есть «возможности» как категориальной единицы, концепта описания рефлексии в интересующем нас аспекте. В нем для нас содержательно отражены эффекты замкнутой детерминации ценностно-нормативных оснований коррупционного сознания и коррупциогенно-коррупционного поведения в университетской среде. Коррупциогенная имитационность понимается как *психологическая и практическая возможность редукции состояний страха и реализации целей профессионального выживания* в условиях ценностной тесноты спиральной модернизации в логике концепта «социального изменения как травмы»³²⁰ П. Штомпка.

Далее приведем подробный анализ и обоснование нашей позиции. Для этого необходима «дифференциация проблемы на такие составляющие, как внешняя и внутренняя детерминация деформаций нравственного и правового сознания, механизмы субъектно-средовых процессов формирования установок коррупционного поведения...»³²¹. Здесь условно речь идет о факторном анализе моделей коррупциогенной рефлексии университетской среды сквозь призму трансформации и репрезентации деструктивного фона вузовской модернизации «...в тех ценностных ориентациях, нормах, установках, моделях поведения, которые личность усваивает для себя»³²².

³²⁰ См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. №1. С.6-16.

³²¹ Коррупционное сознание как компонент современного мировоззрения... С. 28.

³²² Там же. С. 26.

В логике параметрического анализа далее возможно видеть некую иерархию смысловых диспозиций и императивов, формирующих фокус рефлексии основных субъектов образовательного пространства вузов, где «при такой интерпретации смыслов проблема сводится к выделению этих самых главных, самых важных, основных ценностей, которым все остальные, расположенные на разных горизонтальных уровнях значимости, подчиняются»³²³. Ценностная ориентация тогда есть форма рефлексивного отражения общего состояния социокультурной среды и контекста вузовской субкультуры, и «возникает на основе корреляции человеком объектов действительности в связи не только с его потребностями и целями, но и с собственными (правда, не всегда соответствующими им) знаниями, информацией и жизненным опытом»³²⁴.

Опыт, в свою очередь, понимается эмерджентно, целостно. Он (и экзистенциально, и поведенчески) образует определенный мировоззренческий фильтр репрезентативных для агента моделей социальной субъектности. Термин «агент»³²⁵ используется нами в границах концепта травмы П. Штомпка как носитель и транслятор признаков и функций социального института высшего образования. В числе таких агентов и выступают субъекты ценностно-нормативного и образовательного пространства вузов (ППС, студенты, администрация, сотрудники).

Ценностно-нормативное пространство вузов как референтное пространство опыта, актуальное в формировании фокуса рефлексии субъектов образовательной среды, структурно возможно описать в оптике концепта ценностной тесноты В.Г. Буданова. Этот феномен в параметрической системе социокультурных связей института высшего образования понимается нами в нескольких наиболее важных аспектах:

1. Ценностно-нормативное сопровождение функций отечественных вузов в модели тройной спирали представлено маркетинговыми клише

³²³ Кульпин Э. С. Указ. соч. С. 49.

³²⁴ Грехнёв В. С. Указ. соч. С. 42–43.

³²⁵ См. Штомпка П. Указ. соч.

однотипного набора консьюмеристских практик, обслуживаемых идеологемами «Успеха», «Карьеры», «Статуса», «Лидерства», «Уникальности личности» в масштабе политики все еще культурно аморфных, социально неподготовленных императивов модернизации. Они легитимируют для субъекта (в первую очередь, студентов) духовно выхолащенные, но экономически калькулируемые в предпринимательской культуре сугубо индивидуалистические смыслы.

Для примера приведем работу В.В. Кривошеева³²⁶, анализирующего исследования ценностей молодежи в период с 1960-х по 1980-е годы. Основными приоритетами для большинства из них были в 60-е годы интересная работа, уважение окружающих и любовь. В 80-е состав ценностей не изменился, несколько поменялась лишь иерархия структуры: по-прежнему интересная работа, а любовь и семья заняли вторую позицию, человеческое уважение – третью³²⁷. При этом к середине 1990-х гг. почти половина студентов вузов основной ценностью признавали «умение делать деньги», и порядка четверти из них были готовы прибегнуть к криминальным способам ее достижения «если жизнь прижмет»³²⁸. В свою очередь, к концу 2010-х годов подавляющее большинство и родителей современных студентов основными ценностями выпускника вуза считали высокие доходы, а необходимыми качествами специалиста называют лишь «полезные для карьеры», среди которых антикоррупционных ценностей нет в принципе, что когерентно мнению и самих студентов³²⁹. Профессионализм и уважение в обществе, по сравнению с приведенными В.В. Кривошеевым данными, редуцированы по

326 См.: Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты как основа аномии в современном обществе [Текст] / В. В. Кривошеев // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 6. – С. 69–77.

327 См.: Соколов В.М. Социология нравственного развития личности. М., 1986. Цит. по: Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты как основа аномии в современном обществе [Текст] / В. В. Кривошеев // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 6. – С. 69–77.

328 Приводится Кривошеевым В. В. по источникам: Проблемы занятости учащейся молодежи. М., 1995.; Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (Опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социологические исследования. 1998. №5.

329 См.: Демкина Е.В. Социальный заказ на антикоррупционное образование [Электронный ресурс] // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №1. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.1.1>

выборке Е.В. Демкиной в три раза, в среднем до четверти опрошенных обеих сравниваемых групп.

2. В спиральной модели вузов клиентистско-персоналистские организационные «инновации» в ценностях коммерциализации предпринимательской культуры разрушают не просто традиционные субкультурные социокоды высшей школы. Они нивелируют многовековые смысловые паттерны русской общинности и аккумулируют основания атомизации населения. Для описания последней в обществе потребления возможно развитие идей марксистского понимания отчуждения. Например, при том, что капитал может традиционно пониматься как средства производства, человеческий ресурс сегодня преимущественно оценивается уже не с позиции развития производительных сил и скорее исключается из их структуры. Он есть просто «субстрат» для фетишизированного потребления и циркуляции различных атрибутов в потребительских практиках. Последние представляют собой крайне ограниченный перечень идеологических симулякров, как оснований идентичности / идентификации статуса социальных субъектов общества потребления, в числе которых и высшее образование.

3. Ценностная теснота в предпринимательской культуре клиентоориентированного технологизированного образовательного пространства вузов провоцирует для его субъектов пересмотр горизонтов прогноза собственной биографии. В условиях, когда смыслы самой научно-образовательной деятельности в вузах редуцированы к *мотивации достижения показателей для администрации, выживания для преподавателей и присвоения статуса как объекта потребления для студентов*, а весь образовательный процесс преимущественно имеет форму бюрократической процедуры, горизонт насущного прогноза не может быть далеким. В этом случае, коррелируя к конъюнктурному тренду низводить все сложно-формализуемые процессы научно-педагогического творчества к проектной деятельности вуза, и понимая

социальную субъектность в традиции Ж.-П. Сартра как «проект самого себя»³³⁰, речь может идти только о коротком биографическом проекте.

4. «Короткий жизненный проект»³³¹ субъектов образовательного пространства вузов есть базовая, фундаментальная для них модель рефлексии состояния ценностной тесноты общества потребления, активизируемой университетской модернизацией. Если точнее, то он является основным рефлексивным фоном, макро-моделью насущного прогноза для рефлексизирующего «Наблюдателя первого порядка» в традиции сложностного подхода В.А. Аршинова³³². Сменив в постсоветское время матрицу ценностных ориентиров уважения, любви, семьи и творчества на доход и карьеру, университетская субкультура не может подкрепить нормативные декларации о культуросообразности образования, не просто предоставив ее субъектам рациональные цели, но и обеспечив их гуманитарными культурными смыслами. Вывод внушаемого ППС и студентам в вузах мировоззренческого уравнения, когда статус и деньги обеспечат «счастье через успех» в предпринимательской биографической стратегии, никак не раскрывает содержания такого «счастья». В лучшем случае оно отождествляется с гедонистичным пониманием комфорта. Происходит стохастическая деконструкция устоявшейся структуры терминальных и инструментальных ценностей во всей параметрической системе общества. Здесь субъект вынужден рационализировать свой ценностный рефлексивный выбор, чтобы упорядочить жизнь. Однако, как нам кажется, такая рационализация собственной биографии, к тому же усугубляющаяся вечными сложностями бытия в «русской матрице», которая сама по себе есть метафора проблемы поиска ее онтологических смыслов, успешно развенчана в экзистенциальной философии³³³. Тем не менее,

³³⁰ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм - это гуманизм ; пер. с фр. М. Грецкого. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. 253 с.

³³¹ См.: Кривошеев, В. В. Аномия современного социума: господство коротких жизненных проектов [Текст] / В. В. Кривошеев // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2 (18). С. 79–84; Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты как основа аномии в современном обществе [Текст] / В. В. Кривошеев // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 6. С. 69–77.

³³² Аршинов В.И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия науки и техники. 2013. №18. С.48-61.

³³³ См. напр.: Камю А. Миф о Сизифе. М.: Азубкаб 2007. 256 с.

именно рационализация, но сугубо в матрице ценностей и смыслов общества потребления, является сегодня ведущей моделью биографической рефлексии происходящего субъектами университетской субкультуры.

Подробнее остановимся на механизме формирования модели короткого биографического проекта в условиях ценностной тесноты современной вузовской субкультуры с целью выявить его связь с проблемой коррупциогенных деформаций университетской среды. Подчеркнем, что короткий жизненный проект как таковой не является коррупциогенной моделью рефлексии модернизации вузов. Тем не менее, он в узких границах своего хронотопа требует от субъекта интенсификации процессов достижения ценностей «успеха», или же установления прочных оснований хотя бы социальной стабильности. В сложившейся в стране общей социокультурной ситуации мы понимаем такой механизм как *редукцию правовой ценности к нормам патерналистски-бюрократической солидарности*, когда именно национальная традиционная модель пирования-дарования может обеспечить как успех, так и стабильность. Иными словами, в учреждениях высшей школы рефлексия ценностной тесноты в условиях короткого биографического проекта на мировоззренческом уровне выражается в компенсаторной редукции слабо обеспеченных правовых императивов тройной спирали к имитационно-коррупциогенным моделям симуляции университетской деятельности ее субъектами уже на уровне поведенческом.

Следовательно, в современных вузах *имитационный консенсус выступает рефлексивной моделью короткого жизненного проекта в условиях ценностной тесноты вузовской субкультуры через механизмы рационализации, редуцирующие правовую ценность законности/справедливости к нормативу патерналистски-бюрократической солидарности*. Духовно и практически обеспечиваемая имитационным консенсусом коррупциогенная солидарность в традиции пирования-дарования продлевает горизонт насущного прогноза субъекта (прежде всего, ПСС) университетской среды, позволяя достичь его целерационального результата – стабильности и, по возможности, развития.

Однако последнее также, преимущественно, понимается в семиотике потребительской идеологии и карьеризма.

В такой логике системная зависимость духовного (точнее, социально-психологического) и поведенческого уровней коррупциогенной рефлексии методологически успешно может быть представлена в аппарате теории социального действия М. Вебера³³⁴ и его концепции социального ожидания. То есть коррупциогенная культура содержит не только ценности и нормы, интериоризируемые ее субъектом в виде паттернов своего мировоззрения, но и сложные модели поведения, выходящие за рамки чисто рациональных поступков. Здесь коррупциогенно-поведенческая рефлексия администрации, ППС и студентов начинает приобретать черты ценностно-рационального, и даже традиционного действия. Как ранее показало меметическое исследование, желание «отблагодарить» у студентов и преподавателей зачастую предшествует самому разговору по существу предмета профессионального взаимодействия. Это своего рода тотальная социокультурная традиция, основанная на устойчивой системе социальных ожиданий со стороны всех категорий участников научно-образовательного и административного процесса вуза, формируемая и транслируемая в целом социокультурной средой, и локально субкультурами референтных для них институциональных контекстов.

В развитие логики данного параграфа отметим, что социокод коррупциогенной культуры как ценностно-нормативная матрица отношений в вузах рефлексивно опосредует существование всех видов социального действия по М. Веберу, кроме аффективного. Они базируются на паттернах коррупционного сознания его носителей в соответствующей социокультурной среде. Эта среда наполнена двумя базовыми типами ценностей и норм: коррупциогенными (они же суть ценности общества потребления) и собственно коррупционными. Ценности и нормируют поведение, закрепляясь в сознании как регулирующее его «желаемое», объект-цель. Здесь целерациональное

³³⁴ См. напр.: Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

действие преследует прагматическую цель, а коррупциогенный способ является лишь средством ее достижения.

Однако еще раз подчеркнем, что на поведенческом уровне исключительно целерационального действия для поддержания целостной модели коррупциогенной рефлексии вузовской модернизации явно недостаточно. К тому же такое действие может быть детерминировано не обязательно коррупционным сознанием. Целерациональность коррупции определяется объективацией проблемы решения формальных вопросов в контексте формальной процедуры, но неформальными (коррупционными) средствами. В итоге достигается рациональный результат – исполнение формальных обязанностей субъектов во избежание определенных осложнений в реализации целей, преследуемых в запросе к исполнению действия.

Акцентируем, что лишь в системе коррупциогенной нормативности общества потребления, где в виде ценности выступает атрибутивный статус высшего образования как объекта потребления, формируются модели ценностно-рационального действия. Именно оно репрезентирует наличие коррупциогенной нормативности для мировоззрения рефлексизирующего субъекта.

В условиях типизации таких форм социального действия в поведенческих стратегиях и институционализации подкрепляющих их паттернов коррупционного сознания происходит формирование устойчивой коррупциогенной установки, на которой базируется уже традиционное действие. Оно является необходимым условием стабильности ценностно-нормативной матрицы коррупциогенной культуры. То есть в контексте коррупциогенной традиции формируются и коррупционное сознание его субъектов, и типичные поведенческие формы его репрезентации, представленные интегрированным комплексом трех базовых типов социального действия.

В целерациональном коррупциогенном действии коррупция репрезентируется как *инструментальная* ценность, которая может равно как

являться, так и не являться признаком наличия у субъекта сформированного коррупционного сознания, отражая лишь корыстный мотив поступка. В ценностно-рациональном коррупционном действии его паттерн рефлексруется уже как *терминальная* ценность патерналистски-бюрократической солидарности и идентичности через оперирование симулякрами общества потребления. Такая нормативная ценность является интегрированным элементом мировоззрения субъекта, включенного в семиотику потребления символов статуса (власти, образования, дохода и других): для администрации – начальствующего; для ППС – успешного интеллектуала; для студента – образованного человека. В случае же традиционного коррупциогенного действия коррупционный паттерн выступает *априорной нормой* поведения, следование которой обусловлено наличием у субъекта *устойчивой социальной установки* сознания. В последних двух случаях четко идентифицируются признаки (ценность и норма) коррупционного сознания у всех категорий субъектов этих видов действия. Здесь целерациональное действие отражает модели психологической рефлексии коррупциогенности культуры. Традиционное действие безусловно предполагает их, но иллюстрирует поведенческую рефлексивную модель на основе сформировавшейся в практиках целерационального действия коррупциогенной установки сознания. Ценностно-рациональное действие служит неким связующим звеном между ними, психологически актуализируя для субъекта ценность коррупциогенной солидарности и практики ее достижения как «*фокус рефлексии*».

Мы, по аналогии с М. Вебером, полагаем данные виды коррупциогенного действия скорее идеальными типами, в реальности имеющими интегративный характер, с явным или неявным ведущим признаком того или типа действия. Тем не менее, возможно сформировать общую структуру процесса формирования коррупциогенно-поведенческих моделей рефлексии современного состояния высшей школы со стороны субъектов университетской среды. На основании данных приведенных ранее в работе эмпирических исследований, такой конструкт возможно представить в виде таблицы

сопряжения, но не на количественных, а на качественных основаниях (таблица 3.1)

Таблица 3.1

Основные типы практического уровня коррупциогенной рефлексии
и их детерминанты

Показатели	Типы коррупциогенного действия		
	<i>целерациональное</i>	<i>ценностно-рациональное</i>	<i>традиционное</i>
Детерминанты	Низкие заработные платы	Дискредитация ценности образования и безнаказанность коррупционеров	Коррупционные традиции
	Распространение утилитарно-потребительского отношения к жизни		
		Всеобщее распространение коррупционных практик в обществе	

На примере такого сопряжения мы можем видеть, что определенные социальные причины рефлексировались как в теоретически чистые, так и в смешанные типы действия. В ряде случаев они выступают детерминантой сразу нескольких чистых типов. При этом коррупциогенное поведение может принимать любые формы социального действия, кроме аффективного.

Безусловно, ценностно-рациональный и традиционный тип действия идентифицировать дифференцированно наиболее затруднительно. Например, коррупционная услуга представляется как ценность субъектами вузовской «власти» и требует исполнения определенного коррупционного ритуала (соблюдение поведенческой формы), к какому бы типу отношений они не относились (администрация-ППС, ППС-студент, администрация-студент). В данном случае коррупционный ритуал проявляется как традиционное действие, принимая, например, форму «дарования» или хотя бы упоминания о намерении «вознаградить за беспокойство». Таким образом, легитимированная коррупциогенная ценность солидарности, заключающаяся в патерналистской имитации исключительности услуги, реализуемая через соответствующие стереотипные формы поведения (ритуалы), сохраняет свои институциональные характеристики и транслируется в субкультурный контекст университетов как

элемент коррупциогенной культуры. Важно отметить, что и целерациональность коррупционных практик как таковая включена в структуру вузовской коррупции, т. к. рациональный интерес-цель взаимодействия выступает исходной, объективирующей весь коррупционный процесс компонентой (на примере взятки – рисунок 3.7).

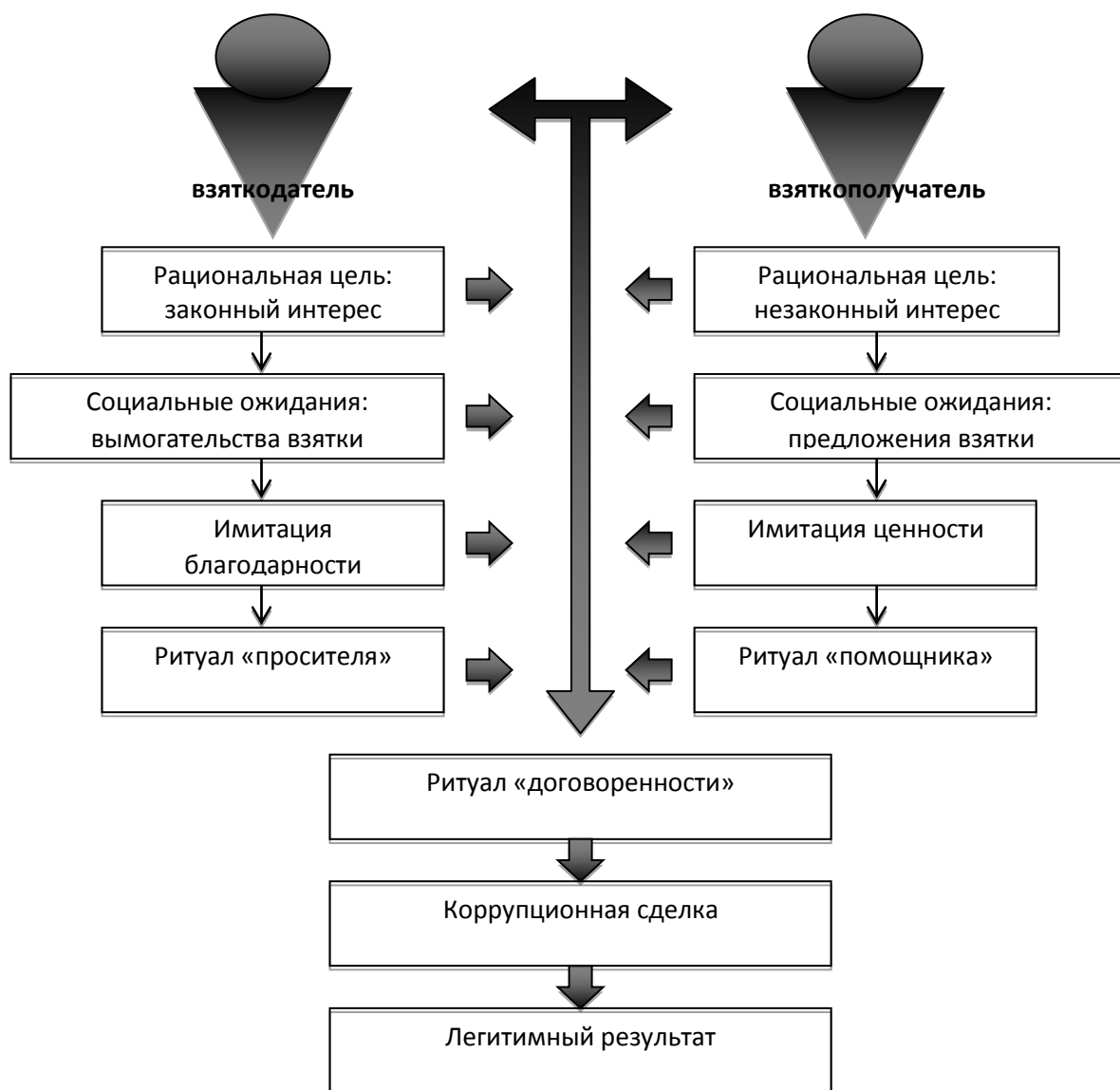

Рис. 3.7 Поведенческая структура коррупциогенной рефлексии ценностно-прескриптивного пространства университетской модернизации (на примере взятки)

В любом случае, поведенческий уровень модели коррупциогенной рефлексии современного состояния университетской среды отражает ее мировоззренческий уровень. То есть социокод коррупциогенной солидарности как нормативная ценность вузовской субкультуры отражается в

конформистских формах ее интериоризации и поведенческой стратегии. Это подтверждается приведенными ниже по тексту эмпирическими данными. Здесь же подчеркнем, что целерациональное действие как рефлексивное отражение императивов реального состояния предпринимательской культуры вузов выступает базовой формой коррупциогенных практик. Именно оно в условиях ценностной тесноты определяет формирование и дальнейшее развитие паттернов коррупционного сознания и различных форм коррупционного действия в механизме круговой причинности. В нем социокод коррупциогенной солидарности циркулирует в системе интериоризации-опредмечивания. То есть от сознания к действию, и наоборот, на уровне конкретных акторов университетских практик.

Для администрации, ППС и студентов в сформированной реформистскими императивами ситуации ценностной тесноты актуализируется бескомпромиссная в отношении гумбольтовской традиции этически-рефлексивная модель «совмещения добра и зла» по В. Лефевру³³⁵. Первые, рефлексировав императивные ценности модернизации вузов, определенные политической властью, приобретают делегированный ей статус бюрократически-олигархической элиты в учреждениях высшей школы и поведенчески реализуют его в системе достижения показателей и модели патерналистски-бюрократических отношений с подчиненными. ППС же в приведенном выше теологическом дискурсе М.А. Тюкмаевой³³⁶, не исповедуя традицию пирования-дарования коррупциогенной культуры рискуют быть стигматизированы как «еретики». Находясь в условиях короткого биографического проекта ввиду своего дискриминационного статуса, они мотивированы принимать правила игры еще больше администрации. Студенты же в условиях потребительской идеологии и фиктивности диплома, условности полученной в вузе квалификации для реального рынка труда, стремятся получить искомые атрибуты статуса наименее затратным в смысле

³³⁵ Лефевр В. Рефлексия. М.: Когнито-Центр, 2003. 496 с.

³³⁶ Тюкмаева А.М. Homo corruptos. Антикоррупционист. Проклятие по коррупции // Вопросы науки и образования. 2018. №3 (15). С.108. (108-111)

фрейдистской редукации напряжения³³⁷ путем. В результате и те, и другие, и третьи в целом типично избирают конформистскую модель адаптации по Мертону, рефлексивно обеспечиваемую мировоззренческим коррупциогенным компромиссом. Здесь семиотический шов коррупциогенной культуры уже на рефлексивно-поведенческом уровне имитационного консенсуса вновь обеспечивает гомеостаз ценностно-нормативного пространства вузов дихотомичной российской модели тройной спирали для всех категорий субъектов образовательной субкультуры.

Проиллюстрируем приведенные теоретические положения рядом статистических констатаций, отражающих общий рефлексивный, оценочный фон и установки коррупционного сознания в контексте университетской реформы.

Уровень объективности можно повысить, используя привлеченные социологические данные. Например, показывают, что студенты воспринимают уровень коррумпированности образования на высоком уровне, включая его в тройку наиболее подверженных коррупции социальных институтов:

1. Властные структуры;
2. Органы правопорядка;
3. Образование³³⁸.

Тот факт, что сегодня и преподаватели вузов отрицают или сомневаются в возможности современной высшей школы выполнять одну из своих традиционных задач по формированию общественно одобряемых ценностей у молодежи, можно считать тревожной тенденцией. Возникают реальные возможности замещения у субъектов образовательного процесса социально-полезных ценностей деструктивными установками правосознания. Здесь подтверждается гедонистически-потребительская рефлексия социальным субъектом терминальных ценностей-смыслов собственной биографии. Ценностная теснота и нормативная разбалансированность сознания

³³⁷ Фрейд З. Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2019. 528 с.

³³⁸ Гарькин И.Н., Медведева Л.М., Ключев В.В. Социологическое исследование уровня восприятия понятия коррупция // Успехи современной науки и образования. 2017. №1. Том 1. С.209-215.

компенсируются конформистской коррупциогенной направленностью мышления и поведения, на фоне того, что у ППС вузов все еще сохраняются установки на поддержание культуросообразности высшего образования, когда «ценности субкультуры не означают отказа от культуры, ... они обнаруживают лишь некоторые отклонения от нее»³³⁹.

Можно предположить, какие мотивы способствуют вступлению преподавателей вузов в коррупционные отношения.

Приоритет личного знакомства в структуре ведущих мотивов незаконных услуг преподавателями репрезентирует распространенную в данной профессиональной среде проблему, когда межличностные связи превалируют над нормативами профессиональной этики, что может быть объяснено с точки зрения психологии, но не формального права, как норма, с учетом деформаций ценностно-нормативного пространства как самой социокультурной среды, так и ее институционального содержания. Вторую ранговую позицию может занимать такая причина «Неформальное распоряжение начальства», что подтверждает тезис о существовании в России особого типа организационной культуры – патерналистски-бюрократической. Данный мотив может превалировать даже над личными корыстными мотивами, определяемыми желанием заработать, которые в ранговой структуре мотивации совершения коррупционных сделок занимают третью позицию. Весомое место в представляемой теоретической шкале занимают корыстные мотивы.

По нашему мнению, приведенные теоретические положения иллюстрируют подтверждение полученных ранее выводов о комплексном характере проблемы коррупциогенности условий существования института высшего образования, системно включающей детерминации как общего контекста политико-экономического характера (низкие доходы ППС), так и социокультурной среды, содержащей устойчивые традиции коррупциогенного поведения, локализованные в характеристиках профессиональной субкультуры. Иными словами, идентифицируются все три приведенные в теоретическом

³³⁹ Поляков Р. Ю. Казарменная субкультура курсантов // СОЦИС. 2009. №12. С. 117.

конструкте коррупционной культуры Т.А. Нестик ее составляющие: адаптация к аномии среды, коррупциогенные традиции, патерналистски-бюрократическая организационная культура.

Однако, по нашему мнению, рефлексия «спирализации» вузов имеет свою субъектную специфику. Эти психологические и поведенческие особенности наиболее наглядно иллюстрируются через типы коррупциогенного действия в рамках концепта М. Вебера:

1) Мы полагаем, что для университетской администрации типичны все три ведущих типа, так как императивы предпринимательской и бизнес-культуры позволяют определять ее представителей в статусе властного и олигархического истеблишмента. Ценность статуса, возможность устанавливать и контролировать достижение показателей эффективности, преследуя свой рациональный интерес в условиях деструктивных паттернов национальной культурной традиции мотивируют к достижению имитационного консенсуса. Целерациональное, ценностно-рациональное и традиционное действие равно образуют коррупциогенный фокус рефлексии вузовской модернизации.

2) В свою очередь, гумбольтовские ценности образования все еще более значимы для ППС, чем идеалы политизированной вульгарно-экономической оценки «спиральной» модели. Их поведение преимущественно обусловлено адаптацией к нормативам коррупциогенной солидарности и преследует рациональную цель профессионального выживания, в то время как мировоззренческий уровень остается относительно свободным от коррупционных деформаций. Целерациональное и традиционное действие характеризуют профессорско-преподавательскую модель коррупциогенной рефлексии.

3) Для современных студентов в основном типичны ценности общества потребления в семиотике обмена значимыми симулякрами, где высшее образование имеет лишь атрибутивный статус. В результате психологически максимально комфортные и наименее затратные традиционные

коррупциогенные стратегии обретают форму в лучшем случае инструментальной ценности в обретении фетиша «образованности». Формула «образование как ценность» продолжает существовать, но теряет свое терминальное значение. Для этой категории субъектов типичны ценностно-рациональные и традиционные модели коррупциогенной рефлексии.

Следовательно, коррупциогенно-конвенциональная модель рефлексии модернизации образовательного пространства вузов для его субъектов интегрирована общим для всех традиционным типом их взаимодействия. Здесь семиотический шов коррупционности культуры, хотя и базируется на несколько различных основаниях правосознания и поведения каждой субъектной категории, но редуцирует, «сшивает» все эти различия в культурных паттернах коррупциогенной солидарности имитационного консенсуса.

Обобщая изложенное в главе, в качестве выводов приведем следующие положения.

1. Образовательная субкультура вуза в первую очередь представляет собой ценностно-нормативный ландшафт профессиональной деятельности и феноменологии социальной субъектности ее основных акторов. Содержание такой субъектности понимается в рамках концепта институционального агента, обеспечивающего поддержание, реализацию и трансляцию функций института высшего образования. В свою очередь, особенность ценностно-нормативного ландшафта субкультуры вузов репрезентируется специфической для института высшего образования системой социокодов, семиотикой и паттернами мировоззрения и поведения ее агентов, выступающих для них регулятивно-ориентирующей системой. Последняя неизбежно когерирует и перманентно соотносится с существующей в актуальном для нее хронотопе культурной и правовой средой, демонстрируя варианты либо ценностного и/или нормативного соответствия ей, либо антагонизма.

2. Основные субъект-агенты субкультуры (администрация, ППС и студенты) вузов являются носителями и транслятором определенных форм

правосознания. В структуре этого типа сознания присутствуют элементы, характеристики которых служат индикатором его качественного состояния. К таковым относятся ценностно-нормативная и потребностно-мотивационная сферы личности как социального субъекта. Эти сферы находятся в сложных рекурсивных линейных и синергийных связях, коррелирующих как внутренне, так и в диссипативных отношениях с внешней социокультурной средой. Концепт коррупционного сознания является научной экспликацией коррупциогенных и коррупциогенных деформаций правосознания, концентрирующей актуальные аспекты диссертационного исследования. Наиболее важным для верификации элементом коррупционного сознания является его оценочный компонент, позволяющий идентифицировать не просто отношение, но определить ценностно-нормативную ориентацию его носителя.

3. В современной вузовской субкультуре, коррелирующей одновременно к исторической традиции пиروвания-дарования российской коррупциогенной культуры и состояниям институциональной дискриминации в модели тройной спирали, формируются устойчивые формы психологической адаптации к ее патерналистско-бюрократическому ценностно-прескриптивному пространству. Клиентистская модель российского предпринимательского университета, формально поддерживая семиотику политических деклараций сохранения культуросообразности образования, формирует для рефлексизирующего субъекта ценностно редуцированные к нормативам эффективности бизнес-культуры контексты проектирования собственной биографии. В сложившихся условиях аномии основной моделью поддержания стратегий короткого биографического проекта является имитационный консенсус. Именно такая форма солидарности востребует и катализирует паттерны пиروвания-дарования российской коррупциогенной культуры в качестве семиотического шва. В условиях императивности спирализации, имитационно-коррупциогенный консенсус обеспечивает социокультурную легитимацию не только социальных практик, но и мировоззренческих установок и мотивов достижения управленческих иллюзий «эффективности» для администрации, целей стратегии выживания

короткого биографического проекта для преподавателей и консьюмеристски-символической игры в образование для студентов. В коррупционном сознании субъектов имитационного консенсуса в вузах поддерживается, реплицируется и транслируется традиционный мемплекс пирования-дарования российской коррупциогенной культуры.

4. В современном образовательном пространстве вузов сформировалась конвенционально-коррупциогенная мета-модель его рефлексии. Лежащий в ее основе параметрический механизм может быть описан процессуальной формулой «модель тройной спирали – ценностная теснота – короткий биографический проект – коррупциогенно-имитационный консенсус – коррупциогенная солидарность – длинный биографический проект». В такой конвенциональной модели коррупциогенной рефлексии наиболее вероятно сегодня поддержание жизненной и профессиональной парадигмы субъектов образовательного пространства. Основой конвенциональности коррупциогенно-имитационного консенсуса вузовской администрации, ППС и студентов выступает традиционное коррупциогенное поведение, что соответствует традиционному типу социального действия по М. Веберу. Коррупциогенная ценностно-нормативная матрица российской традиции пирования-дарования предлагает для вузовского руководства, преподавателей и студенческой молодежи культурно апробированные и психологически доступные мировоззренческие и практические рефлексивные модели адаптации к аномии университетской среды. При этом для вузовской администрации типична определенная сбалансированность поведенческого и мировоззренческого уровней мета-модели коррупциогенной рефлексии, отражающаяся в органичном единстве целе-, ценностно- и традиционно-ориентированности коррупционного сознания и патерналистски-бюрократических практик. В то же время для ППС наблюдается преобладание целерациональной коррупциогенной поведенческой модели на фоне гумбольтовской мировоззренческой ориентации и редуцированности ценностей коррупционного сознания. В свою очередь для студентов типично

преобладание коррупциогенных ценностной и традиционной рефлексивных моделей на фоне низкого уровня критичности, селективности правосознания в отношении карьеристских ценностей и симулякров общества потребления.

Глава 4. Механизмы воспроизводства и трансляции коррупциогенных социокодов в условиях аномии ценностно-нормативного пространства региональных вузов

4.1. Формирование механизмов воспроизводства коррупциогенных социокодов в условиях аномии ценностно-нормативного пространства вузов

Результаты исследования, приведенные в предыдущих разделах диссертации, позволяют объяснять воспроизводство коррупциогенных социокодов культуры определенными условиями институциональных контекстов спирализации, коррелирующих к состоянию социокультурной среды, в социальной теории понимаемому как аномия. Такая ситуация требует более подробного представления контекстуальной проблемы распространения в обществе данного явления.

Аномия, в соответствии с ее пониманием Э. Дюркгеймом³⁴⁰, представляет собой «отсутствие нормативности» и является пространством формирования «аномичности» иного рода, описанной Р. Мертоном³⁴¹. «Мертоновская» аномия характеризует социальную систему состоянием ценностно-нормативной сферы общества, когда достижение легитимных целей легитимными же средствами невозможно. В подобных условиях у социальных субъектов формируются альтернативные, адаптационные способы интеракций. К ним, очевидно, относится патерналистски-бюрократическая коррупциогенная модель солидарности.

Взаимодополняемость трактовок аномии, согласно В. Афанасьеву, обусловлена тем, что «Если первая акцентирует внимание на переходных

³⁴⁰ См. напр.: Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

³⁴¹ См. напр.: Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

периодах в развитии общества, то вторая – на стадиях относительно стабильного функционирования. Обе концепции описывают и объясняют соционормативные аспекты регуляции поведения, которые самым тесным образом связаны с механизмом детерминации отклоняющегося поведения»³⁴². В свою очередь, Н. Н. Мещерякова считает, что безнормность аномии определяет ситуацию, когда «даже при наличии норм, ... члены общества массово их нарушают»³⁴³, т. е. предполагается рост нормативных девиаций.

Например, в концепции короткого биографического проекта В. В. Кривошеева акцентируется, что «ускорение темпов перемен, насыщенность социального пространства калейдоскопически быстро меняющейся информацией, новостного и иного "шума" означают наступление ситуации сжатия времени»³⁴⁴. Такие эффекты аномии порождают деструктивные психологические состояния фрустрации, являющиеся основанием для формирования лишь ближнего горизонта насущного биографического прогноза. При этом речь может идти о сокращении перспектив долгосрочного прогноза не только на субъективном, но и институциональном, и даже на социокультурном уровне. Подобным образом контекст социальной и политической жизни, но в гораздо более широких общественных и территориальных масштабах, был описан еще в классических теориях «третьей волны» и «футурошока» Э. Тоффлера³⁴⁵ и «общества риска» У. Бека³⁴⁶.

Следовательно, основной особенностью современного состояния социальной аномии являются не сами ее классические модели, сформированные Э. Дюркгеймом³⁴⁷ и Р. Мертоном³⁴⁸, а конкретные

³⁴² Афанасьев В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал ЭСМ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/601/542/1216/007x20aFANASXEW.pdf> (дата обращения: 20.12.2014).

³⁴³ Мещерякова Н. Н. Рефлексивная аномия в сложном социуме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 122–125.

³⁴⁴ Кривошеев В. В. Аномия современного социума: господство коротких жизненных проектов // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2 (18). С. 79.

³⁴⁵ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1999. С. 10.

³⁴⁶ Beck U. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. Vol. 9, No.1. P. 99.

³⁴⁷ См. напр.: Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

социокультурные особенности их национально-институциональных локусов. Для анализа проблемы в современных вузах они актуальны как *специфический ценностно-нормативный ландшафт и морфология регуляторов институциональных функций* высшей школы, а также *феноменологии* ее агентов. Особо подчеркнем, что их описание в условиях культурной нестабильности и бифуркаций модернизации по сценарию «Прорыва» в России зачастую требует не только формальных научных методов, но и научной интуиции³⁴⁹.

В этом аспекте значительное внимание указанным проблемам уделяют В.П. Бабинцев и В.П. Римский. В своем анализе «русской смуты» они отсылают исследователя к мертоновской трактовке. Тем не менее авторы отмечают, что «отечественная смута в ее любом издании представляет собой более глобальное и разноплановое явление. Она проявляется, прежде всего, в состоянии общественного сознания в виде комплекса явлений»³⁵⁰. Кроме того, подчеркивается, что «противоречивость, разорванность русской культуры и ментальности всегда выражалась настолько отчетливо и масштабно, что практически не вмещалась в картины мира внешних наблюдателей, порождая мифы о загадочной русской душе»³⁵¹. Также и М. С. Смородина отмечает противоречивость российской действительности, где такой парадокс «состоит в сочетании, казалось бы, несочетаемого: кризиса и стабилизации»³⁵².

По нашему мнению, anomia сама по себе не является признаком деградации социума. Она характеризует фазу его изменения. Тогда определяющую роль в установлении хотя бы какой-нибудь идентифицируемой социальным субъектом регулятивной системы будут играть сформировавшиеся в бифуркационном социокультурном пространстве *параметры порядка* с

³⁴⁸ См. напр.: Мертон Р. К. Социальная структура и anomia // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

³⁴⁹ Каменский Е. Г., Асеева И. А. Антропологический кризис техногенной цивилизации // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2014. № 2. С. 214.

³⁵⁰ Бабинцев В. П., Римский В. П. Социология смутного времени: проблема методологической парадигмы исследования // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 4 (44). С. 33.

³⁵¹ Бабинцев В. П. О проклятии «русской матрицы» // Власть. 2014. № 2. С. 28.

³⁵² Смородина М. С. Anomia общества и самоубийства // Мониторинг общественного мнения. 2006. № 2 (78). С. 145.

культурно нестабильными, но оперативно востребуемыми в коротком биографическом проекте, социально-аксиологическими характеристиками. Именно в этом аспекте актуализируется связь ценностно-нормативного содержания и практических возможностей формирования механизмов воспроизводства регулятивной функции коррупциогенных социокодов культуры в высшем образовании.

Наиболее значимыми для моделирования процессов формирования таких механизмов мы определяем следующие позиции:

1. Российское общество – особый тип «общества всеобщего риска»³⁵³.
2. Иррациональность социокультурной среды как гипотетический императив российской культуры. Данная черта детерминирована, по мнению указанных авторов, тотальным распространением иррационального поведения, массовизации абсурда и ликвидации прочно установленных норм и правил, и характеризуется ими как «смутное время»³.
3. Неустойчивость, выступающая базовой чертой «русской смуты», понимаемая как принципиальная характеристика, относящаяся не столько к сфере социальных практик, сколько именно к ценностному миру, который максимально неупорядочен. Данное состояние в субъектном аспекте ценностно-нормативной среды определяется как ситуативность ценностно-целевого сознания³⁵⁴ и коррелирует к рефлексивной модели короткого биографического проекта.
4. Признание интуитивно-рационального метода познания в социогуманитарных науках как инструмента научного познания социальной действительности³⁵⁵. Ценность данного методологического ориентира заключена, по нашему мнению, в возможности применения конвергентных междисциплинарных способов познания гуманитаристики к анализу сложных социальных явлений в рамках отраслевой социологии³⁵⁶.

Собственно, под моделью формирования механизмов воспроизводства

³⁵³ Бабинцев В.П., Римский В.П. Указ. соч. С. 33.

³⁵⁴ Там же. С. 34.

³⁵⁵ Там же. С. 37.

³⁵⁶ См.: Буданов В. Г. Указ. соч.

коррупциогенных социокодов мы понимаем теоретическую экспликацию системы взаимосвязанных факторов (социокультурных феноменов и процессов, культурных и психологических артефактов, паттернов социальных практик т.д.), детерминирующих процессы производства и трансляции ценностно-нормативной матрицы коррупциогенных социокодов культуры. То есть здесь сам механизм понимается как определенный *системный порядок, форма детерминистской связи факторов, опосредующих процесс воспроизводства коррупциогенных социокодов*. В логике такого системно-функционального анализа термин «формирование механизма» теоретически также представляется как механизм, системный порядок линейных, нелинейных, иерархических, горизонтальных и/или сетевых связей факторов, результатом которых является формирование новой системы связей какого-либо социокультурного явления.

На основании изложенного мы предлагаем базовую, контекстуальную теоретическую схему механизма воспроизводства управленческих иллюзий и имитационных практик, а также их связей в аномичной университетской среде, в духе концептов имитационного консенсуса³⁵⁷ (рисунок 4.1), при априорном условии существования в России культурно-традиционного контекста *патерналистски-бюрократической* модели коррупциогенных отношений.

Схема 4.1 иллюстрирует, что имитационный консенсус, порождая управленческие иллюзии, выражается не только как субъективная, но и как институционально-рефлексивная модель редукции правовой нормативности к коррупциогенной традиции в условиях аномии. Здесь консенсус выступает практической моделью воспроизводства, а иллюзии обеспечивают ее ценностно-нормативное сопровождение. В социально-психологическом аспекте потребности поддержания иллюзий формируют мотивы сохранения консенсуса. Формируется механизм круговой причинности (замкнутой

³⁵⁷ См.: Бабинцев В. П. Интеллектуальная деконструкция имитационного консенсуса как возможность // Власть. 2012. № 6. С. 25–30; Его же. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. 2012. № 5. С. 24–29.

детерминации), определяющий цикличность коммуникативно-интерактивной циркуляции коррупциогенного социокода культуры.

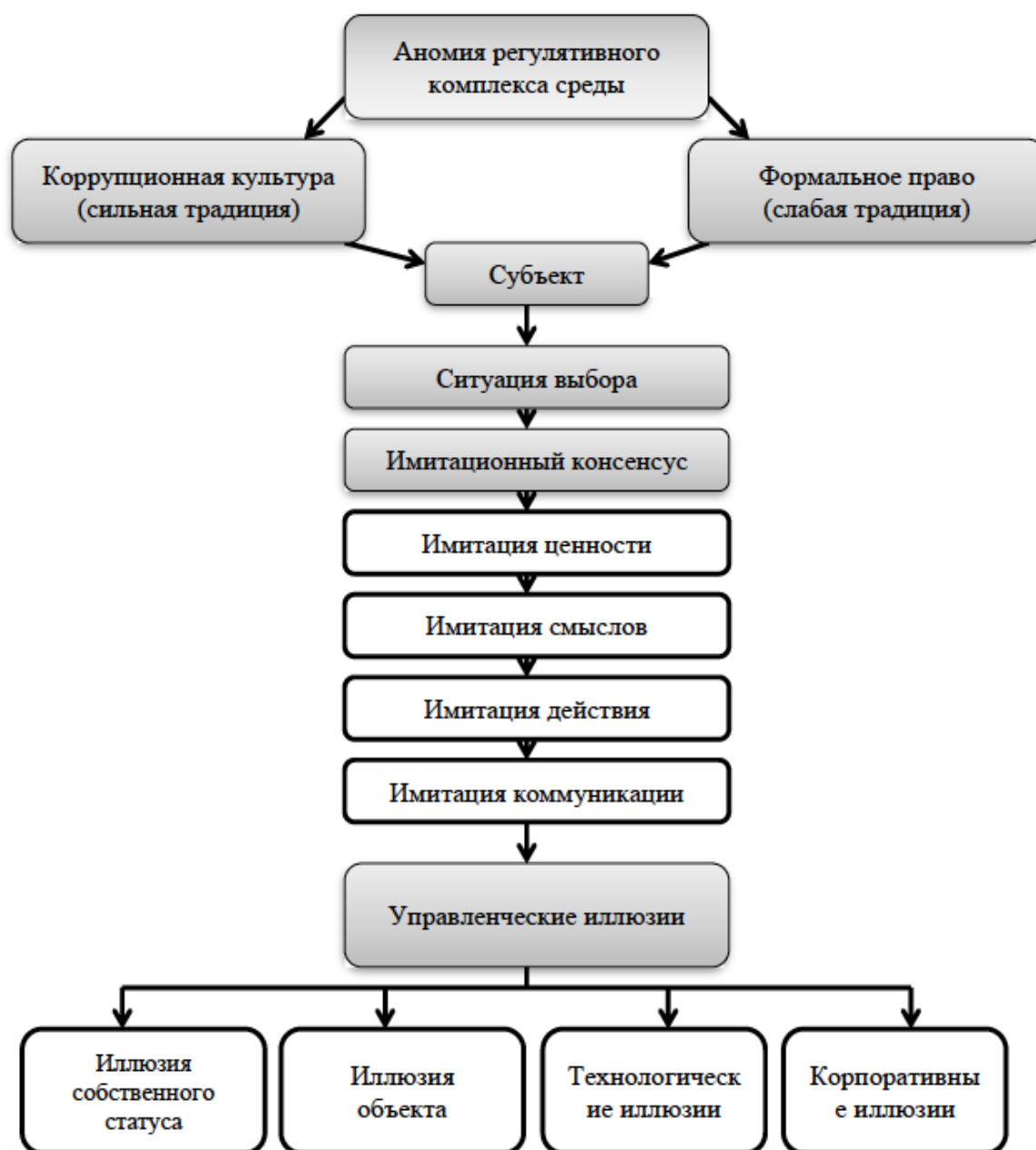

Рис. 4.1 Схема механизма воспроизводства управленческих иллюзий и имитационных практик в аномичной университетской среде³⁵⁸

Детерминированность данного механизма аномией вузовской субкультуры состоит в замещении переменных нормативных диспозиций гумбольтовской модели университетов труднодостижимыми для них сегодня

³⁵⁸ Цветом выделены ключевые блоки, без заливки – их содержание, формы репрезентации, либо динамика.

императивами тройной спирали. В связи с тем, что сущностно такая модель формирования механизмов воспроизводства коррупциогенного социокода основана на редукции нормативно-правовой регуляции к коррупциогенной традиции посредством имитаций университетских практик, нами она определяется как *имитационно-редукционистская*.

В условиях распространения данной модели в контексте аномии регулятивной среды, коррупциогенные формы интеракций намного легче минуют контроллеры нормативных фильтров. Это возможно благодаря гораздо более латентному социально-правовому характеру коррупциогенных практик по сравнению с иными видами асоциальных и противоправных деяний, и потому более вероятной ситуации успеха при их реализации по сравнению с официальными.

Имитационно-редукционистскую модель формирования механизма воспроизводства коррупциогенных социокодов в вузах можно описать как форму социокультурной мимикрии коррупциогенной традиции культуры под формально-правовую матрицу социальных практик. Сам механизм заключается в том, что указанная ситуация увеличивает количество случаев коррупциогенного выбора, репрезентируя его как адекватный аномичной ценностно-нормативной среде вузов способ интеракций. Далее происходит типизация данных практик при одновременном сокращении возможностей иных вариантов выбора. В результате, преодолевая правовые и нравственные социально-нормативные фильтры, аксиологически необеспеченные традицией действенной антикоррупционной политики, такие деструктивные практики распространяются в субкультуре вузов все шире. Они институционализируются и формируют специфический комплекс деструктивных ценностно-нормативных регулятивов, коррелируя к патерналистски-бюрократической солидарности российской политической и предпринимательской культуры.

В условиях такой востребованности семиотического шва коррупциогенной регулятивности наблюдается диалектический переход экспоненциального роста количества коррупциогенных практик в качество их

культурно-нормативного паттерна во всей институциональной модели тройной спирали. В итоге имитационно-редукционистская модель трансформируется в *диалектико-институциональную*. Именно в ней классический принцип перехода количества в качество иллюстрирует преобразование критической массы имитационно-коррупциогенных практик в собственно социальный факт культуры. Его объективность и отражает культуроразмерное, альтернативное праву и редуцирующее его, нормативное содержание российской коррупциогенной традиции. Частным подтверждением такого вывода может служить определение коррупционной культуры О.В. Фролова, обосновывающего его в отношении педагогической деятельности на основании, в числе прочих, предложенного нами ранее концепта³⁵⁹, как «... совокупности ценностно-нормативных регулятивов криминальной деятельности, сформированной в результате культурно-исторического развития практик социального взаимодействия...»³⁶⁰.

Особо подчеркнем, что указанная неустойчивость демаркации коррупциогенного и правового норматива в условиях аномии является индикатором институционализации коррупции на социокультурном уровне тройной спирали. Например, В. В. Кривошеев³⁶¹, основываясь на исследованиях А. И. Гурова³⁶², отмечает в современном обществе определенный этап криминализации. Он связывает его, в первую очередь, с завершением формирования организованного криминалитета, масштабностью и сложностью решаемых им задач, укреплением связи общеуголовной и так называемой «беловоротничковой» преступности. Наблюдается интеграция традиционно криминально-ориентированных членов преступных группировок и аморально, асоциально настроенных представителей аппарата управления. Приводя собственную периодизацию и отводя последней, современной стадии криминализации российского общества период с начала 1990-х годов по

³⁵⁹ Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт // Вестник ИС РАН. 2014. №4 (11). С.73-92.

³⁶⁰ Фролов О.В. Философско-правовой контекст коррупционной культуры педагога // Правовая культура. 2018. №3 (34). С.26. (24-32)

³⁶¹ Аномия современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения / под общ. ред. В. В. Кривошеева. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 156.

³⁶² Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 304 с.

настоящее время, В. В. Кривошеев дает схожие с И. А. Гуровым его характеристики, отмечая особый нормативный статус коррупции³⁶³.

В свою очередь, субъективный уровень проблемы отражается в формировании устойчивых паттернов коррупционного сознания университетской субкультуры. Сегодня в ней преобладают и аккумулируются состояния фрустрации, социальной депривации, типичные для «атмосферы страха» вузовской аномии. Ни традиционные, ни формально легитимные спиральной модели предпринимательской культуры и идеологически определенные императивы поведения не приводят к ожидаемым результатам эффективности вузовской модернизации по инновационному сценарию. Это и соответствует классической мертоновской научной конструкции.

Особо отметим, что контекстуальность вузовской аномии диссипативно воспроизводит ключевые характеристики всего социокультурного контекста страны. Например, В. Н. Качьян отмечает: «Сложившаяся социальная ситуация ... предопределяет наличие серьезных трудностей в процессе оценки молодыми людьми состояния системы общества в целом, его терминальных ценностей, а также способов удовлетворения коллективных и индивидуальных потребностей в ходе социализации»³⁶⁴. К. И. Политкина также пишет: «Явления аномии, затрагивая при социальных потрясениях все слои населения, получают особое распространение среди слабых, незащищенных индивидов, у которых разорваны связи с обществом или социальной группой»³⁶⁵. Здесь такими категориями населения и являются, в числе прочих, студенты, а также преподаватели вузов как работники «бюджетной сферы».

Отмечаемые выше М.С. Смородиной парадоксы кризиса-стабилизации политики реформирования формируют в системе высшего образования масштабные стратификационные аномалии. Более того, они заключаются в деконструкции всей традиционной модели критериев распределения состава

³⁶³ См.: Аномия современного общества... С. 175–177.

³⁶⁴ Качьян В. Н. Аномия в системе вертикальных социальных перемещений подрастающего поколения // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 11. С. 98.

³⁶⁵ Политкина К.И. Концепты «религиозная аномия» и «религиозный феномен» в анализе коллизий отчуждения индивида в современной цивилизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23), ч. 2. С. 126.

страт в концепции демократического развитого государства. Отсутствие закономерных корреляций в принадлежности к власти, уровне дохода и образования демонстрируют дихотомичность социальной иерархии общества потребления. В первую очередь это проявляется в том, что для ППС идентификация себя с фундаментальным для поддержания социального порядка и стратегии устойчивого развития общества средним классом возможна лишь по критериям уровня образования (образованности). Это, в контексте распространения имитационности образовательного процесса, его симуляции и «конвейерном» воспроизводстве социальных субъектов с высшим образованием, теряет свою актуальность, увеличивая степень аномичности среды и ее латентный характер, при сохранении высоких средних показателей качества университетской деятельности. Тем не менее Президент РФ В.В. Путин в 2020 году отметил, что 17 тыс. руб., то есть 1,5 от суммы МРОТ, является заработной платой, соответствующей статусу представителя среднего класса в стране, и отнес к нему 70% населения³⁶⁶.

Между тем мнение научно-педагогического сообщества иное. В частности, по оценкам Н. И. Лапина, в начале 2000-х годов к среднему слою себя относил 48% населения, при реальном соответствии критериям принадлежности к данной страте в количестве 14%³⁶⁷. Н. Е. Тихонова приводит данные по состоянию на 2006 год, согласно которым уже 80% населения относил себя к низшим слоям общества³⁶⁸, где важно помнить, что 2000-е годы считаются благополучными в новейшей истории России. Приведенные данные отражают устойчивую тенденцию последних восьмидесяти лет развития системы высшего образования России³⁶⁹. С учетом политических требований обеспечить зарплату ППС на уровне двойного размера от средней по субъекту

³⁶⁶ См. напр.: Путин заявил о принадлежности 70% граждан России к среднему классу [электронный ресурс] // Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/03/2020/5e71c7fd9a79478083068ee2> (дата обращения 29.04.2020)

³⁶⁷ Лапин Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 115.

³⁶⁸ Тихонова Н. Е. Модель социальной стратификации российского общества: эвристические возможности различных теоретических подходов // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 6 / отв. ред. М. К. Горшков. М., 2007. С. 47.

³⁶⁹ См.: Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности («Круглый стол») // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 91.

РФ, на начало 2020 года она мало где составляла более 28-30 тыс. руб. в региональных вузах, в лучшем случае соответствуя среднерегиональной, но никак кратно не превышая ее. В начале 2021 года Президент страны обратил особое внимание на эту ситуацию, публично поручив «разобраться!»³⁷⁰.

В результате можно сделать вывод, что в условиях ценностно редуцированной идеологии общества потребления, глубокой аномии нормативной среды реализации профессиональных отношений, снижения уровня жизни представителей традиционно престижных и социально значимых профессий, востребуются альтернативные системы регуляторов, обеспечивающих поддержание определенной степени социального порядка. Для изменения ситуации необходимо привести систему высшего образования в такое состояние, когда легитимные ожидания субъектов университетских практик смогут удовлетворяться легитимными же средствами (по Р. Мертону).

Иными словами, ключевым условием преодоления гомеостатически-культурных эффектов вузовских коррупциогенных практик в условиях социальной аномии является адекватная его функционалу ресурсообеспеченность высшего образования. Не только финансовая, материальная, но и ценностно-нормативная. В реальности же современная идеология тройной спирали для вузов, равно как и стандарты массовой культуры потребления для всего общества, абсолютизируют символы «успех и богатство» на фоне преимущественно низких доходов университетских «бюджетников» и консюмеризма студенчества. В такой ситуации наблюдается описанный ранее эффект «воронки» нормативных фильтров культуры в условиях сильной коррупциогенной традиции: уменьшение законных, но в большой мере неэффективных, способов достижения легитимных целей и увеличение незаконных, но эффективных.

Последние с наибольшей вероятностью культурно ассимилируются в массовом сознании институциональных агентов, формируя коррупционное

³⁷⁰ См. напр.: Путин предостерег от «игр в статистику» из-за зарплат бюджетников // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/02/2021/6023c3f79a7947507ced138b>

сознание. Наиболее глубоко интегрируясь в практические и мировоззренческие структуры именно в аномичной среде, коррупциогенные паттерны формируют соответствующие социокультурные коды. Они и имеют наибольшие шансы к культурной диффузии, реплицируясь в хронотопе национальной традиции. Этим компенсируется нормативный дефицит аномии по принципу стремления любой системы к гомеостазу. Такому пониманию формирования механизмов воспроизводства коррупциогенных кодов культуры соответствует *компенсаторно-адаптивная модель*. Именно она характеризует семиотический шов российской патерналистски-бюрократической традиции, обеспечивая противоправное, но эффективное сопряжение культурных и социальных структур кумовской солидарности перманентной «русской смуты».

Поясним несколько подробнее. Современная культура общества потребления предъявляет к социально низшим слоям, к которым уже по двум базовым критериям стратификации (уровню дохода и престижу) относятся работники ВО, несовместимые требования. С одной стороны, они ориентированы на достижение высокого дохода и статуса в императивах предпринимательской культуры и политики инноватизации «спирали». С другой, данная цель не может быть достигнута легитимными средствами в условиях состояния аномии как образовательной среды вузов, так и всего социокультурного пространства. ППС в большей своей части попросту лишены такой возможности. Подобная *структурная несовместимость целей и средств* побуждает существенное увеличение числа компенсаторно-коррупциогенных «налогов» на университетскую систему.

В данных условиях именно коррупциогенный тип адаптивного поведения распространяется особенно быстро, так как он обладает наиболее высокой латентностью и возможностями социальной мимикрии среди всех асоциальных и противоправных деяний равнозначной степени общественной опасности. Кроме этого, в вузовской среде коррупциогенное поведение тиражируется и потому, что соответствует не только конформистскому типу адаптации по Р. Мертону в национальной традиции пиروвания-дарования. Оно отражает и

«инновационную» мертоновскую модель «ушлого дельца» клиентоориентированного предпринимательского вуза, соответствуя традиционному статусу ППС как наиболее интеллектуальной профессиональной группы населения. Именно поэтому сам Р. Мертон рассматривал инновацию на примере мошенничества. Последнее, как известно, совершается наиболее образованными / эрудированными преступниками. Также, как и коррупция, оно часто носит латентный, сложно квалифицируемый характер и имеет низкую степень правовой идентифицируемости.

Таким образом, мы полагаем что компенсаторно-адаптивная модель формирования механизмов воспроизводства коррупциогенных социокодов в системе высшего образования есть ответ на короткие жизненные проекты ее субъектов в контексте аномичной социокультурной и институциональной среды. Это – компенсация ее нестабильности коррупциогенно-рациональной нормативностью, приобретающей статус ценностной матрицы. Реализация коротких жизненных проектов заключена в рамках близкого горизонта насущного прогноза субъекта, что требует принятия преимущественно оперативных, а не стратегических решений. Они определяют столь же малозатратные в хронологическом, психологическом и иных аспектах методы достижения результативности. Коррупциогенные же отношения, имея длительную традицию, иллюстрируют жизнеспособность и действенность, сохраняясь при любых формах государственности, социального устройства, интенсивности социальных перемен и их особенностей. Иными словами, риски коррупциогенности высшей школы есть реакция на аномичность среды, ей детерминированы, основаны на типизации патерналистски-бюрократических отношений в образовательном процессе.

В такой ситуации выбор коррупциогенных регулятивов профессионального взаимодействия со стороны субъектов короткого жизненного проекта выступает оптимальным. Он характеризует рефлексивный уровень адаптивно-компенсаторной модели формирования механизмов репликации деструктивных социокодов культуры. В этом случае одним из

примеров короткого жизненного проекта и может служить этап вузовского обучения для самих студентов и их референтного окружения (родители, родственники и др.), а также обучающихся их преподавателей, вузовской администрации. Учебный процесс расценивается как формальный акт присвоения статуса путем исполнения определенных ритуалов. Как мы доказывали ранее, ритуализация образования основана, в первую очередь, на легитимации коррупциогенных практик, детерминирующих в совокупности имитационность и симуляцию образовательного процесса. Другими словами, коррупциогенная нормативность, коррупциогенная традиция культуры как таковая выступают параметрами порядка аномичной среды российской общекультурной матрицы в общем и образовательной субкультуры вузов, в частности.

Морфологию сложившейся, благоприятной для поддержания и трансляции деструктивно-коррупциогенных паттернов в университетской среде, ситуации возможно описать в терминах политологического анализа демократии Д.Е. Фурмана³⁷¹. В таком случае гумбольтовская система организации вузовского пространства как идеальный тип университетской культуры может быть названа «реальной демократией». Фактически же сегодня она имеет форму «управляемой», «имитационной демократии». Именно последняя форма организационной культуры в современных вузах соответствует пониманию имитационной демократии С.В. Мошкиным, вне зависимости от того, называем ли мы ее предпринимательской, клиентоориентированной, или еще как-либо. К ее основным признакам он относит формальное, но выхолощенное соблюдение демократических принципов, которые имеют характер «камуфляжа» для легитимации коррупциогенной системы, являющейся «имманентным состоянием» имитационной демократии³⁷². Сами же демократические институты в такой

³⁷¹ См.: Фурман Д. Е.: Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010. 168 с.; Общее и особенное в политическом развитии постсоветских государств // Пути российского посткоммунизма: очерки. М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. С7234-272.

³⁷² См.: Мошкин С.В. Коррупция в России: институциональные основания // Социум и власть. 2019. №1 (75). С.72-78.

имитационной системе С.В. Мошкин называет «муляжем», легитимирующим коррупциогенный конформизм, что вполне соотносится с эффектами перманентной модернизации высшей школы на фоне формально-правовой семиотики культуросообразности и гуманитарной функции образования.

В результате во всей параметрической иерархии вузовской реформы, начиная от политических деклараций и заканчивая рефлексивным уровнем институциональных агентов, наблюдается авторитарно-императивный, ценностно-прескриптивный стиль поддержания имитационного гомеостаза. Данная форма отношений обеспечивается имитационно-бюрократическими механизмами отрицательной обратной связи, подавляющей в традиции пирирования-дарования практически любые линии поведения, отклоняющиеся от патерналистской. В политически априорной для всех субъектов вузовской системы стратегии спиральной модернизации адаптивный конформизм становится наиболее адекватной формой «выживания» на всех уровнях иерархии профессиональных интеракций. Несмотря на то, что, как было доказано ранее, такой конформизм имеет внешний, вынужденный, а не истинный, мировоззренческий характер в среде вузовских ППС, а нередко и администраторов, результат его эмпирически ничем не отличается. Следовательно, можно говорить о том, что все сформулированные нами выше теоретические модели формирования механизмов воспроизводства коррупциогенных социокодов культуры, будучи рекурсивно связаны и взаимно детерминированны в отношениях круговой причинности, могут быть объединены в конвенциональную модель.

По нашему мнению, именно эта модель в наибольшей степени отражает сущность патерналистски-бюрократического гомеостаза системы высшего образования, утратившего статус культурно автономного института формирования личности и в концепции тройной спирали ставшего, по сути, формальным элементом федеральной и региональных стратегий экономики в семиотике коммерциализации и клиентизма. Конвенциональная модель коррупциогенности синергийно является как причиной, так и результатом

предоставления «коррупционной индульгенции»³⁷³ всем субъектам и акторам социальных практик, интегрированных в нее. Тем более, что «... нет ничего в социальной жизни, чего бы не было бы в индивидуальных сознаниях; но все, что в них находится, взято ими из общества»³⁷⁴.

Важно то, что этот процесс реализуется вне зависимости от реальных личностных причин и мировоззренческой формы коррупциогенного конформизма субъектов вузовской субкультуры, так как в любом случае обеспечивается деструктивная солидарность в культурном аттракторе традиции пиروвания-дарования. Отступление от нее для субъекта университетских социальных практик с высокой вероятностью имеет отрицательное подкрепление, которое может выражаться далеко не только в требованиях взятки или подобных незаконных материальных благ. Патерналистски-бюрократический ритуал и семиотика подарка имеют прежде всего символическое значение для поддержания социально-деструктивной солидарности, если даже она имеет механический, а не органический характер в духе концепции Э. Дюркгейма. Также конвенциональная модель наиболее полно в социокультурном плане соответствует установленному ранее факту диффузного характера кодов коррупциогенной традиции культуры в России, ее неформальной легитимации в вузах в условиях низкой эффективности права.

Как представлено на рисунке 4.2, оба вектора (коррупционный и правовой) равнозначно детерминируют социальное и психологическое насыщение процесса формирования конвенциональной модели формирования механизма воспроизводства коррупциогенных кодов культуры. Следовательно, вся система формальных и неформальных практик нормативно определенного процесса достижения легитимных целей субъектами вузовских практик результируется в правовом нигилизме либо через осознание неэффективности бюрократических процедур, либо через осознание эффективности процедур коррупциогенных. В любом случае результатом являются коррупциогенные

³⁷³ См.: Мошкин С.В. Указ. соч. С. 76.

³⁷⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.

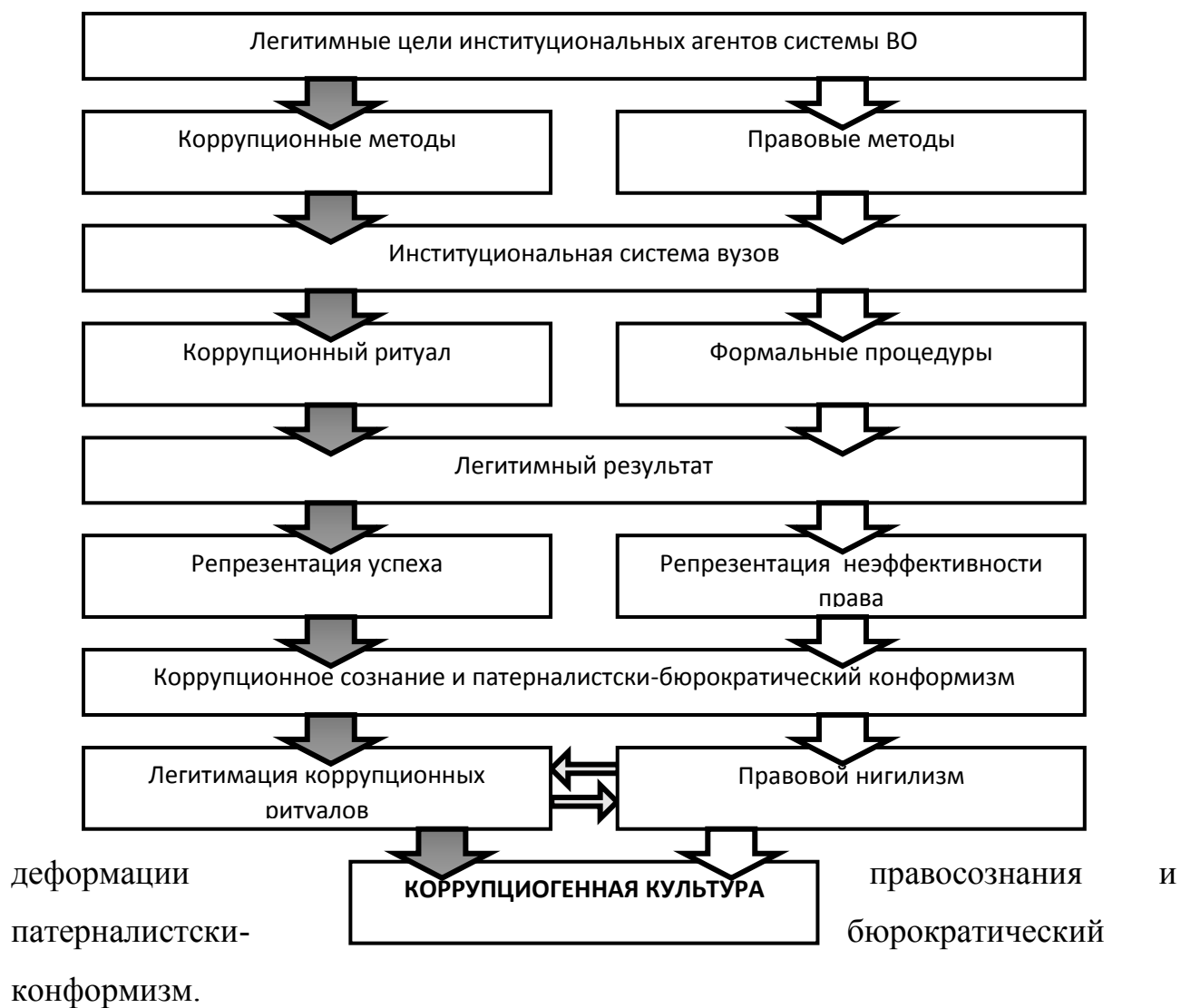

Рис. 4.2 Процесс легитимации паттернов коррупциогенной культуры в условиях ритуализации коррупциогенных практик в вузах на фоне низкой эффективности права³⁷⁵

Описанный выше процесс наглядно иллюстрирует феномен альтернативности коррупциогенной нормативности в отношении правовых ценностей. Идентифицируются два института регулирования формальных отношений, функционирующих параллельно. Каждый сопровождает процесс реализации формальных социальных практик посредством собственных методов – правовых либо коррупциогенных. При этом формальный институт права имеет статус номинальной матрицы нормы, в то время как коррупциогенная традиция – реальной. Также важно подчеркнуть, что оба этих института находятся в общем аттракторе целеполагания – достижение легитимного результата. При этом у коррупциогенной солидарности богатая традиция и отработанные временем методы, а у формальной стратегии модернизации низкоэффективный правореализационный механизм и дихотомичные модели регулирования, деструктивно аккумулируемые недостаточным уровнем развития начал демократической формы управления и частой трансформацией правового поля, противоречивостью и декларативностью ценностно-нормативного пространства вузов.

На основании представленных выше теоретических конструктов мы можем сформировать представление о функциональном наборе коррупциогенной матрицы социокодов в современном аномичном ценностно-нормативном пространстве вузов. Базовыми, наиболее четко идентифицируемыми являются следующие функции:

- трансляции;
- адаптивная;

³⁷⁵ Цветом выделены стрелки, обозначающие эффективные связи, без заливки цветом – низкоэффективные.

- нормативная (регулирующая);
- ценностная;
- интегративная;
- организующая (институционализирующая).

Сформировавшись, они образуют устойчивый функциональный комплекс, отражающий институциональный статус коррупциогенной патерналистски-бюрократической традиции, то есть ее конвенциональную природу.

Функция трансляции обеспечивает пролонгацию коррупциогенных феноменов в национальной культурной традиции России в исторической перспективе во всем институциональном пространстве социальных практик тройной спирали. В данной функции отражается их социокультурный масштаб и социогенетическая органичность.

Адаптационная функция отражает процесс приспособления социальных акторов высшего образования к ситуации аномии через удовлетворение социальных потребностей в регулировании правовой реальности патерналистски-бюрократическими нормативами. Здесь и проявляется собственно адаптивный потенциал коррупциогенной традиции культуры в условиях нестабильности.

Регулирующая функция является производной процесса формирования адаптивной функции, т. к. коррупциогенная нормативность формируется в условиях деструкций механизмов реализации формального позитивного права, при сохранении социальной потребности в устойчивой ценностно-нормативной системе реализации социальных взаимодействий. На уровне данной функции идентифицируется социально-компенсаторная роль социально-деструктивных социокодов традиции.

В свою очередь, образование ценностной функции определяется функцией нормативной. В то же время в естественном процессе институционализации недевиантных отношений механизм функционирует обратно, когда ценности предшествуют их нормативному закреплению. Однако

ценности коррупциогенной традиции культуры являются легитимацией неправовой нормативности криминального поведения субъектов профессиональных взаимодействий. То есть ценностно легитимируются коррупциогенные механизмы реализации социальных практик как реакция на социальную и психологическую депривацию субъектов университетских отношений, ритуализируя и оправдывая коррупциогенную традицию как альтернативную правовым процессам форму. В этом случае иллюстрируется рефлексивная, психологически-компенсаторная сущность коррупциогенных практик и формирование коррупционного сознания, асоциальное редуцирование состояний ценностно-нормативной фрустрации и депривации.

Интегративная функция отражает эффекты так называемой «круговой поруки», наблюдаемой как следствие механической солидарности субъектов университетских практик. Обеспечивается их идентификация с определенным типом коррупциогенной культуры (организации, профессиональной группы и т. д.), что отражает не просто нормативно-деструктивный конформизм, но и удовлетворяет психологическую потребность личности в идентификации себя с группой.

Институционализирующая функция обеспечивает формирование целостности паттернов коррупциогенной культуры как системы. Здесь происходит интеграция ценностей, нормативов, ритуалов, моделей пирирования-дарования в единое субкультурное пространство. Данная функция является производной от динамики формирования и реализации предыдущих функций и завершает процесс формирования конвенциональной модели воспроизводства коррупциогенных кодов культуры.

Схематически описанный процесс представлен на рисунке 4.3.

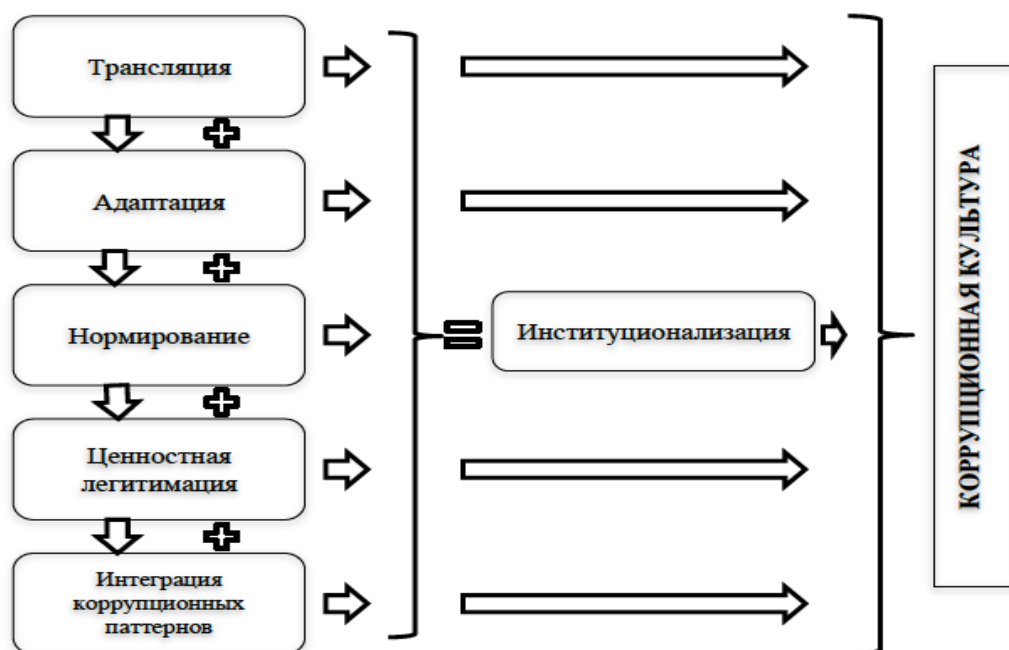

Рис. 4.3 Функциональная схема конвенциональной модели формирования механизма воспроизводства коррупциогенной культуры

Итак, обобщая изложенное в параграфе, можно прийти к выводу, что в структуру конвенциональной модели формирования механизма воспроизводства коррупциогенных социокодов культуры в системе высшего образования включаются следующие наиболее устойчивые ее подсистемы:

- подсистема коррупциогенных ценностей. Представляет собой совокупность референтных для института высшего образования формально декларированных целей спирализации, внутренне им интегрированных и выступающих прескриптивными стимулами его существования и развития, которые в условиях аномии модернизации замещаются ценностями и смыслами патерналистски-бюрократической солидарности;

- подсистема коррупциогенных норм. Понимается нами как комплекс неформальных принципов, установлений и иных нормативов, регулирующих реализацию функций коррупциогенной традиции культуры, сформированной обществом и внутренне интегрированной высшей школой в условиях удовлетворения компенсаторных потребностей вузов в идентифицируемой матрице отношений;

- подсистема патерналистски-бюрократического институционального контроля. Реализуется в сопоставлении результатов процесса реализации консолидирующих функций коррупциогенной традиции культуры с ценностно-нормативной матрицей высшей школы, ее оценкой и регулированием. Подсистема реализует, по сути, механизм отрицательной обратной связи всей институциональной системы высшего образования в соответствии с матрицей нормы в модели солидарности пирования-дарования.

Кроме того, эти подсистемы находятся в вертикальном соподчинении, где их связи являются наиболее важным аспектом в формировании механизма поддержания гомеостаза и воспроизводства матрицы ее социокодов, в первую очередь структуры и функций. Такая структурная детерминация представляет собой процесс последовательного формирования низших уровней иерархической структуры высшими. Когерентно структурному процессу формируются детерминируемые им функциональные отношения регуляции и контроля внутри иерархии и воспроизводства во внешних отношениях системы коррупциогенной нормативности с институциональными средами.

4.2. Культурные механизмы репликации коррупциогенных социокодов в образовательном пространстве вузов

Акцентируя культурные механизмы репликации коррупциогенных социокодов в университетской среде, в качестве обоснования в первую очередь подчеркнем, что значимым для нас является их понимание именно как культурного феномена российской действительности. Данный тезис требует учета качеств культуру-размерности и культуросообразности, что придает ей статус культурного артефакта. Подчеркнем, что *репликация (саморепликация) представляет собой воспроизводство / самовоспроизводство, копирование и, как правило, тиражирование определенного объекта*. Он, в свою очередь, может быть простым или сложным, гомогенным или гетерогенным. К наиболее сложным, системным социальным объектам безусловно и относятся феномены

культуры, закодированные в традиции, как механизме трансляции, в нормах и ценностях. Собственно культурные механизмы репликации коррупциогенных социокодов определяются как *относительно устойчивые и упорядоченные динамичные системы связей и взаимодействий социокультурных факторов, детерминирующих копирование и тиражирование элементов ценностно-нормативной матрицы коррупциогенной традиции, обеспечивающих свойства ее культуросообразности и культуро-размерности в России.*

Вспомним, что уже порядка 15 лет новейшей истории России наглядно иллюстрируется символическая ценность высшего образования. Это, с учетом статуса вузов как трансляторов культуры, массово формирует механизмы репликации консьюмеристской идеологии общества потребления. Такая репликация осуществляется через воспроизводство социальной практики, ее ценностно-нормативного содержания, направленного на достижение искомого символического статуса «образованного человека». В данном случае идеологемы социально-практической, стратегической цели получения высшего образования, его роли в социальной и индивидуальной биографии продолжают формально сохраняться, но содержательно кардинальны отличны от традиционных смыслов «образованности». Смысл в том, что даже в условиях «рыночной культуры» высшее образование не соответствует своей декларируемой атрибутивности как гаранта построения успешной карьеры в определенной профессиональной области. Не случайно в течение первых 5 лет работы меняют свою квалификацию или профессию в среднем 60% молодых специалистов, окончивших вузы³⁷⁶. На уровне теоретических обобщений подобной ситуации Е. М. Николаева и М. С. Николаев отмечают значительные деформации механизмов репликации содержания устойчивых социокультурных форм, говоря, что «в современных условиях существенно проблематизируется воспроизводство существующих общественных структур и отдельно взятых индивидов»³⁷⁷. Здесь ярко проявляется такая базовая

³⁷⁶ Шереги Ф. Э. Факторы, противодействующие модернизации... С. 249.

³⁷⁷ Николаева Е. М., Николаев М. С. Социальное становление личности в условиях коммодификации: инфляция социальной реальности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 1. С. 78.

характеристика современности как нестабильность, которая составляет сущностное ядро ценностно-нормативной аномии.

Нестабильность как перманентная характеристика является крайне важной для понимания культурных механизмов репликации коррупциогенной традиции в вузовской среде. Согласно теории функциональных систем, находясь в макро-контексте аномии социокультурной среды, транслируемой в институциональные структуры общества, университетская субкультура неизбежно стремится к гомеостазу. Апробируются различные модели выхода из кризиса. В итоге синергично формируется и закрепляется такой приспособительный результат, который стабилизирует эту систему. Он приобретает в ее структуре качество управляющего параметра, или параметра порядка. Однако в качестве такого параметра могут выступать и асоциальные деструктивные ценностно-нормативные паттерны. В результате на институциональном уровне высшего образования формируются редуцирующие правовую нормативность формы социальных взаимодействий. Они выступают управляющими параметрами в отношении низлежащих иерархических уровней (например, повседневно-бытовых, экономических потребительских или любых других практик). В этом случае регулятивной моделью социальных отношений выступает патерналистски-бюрократическая коррупциогенная традиция, определяясь как матрица нормы. Принимая факт такой матрицы в данном параграфе априорно на основании представленных ранее в работе доказательств, мы считаем возможным рассматривать конкретные механизмы ее поддержания и воспроизводства в образовательном пространстве вузов.

Подробнее раскроем проблему «спирализации» вузов с позиции теории функциональных систем. В первую очередь отметим, что внутренне согласованное и эффективное функционирование модели тройной спирали возможно лишь на основании культурной синхронизации ценностно-нормативных пространств составляющих ее институтов. В ином случае теряется политически заявляемый смысл самой научно-образовательной реформы по инновационному сценарию. В контексте проблемы

воспроизводства коррупциогенной традиции сам механизм синхронизации является ведущим в этом процессе.

На основании представленных в работе результатов на данном этапе мы предлагаем когнитивную культурно-синхроничную мета-модель репликации коррупциогенных социокодов культуры в образовательном пространстве вузов, включающую следующие частные механизмы:

1) *катализация* (модернизация как цель-стимул: от принципа культуросообразности высшего образования к принципу экономической целесообразности, внедрение модели тройной спирали);

2) *диффузия* императивных нормативных ценностей институциональных субкультур тройной спирали (формирование ценностно-нормативного контекста общества потребления и редукция гуманитарной функции высшего образования);

3) *компенсаторная перцепция* (формула «цель оправдывает средства» вместо «образование - высшая ценность», «человек экономический» вместо «человека образованного», формирование коррупционного сознания и мемплекса коррупциогенной культуры);

4) *нормативная синхронизация* (когерентность нормативно-ценностных императивов и мировоззренческих контекстов предпринимательской культуры тройной спирали, интеграция и устойчивость традиции пиروвания-дарования как семиотического шва в условиях компенсаторно-адаптивного ответа вузовской среды на аномию);

5) *репликация* (воспроизводство коррупциогенно-синхронизированных контекстов спирали в аномичной стратегии перманентной модернизации на институциональном и субъектно-субъективном уровне, трансляция мемплекса коррупциогенной культуры, замкнутая детерминация (круговая причинность) коррупциогенных социокодов).

Далее мы подробно раскроем все сформулированные частные механизмы предлагаемой мета-модели.

Говоря о *катализации*, подчеркнем, что культурная синхрония определяется единым, общим вектором целеполагания для всех субъектов спирали и выражается в семиотике и семантике предпринимательской культуры. Университетам как институциональным структурам сегодня самим государством через модель тройной спирали отводится особая роль в темпорально-целевой синхронизации личности, основных групп населения и политических приоритетов инновационного развития. Тем не менее процесс тотальной коммерциализации, являясь органичным для власти и бизнеса, в том числе в культурных моделях пирования-дарования, вступает в антагонизм с ценностной традицией вузовской субкультуры. Редукция такого отторжения обеспечивается механизмами культурной диффузии, интегрирующих все три ценностных пространства спирали в топологии семиотики общества потребления.

Иными словами, в результате реформ возникают значительные риски деструктивной трансформации фундаментальной социокультурной ценности образования в утилитарно-прагматическую. По нисходящему вектору общекультурные ценности «образованности» трансформируются из терминальных в биографически инструментальные. Подобная трансформация объясняется параметрическими особенностями уровней иерархии социокультурной системы. На институциональном уровне, где осуществляются реальные социальные практики, ценности и нормы уже в качестве параметров порядка приобретают прагматический статус и выступают непосредственно регуляторами тех или иных видов поведения акторов.

Помимо того, российские сложности модернизации как катализатор репликации патерналистски-бюрократических деструкций дополняются коррупциогенным же содержанием общекультурной ценностно-нормативной матрицы всей социальной системы. Российская специфика ситуации заключается в том, что эта матрица содержит не только потенциально коррупционные контексты (аномия и общество потребления), но и элементы собственно коррупциогенной культуры (национальная коррупциогенная

традиция пирования-дарования, коррупциогенная предпринимательская культура, бюрократический паттернализм и имитационные практики).

Диффузия, в первую очередь, обусловлена тем, что, образуя горизонталь максимально возможного числа социальных взаимодействий в индивидуальной и групповой биографии субъектов, институциональный уровень общества формирует феноменологический контекст повседневности их жизни. Помня о том, что в институты транслируется социокультурная матрица нормы, на этом уровне в коррупциогенной среде формируются содержательно аналогичные контексты социализации. В первую очередь это распространяется на институт семьи, который является первичным агентом социализации молодежи с рождения и до обретения ими статуса студента вуза.

В формальном взаимодействии высшей школы личность как субъект профессиональных практик выступает в качестве какого-либо социального типа: чиновника сферы ВО, представителя административного звена, студента или преподавателя вуза. Именно этим критерием определяются социальные ожидания субъектов образовательного процесса в отношении друг друга. Акторы в образовательном процессе непосредственно воспринимают модели социальных действий оппонента / коммуниканта, усваивая содержание их ценностно-нормативных и поведенческих матриц.

Крайне важным является также то, что социальные институты, находясь в горизонтальной связи иерархической структуры социокультурной системы, отражают общую матрицу коррупциогенной традиции культуры, взаимно обогащаются ее содержанием. Происходит это через ее поведенческую апробацию субъектами институциональных практик. В данном случае уместно вновь опираться на предложенный ранее инструментарий кросс-факторного анализа ценностно-нормативных матриц трансляции культурных социокодов (рис. 1.7).

Как мы помним, согласно таблице на рисунке 1.7, каждый элемент матричной структуры отражает активность одного фактора, проявленную в другом.

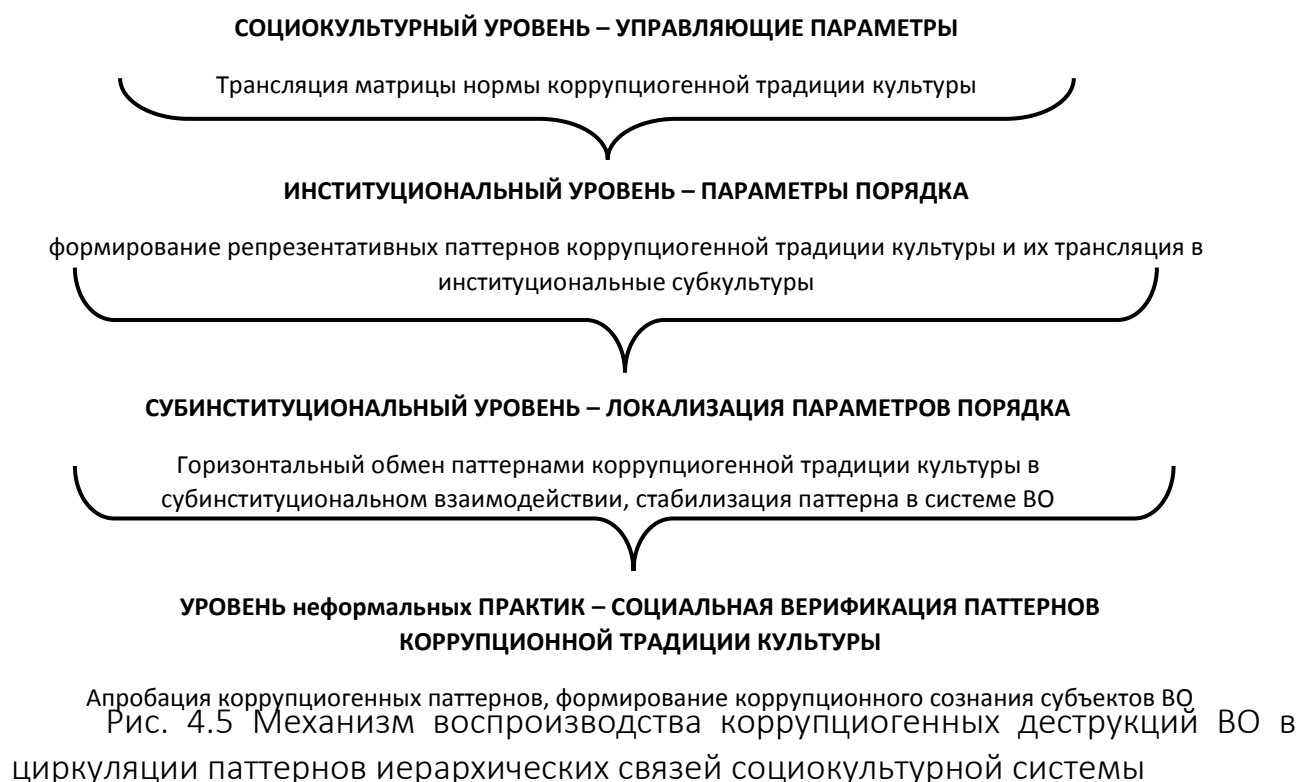
В семье, представленной как элемент в структуре матрицы повседневности (обыденной – «С») отражаются и транслируются коррупциогенные нормы. Далее уже институциональная сфера образования является для личности по мере взросления вторым актуальным субъектом социализации, начиная с дошкольной стадии, вплоть до окончания вуза. Образовательная среда включена в структуру матрицы официальной нормативности – «А». Рассматривая период вузовского обучения, имеющего официальной целью профессиональную социализацию личности, мы и наблюдаем пересечение субинституциональных областей значений. Содержательно это выражается в необходимости личности мировоззренчески и поведенчески интегрировать в своей биографии как минимум два типа референтных субкультур – семейную и образовательную. Мы полагаем, что согласно таблице кросс-факторного анализа, здесь наблюдается несколько вариативных типов субкультурных взаимодействий, отраженных символически как «Аа(к)», «Са(к)», «аА(к)», «сА(к)», выражающих возможности динамики доминантных и рецессивных статусов ценностно-нормативных структур официальных и обыденных матриц в сознании и поведении субъекта (рисунок 4.4).

Пассивный уровень	Матрицы		Активный уровень	
			Официальная	Обыденная
			А _к	С _к
	Официальная	а _к	Аа (к)	Са (к)
	Обыденная	с _к	Ас (к)	Сс (к)

Рис. 4.4 Таблица кросс-факторного анализа коррупциогенного содержания ценностно-нормативных матриц

С учетом идентификации в российском обществе коррупциогенной нормативности в общекультурной структуре социокодов, деструктивные паттерны не просто транслируются из одного субинституционального пространства в другое, деформируя их «коррупционно чистые» субкультуры. В

этом случае частные, обыденные ценностно-нормативные матрицы семьи, неформальных групп общения и формальная матрица высшего образования взаимно обогащаются содержанием друг друга. Здесь репликация, воспроизводство коррупциогенных деструкций в системе высшего образования приобретает черты круговой причинности, отраженную как на вертикальном, социокультурном уровне, так уже и на уровне горизонтального субинституционального взаимодействия. То есть, следуя логике представленной выше позиции К.В. Судакова, система коррупциогенных паттернов как социокультурная матрица нормы запечатляется на институциональном уровне функциональной системы, где они циркулируют в аттракторе субинституциональных связей системы ВО (рисунок 4.5).

Таким образом иллюстрируется вторая стадия механизма репликации коррупциогенных деструкций высшего образования.

Для понимания сути частного механизма *компенсаторной перцепции* далее необходимо рассмотреть субъектный уровень репликации коррупциогенных деструкций системы ВО. Следуя логике деятельностного подхода и системно-параметрического анализа, мы рассматриваем субъектов

образовательного процесса как акторов институционально специфических социальных практик в системе социокультурных связей.

В системе уровневых связей распространения коррупциогенной традиции культуры ее нормы концентрируются и затем транслируются в процессе социализации личности. Изначально такие деформированные ценности формируют ценностно-рациональный тип социального действия. На ранних стадиях индивидуальной биографии прагматическая ценность коррупциогенных паттернов в обществе потребления еще не столь очевидна для личности. Далее по мере взросления индивида и интеграции его во все более широкий спектр институциональных взаимодействий, в первую очередь сферы образования, паттерны коррупционного сознания все чаще апробируются в поведении. Укрепляется рационально-прагматическая польза коррупциогенного культурного образца, что формирует уже целерациональный тип социального действия. Такое поведение определяется уже как общекультурной коррупциогенной матрицей, так и рациональной необходимостью адаптации к ней, а также корыстной, утилитарно мотивированной выгодой. В коррупционном поведении согласуются и транслируются коррупциогенные ценности, социальный конформизм и корыстная мотивация. «Люди, для которых референтная группа является социальным образцом, – всего лишь объекты этого процесса. Они служат средой, обеспечивающей необходимые условия для копирования потребительских социально-культурных практик. В этом плане их можно рассматривать в качестве ресурса самовоспроизводства (репликации)»³⁷⁸.

В системе определенных выше стадий мета-модели репликации коррупциогенных деструкций ВО этот феномен может быть описан через частный *механизм селекции* коррупциогенной традиции культуры. В этом селекционном механизме особое значение приобретает «практикоориентированность» коррупциогенных ценностей и норм в границах

³⁷⁸ Николаева Е. М., Николаев М. С. Потребительская культура и кризис социализации // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 49.

субкультуры института ВО. В итоге из области *идеальных* типов нормативных структур сознания и поведения они воспроизводятся в низлежащих уровнях иерархии параметрической системы в *актуальные*. Здесь и наблюдается актуализация целерационального типа коррупционного действия, результативность которого выступает критерием селекции различных форм реальной репрезентации такого действия и их поведенческой трансляции в образовательных практиках.

По сути, в таких трансформациях мы видим уже отношения *нормативной синхронизации* идеологической и практической матриц коррупциогенной традиции в вузовской системе как институциональном субъекте трансляции культурных социокодов в тройной спирали. Е. В. Макарихин отмечает: «Так или иначе, идеология макроиндивида – феномен теоретической деятельности человека, существование которого как сопровождает, так и обуславливает выделение, самоидентификацию и само существование ... общности. Репродукция, временная трансляция цели существования общности из поколения в поколение – функция идеологии; а эта цель, в итоге, – репродукция, саморепликация общности в циркуляции поколений»³⁷⁹. Аналогичным образом воспроизводятся и признаки личности в современном обществе³⁸⁰.

Крайне важно помнить, что мы называем институциональный уровень социокультурной иерархии горизонтальным лишь на макро-уровне анализа. При рассмотрении статуса вузовской системы в институциональной структуре можно видеть, что она также обладает параметрически-иерархическим строением. Статус того или иного института определяется его функциональным значением. В этом смысле, например, правительственно-чиновничий аппарат управления сферой образования и науки будет находиться уже на высшем иерархическом уровне по отношению к собственно вузовской среде. Функция

³⁷⁹ Макарихин Е. В. Когнитивные детерминанты жизненного цикла существования общностей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2004. № 1. С. 466–470.

³⁸⁰ См. подроб.: Пойзнер Б., Соснин Э. Русская традиция исправления мира и дизайн социума // Высшее образование в России. 2000. №6. С. 42.

федерального (регионального) управления наукой и образованием возложена на органы государственной власти, являющих собой элемент структуры макро-института власти вообще. При этом модель, принципы и механизмы иерархических связей и отношений в такой структурно-функциональной системе представляет собой реплику параметрической организации социокультурной макро-системы.

С учетом описанных ранее характеристик коррупциогенной культуры, приведенное утверждение позволяет говорить не только о *репликации* ее содержания, но и благоприятных для нее условий среды. Следовательно, наблюдается *борьба репликатора за ресурс среды*. Например, в отношении данной проблемы В. А. Останин отмечает: «Так как коррупционеры не всегда могут довольствоваться исключительно одномоментными формами извлечения дохода из-за краткого срока исполнения своих функций, то они стараются создавать коррупционную систему отношений распределения, пользования и присвоения в целом в обществе. Для этого в обществе формируется соответствующая ресурсная база, создание которой есть инвестиционная деятельность коррумпированного чиновничества, которая имеет соответствующий объект – институт властных коммуникаций в обществе. Власть становится таким же фактором присвоения, как и капитал, земля, предпринимательские способности»³⁸¹.

Применительно к предмету анализа мы считаем, что в условиях консьюмеристской идеологии, распространения коррупциогенных социокодов в системе ВО, актуальной остается только символическая, идентификационно-статусная, а не практическая ценность образования. С. А. Дюжиков отмечает: «Феномен образования объясняется социокультурным подходом как формой человеческой культуры, направленной на трансляцию и усвоение культурных ценностей, следовательно, предметом обучения являются культурные ценности»³⁸². То есть изменение ценностного содержания социокультурных

³⁸¹ Останин В. А. Коррупционные инвестиции в системе отношений собственности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 3(52). С. 43.

³⁸² Дюжиков С. А. Социокультурный подход к исследованию деятельности государства в условиях

моделей формирования мотивации получения высшего образования детерминирует изменение моделей обучения. Актуализируются неформальные практики профессиональных отношений, интегрируя коррупциогенные паттерны мировоззрения в комплекс установок личности. Этим и преодолевается аномия регулятивного комплекса стандартов обучения в вузе. По мере типизации таких явлений, хронологической устойчивости, социальной апробации происходит их воспроизводство и необходимо вырабатываются, типизируются и механизмы репликации коррупциогенной традиции культуры в вузах, на которой они основаны.

Иными словами, коррупциогенные социокоды в высшем образовании транслируются в контексте воспроизводства социокультурных отношений, для которых она типичны. Они наследуются, как, например, ген или вирус в процессе биологической репликации, от одного поколения к другому. Следовательно, социальный ген, или социокод (информация, информационный комплекс, где информация понимается максимально широко) вузовского коррупциогенно-деструктивного контекста передается в социальную перспективу, реплицируясь в социокультурных, институциональных, субинституциональных и субъективных структурах.

Таким образом, можно утверждать, что *репликация системы коррупциогенных социокодов в вузах происходит путем тиражированного производства и селекции ее компонентов, а главное – всей структуры и связей патерналистски-бюрократической социокультурной иерархической системы, т. е. коррупциогенной традиции культуры и благоприятных для нее условий среды.*

В системе высшего образования воспроизводство и селекция реализуются на всех уровнях иерархии ее институциональной структуры: воспроизводятся управляющие параметры, параметры порядка, субъективные паттерны и, как следствие, коррупционные поведенческие практики. При этом запечатление

результатов успешной верификации коррупциогенных паттернов детерминирует все большую, циклически все более результативную динамику интеграции деструктивных социокодов в содержание ценностно-нормативной матрицы вузовского образовательного пространства. Далее, на каждом уровне вниз по вертикали, они конкретизируются в типичные, идентифицируемые через коррупциогенные модели поведения, деформированные установки правового сознания субъектов вузовских практик. Передавая в высшие уровни иерархии определенные степени своей свободы, что отражается в принятии коррупциогенных матриц взаимодействия, субъекты университетских практик вновь транслируют селекционированные паттерны в институциональную и, далее, в социокультурную среду. Таков *механизм замкнутой детерминации (круговой причинности)* репликации коррупциогенных социокодов и деструкций инновационной модели функционирования системы высшего образования, циклического воспроизводства и последовательной трансформации терминальных и инструментальных ценностей и норм коррупциогенной традиции культуры в вузах.

Далее мы считаем необходимым теоретически и эмпирически верифицировать представленные выше утверждения в отношении вузовского образовательного пространства еще более конкретно.

По нашему мнению, коррупциогенные паттерны национального архетипа (социокультурные управляющие параметры) определяют, в частности, столь низкий уровень эффективности антикоррупционной политики в России, скептические настроения населения в отношении антикоррупционной идеологии политических деклараций. Б. Пойзнер и Э. Соснин, рассматривая русские традиции «исправления мира» и отмечая возможность смены базового российского архетипа, тем не менее подчеркивают ее гипотетичность. Одним из оснований реализации такого сценария они, опираясь на М. Вебера, считают десакрализацию мира³⁸³. Однако мы должны учитывать устойчивую российскую традицию сакрализации власти. Данную патерналистскую

³⁸³ Пойзнер Б., Соснин Э. Указ. соч. С. 42.

установку общественного сознания иллюстрирует хотя бы известная поговорка «я начальник – ты дурак...», и наоборот.

В отношении же институциональных механизмов репликации коррупциогенных деструкций университетского пространства возможно смоделировать некие эмпирически существующие позиции, иллюстрирующие каналы распространения и трансляции компонентов коррупциогенной традиции культуры. К ним, в первую очередь, мы относим все базовые институты социализации и жизнедеятельности человека. Вторую ранговую позицию отводим неформальным группам общения, обеспечивающим трансляцию модусов успеха коррупционных сделок в среде повседневности. Третье место по значимости распространения коррупционных ценностей и поведенческих моделей в вузах можно вменить исторической традиции коррупционных моделей отношений в России вне зависимости от институтов социализации человека, наряду с проблемами одобрения коррупционного поведения в семье, наличие такого опыта у ее членов. Роль масс-медиа, например в лице СМИ, в процессах трансляции коррупционной культуры мы представляем наименее весомо. Тем не менее, с точки зрения представленности таких факторов в принципе, а не их удельного веса, что измерить эмпирически достаточно сложно, все позиции представлены равнозначно. Если принимать во внимание расхожие стереотипы общественного сознания о том, что коррупция в вузах определяется и распространяется коррупционной средой общества, таких как «Коррупция в вузах распространяется преимущественно "сверху", чиновниками от образования и вузовской администрацией» или «Коррупция привносится в вузы из обыденной жизни субъектов образовательного процесса, например из семьи», то в любом случае подтверждается представленное выше понимание иерархического механизма репликации коррупциогенной традиции культуры. В таких паттернах отражается факт коррупционности социокультурной среды, и последовательной ее возрастающей локализации в пространстве власти и административных институтов, и феноменологии повседневности субъектов образовательного процесса вузов.

Взаимодействуя в механизмах, представленных ранее в таблице кросс-факторного анализа ценностно-нормативных матриц трансляции коррупциогенного содержания культурных социокодов, деструкция распространяется в субкультурные и субинституциональные локусы среды. Самореплицируются нормативы патерналистски-бюрократической традиции культуры. Таким образом, первая ранговая позиция выступает характеристикой всего социокультурного пространства, вторая – представляет официальную (декларативную) матрицу, третья – обыденную (матрицу повседневности). Исходя из этого, мы полагаем, что первые два типа матриц являются активными, третья – пассивной в современных российских условиях.

Моделируя в результате теоретическую модель, эксплицирующую реальные социокультурные процессы, мы априорно называем основными каналами воспроизводства вузовской коррупциогенности в системе тройной спирали я такие, как «Политические институты – высшее образование» и «Повседневная жизнь – высшее образование», что усугубляется коррупционной традицией и взяточничеством в отношениях «студент – преподаватель». И лишь в последствии данная ситуация уже транслируется через СМИ, не выступающих активным каналом распространения коррупционных социокодов, а скорее *индикатором* фактического состояния коррупциогенности культуры.

В данном случае уместно еще раз вспомнить о механизмах селекции коррупциогенных паттернов, пронизывающих всю иерархическую структуру общества. В подтверждение можно привести мнение И. Л. Грошева и И. А. Грошевой, говорящих о том, что «абберативность современных подходов власти к использованию силовых механизмов "борьбы с коррупцией" приводит лишь к совершенствованию последней. Государство выступает в роли своеобразного селекционера, который «отбраковывает слабые и безжизненные ростки», оставляя лишь те, что заимствовали «полезные качества» (удобные, надо полагать, для самой власти)»³⁸⁴.

³⁸⁴ Грошев И. Л., Грошева И. А. Ключевые факторы коррупции в российской системе образования // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8, № 3. С. 144.

В данном случае мы и наблюдаем замещение формально-правовых регламентированных практик так называемым «кумовством» и «ручным управлением» в традиции политической и предпринимательской культуры российской спирали. Подобные практики в системе высшего образования представлены в разнообразных, но достаточно типичных формах.

В субъективном же аспекте можно утверждать, что в условиях коротких жизненных проектов, характерных для акторов социальных практик в контексте социальной аномии, превалирования идеологии потребления, высшее образование нивелируется до атрибутивного значения определенного социального статуса. Посредством массовизации наблюдается дисфункция задачи дифференциации населения в вузах, благодаря которой реализовывался запрос на формирование и воспроизводство социальной структуры. Например, Ф. Э. Шереги актуальную и сегодня позицию о том, что нынешнему молодому поколению предстоит восполнить социально-классовую структуру российского общества на две трети в качестве промышленных, аграрных рабочих и работников сферы бытовых услуг, большей частью средней и низкой квалификации, при том, что среди всех выпускников учреждений профессионального образования доля выпускников вузов, а значит доля «экономического балласта», обладающих дипломами о высшем образовании, около половины от общего числа³⁸⁵.

Сложившуюся ситуацию не корректируют и все шире распространяемые инновационные формы формализованной оценки качества образования, особо бурно распространившиеся на фоне пандемии COVID-19. Данная ситуация объясняется тем, что в существующих условиях содержание транслируемого социокода, составляющего основу процессов репликации, максимально упрощается. Сохраняется лишь адекватный социокультурному запросу состав паттернов сознания и моделей поведения субъектов высшего образования. В современных российских условиях в данный состав включены все компоненты деструктивной культурной матрицы. Ранее традиционные, культивируемые в

³⁸⁵ Шереги Ф. Э. Факторы, противодействующие модернизации... С. 249.

системе высшего образования, атрибуты редуцируются или исключаются из содержания социокодов в процессе образовательных практик. Они не востребованы средой и социально не репрезентированы как условие успешного построения профессиональной биографии после окончания высшего учебного заведения.

Например, как показано на представленных ранее моделях, формируемый коррупциогенный паттерн в результате социальной апробации в образовательном процессе или административной деятельности в вузе иллюстрирует успешность, так как обеспечивает традиционную патерналистски-бюрократическую солидарность. Он, в отличие от правового, легитимируется. В результате такой паттерн закрепляется в сознании как установка и служит практически неосознаваемым субъективным фильтром, через который «просеиваются» мотивы и практические модели совершения социального действия, допускающего неформальные схемы достижения целей. На основании указанной установки автоматически выбор делается в пользу традиционного, но социально-деструктивного способа. Таким образом циклически воспроизводится, с каждым разом все более стабилизируясь, коррупциогенная модель поведения. Все остальные мировоззренческие нормативы адаптируются под эту модель через селективность коррупционно-деформированного правосознания: включаются в нее или выбраковываются. Происходит репликация деструктивного социокода на уровне сознания. Так как среда благоприятна, или в лучшем случае индифферентна к реализации поведенческих моделей на основе подобных установок, то *реплицируется весь мотивационно-поведенческий комплекс мема коррупционной традиции, т. е. сами коды коррупциогенной культуры субъекта.*

Мы полагаем, что в современных российских реалиях функционирования университетской системы *все иные ценности*, согласующиеся со статусом субъекта образовательной среды, а в ряде случаев и более широкого субъектного диапазона, в итоге невольно *«подгоняются» под конвенциональную*

патерналистски-бюрократическую модель социальных практик в индивидуальном и групповом сознании и поведении.

На основании изложенного возможно сформулировать следующие выводы.

Коррупциогенность институционального пространства вузов, наличие патерналистски-бюрократических установок коррупционного сознания его агентов в условиях аналогично характеризуемого ценностно-нормативного пространства среды приводит к замыканию процессов круговой причинности распространения деструкций парадигмы инноватизации в образовательной системе тройной спирали. Контрдеструктивные элементы процесса мало эффективны и в восприятии субъектов ВО носят декларативный или имитационно-симуляционный характер. Модель солидарности «пирования-дарования» в ее интегрированном инварианте коррупциогенной культуры выступает как традиция и адаптационно-компенсаторный механизм.

Институциональный характер коррупциогенной культуры представляет собой крайне устойчивое социокультурное образование и со всей присущей любому социальному институту глубиной интегрируется во весь спектр социокультурных пространств и базовых ценностно-нормативных матриц общества. В результате транслируемая из социокультурного уровня иерархической системы матрица коррупциогенной нормы формирует в вузовской системе институционально-деструктивные паттерны (образцы).

Воспроизводясь, институциональные элементы (нормы, ценности, поведенческие практики, паттерны мировоззрения и др.) коррупциогенной традиции культуры пролонгируют жизнь самого феномена. В случае высшего образования данный процесс заключается в следующем: происходит воспроизводство патерналистски-бюрократической культурной модели солидарности в механизмах трансляции матрицы нормы (коррупциогенная традиция) социокультурного уровня иерархии и запечатлении ее в институциональной системе тройной спирали (организационная культура) в качестве коррупциогенного социокода образовательной субкультуры вузов. С

позиции социогенетического подхода в параметрической системе наследуется социально-деструктивный «ген», представленный коррупциогенным социокодом. Он формирует репрезентативные культурной матрице паттерны сознания и поведения, верифицируемые в социальных практиках субъектов образовательного процесса. Таким образом осуществляется селекция форм коррупционного сознания и патерналистски-бюрократических практик, стабилизируя ценностно-нормативные, регулятивные структуры коррупциогенной культуры.

Соответственно, мы можем наблюдать трансляцию патерналистски-бюрократической традиции в ценностно-нормативной системе образовательного пространства вузов как создание себе подобных структур. Здесь репликатором выступает некий объект (информация, социокоды), побуждающий коррупциогенные деструкции образовательной среды к своему копированию. Следовательно, функция коррупциогенной традиции культуры в системе высшего образования как репликатора состоит в том, чтобы создавать свои системно-институциональные и ценностно-нормативные копии (паттерны, нормативы, мемы, модели поведения), при этом конкурируя с другими репликаторами за ресурсы воспроизводства. Таким образом, идентифицируются следующие процессы, включенные в механизм репликации коррупциогенных деструкций вузовской среды по принципу замкнутой детерминации:

- воспроизводство социокультурного содержания среды, включающего социокод коррупциогенной культуры;
- воспроизводство социокультурного содержания трансинституциональной среды тройной спирали, включающего социокод коррупциогенной культуры;
- воспроизводство социокультурного содержания субинституциональной среды высшего образования, включающего социокод коррупциогенной культуры;

- воспроизводство социокультурного содержания групповых комплексов мировоззрения (мемов), включающих социокод коррупциогенной культуры;
- воспроизводство социокультурного содержания индивидуальных комплексов мировоззрения (мемов);
- распространение и воспроизводство коррупциогенных практик в институциональной системе ВО, пополняющих деструктивное содержание образовательной среды;
- распространение коррупциогенных практик за пределы институциональной системы ВО, пополняющих деструктивное содержание среды;
- обогащение коррупциогенного контекста институциональной среды вузов патерналистски-бюрократическим содержанием социокультурного пространства.

Все эти основные процессы замыкают цикл воспроизводства коррупциогенных деструкций вузовской субкультуры в контексте общей социокультурной системы. Основным здесь является то обстоятельство, что коррупциогенность, коррупциогенная культура во всех ее проявлениях, как типичная в российских условиях социокультурная и институциональная характеристика объектов и субъектов воспроизводства, реплицируется вместе с содержащими ее базовыми элементами. Например, воспроизводя институциональные характеристики высшего образования в тройной спирали, реплицируется и среда профессиональной социализации молодежи коррупциогенного содержания. Студент как объект социализации, также имея определенный уровень коррупционного сознания, более восприимчив к усвоению коррупциогенного социокода. Аналогичные эффекты наблюдаются в среде профессорско-преподавательского и управленческого корпуса вузовской системы. В результате субъектная коррупциогенная установка и, собственно, мемплекс коррупционного сознания резонируют коррупциогенным условиям и характеристикам пространства тройной спирали. В этом случае конкуренция

коррупциогенной культуры с правовой за социокультурные ресурсы, очевидно, на стороне первого репликатора.

4.3. Информационно-коммуникационные механизмы трансляции паттернов коррупционного сознания в ценностно-нормативном пространстве вузов

Рассмотрев системно-структурные статические и динамические аспекты процесса формирования и трансляции коррупциогенных социокодов в системе ВО, мы считаем необходимым акцентировать проблему их информационно-коммуникативных механизмов. Это обусловлено тем, что в настоящее время информация начинает рассматриваться гораздо шире, чем просто набор кодов. Становясь предметом анализа максимально разнообразного спектра отраслевых наук и их конвергентных течений, информационно-коммуникативные процессы и их содержание все чаще описываются с универсалистских позиций, позволяя исследовательскому интересу адаптироваться к частным научным проблемам. Обзор подобных подходов к проблемам развития личности мы можем видеть в работе О. В. Красновой, А. А. Краснова³⁸⁶. Принимая во внимание полученные нами ранее результаты, основанные на системно-параметрических и структурно-институциональных императивах исследования, мы планируем сохранить эту методологию работы и в данном случае.

На основании общего определения механизма, представленного в параграфе 4.1, информационно-коммуникационный механизм трансляции паттернов коррупционного сознания в ценностно-нормативном пространстве вузов понимается как система линейных и нелинейных связей социально-психологических факторов, детерминирующих тиражированное воспроизводство (трансляцию) информационного содержания социокодов коррупциогенной традиции культуры, их циркуляцию и обмен ими на уровне

³⁸⁶ См.: Краснова О. В., Краснов А. А. Информационно-кибернетические теории как пример продуктивного применения информационного подхода в исследовании процесса развития личности // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2013. № 3 (7). С. 244–251.

правосознания в процессе межличностной и групповой коммуникации институциональных агентов высшего образования.

В связи с этим важно подчеркнуть, что сам термин информация по настоящее время не имеет в науке интегративного непротиворечивого определения. В нашем исследовании под *социокультурной информацией* мы будем понимать *содержание социальных и культурных фактов, транслируемое в определенных сигналах (символах, кодах, паттернах деятельности) социальному субъекту, вступающему с ними во взаимодействие, и отражающееся в его индивидуальном / групповом сознании.*

В социально-кибернетическом смысле, информация есть управляющие (побуждающие к той или иной степени активности) сигналы, исходящие от социокультурной системы и адресованные реципиенту. В такой логике каждый социокультурный феномен есть транслятор, а *связь социального субъекта с ним определяется его информированностью.* Информированность здесь понимается как *качество коммуникационной связи транслятора и реципиента.*

Особо отметим, что согласно синергетической парадигме одним из важнейших свойств иерархических систем является невозможность полной редукции ценностно-нормативного содержания ее вертикально-соподчиненных уровней. В рамках предмета данного параграфа это значит, что информация социокодов, содержащаяся в наиболее высоких уровнях коммуникативной системы связей, не может быть полностью сведена к содержанию социокода на более низком уровне. Таким образом, ценностно-нормативные смыслы социокультурного уровня гораздо сложнее для понимания, сущностно масштабнее и более функционально нагружены, нежели социокоды институционального, субинституционального и любого другого уровня системы.

Следуя этой логике, можно утверждать, что идеологемы «законность» и «правопорядок» содержатся в иерархически наивысшем, общекультурном уровне социокультурной системы. Они выступают фундаментальными принципами социального взаимодействия как параметры порядка правовой

культуры, но на более низких иерархических уровнях интерпретируются уже иначе. То есть могут восприниматься при декодировании как социокоды, содержащие локально, оперативно значимую информацию, исключая основное, фундаментальное в отношении социума содержание. Так, соблюдение формальных процедур в образовательном процессе вузов может восприниматься сегодня как формально навязанные, вынужденно присутствующие в системе нормативы, социальная полезность которых не очевидна для реципиента. В данном случае вновь актуализируется вопрос об уровне общественного и индивидуального правосознания, фундаментальных социокультурных основах мировоззрения основных субъектов образовательного процесса в вузах, роли в их формировании информационных механизмов.

Самостоятельная акцентуация медийной среды обусловлена крайне возросшей ее ролью в современном обществе. «Пространство медиа, претендуя на статус бытийственного пространства личности, продуцирует особый тип социализации. В ее основе – принципиально гибкий (алертный) тип социальной адаптивности, отличающийся готовностью быстро реагировать на вызовы окружающей среды. Человеку с традиционным типом социальной адаптивности, который привязан к определенному социальному локусу, в подобных обстоятельствах грозит тяжелый экзистенциальный конфликт»³⁸⁷.

Для описания подобных процессов Е. М. Николаева, М. С. Николаев используют термин «инфляция социальной реальности». Мы полагаем, что одним из проявлений инфляции традиционной социальной реальности является «инфляция права», где коррупциогенный норматив заполняет его ценностную культурную нишу. Причем в условиях социальной аномии происходит это крайне быстро.

Применительно к системе высшего образования, мы можем описывать в терминах инфляции реальности и процесс профессиональной социализации

³⁸⁷ Николаева Е. М., Николаев М. С. Социальное становление личности...

студента, который, согласно позиции Е. М. Николаевой, М. С. Николаева³⁸⁸, характеризуется сегодня максимальной адаптивностью личности к среде. В первую очередь, имеются в виду процессы разрушения социальных функций вузов, нивелирующие их общественную роль, и формируемые у населения социальные ожидания, описанные нами ранее как потребление статуса специалиста посредством имитационно-симуляционных механизмов обучения. В итоге, на фоне низкого уровня правореализации, формируются условия для стабилизации коррупциогенных паттернов.

Говоря о макро-уровне динамики информационного обмена в сложной социокультурной системе, с учетом включенности в нее высшей школы, имеет смысл вновь обратиться к исследованиям В. Г. Буданова, который отмечает: «...система как бы постоянно измеряет саму себя, рождая новую информацию и, с возникновением иерархии времени в большей части системы, долгоживущие переменные становятся параметрами порядка нового гомеостаза, подчиняющие себе систему посредством совокупности отрицательных обратных связей. Становление в данном контексте есть, прежде всего, процесс самопорождения из хаоса параметров порядка, посредством которого реализуется эволюционный ценностный отбор, рождение, упаковка и сжатие информации»³⁸⁹.

В рамках предмета нашего исследования информационно-коммуникативный механизм выглядит следующим образом. Коррупциогенная культурная модель солидарности также представляет собой ценностно-нормативную параметрическую систему. Коррупциогенная традиция, не только как базовый канал трансляции, но и как информационный комплекс социокодов, выступает в качестве управляющего параметра системы, подчиняя низшие иерархические уровни. Традиционные паттерны культурной модели патерналистски-бюрократического поведения определяют формирование коррупциогенных паттернов организационной культуры как параметров

³⁸⁸ См.: Николаева Е. М., Николаев М. С. Социальное становление личности...

³⁸⁹ Буданов В. Г. Указ. соч. С. 36–37.

порядка тройной спирали. Они реализуются в системе уже реальных институциональных (транс- и субинституциональных) отношений в высшем образовании. В данном случае коррупционное сознание есть продукт, результат иерархического воздействия высших параметров коррупциогенной традиции культуры, отражающих соответствующие стандарты индивидуального и группового мировоззрения субъектов вузовских практик и их поведенческие репрезентации. Следовательно, макро-паттерны как образцы (шаблоны) матрицы нормы коррупциогенной культуры детерминируют содержание паттернов более низших уровней иерархии. Последние затем распространяют составляющие их коррупциогенные социокоды посредством тиражирования, репликации по принципу круговой причинности в иерархических вертикальных и горизонтальных связях. В матрице кросс-факторного анализа это отражено в акцентуации масс-медиа уровня «Вк».

			Активный уровень		
Пассивный уровень	Матрицы		Официальная	Масс-медиа	Обыденная
			А _к	В _к	С _к
	Официальная	а _к	<i>Aa (κ)</i>	<i>Ba (κ)</i>	<i>Ca (κ)</i>
	Масс-медиа	б _к	<i>Ab (κ)</i>	<i>Bb (κ)</i>	<i>Cb (κ)</i>
	Обыденная	с _к	<i>Ac (κ)</i>	<i>Bc (κ)</i>	<i>Cc (κ)</i>

Рис. 4.6 Таблица кросс-факторного анализа коррупциогенного содержания ценностно-нормативных матриц с акцентуацией масс-медиа пространства

Таким образом, масс-медиа уровень, акцентированный на рисунке 4.5, позволяет идентифицировать информационно-коммуникативные процессы в вузах в их активной (доминирующей) и пассивной (реципирующей) составляющей в отношении матриц официальной нормативности, повседневности (обыденный уровень, феноменология) и собственно медиа пространства социокультурной среды.

Репрезентируя приведенные теоретические конструкты в социальной реальности, уместно привести позицию О. В. Красновой и А. А. Краснова,

которые отмечают, что существуют примеры успешного влияния на личность девиантных ценностей (нацизм, другие формы экстремизма)³⁹⁰. По их мнению, в свете этого становится понятным тезис Н. Н. Киселева о том, что ход социализации в информационной среде требует особого регулирования. «Это, естественно, повышает ответственность социума за здоровое развитие и направленность инфопотребности подрастающего поколения, заставляет обратить внимание на информационную сущность развивающих взаимодействий и на высоком уровне нравственности ее использовать, поскольку на сегодняшний день определенно доказано, что можно влиять на поведение людей через управление информацией и управление инфопотребностью»³⁹¹.

Социокультурный аспект проблемы также акцентирует, например, В. В. Ратиев: «Культура информационного потребления – это духовные, ментальные, социокультурные основы интерпретации информации, ее анализа, осмысления, принятия или отторжения. В основе данного процесса лежат накопленные пласты знания, исторический опыт, исторические программы социального воспроизводства, направленного на сохранение, воссоздание и развитие сложившихся условий жизни. Именно генетически сложившиеся основы социокультурного воспроизводства определяют основы культуры информационного потребления, а стало быть, задают параметры информационного производства»³⁹².

Мы полагаем, что затронутые, так называемые «генетические», аспекты проблемы информационного обмена крайне важны для понимания информационно-коммуникативных механизмов трансляции коррупциогенных паттернов. В этом случае репликация коррупциогенной нормативности понимается как репликация информации через коммуникативный обмен определенных институциональных агентов ценностно-нормативного

³⁹⁰ Краснова О. В., Краснов А. А. Указ. соч. С. 245.

³⁹¹ Киселев Н. Н. Информационная потребность как фактор социализации личности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Кемерово, 1998. 20 с.

³⁹² Ратиев В. В. Проблемы информатизации культуры в советском и российском обществе // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1. С. 84.

пространства высшей школы. Здесь она редуцируется и реципируется, далее трансформируясь в субъективные и групповые установки коррупционного сознания и поведения в институциональной и субкультурной среде вузов.

Говоря о трансляции патерналистски-бюрократического паттерна в системе высшего образования, мы, следовательно, говорим о трансляции его базовых элементов - социокодов, - представляющих собой определенный информационный комплекс. Коммуникация здесь выступает базовым типом связи, каналом трансляции данной информации, ее обмена между коммуникантами в университетской среде. В свою очередь, информированность, осведомленность, как мы указывали выше, является индикатором качества коммуникативной связи транслятора и реципиента.

Здесь мы считаем необходимым вновь обратиться к особенностям функционирования сложных иерархических систем. В первую очередь к механизму отрицательной обратной связи, посредством которого происходит коррекция работы системы при ее отклонениях от тенденции гомеостаза. В отношении коррупциогенности системы высшего образования как деструктивном процессе ее инновационного развития таким механизмом выступает антикоррупционная политика, включающая в себя как информационно-идеологические, так и конкретные практические мероприятия. Именно они направлены на нивелирование паттернов коррупционного сознания посредством тиражирования амбивалентных им правовых нормативов. То есть механизм отрицательных обратных связей политики противодействия коррупции в пространстве высшего образования либо не реализуется, либо неадекватен масштабу проблемы. При этом все это происходит на фоне массовой трансляции просветительской и пропагандистской антикоррупционной семиотики со стороны административных структур, тиражирования символики «советского» образца.

Все это иллюстрирует деструкции информационно-коммуникативного обмена в горизонтальной и вертикальной плоскости иерархической структуры социальных связей не просто университетской системы, но всей спиральной

модели, построенной по вертикально-дискриминационному для вузов принципу. В отношении последнего утверждения, например, Д. А. Шопенко отмечает, что «власть опирается на информацию, которая в наши дни (по различным причинам) зачастую недостоверна. Существование волн дезинформации на всех уровнях общества, включая и тот, где принимаются ответственные управленческие решения, позволяет выдавать желаемое за действительное, что влечет за собой шлейф ошибок в управлении и контроле. Все это усиливает дезориентационные процессы в обществе, ведет к хроническому злоупотреблению властью»³⁹³.

Согласно данной установке, коррупциогенная традиция культуры как система управляющих параметров в коммуникативном механизме информационного обмена (трансляции) реализуется через параметры порядка, локализованные в институциональной системе образования. Далее они распространяют свое воздействие на субинституциональные локусы высшего образования, где непосредственно реализуются социальные практики в учреждениях ВО. При этом важно учитывать, что информационные уровни параметров порядка и управляющих параметров неперсонифицированы, представляют собой мета-уровни. Иными словами, долгоживущие коррупциогенные социокоды-регулятивы (коррупциогенная традиция) среды управляют короткоживущими ситуативными и локальными коррупциогенными установками личности и/или группы. Однако групповой уровень коррупциогенной традиции культуры вузов в ценностно-нормативном измерении гораздо более стабилен, нежели субъектно-личностный. Последний нередко формируется и реализуется спонтанно, ситуативно. По криминологическим критериям классификации личности преступника она наиболее удачно характеризуется как ситуативный тип.

В частности, определяемый нами как достаточно высокий, уровень распространения паттернов коррупционного сознания субъектов вузовских

³⁹³ Шопенко Д. А. Концептуальные основы социальной рискологии транзитивного общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 310.

практик может объясняться, в числе прочего, и низким уровнем межличностного информационно-коммуникационного обмена между ними по самой проблеме на фоне трансляции идеологием антикоррупционной направленности. В совокупности с высокой осведомленностью о состоянии коррупциогенности образовательного процесса его субъекты интегрируются в ценностно-нормативную среду, формирующую условия для селективных преимуществ деструктивных паттернов. Человек попадает в своеобразный *аттрактор, границы которого определяются широтой предоставленного информационного выбора на фоне неразвитой информационной потребности. То есть правовая информация редуцирована, сведена к формальным процедурам «правового ликбеза», в то время как коррупциогенные социокоды тиражируются и циркулируют в реальном контексте социальных практик и поведенчески апробированы.* В результате «ниша» актуальных для успешной профессиональной деятельности паттернов правосознания рискует быть заполнена деструктивным содержанием. Формируется высокое качество информационной связи сознания и патерналистски-бюрократической традиции, на фоне его снижения с правовыми ценностями и нормами.

О. В. Краснова и А. А. Краснов, опираясь на исследования Н. Н. Киселева, отмечают в этом отношении следующее: «...для развития личности необходимы: развитие инфопотребности, селективности и способность пересмотра основания для отбора информации, что, собственно, и происходит в онтогенезе, если вспомнить отечественные и зарубежные возрастные периодизации развития, смену ведущих видов деятельности и потребностей. Для реализации этой способности, по мнению Н. Н. Киселева, необходимо, чтобы личность не только воспринимала, различала разные инфопотоки, но и понимала, на чем основывается это различие, в частности, в ценностном аспекте»³⁹⁴.

При этом селективность как важное звено механизма репликации и трансляции деструктивных социокодов в вузах, столь необходимая для

³⁹⁴ Краснова О. В., Краснов А. А. Указ. соч. С. 246.

интеграции в мировоззренческие структуры личности субъектов ВО определенной информации, всегда требует формирования в отношении нее не просто потребности, а определенной актуализации, биографической востребованности. Этим иллюстрируется уровень личностной и / или групповой референтности содержания этой информации. Конструирование подобной среды и личностных / групповых социальных установок представляет собой сложный системный процесс, требующий учета не только социокультурных, но и психолого-возрастных, и иных факторов.

Отмечается: «...инфопотребность играет важную роль на всех этапах жизни индивида, но с течением времени с детства до старости наблюдается сужение спектра. С взрослением снижается способность к восприятию большого количества информации; это компенсируется развитием селективности, которая зачастую играет отрицательную роль, препятствуя восприятию новой, прогрессивной информации, ориентируя только на самовоспроизводство (стереотипность восприятия, предубеждения)»³⁹⁵.

Именным этим возможно объяснить низкий уровень инфопотребности и собственно информированности ППС вузов об антикоррупционных мерах на фоне их формальной распространенности. При этом у студенческой молодежи селективность и моральная матрица восприятия новой информации еще только формируются. В этом случае информационное содержание среды, состояние ее коррупциогенности играет определяющую роль в деформировании их правосознания на субъективном уровне.

Следовательно, подтверждается факт, что существуют как минимум две параметрические системы селекции транслируемой информации, содержащей коррупциогенно-деструктивные паттерны:

- первая интегрирована в макроуровень социокультурных матриц общественного воспроизводства;
- вторая – на личностно-субъектном уровне акторов социальных практик в вузах.

³⁹⁵ Там же. С. 246.

Мы полагаем целесообразным дополнить данный список *институциональным уровнем*, выступающим в общей параметрической иерархии в качестве уровня параметров порядка, в рассматриваемом случае в виде ценностно-нормативного вузовского пространства. Именно этот уровень информационно-коммуникационных взаимодействий предметно наиболее важен, т. к. является контекстуальным полем, в масштабах которого транслируются коррупциогенные паттерны как высшего, так и низшего уровней иерархии в реальных неформально-деструктивных поведенческих актах.

В итоге система высшего образования и собственно университеты как подчиненный уровень интегрируют коррупциогенные паттерны социокультурной системы в целом. Затем, через патерналистски-бюрократическую организационную культуру тройной спирали, деструктивные паттерны среды транслируются в личностно-групповое правосознание. Посредством него в реальных поведенческих профессиональных практиках данные паттерны закрепляются и реплицируются вновь в механизмах круговой причинности в институциональную среду высшего образования, и выше/шире.

Значение ценностно-нормативного содержания контекстуального пространства в процессах трансляции значимо в любых актах межличностной (межгрупповой) коммуникации. М. Б. Бергельсон отмечает, что «каждый акт коммуникации представляет собой уникальное сочетание фонового и текущего сознания данного отправителя с аналогичными формами сознания данного получателя в условиях конкретного контекста»³⁹⁶. Это означает, что уровень коррупциогенности образовательной среды крайне референтен к результатам такой коммуникации.

Конкретизируя представленные промежуточные выводы, уточним, что в активном уровне масс-медиа пространства в матрице кросс-факторного анализа акцентируется и роль СМИ как генератора и транслятора определенных

³⁹⁶ См.: Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет) // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55–67.

паттернов общественного сознания. При сравнении результатов нашего исследования, приведенных ранее и однозначно иллюстрирующих осознание работниками вузов своего статуса как крайне низкого, например, с результатами исследований британских учителей, можно провести определенные параллели, подтверждающие высокую значимость масс-медиа в деструктивных процессах.

Подтверждение заключается в установленном факте того, что низкий статус работника образования во многом детерминирует его противоправную мотивацию, по крайней мере в России. Е. Колесникова отмечает, что, с точки зрения британских учителей, у них также низкий «кредит уважения» в глазах СМИ. Публичный имидж профессии, представленный именно в масс-медиа, вызывал больше всего несогласия и разочарования у педагогов. Они описывали прессу как тот институт, который «представляет их в самом невыгодном свете»³⁹⁷. В этом же исследовании говорится о том, что корреспонденты и редакторы СМИ играют ключевую роль в формировании новостей и общественной репутации образования в печатных масс-медиа. Несмотря на то, что данный вывод касается британских СМИ, в условиях глобализации и унификации спиральной модели и принципов организации медиа-индустрии мы полагаем его справедливым и в отношении российской ситуации.

В свете данного утверждения на фоне тиражирования в СМИ информации о тотальной коррупционности российского образования, выводы Е. Колесниковой, проводившей контент-анализ российской прессы, об индивидуализированности коррупционных новостей на фоне отсутствия в них описания общего социального контекста данной проблемы на уровне всей системы образования говорят об отсутствии достаточной объективности масс-медиа контента. Также Е. Колесникова в отношении российских СМИ отмечает, что «коррупционная риторика затрагивает в основном управленческий состав образования — доминирующими субъектами

³⁹⁷ Колесникова Е. Образ профессионального учительского сообщества в британских и российских СМИ // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 256.

финансовых преступлений были не педагоги, а чиновники, административные работники образовательных учреждений и обобщенно "работники образовательных учреждений"³⁹⁸.

Приводимые указанным автором мнения и выводы иллюстрируют внутреннюю антагонистичность информации в паттернах, транслируемых российскими СМИ. Она заключается в противоречии, скорее всего не осознаваемом непрофессиональным реципиентом, «обывателем», а также и самими субъектами образовательного процесса вузов. С одной стороны, транслируется неперсонифицированность субъекта коррупции или она представлена лишь в редких случаях, сам «фон» образовательной среды описывается как коррупционный. С другой стороны, четко идентифицируется информационный акцент на стигматизацию определенных социально-профессиональных групп в качестве коррупционеров, таких как управленческие структуры высшей школы, вне описания общего контекста общества, причин подобной ситуации. В условиях низкой селективности информации населением подобные констатации, пользующиеся в общественном мнении статусом «безоговорочной достоверности», формируют соответствующие паттерны массового сознания, отраженные впоследствии в субъективных установках в отношении ценностно-нормативного пространства образовательной среды вузов у всех социально-демографических категорий населения. Транслируется и циркулирует мем коррупции.

Мы полагаем, что механизм трансляции коррупциогенных паттернов в контексте теории мемов позволяет утверждать следующее. Выживаемость мема и его тиражированное воспроизводство в ценностно-нормативном пространстве вуза опосредуется спецификой информационно-селективной способности субъекта научно-образовательного процесса. Иными словами, в условиях коррупциогенной традиции и ее репрезентации в российской системе высшего образования коррупционные модели поведения, установки и коррупциогенные ценности правосознания личности (группы) воспринимаются как типично-

³⁹⁸ Колесникова Е. Указ. соч.

референтные, или иначе – привычные. Кроме того, сама «вузовская коррупция» является социокультурным мемом в России, что в условиях системности проблемы оправдывается как повседневно-контекстуальное явление.

Иными словами, в реальном информационно-коммуникативном взаимодействии рекурсивная трансляция коррупциогенной смысловой информации носит побуждающий в отношении оппонента/реципиента характер. Следовательно, идентифицируются базовые макро-элементы механизма формирования личностного коррупциогенного паттерна, влияющие на вероятность неформального поведения. Этими элементами являются коррупциогенные:

- характеристики ценностно-нормативного контекста ситуации;
- установки субъектов коммуникативного обмена;
- смысловое содержание паттернов транслируемой информации.

Наиболее важно здесь принять во внимание наличие достаточно устойчивых коррупциогенных установок субъектов образовательного процесса, характеризующих селективность формирования, трансляции и восприятия информации в коммуникативном обмене. Например, Л. А. Егорова пишет: «Представление адресанта о текущем состоянии знаний адресата включает в себя и представление говорящего о том, как слушающий представляет в данный момент состояние знаний самого говорящего. Источник и получатель информации меняются местами, активность и избирательность адресата возрастает настолько, что он превращается в главную фигуру коммуникативного взаимодействия»³⁹⁹. Иными словами, селективность, отражаясь в установке субъектов коммуникации, формирует восприятие целей и форм реализуемых деструктивных практик. При этом патерналистски-бюрократический контекст коммуникации дополняет масштаб криминогенной «нагрузки» на мировоззрение коммуникантов, сужая границы селективности восприятия информации.

³⁹⁹ Егорова Л. А. О проблеме восприятия научного гипермедийного дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2009. № 4. С. 58.

Массово присутствующее в сознании основных групп агентов высшего образования паттерны, заключающиеся в убеждении, что неформальная модель солидарности в современных вузах является одним из наиболее действенных способов эффективной реализации научно-образовательного и административного процесса, несмотря на определенную эмпирическую достоверность, существует в первую очередь в виде культурного мема. Он тиражируется и циркулирует на всех уровнях социокультурных, институциональных и межличностных взаимодействий. Устойчивость и трансляция такого информационного мемплекса коррупции в механизмах круговой причинности социокультурной иерархии определяет и институциональную устойчивость коррупциогенного паттерна в тройной спирали.

Сложившаяся ситуация приводит к массовой правовой дезадаптации как самих субъектов вузовских практик, так и населения страны в целом. Например, Л. Л. Шпак пишет: «Факторное воздействие на адаптивно-дезадаптивные процессы и состояния людей оказывает общественное сознание на разных уровнях его организации (от индивидуально-личностного до общечеловеческого). В общественном сознании и в повседневном быту сохраняются так называемые добросовестные заблуждения. Они становятся органической принадлежностью обыденного сознания, контролируемого институтами»⁴⁰⁰. Здесь вновь с позиций меметики иллюстрируется эффект, когда патерналистски-бюрократический стандарт пирования-дарования выступает семиотическим швом⁴⁰¹ институционального взаимодействия в обществе потребления: коррупционный язык общения является «понятным всем».

Итак, обобщая результаты исследования, в качестве вывода по главе возможно представить следующие положения.

⁴⁰⁰ Шпак Л. Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни // СОЦИС. 2011. № 3. С. 51.

⁴⁰¹ См.: Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry // Cybernetics & Human Knowing. 2004. Vol 11. No1. pp. 49-62; Marks-Tarlow, T., Robertson, R. & Combs, A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // Cybernetics & human knowing. 2002. Vol. 9. No. 2. pp. 31-47.

В России сложилась устойчивая стигматизирующая мифологема тотальной коррупциогенности, имеющая, однако, как показали анализируемые в работе исследования, во-многом репрезентативный в отношении современности характер. Даже при теоретическом моделировании ситуации полного искоренения патернализма, бюрократии и коррупции, например, в российском высшем образовании, данная мифологема будет существовать автономно как феномен национальной культуры и массового сознания – мем, – определенный социокод, паттерн, а по сути, неперсонифицированная информация. Важно понимать, что срок социокультурной жизни такого мема гораздо более длителен, чем биографии индивидуальных и коллективных субъектов социально-профессиональных практик. Коррупциогенный мем особо толерантен в отношении корреляций к реальным социокультурным изменениям. Поэтому с учетом устойчивой исторической традиции коррупциогенной культуры борьба с ней в реальной жизни не будет коррелировать ни к каким антикоррупционным установкам населения еще значительное время, определяя традиционно-неформальный характер реализуемых моделей поведения. Все изложенное полностью правомерно и в отношении университетской среды.

Итак, общая схема механизмов формирования и трансляции коррупциогенных социокодов в системе высшего образования согласно матрице кросс-факторного анализа выглядит следующим образом:

Социокультурный аспект:

Доминантный уровень – типизация патерналистски-бюрократических практик солидарности в исторической традиции, формирование коррупциогенных социокодов общекультурной нормативной матрицы, результирующих к коррупциогенной традиции (криминогенные социокоды российской культуры).

Реципирующий уровень – паттернизация (формирование образца) коррупциогенной нормативности, институционализация регулятивов коррупциогенной традиции культуры в общекультурных нормативных

матрицах.

Частный результат: формирование коррупциогенного социокультурного информационного пространства среды (распространение и устойчивость коррупциогенного социокода в национальной культуре). Трансляция коррупциогенных социокодов в институциональную среду социально-профессиональных практик. Формирование социокультурного мемплекса коррупции в системе ВО. Институционализация коррупциогенной организационной культуры.

Институциональный аспект:

Доминантный уровень – организационная коррупциогенная культура «горизонтального» институционального пространства социокультурной системы. Институциональная коррупциогенная культура.

Реципирующий уровень – локально-институциональные формы организационной коррупциогенной культуры в системе «вертикальной» институциональной структуры общества. Повышение уровня коррупционности социальных институтов когерентно состоянию коррупционности институциональных профессиональных практик. Формирование институционального мема коррупции.

Частный результат – формирование институционального мема коррупции в системе ВО.

Субъектный аспект:

Доминантный уровень – коррупциогенная культура социокультурного и институционального уровня социально-профессиональных практик как контекстуально-референтное пространство социального бытия субъектов ВО. Реплицированный в феноменологические пространства коррупциогенный «фон» как информационное содержание культурного социокода. Формирование в матрицах повседневности референтных контекстов интерпретации информации и апробации ее содержания. Отражение матриц феноменологических пространств социальных практик субъектов ВО в реальных поведенческих репрезентациях.

Рецепирующий уровень – формирование области предельных значений смыслового содержания информации через матрицы коррупциогенной установки и селективности субъектов ВО. Восприятие любой информации сквозь фильтр неформально-коррупциогенной установки. Селективная оценка некоррупционной информации как второстепенной, призванной сформировать ритуальную ситуацию «просьбы – отклика», предшествующую совершению патерналистски-бюрократической сделки.

Частный результат – трансляция коррупциогенных паттернов сознания и поведения на низший иерархический уровень социально-профессиональных практик, их поведенческая апробация и мировоззренческая стабилизация.

Общий результат – социально-поведенческая трансляция коррупциогенных паттернов социально-профессионального взаимодействия в институциональной среде ВО, обогащающая и типизирующая их на мезо- и макроуровнях в динамике обратных отрицательных и положительных связей социокультурной среды как параметрической системы. Обратный «вброс» коррупциогенных паттернов в социокультурное пространство среды посредством распространения патерналистски-бюрократических практик и их массовизации. Замыкание контуров круговой причинности в информационно-коммуникативном механизме трансляции коррупциогенных социокодов.

Заключение

В процессе решения задач диссертационного исследования современная университетская система была рассмотрена в контекстах процессов модернизации, идеологически ориентированных на цели инноватизации, технологизации, цифровизации и формирования кадрового потенциала стратегии «Прорыва», вследствие чего она подвергается значительному реформированию. Основными резюмирующими выводами проведенных исследований могут служить следующие положения.

1. Установлено, что в современной системе высшего образования деформируется базовая функция трансляции культурных социокодов. Нарушается алгоритмизированный процесс трансляции традиции как комплекса социокодов прошлого, направленный на интеграцию личности в контексты социальной памяти культуры. Это нарушение связано с тем, что официальная идеология инноватизации параллельно также транслируется в институциональное пространство высшей школы. Ситуация обусловлена тем, что образовательная система вузов является формальной организацией институциональных функций и подчинена политической власти. Выявлено, что в результате наблюдается рассогласованность содержания семиотико-кодовой системы высшего образования. У реципиентов (студентов и их родителей, преподавателей, администрации,) возникают трудности с ее расшифровкой. Вследствие антагонизма традиции и инновации у субъектов образовательного процесса отмечаются затруднения идентификации социально и биографически востребованных смыслов образования. Формируются мозаичные образы социальной реальности в субъективном мировоззрении, что детерминирует оперативно-ситуативное манипулирование определенными смыслами и ценностями, заключенными в «старых» и «новых» социокодах. В этом случае деформируется функция формирования целостной биографической стратегии личности на основании ценностей и норм культуры. Возникает эффект замкнутой детерминации: среда не предоставляет четко идентифицируемых социальных ориентиров и не формирует внутренних смыслов, а на

субъективном уровне закрепляются утилитарно-прагматические ориентиры биографии, которые в процессе социальных практик вновь «вбрасываются» в среду.

2. На основе анализа нормативно-правового поля и вторичной социологической статистики выявлены и систематизированы казуальные противоречия, в результате которых современная система высшего образования в России поставлена в условия, диктующие приоритеты развития одновременно по двум различным векторам – традиционному и инновационному. При этом она, как любая сложная система, стремится к гомеостазу для сохранения своего институционального статуса. В этом случае вырабатываются адаптационные механизмы ее самосохранения. Поддержание институционального статуса нередко обеспечивается имитационными практиками управления и симуляцией научно-образовательного процесса. Радикальные, топологически не согласованные внешние властные воздействия на традиционные основы системы высшего образования провоцируют необходимость резкого изменения ее функционального содержания и структурной организации. В результате топология структурно-институционального и ценностно-нормативного пространства высшей школы оказалась не адаптирована к расширению функционального набора системы. Это проявилось в ограниченности ресурсов большинства вузов для решения административно делегированных, но не свойственных им ранее задач. Следствием такой ситуации выступают дисфункции университетской системы как в сфере образовательной, так и научной деятельности. В связи с этим, результатом образовательного процесса нами определены риски формирования такого типа личности как «неквалифицированный потребитель».

3. Установлено, что в России сформировалась устойчивая форма специфических деформаций правосознания и социальных практик, понимаемая как коррупциогенная традиция культуры. Это совокупность специфически криминогенных (коррупциогенных) ценностей, норм, установок, регулятивов и моделей поведения. Доказано, что в российском обществе интегративный

характер коррупциогенной культуры обусловлен ее исторически-причинным комплексом. В его состав включены: 1) особенности национальной организационной культуры; 2) дисфункции институциональной системы; 3) специфика национальной правовой традиции. Все три составляющих имеют национально обусловленный коррупциогенный потенциал. Коррупциогенная культура имеет сложную параметрическую структуру, социально репрезентируется в механизмах ритуализации и легитимации коррупциогенных практик, обладает определенным функциональным набором. Это, в условиях низкой эффективности правореализации, детерминирует ее институционализацию. Образуя целостную систему, элементы коррупциогенной культуры репрезентируется в поведенческих практиках. Такие практики имеют базовые, типичные черты, проявляющиеся в патерналистски-бюрократических имитационных механизмах профессиональной интеракции. Возможность коррупциогенной имитации основана на высокой латентности коррупции, ее способности к социальной мимикрии, а также исторических формах неформальной солидарности.

4. Обосновано, что статус коррупциогенной культуры как деструктивного фактора модернизации системы высшего образования определяется согласно теоретической модели их иерархического соподчинения. Такая модель предполагает дифференциацию факторов по критериям позиции источника влияния на объект, по эффекту воздействия (результату) и характеру объективности на экзогенные и эндогенные, конструктивные и деструктивные, объективные и субъективные. Все группы факторов иерархически и линейно связаны и образуют в отношении высшего образования многоаспектное факторное пространство. Обосновано, что коррупциогенность в контексте модернизации имеет противоречивый статус, что связано с состоянием нестабильности образовательной системы. С одной стороны, она формально признается деструктивным явлением для развития института образования. С другой, в условиях аномии образовательного пространства, нивелирования традиционных институциональных ценностей она выступает инструментом

поддержания гомеостаза системы через имитационные и симулятивные патерналистски-бюрократические модели солидарности. Формируется сложный, экзогенно-эндогенный и объективно-субъективный, факторный характер коррупциогенности. Несмотря на противоречивость факторного статуса, с позиции общественной морали и формального права социально-деструктивная сущность патерналистски-бюрократической традиции сохраняется. В контексте коррупциогенности социокультурной среды российского общества такая традиция как деструктивный фактор в высшем образовании представлена феноменами коррупциогенности культуры и коррупционного сознания субъектов образовательного процесса.

5. Понятия и социальная репрезентация коррупциогенных рисков имеют различные определения, онтологию и детерминацию. Обосновывается, что коррупциогенные риски модернизации высшего образования представляют собой специфический вид социальных рисков деструкций высшей школы, детерминируемых наличием и распространением в социокультурной среде общества различных редуктов (ценностей, норм, мотивов, потребностей, поведенческих традиций и моделей, и др.) коррупциогенных социокодов культуры. Определено, что коррупциогенные риски модернизации высшего образования — это вид социальных рисков, создающих потенциально деструктивные типы образовательных отношений между субъектами образовательного процесса. Установлено, что, являясь тождественными, коррупциогенные и бюрократические риски являются специфически криминогенными рисками. Основное различие заключается в том, что причинно-следственные связи имеют обратную направленность в каждом из типов данных рисков: коррупциогенные детерминированы патернализмом и бюрократией, патерналистски-бюрократические создают для коррупции потенциальные условия и возможности репрезентации. Онтологически это формирует деструктивный, рискогенный потенциал коррупциогенной традиции как фактора деформации социально и культурно значимого вектора развития системы высшего образования в условиях реализации стратегии

инновационного Прорыва. Понимаемые как возможность недостижения легитимной цели, коррупциогенные риски модернизации системы высшего образования — это потенциально деструктивные для процесса инноватизации последствия ее коррупционности, определяемой отдельными факторами политики реформирования самой высшей школы и всего социокультурного и политико-экономического пространства российского общества.

6. Устойчивая коррупциогенная традиция российской культуры, равно как и коррупциогенные деформации образовательного процесса несут риски формирования общего деструктивного фона системы высшего образования. Одним из базовых деструктивных элементов образовательной субкультуры вузов выступает феномен коррупционного сознания, не имеющий в социальной теории четких дефиниций. Определено, что данная форма правосознания представляет собой состояние ценностно-нормативной и потребностно-мотивационной структур личности субъектов социально-профессиональных практик, детерминирующее их коррупциогенное поведение в границах институциональной субкультуры. Макро-структура коррупционного сознания концептуализирована в двух базовых элементах, представленных коррупциогенно-деформированными ценностно-нормативной и потребностно-мотивационной сферами личности субъекта. Сложность определения и высокая латентность коррупционного сознания определили введение в научный оборот понятия «коррупциогенность сознания». Коррупциогенность сознания — состояние правосознания личности или группы, характеризующееся наличием у них специфически криминогенных установок, взглядов, направленности, потенциально содержащих возможность формирования коррупционного сознания и поведения субъектов социально-профессиональных практик. Установлено, что наличие и распространенность коррупционных/коррупциогенных деформаций правосознания субъектов образовательного процесса служат инструментальными индикаторами уровня коррупционности субкультуры вузов.

7. Концептуализировано положение, согласно которому формирование коррупционного сознания представляет собой объект-субъектный процесс интериоризации индивидом (студентом, преподавателем, иным субъектом) или номинальной группой (субъектов образовательного процесса) коррупциогенных ценностей и норм научно-образовательной среды вуза. Доказано, что механизм этого процесса основан на трансляции нормы коррупциогенной культуры в поведенческом акте и является ключевым процессуальным звеном коррупциогенной деятельности. Установлено, что трансляция такого рода заключается в репликации коррупциогенного норматива из одной социокультурной подсистемы в другую, как правило соподчиненную ей, в масштабах аномичности социокультурного пространства. Доминирующие позиции занимает механизм внутриличностных, в первую очередь, мировоззренческих, деформаций. Формируется круговая причинность, отражающая динамику состояний коррупционного сознания и их поведенческой репрезентации. Выявлено, что этот механизм заключается в том, что, будучи деформированными относительно правовых образцов поведения, ценности и нормы такого правосознания допускают сохранение в своей структуре устойчивых коррупциогенных ценностно-нормативных паттернов. Последние в силу своей устойчивости трансформируются в психологические установки коррупциогенного поведения. Далее они типизируются в социальных практиках, формируют направленность личности. В результате деструктивные компоненты коррупционного сознания еще более стабилизируются. Топология ценностно-нормативных матриц коррупциогенной культуры общества и личности совпадает, они резонансно взаимодействуют и круг причинности замыкается.

8. Сформулированы основные системные риски распространения коррупциогенных элементов патерналистски-бюрократической традиции культуры в условиях модернизации российских университетов по модели тройной спирали. Данные риски мы располагаем последовательно, согласно

критериям хронологии их формирования и детерминации, а также уменьшения их социокультурного масштаба:

– риск формирования, стабилизации и институционализации коррупциогенной культуры. Сущность этого риска заключается в том, что ее элементы все более распространяются в обществе. По мере их распространения они типизируются и формируют устойчивые комплексы и связи, т. е. обретают черты социального института, обладающего собственным ценностно-нормативным содержанием, регулятивами и поведенческими паттернами. В результате институциональный комплекс коррупции формирует собственные ритуалы и традиции, все более обретая черты культурной матрицы;

– риск распространения коррупциогенности системы институционального пространства общества, ее унификация, саморепликация и локализация в субинституциональных контекстах. То есть, согласно принципам параметричности и иерархичности устройства социокультурной системы, наблюдается трансляция общеконтекстуальной матрицы коррупциогенной культуры в более низкий уровень институционального пространства высшего образования. Закрепление коррупциогенных паттернов осуществляется, в первую очередь, в административных звеньях внутриинституциональной иерархии вузов. Рискогенность ситуации связана с тем, что именно через эти связи на формальном уровне институт взаимодействует со средой. Далее коррупциогенная матрица распространяется на все остальные низлежащие уровни (в первую очередь, преподавателей и студентов) через нормативы организационной культуры внутри института. В итоге, обретая в институциональных локусах высшей школы собственную специфику форм и содержания, когерентно общекультурным процессам формируется коррупциогенная культура высшего образования, выступающая контекстуальным полем деформации его функций;

– риск примитивизации высшего образования (как самого процесса, так и результата), связанный не столько с его массовизацией, сколько с коррупциогенными формами его получения. Точнее, эти процессы когерентны

друг другу. Симуляция смыслов и имитация форм получения высшего образования являясь следствием распространения идеологии общества потребления, и стимулируя коррупцию в высшей школе, в дальнейшем, по мере формирования коррупциогенной культуры, начинает ей же детерминироваться. Вновь иллюстрируются синергетические механизмы круговой причинности, затрудняющие противодействие деструктивным влияниям патернализма и бюрократии в образовании вне изменения системного контекста модернизации. Коррупциогенный ритуал начинает выступать широко распространенной практикой взаимодействия в вузе. Через него и преодолеваются традиционные селекционные семиотико-культурные фильтры института высшего образования;

– риск снижения уровня профессиональной компетентности и распространения кадров низкой квалификации, их интеграции в высокопрофессиональный корпус страны, позиционируемый в политических декларациях, как гарант реализации целей модернизации России. В данном случае наблюдается более отдаленные, опосредованные риски коррупциогенности институциональной среды региональных вузов. То есть формирование типа личности, названного нами «неквалифицированный потребитель», является следствием не непосредственно коррупции в высшей школе, а вызываемых ей деформаций этого института. В первую очередь, это функциональные деформации, приводящие к деструкциям процесса профессиональной социализации молодежи (например, формированию коррупционного сознания) уже на стадии получения квалификации;

– риск трансляции матрицы коррупциогенной традиции культуры из институциональной среды системы региональных вузов и ее стабилизации на уровне управляющих параметров и параметров порядка всей социокультурной системы общества, то есть ее интеграция в общекультурную национальную матрицу. В данном случае мы наблюдаем риск обогащения деструктивного содержания национальной традиции культуры устойчивыми паттернами коррупциогенного взаимодействия, приобретенными молодым поколением в

процессе получения основанного на них высшего образования. С учетом особой актуальности функции вузов по воспроизводству социальной структуры, сформированного на сегодняшний день традиционно-коррупциогенного содержания ее реализации и непрерывности осуществления, очевидно, что подобное содержание (паттерны мышления и поведения) и будет «выбрасываться» во вне. Причем в сложившемся хронотопе происходить это будет также непрерывно, когерентно процессу реализации самих университетских функций. То есть все время существования института, либо до кардинального изменения его функционального набора (если это вообще возможно). В данном случае и замыкается круг детерминации деконструкций ценностей модернизации университетской системы регионов страны, где коррупциогенный фон среды, деформируя институциональный локус, сам же деформируется его содержанием в диссипативных системных связях.

Результаты исследовательской работы позволяют сформулировать ряд предложений и рекомендаций теоретического и практического характера, направленных на превентивное и актуальное пресечение распространения матриц коррупциогенной традиции культуры в российском высшем образовании в целом и региональных вузах, в частности:

1. В сфере нормативно-правового регулирования:

- в целях повышения статуса научно-педагогических работников системы высшего образования органам представительной (законодательной) власти федерального и регионального уровня рекомендуется внести в федеральные и региональные нормативно-правовые акты в сфере науки и образования нормы о гарантированном размере оплаты труда не менее двукратного от средней заработной платы по региону на полную ставку, без учета стимулирующих и иных выплат;

- в целях профилактики коррупционных преступлений руководства, научно-педагогических работников и студентов учреждений системы высшего образования органам представительной (законодательной) власти федерального и регионального уровня рекомендуется внести в федеральные и региональные

нормативно-правовые акты в сфере науки и образования нормы об обязательных образовательных курсах правового ликбеза и антикоррупционного воспитания с последующей аттестацией;

- в целях профилактики коррупционных преступлений руководства учреждений системы высшего образования в соответствии с рекомендациями МВД РФ органам представительной (законодательной) власти федерального уровня рекомендуется разработать и нормотворчески закрепить направленную провокацию взятки, а также внести в федеральное уголовное законодательство дополнительные отягчающие критерии уголовной ответственности для данной категории работников с целью повышения их «коррупционной устойчивости»;

- органам исполнительной власти федерального уровня поддержать инициативу МВД в части введения разграничения между инициированным «экспериментом» по провокации взятки и действующими нормами ст. 304 УК РФ «Провокация взятки либо коммерческого подкупа», разработать и внести в качестве законодательной инициативы механизмы данного способа выявления «коррупционной устойчивости» отдельных категорий работников системы высшего образования.

2. В сфере научно-методического обеспечения деятельности по профилактике коррупционных преступлений:

- органам федеральной, региональной власти и местного самоуправления при разработке механизмов борьбы с коррупцией рассматривать ее не только как вид преступления, но и как сложную систему паттернов мышления и поведения, обусловленную как общероссийскими особенностями коррупциогенной традиции, организационной культуры и состояния социальных институтов, так и их региональной спецификой;

- органам федеральной власти на уровне министерств и Правительства РФ в сотрудничестве с основными субъектами «тройной спирали» разработать и внести в качестве законодательной инициативы комплексную государственную программу правового воспитания населения как национальную систему противодействия криминальной интеграции личности,

где меры антикоррупционного «ликбеза» должны стать обязательным условием кадровой политики и профессиональной социализации для всех субъектов властных, экономических, трудовых и образовательных отношений в институтах «спиральной» модели научно-образовательной реформы;

- дополнить нормативно-правовое обеспечение институциональных мер гражданской и антикоррупционной экспертизы законопроектов и нормативно-правовых актов РФ инициативами соответствующих органов региональной власти в области культурного развития по разрушению процесса трансляции традиции коррупциогенной культуры в процессе воспроизводства исторической памяти населения;

- при разработке локальных нормативных актов администрации вузов принимать во внимание, что научно-образовательная реформа должна аргументироваться не только идеологемами инноватизации и интеграции российского общества в глобальные экономические процессы, но и финансово, организационно и научно обеспечиваться внедрением в сфере подготовки управленческих и предпринимательских кадров «тройной спирали» обязательных образовательных программ по укреплению правовых начал развития и поддержания статуса России на основе фундаментальных конституционных принципов законности и правопорядка, равенства всех перед законом;

- при разработке локальных нормативных актов администрации вузов учитывать, что современные реформы должны базироваться как на принципах системности общего курса модернизации, так и на осознании уникальности социальных функций института высшего образования, его исторических традиций и фундаментальных социокультурных задач по трансляции культурно-цивилизационных социокодов и поддержания социальной структуры общества. Для преодоления коррупциогенных дисфункций в деятельности ППС и других категорий сотрудников и снижения коррупциогенного фона в образовательной среде научно обосновать меры по формированию сбалансированного подхода к поддержанию высокого социального статуса

преподавателя вуза и соблюдению интересов государства и общества, гибкому применению к системе оценки работы ППС принципов калькулируемости их деятельности, реанимации принципов императивности и отказ от принципа клиентизма в образовательном процессе для студентов.

Все указанные меры должны реализовываться на принципах системности и адресности. Они позволят сформировать комплексный подход к преодолению состояния социокультурной аномии, в отношении которого коррупциогенная традиция культуры является адаптивной реакцией, распространяемой на все институты «тройной спирали», мировоззрение и модели поведения ее субъектов.

Рассмотренные в диссертационной работе вопросы и представленные результаты их анализа не являются исчерпывающими для такой сложной системной проблемы как изучение социокультурных факторов деконструкции ценностей инновационного развития России. В связи с этим в качестве направлений дальнейшего исследования феномена коррупциогенной традиции культуры можно сформулировать следующие:

- верифицировать теоретический конструкт коррупциогенной культуры не только для системы высшего образования, но и для всей системы социальных институтов, а также массового сознания населения;
- провести научную апробацию теоретических концептов и разработанной системной методологии на эмпирическом социокультурном материале зарубежных стран, выполнить сравнительный международный анализ;
- уточнить и концептуализировать синергийные эффекты формирования, существования и трансляции паттернов коррупциогенной культуры на основе принципов самоорганизации, иерархичности, нелинейности, параметричности, невозможности полной редукции и других постулатах теории сложности;
- развивать междисциплинарный подход к анализу социальных девиаций в условиях нестабильности социокультурной реальности на основе достижений меметики, социальной топологии, автопоэзиса, нейросоциологии, сетевой

теории и других ультрасовременных конвергентных течений постнеклассической парадигмы.

Список использованных источников:

1. «О внесении изменений в Федеральную целевую программу развития образования на 2016-2020 годы и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2017 года №1406 // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71717586/>
2. «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации. Указ Президента РФ от 04.04.1996; «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности», Федеральный закон РФ от 02.08.2009 №217-ФЗ.
3. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 года №1642 // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71748426/>
4. «Цифровой регион»: Среднерусский экономический форум. 26-27 июля 2019 года г. Курск. URL: <http://www.sef-kursk.ru/2019/>
5. Абдрехимова, А. В. Клубная субкультура: проблема адекватности категории [Электронный ресурс] / А. В. Абдрехимова // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. – М.: Институт социологии РАН: Российское общество социологов, 2008. – Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210158001.pdf (дата обращения: 24.12.2014).

6. Абрамов, А. П. Коррупция в контексте российских реформ: основные подходы к изучению [Текст] / А. П. Абрамов, Е. Г. Каменский, А. В. Месропян // Вісник Одеського національного університету. – 2011. – Т. 16, вип. 10: Соціологія і політичні науки. – С. 130–137.
7. Абрамов, М. В. К вопросу о сущности понятия «коррупционные риски» [Текст] / М. В. Абрамов // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 4. – С. 69–73.
8. Абрамов, Р.Н. Преподаватели российских вузов в условиях пандемийной цифровизации: между автономией и контролем [Текст] / Р.Н. Абрамов, И.А. Груздев, У.С. Захаров, Е.А. Терентьев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №3. С.134-154.
9. Абызов, Р. М. Предупреждение личностных деформаций несовершеннолетних преступников [Текст]: монография / Р. М. Абызов. – Ижевск: УдГУ, 1998. – 237 с.
10. Аверьянов, М. В. Методологические подходы в исследовании феномена коррупции: социокультурный аспект [Текст] / М. В. Аверьянов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – С. 249–256.
11. Аграновская, Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности [Текст] / Е. В. Аграновская; отв. ред. Е. А. Лукашева; АН СССР, Институт государства и права. – М.: Наука, 1988. – 145 с.
12. Анистренко, Т.Г. Социальная рефлексия: трансдисциплинарный подход [Электронный ресурс] / Т.Г. Анистренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2016. - №8-9. URL: <https://rucont.ru/efd/486817>
13. Анистренко, Т.Г. Социологическая интерпретация социальной рефлексии [Электронный ресурс] / Т.Г. Анистренко // Гуманитарные,

социально-экономические и общественные науки. 2016 №.6-7. URL:
<https://www.online-science.ru/userfiles/file/wp71ojjiglhsatoouz7qia7zpthysba6.pdf>

14. Анищенко, Т.В. «Диверсификация оборонно-промышленного комплекса России на основе модели тройной спирали» [Текст] / Т.В. Анищенко, Л.Е. Никифорова // Сибирская финансовая школа. – 2019. – №1 (132). – С.17-24.

15. Аномия современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения [Текст] / под общ. ред. В. В. Кривошеева. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – 239 с.

16. Антонян, Ю. М. Причины преступного поведения [Текст] / Ю. М. Антонян. – М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1992. – 207 с.

17. Артемова, Д.И. Исследование предпринимательской активности в вузе как фактора формирования предпринимательских университетов в России / Д.И. Артемова // Креативная экономика. 2017. №5. Т.11. С.565-582.

18. Артемова, Д.И. Функционирование бизнес-инкубаторов при университетах Европы, Северной Америки и Азии [Текст] / Д.И. Артемова и др. // Инновации. 2016. №7 (213). С.77 (75-86)

19. Архипова, Н.И. О проблемах стратегического управления системой высшего образования [Текст] / Н.И. Архипова, Н.Л. Лепе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2007. - №12. - С.17.

20. Аршинов В.И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия науки и техники. 3013. №18. С.48-61.

21. Асеева, И. А. Актуальные проблемы и стратегические перспективы высшего образования в России [Текст] / И. А. Асеева, О. А. Ветрова, А. И. Алексеенко // Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 5. – С. 34–42.

22. Ассоциация ведущих университетов [Электронный ресурс] // URL: <http://alu.spbu.ru/ob-assotsiatsii/about> (дата обращения: 29.07.2019).
23. Афанасьев, В. Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения [Электронный ресурс] / В. Афанасьев // Федеральный образовательный портал ЭСМ. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/601/542/1216/007x20aFANASXEW.pdf> (дата обращения: 20.12.2014).
24. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта [Текст]: в 2-х т. Т. 1: От прошлого к будущему [Текст] / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 806 с.
25. Ахмад И.М. Ассоциации как объект изучения в лингвистике [электронный ресурс] // kamts1.kpi.ua. URL: <http://kamts1.kpi.ua/sites/default/files/files/Ahmad%20assotsiatsii.pdf>
26. Бабинцев, В. П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении [Текст] / В. П. Бабинцев // Власть. – 2012. – № 5. – С. 24–29.
27. Бабинцев, В. П. Интеллектуальная деконструкция имитационного консенсуса как возможность [Текст] / В. П. Бабинцев // Власть. – 2012. – № 6. – С. 25–30.
28. Бабинцев, В. П. О проклятии «русской матрицы» [Текст] / В. П. Бабинцев // Власть. – 2014. – № 2. – С. 27–29.
29. Бабинцев, В. П. Социология смутного времени: проблема методологической парадигмы исследования [Текст] / В. П. Бабинцев, В. П. Римский // Научные ведомости БелГУ. – 2008. – № 4 (44). – С. 30–39.
30. Бабинцев, В. П. Субкультура бюрократии: приговор модернизации России? [Текст] / В. П. Бабинцев // Власть. – 2013. – № 1. – С. 20–25.
31. Бабинцев, В. П. Характеристика инновационных процессов в системе образования [Текст] / В. П. Бабинцев, Н. Н. Сегедина, Е. И. Боев // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2013. – № 4(49). – С. 105–11.

32. Байков М.Н. Доверие как основополагающий базис гражданского общества // Власть и управление на Востоке России. 2018. №1 (82). С.55-64.
33. Бандурин А.П. Социальная регуляция как объект социально-философского исследования // Исследования вузов: Северо-Кавказский регион. 2004. №3. С.19-22.
34. Барабаш О.В. Концепт «Коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка // Политическая лингвистика. 2017. №6 (66). С.223-229.
35. Барсукова, С. Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность [Текст] / С. Ю. Барсукова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 5. – С. 36–47.
36. Бахтин, М.В. Субъекты социальной памяти и трансляция историчности [Текст] / М.В. Бахтин // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - 2013. - №160. - С.58-64.
37. Безубяк, Т. М. Формирование готовности учащихся профессионального лица к антикоррупционному поведению [Текст] / Т. М. Безубяк // Человек и образование. – 2010. – № 3 (24). – С. 66–69.
38. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с.
39. Белгородский губернатор выступил против домашних заданий в школе: «плохая привычка» // Интернет-газета ZNAK. URL:https://www.znak.com/2019-10-29/belgorodskiy_gubernator_vystupil_protiv_domashnih_zadaniy_v_shkole_plohaya_privychka (дата обращения 29.11.2019)
40. Белоцерковец (Номаненко), Е. А. Коррупция как часть общественной культуры [Текст] / Е. А. Белоцерковец (Номаненко) // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2013. – № 3. – С. 14–16.
41. Бергельсон, М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет) [Текст] /

М. Б. Бергельсон // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. – С. 55–67.

42. Бергер, П. Л. Социология: биографический подход [Текст] / П. Л. Бергер, Б. Л. Бергер // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический Проект, 2004. – 608 с.

43. Березин, В. М. Новость и мем: научные заметки о рождении и сопряжении смыслов [Текст] / В. М. Березин // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2014. – № 1. – С. 157–161.

44. Бесчастнова О.В., Райская М.В. Управление инновационной инфраструктурой в рамках действия сетевого механизма «Тройной спирали» на мезо и макроуровне // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т.15. №18. С.252-256.

45. Боев, Е. И. Проблемы и перспективы интеграции науки и образования в еврорегионах [Текст] / Е. И. Боев // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2014. – № 2. – С. 200–233.

46. Боев, Е. И. Репрезентативная модель состояния интеллектуального потенциала России [Текст] / Е. И. Березин, А. В. Куркина // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 2(34). – С. 18–23.

47. Боев, Е. И. Социогуманитарная модель глобализации как интегральное условие развития современной цивилизации // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2014. – № 2(53). – С. 125–130.

48. Боев, Е. И. Социокультурные практики управления инновационной деятельностью в научно-образовательной среде региона [Текст] / Е. И. Боев, Я. И. Серкина // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 6(45). – С. 171–176.

49. Боев, Е. И. Субъектно-личностные аспекты интеллектуальной маргинализации России: эмпирические показатели [Текст] / Е. И. Боев, Е. Г.

Каменский, Е. В. Субботина // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2014. – № 4. – С. 220–225.

50. Бондаренко, Н. Е. «Тройная спираль» как основа создания инновационных систем [Текст] / Н.Е. Бондаренко, М.В. Дубовик, Р.В. Губарев // Вестник российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2018. – № 2 (98). – С.3-15.

51. Борисоглебская Л.Н., Михайлов В.Н. Исследование эффективных форм инновационного развития наукоемких и высокотехнологичных отраслей на основе механизмов модели «тройной спирали» на примере стран Латинской Америки // Инновации. 2015. №9 (203). С.78-85.

52. Броуди, Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание [Текст] / Р. Броуди. – М.: Поколение, 2007. – 304 с.

53. Брянецев, И. И. Коррупция как форма теневого лоббизма [Текст] / И. И. Брянецев, Л. К. Баранова // Власть. – 2008. – № 3. – С. 13–16.

54. Буданов В.Г. Образование эпохи Большого транзита: риски, формы, технологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. Том 31. Выпуск 2 (199). С.37-51.

55. Буданов, В. Г. Инновационные технологии в образовательных средах на основе самоорганизации студенческо-препо-давательского сообщества / В. Г. Буданов, Э. М. Сороко, И. А. Асеева // Философия и культура. – 2012. – № 12. – С. 104–109.

56. Буданов, В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании [Текст] / В. Г. Буданов. – Изд. 3-е дополн. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 240 с.

57. Буданов, В. Г. Стратегические альтернативы современному образованию [Текст] / В. Г. Буданов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 1(33). – С. 129–134.

58. Буданова Т.А., Зиновьева Е.И. «Ушлый» в русской языковой картине мира // Мир русского слова. 2008. №4. С. 43-49.
59. Будько, Е. В. Риски современной социальной ситуации в России [Текст] / Е.В. Будько, Е. А. Евстифеева // Вестник ТГУ. – 2012. – Вып. 2 (106). – С. 264–269.
60. Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. Аналитический доклад. 2005 г. // Институт социологии РАН. https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy_1.html
61. Бянкин, А.С. Формирование компетенций технологического предпринимательства на основе модели «тройной спирали» [Текст] / А.С. Бянкин, Г.И. Бурдакова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2019. – Т. 12. – № 3. – С. 187–199. DOI: 10.18721/JE.12316
62. В России могут сократиться расходы на учителей и врачей [Электронный ресурс] // Инвест-форсайт. Деловой журнал. URL: <https://www.if24.ru/v-rossii-mogut-sokratitsya-rashody-na-uchitelej-i-vrachej/> (дата обращения 07.08.2020).
63. В университетах насаждают атмосферу страха // Правда. №111 (30754) 11 октября 2018 года. URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/111-30754-11-oktyabrya-2018-goda/v-universitetakh-nasazhdayut-atmosferu-strakha/> (дата обращения 20.11.2018)
64. Ванновская, О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения [Текст] / О. В. Ванновская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 323–328.
65. Васильев, Ю. О факторах риска в условиях капиталистической модернизации в России: цикличность кризисов [Текст] / Ю. Васильев // Власть. – 2012. – № 10. – С. 18–22.
66. Вахолкова С.А. Место негосударственных вузов в системе высшего образования (на примере Астраханской области) // Вестник Астраханского

государственного технического университета. Серия: Экономика. 2011. №1. С.142-148.

67. Вебер, М. Основные социологические понятия [Текст] / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990.

68. Вебер, М. Основные социологические понятия [Текст] / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

69. Владимир Путин призвал не брать в вузы троечников // Сайт Первого канала. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-10-30/36217-vladimir_putin_prizval_ne_brat_v_vuzy_troechnikov (дата обращения 17.12.2019)

70. Волкова, И. И. Коррупция как следствие бюрократических издержек [Текст] / И. И. Волкова, В. П. Бабинцев // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 8. – С. 36–38.

71. Вольчик В.В., Москаев А.И., Савко П.О. Институциональные и организационные изменения при слиянии вузов // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). 2017. Т.9. №3. С.147-163.

72. Воронина Т.М. Оппозиция «образованный / необразованный человек» как объект описания в лингвокультурологическом словаре концептов // Вестник Томского государственного университета. 2012. №355. С.9-15.

73. Выборный, А. Б. Ситуация с коррупцией в стране на самом деле остается непростой [Электронный ресурс] // PASMI.RU: сайт. – Режим доступа: <http://pasmi.ru/archive/39016> (дата обращения: 20.12.2014).

74. Гальперин, П. Я. К учению об интериоризации [Текст] / П. Я. Гальперин // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 25–33.

75. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. — СПб.: Питер, 2007. — 335 с.

76. Гарькин, И.Н. Социологическое исследование уровня восприятия понятия коррупция [Текст] / И.Н. Гарькин, Л.М. Медведева, В.В. Ключев // Успехи современной науки и образования. - 2017. - №1. - Том 1. - С.209-215.

77. Генпрокуратура заявила о росте коррупции в 2019 году [электронный ресурс] // Сайт телеканала «Дождь». URL: https://tvrain.ru/news/genprokuratura_zajavila_o_roste_korrupsii_v_2019_godu-494402/ (дата обращения 7.10.2019)

78. Герасимов, Г. И. Гуманитарность и гуманитаризация образования [Текст] / Г. И. Герасимов // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 1. – С. 129–139.

79. Глебова, И. И. «Дворцовое государство» в современной России [Текст] / И. И. Глебова // Политическая концептология. – 2001. – № 2. – С. 80–116.

80. Гобозов, И. А. Интеллектуальный кризис общества [Текст] / И. А. Гобозов // Философия и общество. – 2010. – № 5. – С. 5–21.

81. Головкин Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уисема // Высшее образование в России. 2016. № 8-9. (204). С. 40-47.

82. Голодец: 65% россиян не нуждаются в высшем образовании // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/science/news/2016/07/15/n_8885315.shtml (дата обращения 16.07.2019)

83. Гольцов, Н. Ф. Власть и коррупция: психологический аспект [Текст] / Н. Ф. Гольцов // Академический вестник № 1: сб. науч. тр. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т мировой экономики, управления и права, 2008. – С. 98–102.

84. Горшенков, Г. Г. Коррупциогенная должность [Текст] / Г. Г. Горшенков, Г. Н. Горшенков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 2 (1). – С. 247–252.

85. Гранат, Н. Л. Правосознание и правовая культура [Текст] / Н. Л. Гранат // Юрист. – 1998. – № 1/2. С. 3–7.

86. Грауманн О., Певзнер М.Н., Ширин А.Г. Новая идентичность вуза в условиях интернационализации образования // Высшее образование в России. 2009. №6. С.123-131.

87. Грехнёв, В. С. Ценностные основания образования и образованности людей [Текст] / В. С. Грехнёв // Философия и общество. – 2010. – № 3. – С. 42–43.
88. Гримов, О. А. Особенности текстуального самовыражения личности в сетях Интернета [Текст] / О. А. Гримов // Социология. – 2013. – № 3. – С. 103–111.
89. Гримов, О. А. Природа и специфика конструктивной активности субъекта в социальных сетях [Текст] / О. А. Гримов, Г. Е. Корявко // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 3 (42), ч. 2. – С. 209–214.
90. Гримов, О. А. Самопрезентация личности в социальных сетях [Текст] / О. А. Гримов // Социология. – 2013. – № 2. – С. 59–66.
91. Грошев, И. Л. Ключевые факторы коррупции в российской системе образования [Текст] / И. Л. Грошев, И. А. Грошева // TERRA ECONOMICUS. – 2010. – Т. 8, № 3. – С. 113–121.
92. Гудков, Л. Д. Проблема элиты в современной России [Текст] / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада. – М.: Фонд Либеральная миссия, 2007. – С. 372.
93. Гуманитарная экспертиза современного состояния системы высшего образования в России: монография [Текст] / Э. М. Сороко, В. Г. Буданов, И. А. Асеева [и др.]; под ред. проф. П. Ф. Кравчук; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2014. – 144 с.
94. Гуров, А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Текст] / А. И. Гуров. – М.: Юрид. лит., 1990. – 304 с.
95. Гусев В.В., Гусева А.В. «Тройная спираль» в инновационной системе Саратовской области: взаимодействие и недостатки функционирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2014. Т.14. Вып.2, Ч.2. С.361-368.

96. Деева Н.Н. Ценностно-нормативный подход к трудовой деятельности человека в современной России [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2011. №3. URL: <http://sisp.nkrass.ru/issues/2011/3/deeva.pdf>

97. Демененко И.А. Клиентоориентированная организационная культура вуза как механизм эффективных социальных отношений системы высшего образования и регионального рынка труда // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т.3. №2. С.52-56.

98. Демененко, И.А. Применение клиентоориентированного подхода в процессе выполнения социально-институциональных функций в системе высшего образования [Электронный ресурс] / И.А. Демененко // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5. – № 2. URL: <http://esj.pnzgu.ru>

99. Демененко, И.А. Концептуализация клиентоориентированного подхода в управлении высшей школой [Текст] / И.А. Демененко, И.В. Шавырина // Научный результат. Социология и управление. – 2016. – Т.1. – №1 (7). – С.3-6.

100. Демкина, Е.В. Социальный заказ на антикоррупционное образование [Электронный ресурс] / Е.В. Демкина // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №1. URL: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.1.1>

101. Дескриптивный подход к моделированию коррупции как фактора социальной конфликтности [Текст] / М. Д. Розин, С. Я. Суций, Г. А. Угольников [и др.] // Инженерный вестник Дона. – 2011. – № 3. – С. 412–423.

102. Дмитриева И.С., Копылов С.И., Прибытков Ю.Б., Шелекета В.О. Корпоративная культура организации и повышение качества сервиса в условиях трансформации общества (на примере деятельности вуза) // Сервис Plus. 2016. Т.10. №4. С.57-62.

103. Дмитриева И.С., Копылов С.И., Прибытков Ю.Б., Шкелета В.О. Корпоративная культура организации и повышение качества сервиса в условиях трансформации общества (на примере деятельности вуза) // СЕРВИС PLUS . 2016. Т.10. №4. С.57-65.

104. Днепров, Э.Д. Проблемы образования в контексте общего процесса модернизации России [Текст] / Э. Д. Днепров // Педагогика. - 1996. - № 5. - С.39-46.
105. Добренъков, В. И. Коррупция и современные подходы к исследованию [Текст] / В. И. Добренъков, Н. Р. Исправникова. – М.: Академический проект, 2009. – 207 с.
106. Докинз, Р. Эгоистичный ген [Текст] / Р. Докинз; пер. с англ. Н. Фоминой. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 512 с.
107. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. №2. С.169-176.
108. Долженко О. Ориентация на региональные центры образования // Alma mater. Вестник высшей школы, 1998. № 3. С. 7-9; Рассадин Н.М. Миссия университета в регионе // Вестник Костромского педагогического университета. 2002. № 3. С. 22-27.
109. Дорожкин, А.М. Модели трансляции знания [Текст] / А.М. Дорожкин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. - 2004. - № 1. - С. 408-414.
110. Дружинин В.Г. Дуализм природы современного университета как корпоративной организации: теоретико-правовые аспекты // Сибирский юридический вестник. 2019. №1 (84). С.3-8.
111. Дубинина Т.М. Функционально-ролевая динамика института высшего образования в условиях трансформирующегося общества [электронный ресурс] // «Инновации в науке»: материалы XXII международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2013. URL: <http://sibac.info/2009-07-01-10-21-16/8466-2013-07-24-18-14-57>
112. Дюжиков, С. А. Социокультурный подход к исследованию деятельности государства в условиях формирования рынка образовательных услуг [Текст] / С. А. Дюжиков // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 2 (18). – С. 213–217.

113. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
114. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд [Текст] / пер. с фр. с сокр. под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
115. Егоров Н.Е., Бабкин И.А. Концептуальная модель подготовки специалистов в рамках государственно частного-партнерства и концепции тройной спирали // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2015. №6 (233). С. 216-221.
116. Егоров, Н.Е. Инструментарий эконометрической оценки инновационного развития субъекта экономики [Текст] / Н.Е. Егоров, В.В. Жебсаин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 4-4. – С.5-11.
117. Егоров, Н.Е. Методика рейтинговой экспресс-оценки инновационного развития региона на основе модели «Тройная спираль» [Текст] / Н.Е. Егоров // Теоретическая и прикладная экономика. – 2017. – №4. DOI: 10.25136/2409-8647.2017.4.22697
118. Егорова, Л. А. О проблеме восприятия научного гипермедийного дискурса [Текст] / Л. А. Егорова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 4. – С. 57–62.
119. Емельянов, С. А. Социальная модернизация России в контексте взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов [Текст] / С. А. Емельянов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 46. – С. 178–189.
120. Емельянов, С.Г. Развитие университета инновационного типа на примере реализации проекта по разработке малых космических аппаратов [Текст] / С.Г. Емельянов и др. // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2017. – Т. 21. – № 4 (73). – С.101-108.

121. Емельянова, И.Н. Приоритетные функции университетского образования на различных этапах становления высшей школы [Текст] / И.Н. Емельянова // Образование и наука. - 2005. - № 5 (35). - С. 120-130.
122. Епархина О.В. Политическая коррупция в трактовке Дж. Скотта // Социально-политические исследования. 2019. №1. С.25-40.
123. Епархина, О. В. Коррупция: подходы к исследованию и практика противодействия в российских условиях [Электронный ресурс] / О. В. Епархина // Журнал публикаций аспирантов и докторантов. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2011/sociol1.html> (дата обращения: 21.12.2014).
124. Ермаханова, С. А. Социокультурные факторы модернизации: противостояние традиции и инновации, самобытности и универсальности [Текст] / С. А. Ермаханова // Омский научный вестник. – 2007. – № 6 (62). – С. 199–208.
125. Ерохин А.К., Власенко А.А., Царева Н.А. Организационная структура современной российской системы высшего образования: проблемы и тенденции развития. Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22). С.241-245.
126. Ефимов В.С., Лаптева А.В. Цифровизация в системе приоритетов развития российских университетов: экспертная оценка // Университетское управление. 2018. №22 (4). С.52-67.
127. Ефлова, М. Ю. Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте социальных изменений [Текст] / М. Ю. Ефлова, Ф. Ф. Ишкинеева, В. В. Фурсова // Вестник Института социологии. – 2014. – № 3 (10). – С. 34–44.
128. Журавлев А.Л. Коррупция в современной России: психологический аспект [Текст] / А.Л. Журавлев, А.В. Юревич // Знание. Понимание. Умение. - 2012. - №2. - С.56-65.

129. Журавлев, А. Л. Психологические факторы коррупции [Текст] / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 1. – С. 8–21.

130. Заикин, Н. Н. Роль конкуренции и коррупции в модели экономического роста [Текст] / Н. Н. Заикин // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 1. – С. 14–21.

131. Заякина Р.А. Топология предпринимательского университета: статическая дескриптивная модель // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 69–78; Заякина Р.А. Топология предпринимательского университета: динамическая дескриптивная модель // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 69-78.

132. Зборовский, Г. Е. Уроки неудавшейся модернизации образования [Текст] / Г.Е. Зборовский // Социальная стратегия российской системы образования: материалы Междунар. научн. конф. «Третьи Санкт-Петербургские социологические чтения», г. Санкт-Петербург, 14–15 апреля 2011 г. – СПб., 2011. – С. 39-44.

133. Зиза, Е. Н. Постсоветское общество: рост аномии в эпоху постмодерна [Текст] / Е. Н. Зиза // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. – Вып. 8. Гуманитарные науки. – С. 62–72.

134. Змяк, С.С. Роль опорного университета в развитии региональной инновационной экосистемы [Текст] / С.С. Змяк, Е.А. Угнич, П.М. Таранов, Н.С. Яровая // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. – 2019. – № 1. – С. 163-171.

135. Зотов, В. В. Информационная картина мира и информационно-коммуникативная среда: проблема взаимосвязи в современном обществе [Текст] / В. В. Зотов, Е. И. Боев // Вопросы культурологии. – 2008. – № 11. – С. 14–16.

136. Ивайловский, Д. Г. Коррупция как фактор риска коммерческой организации [Текст] / Д.Г. Ивайловский // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. - 2008. - Том 8, выпуск 3. - С. 88-92.
137. Ивайловский, Д. Г. Коррупция как фактор риска коммерческой организации [Текст] / Д. Г. Ивайловский // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. – 2008. – Т. 8, Вып. 3. – С. 89–90.
138. Иванников, И. А. Концепция правовой культуры [Текст] / И. А. Иванников// Теория и история государства и права. – 1998. – № 3. – С. 12–16.
139. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва: Технологии. Образование. Наука. М.: URSS. 2020. 304 с.
140. Иванова Н.А. Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях // Вестник СПбГУ. 2013. Серия 12. Вып.3. С.116-122.
141. Ильин М.В., Фомин И.В. Социальная семиотика: изучение дискурсов и практик социального взаимодействия // Дискурс-Пи. 2018. Т.15. №3-4. С.15-24.
142. Ильин, А. Н. Массовая культура и субкультура: общее и особенное [Текст] / А. Н. Ильин // СОЦИС. – 2010. – № 2. – С. 69–75.
143. Ильин, Г. Л. О бюрократизации и коррупции в отечественном образовании / Г. Л. Ильин // Школьные технологии. – 2012. – № 6. – С. 9–17.
144. Исаков, А. Л. Моделирование архаизации политического процесса как методологическая проблема социально-гуманитарного знания [Текст] / А. Л. Исаков, В. В. Ермоленко // Инженерный вестник Дона. – 2011. – № 3. – С. 385–389.
145. Ислакаева Г. Р., Зилькарнай И. У. Федеральные университеты и национальные исследовательские университеты в мировых рейтингах // Вестник Башкирского университета. 2015. Т.20. №.2. С.502-506.
146. Ислакаева Г. Р., Зилькарнай И. У. Федеральные университеты и национальные исследовательские университеты в мировых рейтингах // Вестник Башкирского университета. 2015. Т.20. №.2. С.502-506.

147. Итоги онлайн-опроса граждан по оценке работы по противодействию коррупции, проводимой в центральном аппарате Росстата в 2014 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. – Режим доступа: [http:// www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/gos_sl/itog14.html](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/gos_sl/itog14.html) (дата обращения: 20.12.2014).

148. Ицкович Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. №4 (150). С.5-10.

149. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с..

150. Казаченкова, О. В. Конфликтный потенциал государственной службы как фактор возникновения коррупционных рисков [Текст] / О. В. Казаченкова // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 36–42.

151. Калинина, Н.М. Функционально-ролевое значение информационных технологий в системе высшего профессионального образования [Текст] / Н.М. Калинина // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2009. - №9. – С.24-29.

152. Калугина, Д.А. Трансформация функций высшего профессионального образования [Электронный ресурс] / Д.А. Калугина // Вопросы политологии и социологии. 2011. №1. Режим доступа: <http://politsocio.uapa.ru/ru-ru/issue/2011/01/10/>.

153. Каминская, В. И. Правосознание как элемент правовой культуры [Текст] / В. И. Каминская // Правовая культура и вопросы правового воспитания. – М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. – С. 39–67.

154. Камнева, Е.В. Психологические аспекты феномена коррупции [Текст] / Е.В. Камнева, Н.В. Анненкова // Гуманитарные науки. Известия финансового университета. - 2013. - №3 (12). - С.67-71.

155. Камю А. Миф о Сизифе. М.: Азбука, 2007. 256 с.

156. Караяннис Э., Григорудис Э. Четырехзвенная спираль инноваций и «умная специализация»: производство знаний и национальная конкурентоспособность // Форсайт. 2016. Т.10. №3. С.31-42.

157. Карпушина, Л. В. Ценностный мир современной студенческой молодежи [Текст] / Л. В. Карпушина // Молодежь – позитивная сила развития российского общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения профессора факультета социологии СПбГУ, заслуженного деятеля науки РФ, чл.-корр. РАО В. Т. Лисовского, 24–25 сентября 2009 г. / под ред. А. А. Козлова. – СПб., 2009. – С. 131–133.

158. Качество высшего образования в России не растет, несмотря на то что финансирование было увеличено в 20 раз с 2000 года, сообщил глава Минобрнауки Дмитрий Ливанов, выступая на съезде Российского Союза ректоров // РИА Новости. 10 июля 2014 г. URL: <https://ria.ru/20140710/1015442729.html> (дата обращения: 05.08.2019)

159. Кирдина, С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация [Электронный ресурс] / С.Г. Кирдина // Персональный сайт С.Г. Кирдиной. Режим доступа: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=215.

160. Кирпичев В. В. Воспроизводство трудовых ресурсов как важнейший компонент общественного воспроизводства [Электронный ресурс] // ПОРТАЛУС: науч. онлайн-библиотека. 2012. 3 янв. URL: http://www.portalus.ru/modules/ruseconomics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1325598647&archive=&start_from=&ucat=4& (дата обращения: 06.12.2014).

161. Кирпичев, В. В. Воспроизводство трудовых ресурсов как важнейший компонент общественного воспроизводства [Электронный ресурс] / В.В. Кирпичев // ПОРТАЛУС: науч. онлайн-библиотека. 2012. 3 янв. URL: http://portalus.ru/modules/ruseconomics/print.php?subaction=showfull&id=1451658492&archive=&start_from=&ucat=&s (дата обращения: 06.12.2014).

162. Кирута, А.Я. Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России [Текст] / А.Я. Кирута // Вестник Института социологии. - 2011. - № 3. - С.67-87.
163. Киселев, Н. Н. Информационная потребность как фактор социализации личности [Текст]: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Н. Н. Киселев. – Кемерово, 1998. – 20 с.
164. Клейменова, Е. В. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации [Текст] / Е. В. Клейменова, К. А. Моралева // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 50–56.
165. Ключарев Г.А. О ходе реформ в российском образовании // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2015. С. 324-346.
166. Ключарев Г.А. Реформа российского образования в оценках экспертов и мнениях родителей // Социологический журнал. 2014. №3. С.70-85.
167. Ключарев, Г. А. Экспертная оценка эффективности модернизации образования [Электронный ресурс] / Г. А. Ключарев // Институт социологии РАН: офиц. сайт. – 2010. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1906> (дата обращения: 22.11.2014).
168. Князева, Е. Н. Синергетический вызов культуре [Электронный ресурс] / Е. Н. Князева // Московский Международный синергетический форум. – 2010. – 4 февр. – Режим доступа: <http://www.synergetic.ru/society/synergetics-challenges-the-culture.html> (дата обращения: 22.11.2014).
169. Коваль, Е. А. Нормативное измерение молодежной аномии как фактора дезадаптации молодежи [Текст] / Е. А. Коваль // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2013. – № 2 (22). – С. 95–100.
170. Кожина Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2013. №3 (65). С.100-114.
171. Козлов, О. С. Эмпирический анализ определяющих факторов и взаимосвязи крупной и бытовой коррупции: роль институтов [Текст] / О. С.

Козлов // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). – 2012. – Т. 4, № 2. – С. 11–31.

172. Козырева, П. М. Российское общество: тенденции исторического транзита [Текст] / П. М. Козырева // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М., 2007. – Вып. 6. – С. 159.

173. Колесникова, Е. Образ профессионального учительского сообщества в британских и российских СМИ [Текст] / Е. Колесникова // Вестник Института социологии. – 2013. – № 6. – С. 252–277.

174. Количество школьных учителей резко сокращается: нашли удобную альтернативу. После весенней дистанционки педагоги переквалифицировались [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/09/30/kolichestvo-shkolnykh-uchiteley-rezko-sokrashhaetsya-nashli-udobnuyu-alternativu.html> (дата обращения: 02.10.2020).

175. Колосова, Н. М. Гражданское общество и государство в борьбе с коррупцией [Текст] / Н. М. Колосова, О. А. Иванюк // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 10 (16). – С. 160–166.

176. Колотова, Н. Н. Модернизация высшего образования – составная часть и фактор процесса инновационного развития [Текст] / Н. Н. Колотова, И. М. Темкина // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2010. – № 4 (83). – С. 71–86.

177. Кондрашева, А.А. Проблемы современного юридического образования в контексте реформы высшего образования в Российской Федерации: итоги и перспективы [Текст] / А.А. Кондрашева // Русский закон. – 2018. – №1 (134). – С.144-156.

178. Константинов С.Г., Филонович С.Р. Что такое предпринимательский университет // Вопросы образования. 2007. №1. С.49-62.

179. Константиновский, Д. Л. Совершенствование социологического образования [Текст]: аналит. докл. / А. А. Овсянников, Н. Е. Покровский. – М.: Логос, 2005. – 84 с.

180. Концепция развития социально-ориентированной гуманистической парадигмы системы образования [Текст]: монография / Э. М. Сороко, В. Г. Буданов, И. А. Асеева [и др.]; под ред. Е. И. Боева; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2014. – 204 с.

181. Концепция создания и государственной поддержки развития федеральных университетов // Приложение к протоколу заседания межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Образование» при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике от 29.09.2009 АФ-33/03пр.

182. Копцева Н.П. — К вопросу о культурных основаниях коррупционного поведения в современной России // Человек и культура. – 2014. – № 3. – С. 23 - 50. DOI: 10.7256/2306-1618.2014.3.12905 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12905

183. Кордонский С.Г. Заметки о социальных функциях системы высшего образования // Регион сотрудничества. - 2007. - №2. - С.74-78.

184. Королева, С.С. Профессиональная социализация личности в процессе вузовского образования [Текст] / С.С. Королева // Вестн. Университета Российской академии образования. - 2010. - №2 (50). – С.?.

185. Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт // Вестник ИС РАН. 2014. №4 (11). С.73-92.

186. Коррупционное сознание как компонент современного мировоззрения: подходы к социальной диагностике и противодействию на региональном уровне: монография / А. П. Абрамов, Е. Г. Каменский, Е. И. Боев [и др.]. – Курск: Изд-во «Гиром», 2012. – 166 с.

187. Коррупционное сознание: от теоретической категоризации к эмпирической верификации [Текст] / А. П. Абрамов, Е. И. Боев, Е. Г. Каменский [и др.] // Ученые записки РГСУ. – 2012. – № 2 (102). – С. 186–193.

188. Коррупция – главное препятствие на пути экономического подъема [Электронный ресурс]: пресс-релиз // Левада-Центр: сайт. –2006. – 22 июня –

Режим доступа: <http://www.levada.ru/new/22-06-2006/korrupsiya-glavnoe-prepyatstvie-na-puti-ekonomicheskogo-podema> (дата обращения: 09.11.2014).

189. Коррупция в России неискоренима, как показывает статистика за 2019 год [электронный ресурс] // Сайт «Seldon news». URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/212013172#2019> (дата обращения 7.10.2019)

190. Коррупция в учебных заведениях. Статистика // Ульяновское региональное отделение «Ассоциации юристов России». URL: <http://xn--73-6kci4ddh.xn--p1ai/projects/uch-cor-2/>

191. Кортон В.С., Романова С.А. особенности трансфера университетских научно-образовательных разработок в промышленно развитом регионе // Университетское управление: практика и анализ. 2006. №5. С.55-60.

192. Корытцев М.А., Ипатова А.В., Николаенко И.О. Интеграция вузов в контексте реформ высшего образования: европейский опыт и российская практика // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 2. С.1174-1183.

193. Кочеткова Е.М. Коррупция в сфере образования как социальная проблема [Электронный ресурс] // Ростовский научный журнал. URL: <http://rostjournal.ru/?p=4317> (дата обращения 23.08.2019)

194. Кочьян, В. Н. Аномия в системе вертикальных социальных перемещений подрастающего поколения [Текст] / В. Н. Кочьян // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 11. – С. 96–100.

195. Кравчук, П. Ф. Информационная культура региона в условиях глобализации: особенности и противоречия определения [Текст] / П. Ф. Кравчук, В. В. Зотов, Е. И. Боев // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. IX, № 4(39). – С. 299–309.

196. Кравчук, П. Ф. Информационно-коммуникативная среда современного общества: значение и особенности в контексте инновационной парадигмы развития России [Текст] / П. Ф. Кравчук,

Е. Г. Каменский // Almanach Komunikacji Społecznej / Redakcją naukową A. Dąbrowska. – Opole: Wyd. Uniwersytetu Opolskiego, 2011. – D. 156–161.

197. Кравчук, П. Ф. Конфигурация современного образовательного пространства в контексте инновационного развития: актуализация трансдисциплинарного подхода [Текст] / П. Ф. Кравчук, Е. Г. Каменский, Е. И. Боев // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2013. – № 4. – С. 211–214.

198. Кравчук, П. Ф. Научно-образовательная среда в контексте инновационного развития: теоретико-методологические основания исследования [Текст] / П. Ф. Кравчук, Е. И. Боев, О. С. Шуклина // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 2(45). – С. 91–97.

199. Краснова, О. В. Информационно-кибернетические теории как пример продуктивного применения информационного подхода в исследовании процесса развития личности [Текст] / О. В. Краснова, А. А. Краснов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2013. – № 3 (7). – С. 244–251.

200. Кривошеев, В. В. Аномия современного социума: господство коротких жизненных проектов [Текст] / В. В. Кривошеев // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2009. – № 2 (18). – С. 79–84.

201. Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты как основа аномии в современном обществе [Текст] / В. В. Кривошеев // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 6. – С. 69–77.

202. Крупкин, П. Л. Архаизация – доминирующий тренд социальных изменений в России [Текст] / П. Л. Крупкин // Научный эксперт. – 2009. – № 7–8. – С. 86–88.

203. Кудрявцев, В. Н. Причинность в криминологии [Текст] / В. Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1968. – 176 с.

204. Кудрявцева, С. С. Построение модели тройной спирали инновационного развития региональной экономики [Текст] / С. С. Кудрявцева // МНТФ. Первые Косыгинские чтения, 2017. – С. 258–262.

205. Кузнецова О.П., Косьмин А.Д. Проблема актуализации целостного восприятия трудовой деятельности // Российское предпринимательство. 2015. №16 (23). С.4325-4340.
206. Култыгин, В. П. Социология культуры или социология культурно-духовной сферы [Текст] / В. П. Култыгин // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 143–146.
207. Кульпин, Э. С. Становление системы основных ценностей российской цивилизации [Текст] / Э. С. Кульпин // История и современность. – 2008. – № 1. – С. 50–51.
208. Кутафьева, С. С. Социальная аномия деревни: девиантное поведение и устойчивость развития (институциональный подход к исследованию локальных социумов) [Текст] / С. С. Кутафьева, К. Т. Пазюк, Б. В. Смирнов // Проблемы инновационно-инвестиционного развития Дальнего Востока России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 6–10 декабря 2012 г. – Хабаровск, 2013. – С. 98–101.
209. Лапин, Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России [Текст] / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 78–87.
210. Латов, Ю. В. «Глас народа» о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное [Текст] / Ю. В. Латов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6, № 2. – С. 123–138.
211. Лебединцева, Л.А. Трансформация функций высшего образования: экономико-социологическая проблематизация [Текст] / Л.А. Лебединцева, Р.Х. Салахутдинова // Известия Волгоградского технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. - 2012. - Т. 3. - №10. - С.41-45.
212. Левикова, С. И. Молодежные субкультуры и объединения [Электронный ресурс] / С. И. Левикова // Гражданское общество в России: науч. электрон. библиотека. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Levikova_Molodezhnie.pdf (дата обращения: 03.10.2014).

213. Левикова, С.И. Феномен молодежной субкультуры [Текст]: социально-философский аспект: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11 / С.И. Левикова. – М., 2002. – 420 с.
214. Лефевр В. Рефлексия. М.: Когнито-Центр, 2003. 496 с.
215. Ливанова допросы по делу о хищениях в МИСиС // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/news/242277-livanova-doprosyat-po-delu-o-hishcheniyah-v-misis> (дата обращения 20.07.2019)
216. Лисовский, В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) [Текст] / В. Т. Лисовский // Тугариновские чтения: материалы научной сессии. Серия «Мыслители». Вып. 1. – СПб.: С.-Петербург. философ. общ-во, 2000. – С. 40–44.
217. Лойко, О.Т. Ритуал как способ трансляции ценностно-смыслового мира социальной памяти [Текст] / О.Т. Лойко, А.Н. Уткина // Вест. Томск. гос. ун-та. - 2011. - № 3(15). - С. 181–184.
218. Лоскутова, И. М. Социальные проблемы современного российского образовательного пространства [Текст] / И. М. Лоскутова // Власть. – 2013. – № 4. – С. 144–146.
219. Лугавцов К.В. Коррупционная культура как угроза национальной безопасности России // Вестник бурятского государственного университета. Серия "Философия, социология, политология, культурология". 2015. № 6А. С. 73-77; Фролов О.В. Философской-правовой контекст коррупционной культуры педагога // Правовая культура. 2018. №3 (34). С.24-32.
220. Лукин, Н. Н. Проблема коррупции: вопросы методологии [Текст] / Н. Н. Лукин // Философия права. – 2010. – № 4. – С. 50–53.
221. Лунеев, В. В. Мотивация преступного поведения [Текст] / В. В. Лунеев. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
222. Мазурова Л. Потребитель нынче в дефиците? [Электронный ресурс] // Литературная газета. №32 (6132) от 08.08.2007. URL: <https://lgz.ru/article/N32->

[-6132---8-08-2007-/Potr%d0%b5bit%d0%b5ly-n%d1%8bnch%d0%b5-v-d%d0%b5fitsit%d0%b5_1154/?sphrase_id=28615](#)

223. Макарихин, Е. В. Когнитивные детерминанты жизненного цикла существования общностей [Текст] / Е. В. Макарихин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2004. – № 1. – С. 466–470.

224. Малинский, И.Г. Болонский процесс и проблема интеграции систем высшего образования [Текст] / И.Г. Малинский // Изв. Саратов. ун-та. - 2009. - Т. 9. Сер. Социология. Политология. - Вып. 3. –С.?

225. Мангейм, К. Избранное: Социология культуры [Текст] / К. Мангейм. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 501 с.

226. Маризина, В. М. Средства самореализации личности в информационном обществе [Текст] / В. М. Маризина // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 5/2 (64). –С. 237–244.

227. Маринычев Д.А. Нормативные ценности в современном обществе и их социальная трансформация. Автореферат дис. на соис. уч. степени к.филос.н. Н. Новгород, 2009. С.9 (26 с.)

228. Мерсиянова, И. В. Аномия и безопасность личности в городе [Текст] / И. В. Мерсиянова // Мониторинг общественного мнения. – 2006. – № 3 (79). – С. 116–123.

229. Мерсиянова, И. В. Российское гражданское общество в региональном измерении [Текст] / И. В. Мерсиянова // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – № 4 (92). – С. 26–44.

230. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. №3. С.104-114.

231. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия [Текст] / Р. К. Мертон // Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.

232. Мещерякова, Н. Н. Рефлексивная аномия в сложном социуме [Текст] / Н. Н. Мещерякова // Исторические, философские, политические и

юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6 (44), ч. 1. – С. 122–125.

233. Миндибекова, Л.А. Социальные функции высшего образования и проблемы реализации [Электронный ресурс] / Л.А. Миндибекова. Режим доступа: <http://id.atiso.ru/node/77>.

234. Михайлов В.А., Михайлов С.В. Инновационная культура регионального вуза: современное состояние и перспективы развития // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. №. 12. С.787-790;

235. Михайлов В.Н. Методические подходы к созданию регионального центра взаимодействия «власть – бизнес – наука» в контексте модели «тройной спирали» // Вестник университета. 2016. №10. С.39 (37-40)

236. Михайлов С.В. Проблемы формирования инновационной культуры в региональном вузе (на примере ТвГУ) // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. №. 11. С.903-905.

237. Михайлова, Т.Л. INCRUSTATIO: консервативные технологии в модернизации системы современного образования [Текст] / Т.Л. Михайлова, О.С. Петрова // Фундаментальные исследования. - 2013. - № 10, ч. 2. - С. 455–459.

238. Мозжилин, С.И. Идеалы культуры и цивилизационный код России [Текст] / С.И. Мозжилин, В.Б. Устьянцев // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 198-202.

239. Мошкин С.В. Коррупция в России: институциональные основания // Социум и власть. 2019. №1 (75). С.72-78.

240. Мчедлова, Е.М. Духовное в социокультурном пространстве [Текст] / Е.М. Мчедлова, И.В. Лескова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12. – №3. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK321.pdf>

241. Нанаева, Б.Б. Гуманистический потенциал общественных наук как фактор противодействия девиантному поведению молодежи [Текст] / Б.Б. Нанаева, В.Х Акаев // Мобилизация этнокультурного ресурса как

важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму. – 2019. – С. 272-279.

242. На реальное увеличение выплат врачам, учителям и ученым не хватает денег [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-02-14/4_8082_salaries.html (дата обращения 15.02.2021).

243. Нагимова А.М., Михайлов А.Ю. Трансформация моралистской традиции определения коррупции в социологическом дискурсе (от моралистов к мультипарадигмальности) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №2 (50). С.67-73.

244. Население России в 2017 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Ноябрь 2017 / под ред. Л.Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 51 с.

245. Научно-образовательный и инновационный центр «Наноструктурные материалы и технологии». URL: <http://nano.bsu.edu.ru/> (дата обращения 01.08.2019)

246. Национальный план противодействия коррупции на 2018-2020 годы. Утвержден Указом Президента РФ от 29.06.2018. №378 // СПС «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71977694/paragraph/15:0>

247. Невважай, И. Д. Типы правовой культуры и формы правосознания [Текст] / И. Д. Невважай // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 23–31.

248. Неймарк, М. С. Психологическое изучение направленности личности подростков [Текст]: автореф. ... дис. д-ра психол. наук. – М., 1973.

249. Нестик Т.А. Коррупция и культура // Следователь.-2008.-№ 5. – С. 47-52.

250. Нестик, Т. А. Коррупция и культура [Электронный ресурс] / Т. А. Нестик // Экономическая теория преступлений и наказаний. – 2002. – № 4, ч. 2. – Режим доступа: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html> (дата обращения: 13.12.2014).

251. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. Вып73-4. Новосибирск, 2001. С.5-32.
252. Николаев В. Г. Символический интеракционизм Герберта Блумера : теоретическая перспектива // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. М.: ИНИОН РАН. 2008. № 3. С. 129-150.
253. Николаев, А. В. О человеческом факторе в современном воспроизводстве [Текст] / А. В. Николаев // Вестник РГГУ. – 2009. – № 3. – С. 123–131.
254. Николаев, А. В. Социально-философский анализ субъективного конструирования коррупционной реальности в процессе социального взаимодействия акторов правоохранительной сферы [Текст] / А. В. Николаев // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 21–23.
255. Николаев, М. С. Воспроизводство потребительских социально-культурных практик [Текст] / М. С. Николаев // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10, вып. 4. – С. 23–26.
256. Николаев, М. С. Метаморфозы социализации в обществе потребления [Текст] / М. С. Николаев // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3. С. 17–21.
257. Николаева, Е. М. Потребительская культура и кризис социализации [Текст] / Е. М. Николаева, М. С. Николаев // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 48–50.
258. Николаева, Е. М. Социальное становление личности в условиях коммодификации: инфляция социальной реальности [Текст] / Е. М. Николаева, М. С. Николаев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 78–83.

259. Николаева, У. Г. Насилие и внешнеэкономическое принуждение: место архаики в современной экономике и социальной практике [Текст] / У. Г. Николаева // Социология власти. – 2005. – № 4. – С. 81–95.

260. Новиков, П.Н. Болонский процесс и проблемы формирования содержания высшего образования [Текст] / П.Н. Новиков // Образование и наука. - 2004. - № 6. - С. 3–16.

261. Нурутдинова, А.Р. Опыт реализации модели «тройная спираль»: сравнительно-сопоставительный анализ (на примере России и Китая) [Текст] / А.Р. Нурутдинова, Е.В. Дмитриева // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – №6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28296>

262. О Концепции создания сети национальных исследовательских университетов // Справка заседания коллегии Минобрнауки России по вопросам создания национальных исследовательских университетов 4.03.2009 г.

263. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.

264. Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности («Круглый стол») [Текст] // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 89–100.

265. Овчинникова Н.Э. Взаимодействие региональных университетов с промышленностью: новые возможности бизнес-инкубирования // Вопросы управления. 2018. №2 (32). С.85-91.

266. Овчинникова Н.Э. Взаимодействие региональных университетов с промышленностью: новые возможности бизнес-инкубирования // Вопросы управления. 2018. №2 (32). С.84-91.

267. Окушова Г.А. Человек образованный: о ценностных основаниях отечественной педагогики // Вестник ТГПУ. 2009. Выпуск 8 (86). С.12. (11-13)

268. Орлова В.В. и др. Модель взаимодействия вуза с предприятиями на основе нейросети // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири

(сибресурс-26-2020). 26-я международная научно-практическая конференция. Томск, 2020. С. 81-86.

269. Останин, В. А. Коррупционные инвестиции в системе отношений собственности [Текст] / В. А. Останин // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2010. – № 3(52). – С. 40– 46.

270. Откат как явление российской жизни: 73% взяточников не испытывают угрызений совести // Газета Протестант. URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/09/otkat-kak-yavlenie-rossijskoj-zhizni-73-vzyatochnikov-ne-ispytyvayut-ugryzenij-sovesti/> (дата обращения 12.11.2019)

271. Официальный сайт UBI Global // URL: <https://ubi-global.com/>

272. Ощепкова, Е.С. Механизмы трансляции смыслов от общественного сознания к обыденному [Текст] / Е.С. Ощепкова // Вестн. МГОУ. Серия «Общественно-политические и гуманитарные науки». - 2011. - №2. – С.?

273. Павлов, А. К вопросу о банке данных зон коррупционного риска [Электронный ресурс] / А. Павлов // Гослюди. – Режим доступа: <http://goslyudi.ru/blog/apavlov/46826/> (дата обращения: 20.12.2014).

274. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества [Текст] / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462–525.

275. Пахомова И. Ю. Модель «тройной спирали» как механизм инновационного развития региона // Научные ведомости БелГУ. Серия: Экономика. Информатика. 2012. №7 (126). С.50-55.

276. Певцова, Е. А. Профилактика правонарушений и формирование правомерного поведения воспитанников интернатных учреждений в образовательных правоотношениях [Текст] / Е. А. Певцова, В. М. Сапогов. – Псков: Изд-во АНО «ЛОГОС», 2009. – 296 с.

277. Петренко, Е. С. Ценность высшего образования [Текст] / Е. С. Петренко, Е. Г. Галицкая, И. А. Мерлина // Вопросы образования. – 2010. – № 2. – С. 187–238.
278. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С.29-32.
279. Петров, М. К. Язык, знак, культура [Текст] / М. К. Петров. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
280. Петухова Л. В вузах не смогли выполнить майский указ президента по повышению зарплат // Forbes. URL : <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/370851-v-vuzah-ne-smogli-vypolnit-mayskiy-ukaz-prezidenta-po-povysheniyu> (дата обращения 22.12.2019)
281. Пилягина, В. А. Социальная аномия и политическое поведение [Текст] / В. А. Пилягина // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. – 2014. – № 1. – С. 152–158.
282. Пирайчук, А. В. Молодежная субкультура как игра [Текст] / А. В. Пирайчук // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 35 (289). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 28. – С. 113–118.
283. Пирогова, Л. И. Современное образование и духовно-нравственное развитие личности [Текст] / Л. И. Пирогова // Власть. 2010. – № 2. – С. 97–100.
284. Пирс Ч.С. Из работы “Элементы логики. *Grammatika speculativa*” // Семиотика / Под ред Ю.С. Степанова. - М., 1983.- С.151-210;
285. Пискунова, С. Современное правосознание: понятие, характерные черты и функции [Текст] / С. Пискунова // Закон и право. – 2003. – № 8. – С. 28–31.
286. Платонова Р.И., Бубякина Е.В., Парфенов И.Я. Состояние и перспективы региональных вузов в современной системе высшего образования // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т.5. №3 (16). С.153-157.

287. По материалам ВЦИОМ. Опубликовано в источнике: Каждый второй студент оценивает уровень коррупции в российских вузах как средний // Учительская газета. <http://www.ug.ru/news/26281> (дата обращения 05.10.2018)

288. Погребова Е.С., Танеева Е.Ш. Развитие центров трансфера технологий и бизнес-инкубаторов в высших учебных заведениях России // Сервис в России и за рубежом. 2009. №15. С. 171-191; Фирсова С.П. трансфер технологий как фактор инновационного развития технического университета // Казанский педагогический журнал. 2011. №11 (85). С.54-60.

289. Пойзнер, Б. Русская традиция исправления мира и дизайн социума [Текст] / Б. Пойзнер, Э. Соснин // Высшее образование в России. – 2000. – № 6. – С. 38–44.

290. Политкина, К. И. Концепты «религиозная аномия» и «религиозный феномен» в анализе коллизий отчуждения индивида в современной цивилизации [Текст] / К. И. Политкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 9 (23), ч. 2. – С. 124–128.

291. Поляков, Е. М. Меметика: наука или парадигма [Текст] / Е. М. Поляков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2010. – № 2. – С. 160–165.

292. Поляков, Р. Ю. Казарменная субкультура курсантов [Текст] / Р. Ю. Поляков // СОЦИС. – 2009. – №12. – С. 117–120.

293. Попов, М. Ю. Институты гражданского общества против коррупции [Текст] / М. Ю. Попов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 2 (4). – С. 24–31.

294. Поподько, Г.И. Условия реализации модели «тройной спирали» в регионах ресурсного типа [Текст] / Г. И. Поподько, О. С. Нагаева // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – Т. 9. – N 1. – С. 77-96. doi: 10.18334/vines.9.1.40494

295. Правовая культура молодежи и формирование правомерного поведения [Текст]: сб. науч. тр.; ред. Г. А. Аванесов. – М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1985. – 210 с.

296. Приказ Минобрнауки России от 15.07.2019 N 500 «Об утверждении порядка формирования плана взаимоувязанных научных исследований и разработок научных и образовательных организаций, организаций реального сектора экономики для создания новых или выявления имеющихся перспективных (прорывных) и востребованных в экономике результатов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/edu/teacher/obrazovanie/obzor/> (дата обращения 16.10.2019)

297. Прохоров А. Роль субкультур в формировании корпоративной культуры университета // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 6 (98). С. 153-157; Беляев А. Корпоративная культура университета: от теории к практике // Высшее образование в России. 2007. №11. С.61-67.

298. Психология [Текст]: учеб. / П. Л. Крупкин, В. М. Алахвердов, С. И. Богданов [и др.] / под ред. А. А. Крылова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2005. – 752 с.

299. Пугач, В. Н. Качество образования: от классических представлений к современным понятиям // Интернет-журнал «Науковедение». – 2013. – Вып. 3 (16). – Режим доступа: naukovedenie.ru/PDF/76evn313.pdf (дата обращения: 20.12.2014).

300. Путилина, Н.В. Модернизация высшей школы в стратегическом единстве ее профессиональной и культуровоспроизводящей функций [Текст] / Н.В. Путилина // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. - 2012. - № 2. – С.?

301. Путин заявил о принадлежности 70% граждан России к среднему классу [электронный ресурс] // Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/03/2020/5e71c7fd9a79478083068ee2> (дата обращения 29.04.2020)

302. Путин поручил продумать создание условий для несовершеннолетних бизнесменов // РИА Новости. URL: (дата обращения 29.11.2019)

303. Равочкин, Н. Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект [Текст] / Н. Н. Равочкин // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 2. – С. 115–117.

304. Ратиев, В. В. Проблемы информатизации культуры в советском и российском обществе [Текст] / В. В. Ратиев // Общество: политика, экономика, право. – 2007. – № 1. – С. 77–84.

305. Результаты социологического опроса населения Уссурийского городского округа на тему: «Представление населения о коррупции и оценка антикоррупционной политики в Уссурийском городском округе», проведенного в 2012 году [Электронный ресурс] // Уссурийский городской округ: офиц. сайт администрации. – Режим доступа: adm-ussuriisk.ru/files/upfiles/koryp/sotsoprosa.pdf (дата обращения: 11.11.2014)

306. Рейтинг городов России по уровню зарплат – 2019 [электронный ресурс] // URL: <https://riarating.ru/infografika/20191007/630136448.html> (дата обращения 02.01.2020)

307. Рейтинг качества работы российских министров // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1016> (дата обращения 20.07.2019)

308. Рейтинги стран и регионов // Аналитический портал «Гуманитарные технологии». URL: <https://gtmarket.ru/research/countries-ranking> (дата обращения 23.08.2019)

309. Решетникова, М.С. «Тройная спираль» в национальных инновационных системах Китая и России [Текст] / М.С. Решетникова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2018. – № 8 (114). – С.5-11.

310. Римский, В. П. Феномен субкультурных религий [Текст]: монография / В. П. Римский, О. Н. Римская. – Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 160 с.
311. Ритцер Д. Макдональдизация общества / пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис, 2011. 592 с.
312. Ритцер, Д. Макдональдизация общества [Текст] / Д. Ритцер / пер. с англ. А. Лазарева. - М.: Праксис, 2011. - 592 с.
313. Рогачева Е.Ю., Слепухин А.Ю. Региональные вузы и международная интеграция образования // Интеграция образования. 2015. №1. Т.19. С.6-12; Вольчик В.В., Москаев А.И., Савко П.О. Институциональные и организационные изменения при слиянии вузов // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). 2017. Т.9. №3. С.147-163.
314. Рогозин Д., Шмерлина И. «Фантом коррупции»: аналитическая реконструкция общественного феномена // Социология власти. 2012. №4-5 (1). С.139-154.
- 315.Ромах, О.В. Национальные традиции: механизмы сохранения и трансляции [Текст] / О.В. Ромах // Современные наукоемкие технологии. - 2007. - № 4. - С. 63–64.
316. Российская матрица: мифы и реалии. Материалы заочного круглого стола // Власть. 2014. №2. С.15-66.
317. Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды. Информационно-аналитический доклад. М.: ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН», 2019. 62 с.
318. Россия опустилась на три места в рейтинге восприятия коррупции [электронный ресурс] // Медуза. URL: <https://meduza.io/news/2019/01/29/rossiya-opustilas-na-tri-mesta-v-reytinge-vozpriyatiya-korrupsii>
319. Ростова А.Т. Воспроизводство общественной структуры: трансляция и трансформация социальных форм // Философия права. 2018. №2 (85). С.121-125.

320. Рубанцова, Т.А. Образование как способ трансляции ценностей в русской культуре [Электронный ресурс] / Т.А. Рубанцова. Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115146>.

321. Руденко, К.А. Образовательные учреждения и трансляция культурного художественного наследия [Текст] / К.А. Руденко // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. - 2012. - №1. – С.?

322. Садовский И.В., Пузыревская А.А. Направления трансфера инноваций в республике Беларусь // Труды БГТУ. 2017. Серия 5. №1. С.305-309.

323. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм - это гуманизм ; пер. с фр. М. Грецкого. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. 253 с.

324. Сатаров, Г. Диагностика российской коррупции: социологический анализ [Текст] / Г. Сатаров. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2008. – 280 с.

325. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Выпуск 5 (24). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (дата обращения 01.12.2019)

326. Семерник, С.З. Экономоцентризм как кризисогенный фактор современного общества[Текст] / С.З. Семерник // Вестник БрГУ. Сер. 1. Философия. Политология. – 2011. – № 1. – С. 69–82

327. Серапина, А. А. Мировой финансовый кризис и необходимость усиления борьбы с коррупцией (проблема глобализации антикоррупционной политики) [Текст] / А. А. Серапина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1 (26). – С. 81–87.

328. Сергеев, А. Л. Реформа образования в России: проблемы и перспективы [Текст] / А. Л. Сергеев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 9.– С. 28–31.

329. Серкина, Я. И. Проектный подход к управлению инновационным развитием вуза [Текст] / Я. И. Серкина, Е. И. Боев // Известия Юго-Западного

государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 2. – С. 126–132.

330. Сидорова, А.А. Тенденции развития университета в экономике знаний [Текст] / А.А. Сидорова // Государственное управление. Электронный вестник. – Выпуск №72. – Февраль 2019 г. – С. 275-295.

331. Сидорова, А.А. Экономика знаний и предпринимательские университеты: сущностные характеристики и особенности становления в современной России [Текст] / А.А. Сидорова / Государственное управление. Электронный вестник. – Выпуск № 66. – Февраль 2018 г. – С. 77-91.

332. Сизикова Т.Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии // Сибирский психологический журнал. 2018. №68. С. 6-31.

333. Симченко Н.А. Симченко, Цёхла С.Ю., Павленко И.Г. Концептуализация компетентностного подхода к стимулированию производительного труда в условиях новой экономики // Проблемы современной экономики. 2016. №4 (60). С.25-28.

334. Ситникова С.В. Концептуализация ценностного пространства общества // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып.2. С.133-137.

335. Сколько людей с высшим образованием в мире? // Портал Interstate Education. URL: <https://interstate-education.com/2018/06/30/skolko-lyudej-s-vysshim-obrazovaniem-v-mire/> (дата обращения 23.08.2019)

336. Смородина, М. С. Аномия общества и самоубийства [Текст] / М. С. Смородина // Мониторинг общественного мнения. – 2006. – № 2 (78). – С. 140–147.

337. Смородинская Н. Тройная спираль как новая матрица экономических систем // 2011. №4 (150). С.66-78.

338. Соколов, В. М. Социология нравственного развития личности [Текст] / В. М. Соколов. – М.: Политиздат, 1986. – 240 с.

339. Социологи о российском обществе и надеждах россиян [Текст] // Комсомольская правда. – 2007. – 8–15 февр.

340. Социологическое исследование по теме «Оценка восприятия населением проявлений коррупции в органах власти и местного самоуправления на территории Волгоградской области» [Электронный ресурс]: аналит. отчет / Ин-т экономических и социальных исследований. – 2012. – Режим доступа: korshu/oktyabre-2012-g-ocenka-vospriyatiya-naseleniem-proyavlenij-kor/ (дата обращения: 20.11.2014)

341. Сочнев, Д. В. Правосознание современной российской молодежи, его структура и функции [Текст] / Д. В. Сочнев // История государства и права. – 2003. – № 3. – С. 41–43.

342. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с.

343. Стыцук Р.Ю., Артемьева О.А. и Рожков И.В. Развитие бизнес-инкубаторов и трансфер технологий как элементы инновационной стратегии университета // Российское предпринимательство. 2014. №2 (268). С.90-95.

344. Судаков, К.В. Теория функциональных систем как основа модульного образования в высшей школе [Текст] / К.В. Судаков // Высшее образование для XXI века: докл. и материалы III Междунар. науч. конф. - М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006.

345. Сунцов Ю.В. Специфика понятия «рефлексия» в современной социологии // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2014. №25 (354). Вып. 35. С.159-163.

346. Сулова Т.И. Концепция «тройной спирали» в образовании как условие развития потенциала личности // Успехи современного естествознания. 2014. № 3. С. 187-189.

347. Сытых, О.Л. Многозначность изменений в системе высшего образования России (социально-философский анализ проблемы) [Текст] / О.Л. Сытых // Изв. Алтай. гос. ун-та. - 2010. - № 1,2. – С.?

348. Тавокин, Е.П. Российское образование под прицелом «реформ» [Текст] / Е.П. Тавокин // СОЦИС. – 2012. – № 8. – С. 134–142.

349. Тарарухин, С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты [Текст] / С. А. Тарарухин. – М.: Юрид. лит., 1974. – 244 с.

350. Ташина, К. М. К вопросу о понятии коррупционных рисков [Текст] / К. М. Ташина, И. Н. Пустовалова // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 4. – С. 212–214.

351. Тихонова, Н. Е. Модель социальной стратификации российского общества: эвристические возможности различных теоретических подходов [Текст] / Н. Е. Тихонова // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 6 / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, 2007. – С. 112–146.

352. Томильев А.В, Томильцева Д.А. Компенсаторные функции коррупции в условиях неопределенности последствий принятия решений // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сборник научных трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. 2019. С. 221-235.

353. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство «АСТ», 1999. – 261 с.

354. Тюкмаева А.М. Homo corruptos. Антикоррупционист. Проклятие по коррупции // Вопросы науки и образования. 2018. №3 (15). С.108-111.

355. Тюлю, Г.М. Проблема кооперации высших учебных заведений и предприятий на территории вологодской области [Текст] / Г.М. Тюлю, И.А. Тищенко // Экономика и управление в 21 веке: наука и практика. – 2016. – № 3. – С. 147-153.

356. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 13.08.2019)

357. Указ Президента РФ «О реализации пилотного проекта по созданию национальных исследовательских университетов» от 07.10.2008 г. № 1448 // Сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/28121>

358. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // СПС Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70170946/>

359. Уровень бедности в России [электронный ресурс] // URL: <https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html>

360. Уровень коррупции в России [Электронный ресурс]: [опрос «ФОМнибус» 21–22 января] // Доминанты. – 2012. – № 03. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d03ukvr12.pdf> (дата обращения: 20.12.2014).

361. Федеральный закон «О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 46. Ст. 5418.

362. Ферейра Р., Лизунков В.Г., Полицинская В.Г. Формирование предпринимательских компетенций выпускника вуза в условиях перехода к университетам третьего поколения // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т.7. №6. С.195-211.

363. Формирование инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде [Текст]: монография / П. Ф. Кравчук, Е. И. Боев, Е. Г. Каменский; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2012. – 175 с.

364. Фрейд З. Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2019. 528 с.

365. Фролов О.В. Философско-правовой контекст коррупционной культуры педагога // Правовая культура. 2018. №3 (34). С.24-32.

366. Фурман Д. Е.: Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010. 168 с.; Общее и особенное в политическом развитии постсоветских государств // Пути российского посткоммунизма: очерки. М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. С.234-272.

367. Хабриева, Т. Я. Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций [Текст] / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 4. – С. 16–27.

368. Хагуров, Т. А. Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России [Текст] / Т. А. Хагуров // Вестник Института социологии. – 2013. – № 7. – С. 154–181.

369. Хагуров, Т.А. Кризис модерна и образование [Текст] / Т.А. Хагуров // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / отв. ред. акад. РАН М.К. Горшков. Вып. 10. - М.: СПб.: Ин-т социологии РАН: Нестор-История, 2011. - С. 221–242.

370. Хамидулин, В. С. Модель тройной спирали и региональное экономическое развитие: роль университета [Текст] / В. С. Хамидулин // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2018. – Т. 10. – № 4. – С. 598–609. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-598-609

371. Харитонов, Е. В. Аномия как социокультурная детерминанта агрессивного поведения [Текст] / Е. В. Харитонов // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 4. – С. 113–119.

372. Чередниченко, Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования) [Текст] / Г. А. Чередниченко. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2004. – 504 с.

373. Черемушникова, И.К. Культурная память и культурная идентичность в условиях открытого культурного пространства [Текст] / И.К. Черемушникова, Е.А. Авходеева // Культурная память и культурная идентичность. XI Колосницынские чтения. – 2016. – С.288-293.

374. Чернавский, Д. С. Синергетика и информация. Динамическая теория хаоса [Текст] / Д. С. Чередниченко. – М.: Наука, 2001. – 105 с.

375. Четыре региона удержали зарплаты бюджетников на уровне майских указов // РБК: <https://www.rbc.ru/economics/23/08/2019/5d5d6adb9a7947378b954d1d> (дата обращения 22.12.2019)

376. Чирикова, А. Е. Возможна ли модернизация социальной политики в России [Текст] / А. Е. Чирикова // Вестник Института социологии. – 2010. – № 1. – С. 99–109.

377. Чупров, В. И. Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. – М.: Наука, 2001. – 161 с.

378. Шаповалова, И. С. Готовность менеджеров современных российских вузов к инновациям в системе высшего профессионального образования [Текст] / И. С. Шаповалова, Е. И. Боев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 2. – С. 118–125.

379. Шаповалова, И. С. Социогенетический подход в аспекте междисциплинарного видения организационной культуры [Текст] / И. С. Шаповалова, Е. Г. Каменский // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 1. – С. 288–292.

380. Шедий М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04.- Москва, 2015.- 393 с.

381. Шедий, М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04 [Текст] / М.В. Шедий; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации"]. - Москва, 2015.- 393 с.

382. Шереги, Ф. Э. Профессиональное образование и воспроизводство социальной структуры [Электронный ресурс] / Ф. Э. Шереги // Институт социологии РАН: офиц. сайт. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1891> (дата обращения: 11.12.2014)

383. Шереги, Ф. Э. Факторы, противодействующие модернизации российского профессионального образования [Текст] / Ф. Э. Шереги // Вестник

Института социологии. – 2010. – № 1. – С. 243–254.

384. Шестак В.П. Модель «тройной спирали», ФГОС 3++ и образовательные программы в высшей школе России // высшее образование в России. 2017. №2. С.20 (15-23).

385. Шкодинский, С.В. Привлечение инвестиций в развитие промышленных предприятий с использованием модели «Triple helix (тройная спираль)» [Текст] / С.В. Шкодинский, А.Г. Назаров // Вестник Евразийской науки. – 2019. – №2. – С.2-13.

386. Шойдокова Н. Ц. Молодежь в социокультурном воспроизводстве: к вопросу о типологии социокультурного воспроизводства // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 1 (46). С. 114-120.

387. Шойдокова, Н. Ц. Молодежь в социокультурном воспроизводстве: к вопросу о типологии социокультурного воспроизводства [Текст] / Н. Ц. Шойдокова // Вестник Читинского государственного университета. – 2008. – № 1 (46). – С. 117–121.

388. Шопенко, Д. А. Концептуальные основы социальной рискологии транзитивного общества [Текст] / Д. А. Шопенко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 307–314.

389. Шпак, Л. Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни [Текст] / Л. Л. Шпак // СОЦИС. – 2011. – № 3. – С. 50–55.

390. Штомпка, П. Социальное изменение как травма [Текст] / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – №1. – С.6-16.

391. Эффективность чиновников с 2018 года будет влиять на их зарплату [Электронный ресурс] // РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20150119/272975136.html (дата поиска 10.08.2019)

392. Юнг, К. Психологические типы [Текст] / К. Юнг. – М.: Прогресс – Универс, 1995. – 736 с.
393. Яковенко, И. Г. Свежий взгляд на историю [Текст] / И. Г. Яковенко // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 106–114.
394. Якубова, М. Р. Университет управления «Тисби» как пример формирования предпринимательского вуза [Текст] / И.Р. Якубова // ВЕСТНИК ТИСБИ. – 2018. – №1. – С. 52-58.
395. Якутин, Ю. В. «Вечнозеленые» проблемы коррупции [Текст] / Ю. В. Якутин // Финансовая жизнь. – 2010. – № 1. – С. 88–92.
396. Ящук, Т.Ф. Формирование системы учреждений системы высшего образования в Российской Федерации // Вестник омского университета. Серия «Право». 2017. №2 (51). С. 45-51.
397. Anthony, D., Campos-Castillo, C., Horne, C. Toward a Sociology of Privacy // Annual review of sociology. 2017. Vol.43. P. 249-269 DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053643
398. Beck, U. From Industrial Society to the Risk Society [Text] / U. Beck // Theory, Culture and Society. – 1992. – Vol. 9, No 1. – P. 97–123.
399. Blackmore, S. The Evolution of Meme Machines [Electronic resource] / S. Blackmore. – Mode of access: Conferences/Ontopsych.htm.
400. Cakici, B., Ruppert, E. Methods as forces of subjectivation: experiments in the remaking of official statistics. 2019. DOI: 10.1080/17530350.2019.1684340
401. Clark B. Creating Entrepreneurial Universities: Organization Pathways of Transformation. Guildford, UK: Pergamon, 1998.
402. Cointet, J-P., Parasie, S. What Big data does to the sociological analysis of texts? // A review of recent research. revue francaise de sociologie. 2018. Vol.59. №3. P. 533-557. DOI: 10.3917/rfs.593.0533
403. Colas-Bravo, P., Conde-Jimenez, J., Reyes-de Cozar, S. Digital competences of non-university students // Revista latinoamericana de

tecnologia educativa-relatec. 2017. Vol.16. №1. P.7-20. DOI: 10.17398/1695-288X.16.1.7

404. Crowe, N., Hoskins, K. Researching Transgression: Ana as a Youth Subculture in the Age of Digital Ethnography. 2019. Vol.9. №3. DOI: 10.3390/soc9030053

405. Culture of law and law consciousness's formation as a basis for overcoming the corruptness of the Russian society [Text] // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V. A. Mansurov. – Moscow; Gothenburg: RSS, 2011. – P. 456–463.

406. Dennett, D. The Evolution of Culture [Electronic resource] / D. Dennett. – Mode of access: [http:// www.edge.org/3rd_culture/ dennett/dennett_p1.html](http://www.edge.org/3rd_culture/dennett/dennett_p1.html).

407. Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. London: Routledge, 2008.

408. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix of University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // EASST Review 14. 1995. № 1.

409. Etzkowitz, H. and et. (2019) Entrepreneurial university dynamics: Structured ambivalence, relative deprivation and institution-formation in the Stanford innovation system [Text] / H. Etzkowitz and et. // Technological Forecasting and Social Change. – V.141. – P. 159-171.

410. Etzkowitz, H. Bottom-up Triple Helix: Science Policy in the States of the USA [Text] / H. Etzkowitz, J. Dzisah // Journal of Knowledge-based Innovation in China. – 2013. – №5 (2). – P.80-96.

411. Fero, M. Digital media in perspective of sociological research of young people // International Scientific Conference on Marketing Identity - Digital Life. 2015. P.314-326.

412. Ferreira, A. and et. Success Factors and Boundary Conditions for Technology Parks in the Light of the Triple Helix Model [Text] / A. Ferreira // Journal of Business and Economics. – 2019. – V. 10. – No. 1. – P. 50-67. DOI: 10.15341/jbe(2155-7950)/01.10.2019/005

413. Hecking, T. Can topic models be used in research evaluations? Reproducibility, validity, and reliability when compared with semantic maps [Text] / T. Hecking // Research Evaluation. – 2019. – V. 28. – I. 3. – P. 263-272. DOI: <https://doi.org/10.1093/reseval/rvz015>.

414. Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition //World Bank Policy Research Working Paper № 2444. September 2000.

415. Ivanova, I. and et. The Synergy and Cycle Values in Regional Innovation Systems: The Case of Norway [Text] / Ivanova I. // Foresight and STI Governance. – 2019 – V. 13. – № 1. – P. 48–61. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.48.61

416. John Hooker. Corruption from a Cross-Cultural Perspective. URL: <http://ba.gsia.cmu.edu/jnh/corruption08s.pdf> (October, 2008).

417. Kellner, D. «Introduction to the Second Edition» in H. Marcuse One-dimensional Man: studies in ideology of advanced industrial society. — London: Routledge, 1991.

418. Kurasawa, F. How Does Humanitarian Visuality Work? A Conceptual Toolkit for a Sociology of Iconic Suffering // Sociologica-italian journal of sociology on line. 2015. №1. DOI: 10.2383/80396

419. Lennon, M.R. and others. Readiness for Delivering Digital Health at Scale: Lessons From a Longitudinal Qualitative Evaluation of a National Digital Health Innovation Program in the United Kingdom // 2019. Journal of medical internet research. №2. DOI: 10.2196/jmir.6900

420. Leydesdorff L. Configurational Information as Potentially Negative Entropy: the Triple Helix Model // Entropy. 2008. № 12.

421. Leydesdorff L. The Triple Helix, Quadruple Helix, ...,and an N-tuple of Helices: Explanatory Models for Analyzing the Knowledge-based Economy? Amsterdam: Amsterdam School of Communication Research (ASCoR), University of Amsterdam, 2011.

422. Leydesdorff, L. Measuring triple-helix synergy in the Russian innovation systems at regional, provincial, and national levels [Text] / L. Leydesdorff // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2015. – No 66 (6). – P.1229-1238. doi: 10.1002/asi.23258.
423. Leydesdorff, L. The Effects of FDI (Foreign Direct Investment) on Innovation Systems in Hungarian Regions: Where is the Synergy Generated? [Text] / L. Leydesdorff, B. Leydesdorff // Regional Statistics. – 2015. – No 5(1). – P.25-43.
424. Lisa Cameron, Ananish Chaudhuri, Nisvan Erkal. Propensities to Engage in and Punish Corrupt Behavior: Experimental Evidence from Australia, India, Indonesia and Singapore. URL: <http://www.nisvanerkal.net/corruption5b-Mar-9.pdf>.
425. Lutz, C. A Social Milieu Approach to the Online Participation Divides in Germany // Social media + society. 2016. Vol.2. №1. DOI: 10.1177/2056305115626749
426. Lyall, B., Robards, B. Tool, toy and tutor: Subjective experiences of digital self-tracking // Journal of sociology. 2018. Vol.54. №1. P. 108-124. DOI: 10.1177/1440783317722854
427. Marks-Tarlow, T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry [Text] / Marks-Tarlow // Cybernetics & Human Knowing. 2004. Vol 11. No1. pp. 49-62.
428. Marks-Tarlow, T. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry [Text] / T. Marks-Tarlow & others // Cybernetics & human knowing. 2002. Vol. 9. No. 2. pp. 31-47.
429. Marks-Tarlow, T., Robertson, R. & Combs, A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // Cybernetics & human knowing. 2002. Vol. 9. No. 2. pp. 31-47.
430. Petersen, A. A Triple Helix Model of Medical Innovation: Supply, Demand, and Technological Capabilities in terms of Medical Subject Headings [Text] / A. Petersen and et. // Research Policy. – 2016. – No 45(3). P. 666-681. doi: 10.1016/j.respol.2015.12.004

431. Pokrovskaya E.M., Raitina M.U., Gorskikh O.V. Integration of scientific, educational and production clusters: the problem of interaction // International Research Journal. 2017. № 3-1 (57). C. 156-159.
432. Rius-Ulldemolins, J, Pecourt, J, Arostegui, J. (2019). Contribution to sociological analysis of creativity and the digitization of cultural field: creation, intermediation and crises // Arbor-ciencia pensamiento y cultura. 2019. Vol.195. №791. DOI: 10.3989/arbor.2019.791n1004
433. Rius-Ulldemolins, J. Against cyber-utopianism Utopian discourse versus sociological analysis of the transition to the digital paradigm of the cultural sphere // POLITICA Y SOCIEDAD. 2015. Vol.52. №1. P. 153-178. DOI: 10.5209/rev_POSO.2015.v1.n52.45426
434. The Incubator and Accelerator ecosystem in Europe, Telefonica report, 2013 [Электронный ресурс] // Telefonica. URL:https://www.telefonica.com/documents/341171/361539/The_Accelerator_and_Incubator_Ecosystem_in_Europe.pdf.
435. Wissema J. Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition. Northampton, MA: Edward Elgar, 2009.